РОССИЙСКИЕ ПСИХОЛОГИ:
ПЕТЕРБУРГСКАЯ НАУЧНАЯ ШКОЛА

В. М. БЕХТЕРЕВ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ
в двух томах

II

ОБЪЕКТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Владимир Михайлович Бехтерев
(1857–1927)

В. М. БЕХТЕРЕВ

ОБЪЕКТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ПО ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ
в двух томах

Том второй

Ответственные редакторы:
д. психол. н. Г. С. Никифоров,
к. психол. Н. Л. А. Коростылева

Издательство
«Алетейя»
Санкт-Петербург
1999

ББК 946(Р.)
Б. 99 (2)

Во втором томе представлены работы, отражающие вклад академика В. М. Бехтерева в разработку ключевых вопросов психологии. В. М. Бехтерев является создателем объективной психологии. В противоположность господствующей в то время идеалистической субъективной психологии он на основе обширнейшего экспериментального материала предпринял попытку объективного изучения психической деятельности человека. Объективный подход был положен В. М. Бехтеревым в основу изучения личности человека как продукта воспитания, обучения и практической деятельности. В. М. Бехтерев — один из первых русских ученых, который обратился в своих работах к феномену внушения, раскрывая его роль не только в лечебной практике, но и в деле воспитания человека, его участия в общественной жизни.

В. М. Бехтерева по праву можно считать и одним из основоположников психологии здоровья. В своих публикациях на эту тему он подчеркивал, что только гармоничное развитие тела и духа обеспечивает правильное, здоровое развитие личности, ее целенаправленную активность, энергию, процесс самосовершенствования.

Для самого широкого круга читателей.

ISBN 5-89329-066-6

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 98-06-16014

ОБЪЕКТИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга, озаглавленная «Объективное изучение личности», печатается отдельными выпусками подобно ее первому изданию в 1907—1912 гг., когда она вышла под названием «*Объективная психология*» последовательно в трех выпусках.

Здесь необходимо, однако, объяснить, чем вызвано изменение первоначального названия книги. Дело в том, что «Объективная психология», начатая печатанием в 1907 г., представляла собой впервые опыт изложения нового для того времени изучения личности с помощью объективно-биологического метода сообразно принципам, изложенным мной в работе «Объективная психология и ее предмет», напечатанной в 1904 г. в «Вестнике психологии» и имевшей целый ряд предшествующих научных исследований автора, печатавшихся в различных журналах и изданиях, начиная со второй половины 90-х гг. истекшего столетия.

Так, еще на V Пироговском съезде, имевшем место в Петрограде в декабре 1895 г., при обсуждении доклада прив.-доц. П. Я. Розенбаха «О травматических психоневрозах» автор выдвинул принцип необходимости объективного исследования личности, и тогда же им были указаны некоторые из выясненных путем наблюдений объективных признаков этих состояний, до того времени оцениваемых исключительно по субъективным проявлениям, всегда недостаточно точным и могущим вводить в заблуждение врача.

Однако при первом издании книги новое научное направление, давшее мощный толчок к дальнейшему изучению предмета, еще не имело установившейся терминологии, и потому пришлось поневоле, за неимением другого термина, остановиться на названии «Объективная психология», которое и тогда не могло полностью удовлетворить автора.[1] С дальнейшей разработкой предмета, естественно, вырабатывалась и объективная терминология, и уже много лет, как знание, осуществляющее объективно-биологический подход к изучению личности и превратившееся в самостоятельную научную дисциплину, обозначается мною именем «рефлексология».

---

[1] В силу этого немецкое издание того же сочинения вышло в Берлине уже под двойным названием «Objective Psychologie oder Reflexologie».

В силу этого и настоящая книга во втором своем издании не могла выйти под прежним обозначением, а должна была получить установившееся уже в русской научной литературе название «Объективное изучение личности».

Само собой разумеется, что второе издание настоящей книги потребовало ее обновления как в отношении терминологии, так и в смысле соответствующих изменений и дополнений текста, где это оказалось необходимым.

При этом считаю необходимым заметить, что в настоящем своем виде эта книга хотя и начата печатанием при первом своем издании значительно раньше «Общих оснований рефлексологии», тем не менее содержит научный материал, который во многом расширяет объективно-биологическое изучение человеческой личности, изложенное автором в «Общих основах рефлексологии человека», вышедших в текущем году новым, значительно дополненным изданием.

В заключение два слова о небольшом, но своеобразном замечании академика И. Павлова.

Говоря в предисловии к своей книге «20-летний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности животных» о том, что «честь первого по времени выступления на новый путь (т. е. путь объективного исследования высшей нервной деятельности животных) должна быть представлена Edward'у L. Thorndike, который на 2—3 года предупредил наши (т. е. Павлова) опыты и книга которого должна быть признана классической как по смелому взгляду на всю предстоящую грандиозную задачу, так и по точности полученных результатов», И. Павлов несколькими строками ниже замечает: «В Европе к нашим работам, спустя несколько лет после их начала, примкнули Бехтерев с его учениками у нас и Калишер в Германии». «Бехтерев новые рефлексы, надстраивающиеся над прирожденными, вместо нашего прилагательного „условные" обозначил словом „сочетательные", а Калишер весь метод назвал „методом дрессировки"». Особенно при этом внимания заслуживает подстрочное примечание к первой фразе: «Претензия того и другого на какой-то приоритет в этом роде исследования для всех сколько-нибудь знакомых с предметом, конечно, совершенно эфемерна».

После признания И. Павлова, что в Америке его опередили в отношении нового пути на 2—3 года, удивительна эта особливая погоня за приоритетом со стороны ученого, который и без того имеет право на признание особых заслуг перед наукой. Прежде всего замечу, что с моей стороны никаких претензий на приоритет по отношению к роду исследований И. Павлова нигде не заявлялось. Но его претензия на приоритет вообще не может быть оправдана не только при сопоставлении ее с данными американской литературы, но и русской. Входить в подробности по этому предмету нет надобности. Скажу лишь, что область исследования И. Павлова — «объективное изучение высшей нервной деятельности животных», моя же область — «объективно-биологическое исследование личности человека». Мы разграничены, таким образом, с И. Павловым различными объектами исследования, ибо не одно и то же — объективно исследовать высшие отправления животных (для более низших из

них такие исследования велись и много ранее Edward'a L. Thorndike) и объективно исследовать личность человека, где субъективный метод всегда признавался и до сих пор еще большинством авторов признается неизбежным, а субъективное толкование явлений — неотъемлемым правом исследователя. В частности, замечу, что еще до того времени, как впервые в Павловской лаборатории доктором Болдыревым (ныне профессором в Казани) был получен на собаке искусственный условный resp. сочетательный рефлекс (см. труды «Общ. рус. вр.», 1904—1905 гг.), мной был уже создан и опубликован легший в основу настоящего сочинения общий план объективного исследования личности человека в упомянутой выше работе «Объективная психология и ее предмет» («Вестник психологии» и отд. изд. 1904, переведенной на французский язык (в «Revue scientifique) и, как сказано, имевшей ряд предшествующих научных работ.[1] Что касается метода дрессировки, то он был применен мной к выяснению локализации сочетательных двигательных рефлексов в мозговой коре еще в половине 80-х гг. прошлого столетия и опубликован в работе «Физиология двигательной области мозговой коры» (см.: «Арх. психиатрии». 1886—87 гг.), следовательно, много ранее и работ И. Павлова, и работ Thorndike.

В. Бехтерев.

5 марта 1923.

---

[1] Список научных работ, посвященных объективно-биологическому исследованию личности, приведен в конце нового издания моей книги «Общие основы рефлексологии человека». Петроград, 1923.

ВВЕДЕНИЕ

Объективное изучение личности, которым мы займемся в нижеследующем изложении, мало будет похоже на ту психологию, которая до сих пор служила предметом университетского преподавания. Дело в том, что в объективном изучении личности, которому мы намерены посвятить настоящий труд, не должно быть места вопросам о субъективных процессах или процессах сознания самих по себе. До сих пор, как известно, к психологическим явлениям относили прежде всего те явления, которые сознательны. «Определить психологию лучше всего можно словами профессора Годла — как науку, занимающуюся опасением и распознаванием состояний сознания как таковых», — так начинает свою «Text book of psychology» профессор James. «Под состояниями сознания, — говорит он, — здесь разумеют такие явления, как ощущения, желания, эмоции, познавательные процессы, суждения, решения, хотения и т. п. В состав истолкования этих явлений должно, конечно, входить изучение как тех причин и условий, при которых они возникают, так и изучение действий, непосредственно ими вызываемых, поскольку те и другие могут быть констатированы».

Таким образом, предметом изучения психологии такой, какой она была и есть до сих пор, является так называемый внутренний мир, а так как этот внутренний мир доступен только самонаблюдению, то очевидно, что основным методом современной нам психологии может быть только самонаблюдение.

Правда, некоторые авторы вводят в психологию понятие о бессознательных процессах, но и эти бессознательные процессы уподобляются ими в той или другой мере сознательным процессам, причем им приписывают обыкновенно свойства сознательных процессов, признавая их иногда как бы скрытыми сознательными явлениями. Вообще весь вопрос о бессознательных психических процессах в современной психологии остается спорным. Обзор многочисленных работ по этому вопросу мы находим в работе доктора Cesca;[1] кроме того, можно найти разбор того же вопроса у Lewis'a,[2]

---

[1] Cesca G. Über die Existenz von unbewüssten psychischen Zuständen. Vierteljahrschr. f. wiss. Philosophie. 1885. Bd. IX.

[2] Lewis. Problems of life and mind. 1879.

у Mill'a,[1] у Hamilton'a[2] и у многих других авторов, и нам нет надобности здесь подробно останавливаться на этом предмете. Мы заметим лишь, что наряду с авторами, признающими существование бессознательных психических процессов, имеется целый ряд психологов, которые совершенно исключают бессознательное из сферы психического. По Ziehen'y,[3] например, критерием психического является все, что дано нашему сознанию, и только одно это. «Психическое и сознательное пока для нас совершенно тождественны; мы даже не можем вообразить себе, что такое бессознательное ощущение, представление и т. п. Мы знаем ощущение и представление только постольку, поскольку их сознаем». Так называемые бессознательные процессы, по автору, суть не что иное, как протекшие материальные процессы, которые лишь затем возбуждают акт психический или сознательный. Как понятно же, бессознательный психический процесс является пустым.

Кроме Ziehen'a подобной же точки зрения держатся и некоторые другие авторы. По Нечаеву,[4] например, «бессознательной душевной жизни в буквальном смысле слова нельзя допустить. Если иногда и говорят о бессознательной душевной жизни, то это выражение или вовсе не имеет *никакого смысла* или, по крайней мере, оказывается выражением *недостаточно* точным».

Таким образом, самонаблюдение признается основным источником психологии, и сама психология является наукой о фактах сознания как таковых.

Однако опыт показывает, что самонаблюдение недостаточно даже для изучения собственной психологической жизни. Как пример того, как ошибочно руководиться процессами субъективными даже в таких явлениях, как память и воспоминание, показывают исследования H. Ebbinghaus'a,[5] который, производя опыты над механическим заучиванием, убедился, что психические состояния, когда-либо существовавшие и затем ускользнувшие из сознания, вместе с тем фактически не перестали существовать, что можно доказать совершенно точно опытным путем. То же самое было доказано и в моей лаборатории. Если перед глазами наблюдателя пройдет в течение нескольких секунд 10 самых обыкновенных предметов, то обычно он может назвать не более половины, остальные как будто для него не существовали. Но если в другой раз мы возьмем в числе 10 фигур 5 старых, не названных ранее, и 5 новых, то убедимся, что старые называются в значительно большем числе, нежели новые. Таким образом, протекающий ряд неназванных

---

[1] Mill L. Analysis of the phenomena of the human mind. 1878.

[2] Hamilton. Lectures of Metaphysic and Logic. 1882.

[3] Все цитаты из Ziehen'a сделаны по русскому переводу его сочинения по физиологической психологии.

[4] Нечаев А. Очерк психологии для воспитателей и учителей. СПб, 1904.

[5] Ebbinghaus H. Über des Gedächtniss. 1885.

фигур не прошел бесследно, он отражается на воспроизведении при вторичном прохождении тех же фигур.

С другой стороны, очевидно, что для субъективной психологии совершенно закрыта область исследования сознательных процессов у других, так как для изучения последней у нее нет даже подходящего метода. И действительно, у одного из цитированных выше авторов мы читаем по этому поводу следующее: «Если мы говорим о чужой душевной жизни, если даже задались целью изучить ее, то это возможно только при одном условии — мы должны предполагать, что вне нас находятся другие существа, обладающие такой же способностью непосредственного знания, как и мы, и при всех рассуждениях о душевной жизни этих существ мы невольно должны ставить себя на их место и потом живо представлять себе, что стали бы мы чувствовать в их положении. Отсюда ясно, что хорошим психологом может быть только тот, кто умеет хорошо наблюдать над самим собой» [1], и, очевидно, кто имеет хорошо воображать, прибавим мы от себя.

Дело в том, что с вышеуказанной точки зрения изучение психики других не может происходить иначе, как путем воображаемого подставления наших собственных субъективных переживаний на место предполагаемых подобных же переживаний у других лиц.

В этом случае дело идет, очевидно, об аналогии как о методе научного исследования. Но непригодность этого метода для психологии более чем очевидна, о чем я подробно говорю в своей работе «Объективная психология и ее предмет».[2] Дело в том, что аналогия здесь касается явлений двух различных сознаний, которые во многих отношениях несравнимы и познаются лишь путем внутреннего самонаблюдения, лишенного точных мер. Критику метода аналогии можно найти и у Lipps'a, и у Scheller'a, и у Лосского, и у других авторов. Но ни теория «вчувствования» Lipps'a, ни интуитивистическое проникновение в душу другого человека (Scheller, Лосский) не дают возможности найти путь к точному уяснению внутреннего мира чужого *Я*.

Совершенно прав Ch. Richet, говоря, что «внутреннее самонаблюдение, как бы могущественно оно ни было, может быть приложимо только к одной области — самопознанию. Вне ее оно бесплодно и опасно». «*Я* знает себя, изучает, оно себя рассматривает, наблюдает, посему нельзя выходить за пределы области этого *Я*, столь обширной, что в ней еще бесконечно многое предстоит сделать, и столь узкой в то же время, что неудовлетворенная любознательность наша жадно стремится все дальше. Но дальше может идти только наука с ее строгими методами, с ее точными аппаратами и измерениями, с ее медленным, остроумным, но верным развитием. Словом, внутреннее наблюдение может рассчитывать только на познание явлений сознания. Общие свойства живой материи — косной и мыслящей — останутся навсегда неизведанными; они принадлежат физике, химии и физиологии». И тем не менее

---

[1] Нечаев Н. Op. cit. С. 22.

[2] См.: Бехтерев В. М. Вестник психологии. 1904. С. 655—658.

Ch. Richet[1] впадает в ту же ошибку, полагая, что в области психологии, имеющей в виду синтез психических явлений, начиная от простых рефлексов до сложных явлений разума, возможно пользоваться то самонаблюдением, то наблюдением других живых существ, то опытом. Понятно, что нельзя даже и говорить о мыслящей живой материи, если руководиться исключительно объективными данными.

Не менее ошибочным должно быть признано мнение психологов-субъективистов, к каковым должен быть отнесен, как мы видели, пользующийся большой известностью тот же James. «Уверяют, что психология должна излагаться как естественная наука. При этом, очевидно, совершенно упускается из виду тот факт, что все естественные науки объективны и что основным методом всех естественных наук является объективное наблюдение и опыт».

С нашей точки зрения, совершенно ошибочно распространенное мнение, что изучение личности сводится только к фактам или явлениям сознания. На самом деле на место психологии, ограничивающейся изучением явлений сознания, будет ли она включать в себя бессознательные психические явления или нет, должно быть поставлено объективное изучение личности, предполагающее изучение внешних проявлений ее деятельности, поскольку они являются результатом прошлого опыта и текущих внешних воздействий. Вместе с тем необходимо изучать также и биологические основы внешних проявлений личности.

Наши движения, будут ли они с точки зрения субъективной психологии волевыми, непроизвольными, выражающими или инстинктивными, разве не должны быть сами по себе предметом изучения? А изменения дыхания и сердцебиения, происходящие в связи с внешними воздействиями, разве не должны составлять предмета изучения в проблеме личности? Целый ряд исследований о влиянии внешних воздействий через органы зрения, слуха и пр. на состояние внутренних органов и на телесные процессы вообще не может не входить в задачи изучения личности уже потому, что знакомство с этими фактами дает нам ключ к пониманию механизма самих явлений как таковых и вместе с тем позволяет уяснить нам основные условия внешнего проявления происходящих при этом мозговых процессов. Эти же условия лежат и в основе нашего познания о процессах, происходящих в других, нам подобных существах.

Между тем во всем обширном отделе знаний, который относится к изучению личности человека, самонаблюдение является господствующим и почти единственным методом исследования, ибо психология, которой до сих пор занимались, основывалась почти исключительно на самонаблюдении, и потому она является *субъективной* наукой. Она есть в настоящем смысле слова наука о сознании, как ее понимали и понимают все.

Задачей ее является точное описание и объяснение явлений сознания, вследствие чего субъективная психология может быть

---

[1] Richet Ch. Опыт общей психологии. С. 8—9.

разделена на описательную и объяснительную психологию; в основу же своих положений и та и другая психология кладет самонаблюдение и самоанализ. Благодаря этому субъективизм проникает всю современную психологию от начала до конца, не исключая и экспериментального ее отдела. Все определения психологических данных основываются на самонаблюдении. Поэтому психологи рассматривают разнообразные явления сознания как ощущения, представления, понятия, процессы памяти, ассоциации, самосознание или «я» и т. п. При этом процессы перцепции в периферических органах и внешние проявления психики, как движения, действия, отправления желез и пр., обычно уже не относятся психологами к собственно психическим процессам, вследствие чего последние оказываются без начала и конца. Даже вполне объективные проявления психики различались между собой по субъективным признакам, которые доступны лишь самонаблюдению и самоанализу.

По Ziehen'у, например, «поступками называются только движения, измененные сохраненными памятью представлениями, или движения с психической подкладкой».

С другой стороны, разницу между поступком и автоматическим движением Ziehen видит в том, что для первого характерно изменение движения под влиянием вновь возникающих образов воспитания. «Автоматические движения бессознательны, поступок же признается сознательным, а иногда также произвольным». В другом месте тот же автор говорит, что его «отличие от автоматического акта состоит в том, что у поступка кроме изменяющих движение ощущений еще возникают и изменяющие поступок образы воспоминания».

Однако личность человека, как бы она ни проявлялась, не может быть оцениваема только с точки зрения тех или других субъективных переживаний. Будучи побуждаем к своей деятельности внешними импульсами, наш мозг является аппаратом, закономерным образом возбуждающим деятельность органов тела, изменяющих внешнюю среду, вследствие чего проявления личности во внешнем мире вполне доступны объективному исследованию.

Это положение в основе своей имеет тот факт, что так называемые психические явления везде и всюду находятся в теснейшем соотношении с процессами, происходящими в определенных частях мозга. Ныне научные изыскания установили как непреложную истину, что удаление определенных частей головного мозга приводит к уничтожению известных центростремительных возбуждений, что разрушение других ослабляет или устраняет или так или иначе изменяет те или иные отправления, поскольку они касаются отношения данного животного или человека к окружающему миру.

Доказано также, что эти отправления стоят в связи с состоянием мозгового кровообращения и составом крови, питающей нервные клетки. Достаточно сжать сонные артерии, чтобы внешние проявления личности временно исчезли. Известно также, что различные отправления, а равно и патологические изменения состава крови при общих болезненных процессах изменяют коренным образом и внешние проявления личности.

С другой стороны, мы знаем, что все так называемые психические явления протекают во времени, требуя для своего проявления того или другого периода.

Ясно, что эти явления протекают в среде, обусловливающей известное сопротивление, а это само по себе доказывает, что они суть не только субъективные переживания, но одновременно и материальные процессы. Иначе говоря, нет ни одного психического процесса, который бы являлся только субъективным или духовным в философском значении этого слова и не сопутствовался бы определенными материальными процессами. Этот факт объясняет нам также, почему всякая умственная работа сопровождается определенным рядом изменений в организме, обусловленных деятельным состоянием мозга, и приводит к утомлению.

Вместе с тем мы признаем неточным выражение, когда говорят о параллельном течении субъективного и объективного процессов во время умственной работы.

«Мы должны твердо держаться той точки зрения, что дело идет в этом случае не о двух параллельно протекающих процессах, а об одном и том же процессе, который выражается одновременно материальными или объективными изменениями мозга и субъективными проявлениями; мы не должны упускать из виду, что те и другие служат выражением одного и того же нервно-психического процесса, обусловленного деятельностью энергии центров.

Поэтому во избежание всяких недоразумений и в устранение издавна установившегося противоположения духовного материальному мы праве и должны говорить ныне не о душевных или психических процессах в настоящем смысле слова, а о процессах нервно-психических, и везде, где мы имеем дело с психикой, нужно иметь в виду собственно нервно-психические процессы, иначе — невропсихику, а у простейших, лишенных нервной системы, биопсихику».[1]

Таким образом, и в последующем изложении, если мы будем пользоваться словом «психический», мы будем придавать этому понятию необычный смысл и, следовательно, не будем понимать под ним только субъективное, но всегда и одновременно происходящие объективные процессы в мозгу, которым всегда и везде сопутствуют психические процессы, иначе говоря — невропсихику.

Не подлежит сомнению, что проявления невропсихики доступны объективному наблюдению и контролю, поскольку дело касается соотношения внешних воздействий на воспринимающие органы с внешними же проявлениями личности. Этот род явлений мы и выделяем под именем объективных проявлений личности, научную же дисциплину, которая имеет своим предметом объективно-биологическое изучение личности, мы называем рефлексологией.[2]

---

[1] См.: Бехтерев В. Объективная психология и ее предмет // Вестник психологии. 1904. Revue scientifique. 1906.

[2] В первом издании настоящего сочинения это знание мы обозначали объективной психологией, но ныне мы предпочитаем его назвать рефлексологией, ибо это позднее мной введенное наименование точнее определяет

Рефлексология в нашем смысле совершенно оставляет в стороне явления сознания стороннего человека. Она имеет в виду изучить и объяснить лишь отношения человека, как живого существа, к окружающим условиям, на него так или иначе воздействующим, не задаваясь целью выяснять те внутренние или субъективные переживания, которые известны под названием сознательных явлений и которые доступны лишь самонаблюдению.

Поэтому рефлексология, о которой мы говорим, исключает совершенно метод самонаблюдения из наблюдения и эксперимента в применении к сторонней личности, причем все проявления последней должны подвергаться лишь объективной регистрации и контролю. Она должна оставаться в этом случае, безусловно, объективной наукой во всех своих частях.

Можно было бы думать, что эксперимент, введенный в психологию несколько десятков лет назад, уже и делает психологию объективной наукой, в действительности, однако же, это не так, и в этом случае мы сошлемся на авторитет Richet, у которого мы читаем: «Очень часто приписывают защитникам экспериментальной психологии мнение, которое легко можно опровергнуть. Говорят, что они признают только внешний опыт и отрицают значение внутреннего опыта, самонаблюдения. Между тем ни один физиологист и не думает обходиться без субъективного наблюдения элементов нашего познания. Каким образом исследует он явления памяти, воображения, если не обратится за наблюдениями их к своему собственному „я“?

Какой физиолог или натуралист утверждал противное и для чего опровергать это мнение, когда никто его не защищает? Самонаблюдение составляет сущность наблюдательной психологии настолько же плодотворной и законной, как самая экспериментальнейшая психология, какую только можно себе вообразить!

Явления, познаваемые подобным изучением своего „я“, имеют такую же важность, как и явления, добытые в физиологических лабораториях посредством самых усовершенствованных приемов современной техники».[1]

Очевидно, что экпримент так же может служить и целям субъективной психологии, как и целям объективной психологии, смотря по тому, что желают получить от эксперимента и как его будут интерпретировать.

Если желают с помощью эксперимента выяснить те или другие явления сознания, например, последовательность субъективных явлений, их качественную сторону и пр., опираясь на самонаблюдение, как это обычно и делают в современных психологических лабораториях, то эксперимент служит для целей субъективной психологии. Ярким примером экспериментальных работ, служащих для целей субъективной психологии, могут служить, например, те, которые

сущность самого предмета и уже вышло как в научный язык, так и в публику.

[1] Richet Ch. Опыт общей психологии. С. 8.

путем изменения окружающих условий вызывают изменение сознательной сферы, контролируемое путем самонаблюдения, чем и обогащаются наши знания о внутреннем мире. Некоторые авторы даже от всех экспериментальных исследований требуют объяснения фактов сознания.

Они требуют, чтобы эксперимент обязательно сопровождался самым широким освещением с точки зрения самонаблюдения. Эти авторы имеют, конечно, в виду задачи субъективной психологии, которой, как мы упомянули, эксперимент также оказывает существенную помощь в разрешении многих задач.

Бинэ и Анри [1] по поводу психологического эксперимента говорят:

«Не следует ограничивать и упрощать ответы испытуемого, — напротив, надо предоставить ему полную свободу обнаруживать то, что чувствует, и даже настоятельно побуждать его внимательно наблюдать за собой во все время эксперимента. Этот способ имеет то преимущество, что не ограничивает исследование вокруг одной предвзятой идеи: при нем нередко можно констатировать новые непредвиденные факты, которые часто дают возможность понять механизм известного состояния сознания».

Равным образом и Münsterberg, говоря о необходимости полного освещения эксперимента и получаемых при нем цифр, говорит: «Субъект должен облечь этот скелет плотью и кровью самого точного воспоминания пережитых сознательных процессов».

Мы ничуть не возражаем против подобных тенденций, если хотят осветить путем эксперимента факты сознания, служащие предметом исследования субъективной психологии. Но для целей рефлексологии, как мы ее понимаем, не только нет необходимости в субъективном анализе сторонней личности, но последний вовсе не входит в ее задачи и представляется излишним.

При всем том эксперимент может и должен служить важнейшим орудием рефлексологии, если его обставить таким образом, чтобы по возможности все внешние проявления личности были точно и полно регистрируемы в соотношении с данными внешними воздействиями.

Признавая движение первого тока в мозгу как в сознательных, так и бессознательных процессах, рефлексология, о которой здесь идет речь, рассматривает все процессы лишь в их объективных проявлениях, не входя вовсе в рассмотрение их субъективной стороны. Но вместе с тем она не может игнорировать происходящие при этом те процессы в мозгу, которые в нем происходят и которые в известной мере доступны объективному исследованию с помощью тонких физических приборов.

Для рефлексологии, когда речь идет о сторонней личности, нет вопроса о сознании или бессознательном. Она оставляет этот вопрос в стороне. Рефлексология ставит себе целью выяснить лишь объективные проявления личности и те соотношения, которые благодаря внутренним процессам устанавливаются в различных случаях между

---

[1] Бинэ В. и Анри Ф. Введение в экспериментальную психологию. 1903. С. 14.

внешними воздействиями и теми внешними проявлениями, которые за ними следуют и которые обусловлены деятельностью высших центров мозга. Основанием для такого устранения вопроса о сознательных или бессознательных процессах личности в том круге знаний, который мы называем рефлексологией, является то обстоятельство, что для сознательности процессов нет никаких объективных признаков. Мы не можем, руководствуясь исключительно объективной стороной дела, решить вопрос, протек ли данный процесс в сфере сознания или нет. По крайней мере все попытки в этом отношении лишены строго научного значения и не идут дальше одних малообоснованных предположений.

Так, Auerbach, как известно, нашел, что лягушка с удаленным большим мозгом при раздражении кислотой ее спины производит соответственно положению раздражаемого места и положению членов то или другое движение своей лапкой для удаления раздражения. Спрашивается, можем ли мы сказать, что дело идет здесь о сознательном или бессознательном процессе?

Вопрос этот до сих пор не выходит из сферы предположений. Правда, Ziehen говорит об этом опыте, что «нет основания заключать о существовании параллельных психических процессов для высших и более сложных рефлексов». Но на чем же это предположение основано? Ведь в душу обезглавленной лягушки мы проникнуть не можем, а если будем руководствоваться самонаблюдением по отношению к сложным рефлексам, вызываемым на себе самом, то окажется, что сложным рефлексам мы также не вправе отказать в некоторой сознательности или, по крайней мере, исключать ее не имеем права.

Даже для более сложных рефлекторных движений лягушки, которая лишена мозговых полушарий вплоть до зрительных бугров и которая, как известно, при своих прыжках избегает препятствий, дающих сильную тень, Ziehen отрицает параллельное развитие сознательных процессов. Об основаниях к таким заключениям говорить излишне. Их нет, если не считать такими приводимую автором аналогию этих движений с автоматическими движениями пианиста, разыгрывающего ноты, или человека, машинально сходящего с лестницы. При этом, однако, упускается из виду, что и пианист, и человек, сходящий с лестницы, могут проделывать те же самые движения не только автоматически, но и вполне сознательно, относясь к ним с вниманием, и при всем том мы не в состоянии отличить этих сознательных движений от такого же рода движений машинальных или автоматических, иначе — бессознательных.

Равным образом и инстинктам Ziehen отказывает в сознательности, относя их, подобно рефлексам и автоматическим движениям, к области физиологии, а не к физиологической психологии. При свивании гнезда в этом сложном акте дело идет, по автору, о рефлекторных раздражениях, идущих из половых органов, причем здесь приводится в действие наследственно приобретенный механизм без участия каких-либо представлений. Эти инстинкты, правда, утрачивают уже характер рефлексов и относятся к автоматическим

движениям, так как кроме первоначального раздражения, исходящего из половых органов, имеется много новых повторяющихся раздражений (вид соломинки, клочка шерсти, уносимых птицей в гнездо), которые соответственным образом изменяют и направляют движение подобно тому, как у прыгающей лягушки зрительное впечатление изменяет направление прыжка.

Доказательства отсутствия сознательности в этих сложных актах, представляющих много разнообразия и изменчивости, вследствие чего эти автоматические акты приближаются, по признанию самого автора, «к сознательным или произвольным поступкам», заключаются в том же пианисте, который машинально играет на клавишах. Не говоря об условности этого примера с пианистом, который, как мы уже говорили, может играть бессознательно и сознательно, ясно, что дело идет здесь об аналогии, а не о научном доказательстве.

Вряд ли вообще нужно доказывать, что с объективной стороны мы не имеем точных критериев сознательности, тем более что и в более простых рефлексах имеется приспособление к известной цели и способность побеждать препятствия, т. е. регулировать соответственно данным обстоятельствам ответные движения (Goltz). Нужно при этом иметь в виду, что элемент сознательного в процессы, называемые психическими, ничего не вносит такого, что могло бы нам объяснить сущность самих процессов или обособить их от бессознательных или машинальных. Положение это признается даже лицами, которые без присутствия сознания не признают ничего психического и которые психику отождествляют с сознанием. По Ziehen'у, хотя «самонаблюдение показывает, что поступок всегда сопровождается психическим процессом, но эта связь вовсе не необходима. Сами по себе даже самые сложные поступки могут быть легко поняты как механические или материальные. В противоположность общепринятому мнению, будто все сложные поступки человеческой жизни станут понятнее, если признавать их психическими, оказывается, что всякий поступок, даже самый целесообразный и самый сложный, был бы понятнее как материальная функция мозга. Чудо или непонятное заключается скорее в том, что некоторые мозговые процессы, а именно процессы в коре головного мозга, сопровождаются параллельными психическими процессами, т. е. чем-то совершенно своеобразным и доступным только самонаблюдению».[1]

В другом месте своего всем известного сочинения тот же автор говорит:

«Необходимо, однако, принять во внимание, что материальный процесс, обусловливающий поступок, существует сам по себе и был бы совершенно понятен, если бы происходил без всякого вмешательства со стороны параллельного психического процесса, т. е. без ощущений и представлений. Наоборот, непонятное заключается именно в том, что к поступку в противоположность рефлексу и автоматическому движению присоединяется нечто новое — парал-

---

[1] Ziehen. Физиологическая психология, С. 17—18.

лельный психический процесс, т. е. сочетание ощущений и представлений».[1]

Целесообразность поступков, по автору, во всяком случае обусловливается уже материальными законами, так что параллельные психические процессы совершенно излишни и бесполезны при ее объяснении. Напротив того, как уже упомянуто, появление параллельного психического процесса именно и нуждается в объяснении.

Мы не смотрим таким образом на предмет, ибо мы не можем вообще согласиться с мнением, что сознание является простым эпифеноменом материальных процессов. В природе ничего нет лишнего, и субъективный мир не есть только ненужная величина, а является таким же выражением нервно-психической энергии, что и нервный ток.[2]

Мы неоднократно уже высказывались в своих сочинениях о том значении, которое получают субъективные знаки в нашей психической жизни, и здесь нелишне еще раз остановиться на этом предмете.

Мы знаем, что характер или качество субъективных состояний, появляющихся в нас при внешних раздражениях и открываемых нами путем самонаблюдения, находится в прямой связи с частотой колебаний и с родом влияния раздражающего агента. Так число колебаний эфира определяет субъективное качество светового луча, а число колебаний воздушной среды определяет субъективное качество звукового раздражения, т. е. высоту тона. Характер кожных ощущений также несомненно зависит от силы и рода механических толчков, которым подвергаются кожные окончания нервов.

Исследование Sternberg'a [3] показали также, что все сладкие и горькие вещества находятся по своему химическому составу в близком родстве между собой, но первые имеют гармонию в своем химическом составе; нарушение же гармонии в молекулах обусловливает горький вкус, а большее увеличение дисгармонии приводит к безвкусию. Ясно, следовательно, что характер вкусовых ощущений стоит в зависимости от рода воздействия на вкусовые сосочки определенных химических веществ, сами же вкусовые ощущения служат выражением молекулярных изменений, производимых раздражениями в самих сосочках. То же самое, очевидно, следует признать и относительно обонятельных ощущений.

Наконец имеется основание полагать, что общие ощущения удовольствия и неудовольствия стоят также в прямом соотношении с изменением сердечно-сосудистой системы, дыхания и обмена в тканях, причем влияния, приводящие к некоторому повышению обмена веществ, сопровождаются приятным самочувствием, тогда как влияния, приводящие к понижению и задержке обмена веществ, сопровождаются неприятным самочувствием. Очевидно, и здесь дело идет об изменениях, вызываемых определенными раздражениями,

---

1 Op. cit. С. 188.

2 См.: Психика и жизнь. СПб., 1904.

3 Sternberg. Zeitschr. fur Phys. u. Psych. d. Sinnesirg. Bd. XX.

причем эти изменения распространяются главным образом на внутренние органы тела, сопровождаясь и внешними мимическими движениями.

Таким образом, наши ощущения представляют собой субъективные символы, определяющие известные градации определенных количественных изменений внешних раздражений, приводящих к определенным так называемым ориентировочным рефлексам, а общие ощущения обусловливаются раздражениями, приводящими к мимико-соматическим рефлексам. Дело обстоит таким образом, что внешние количественные разницы в раздражениях, сопровождающихся теми или иными рефлексами, как бы перелагаются на определенные субъективные символы подобно тому, как определенные количественные изменения вещества перелагаются нами в определенные арифметические знаки. Так как при этом эффекты качественного различия в наших ощущениях представляются необычайно резкими, то ими сравнительно легко во внутреннем мире определяются количественные разницы во влияниях на организм внешних раздражений.

Особое облегчение для нервно-психической деятельности мы имеем в словесных символах, которые дают возможность обобщать внешние раздражители, сопровождаемые субъективными знаками, данными в ощущениях, под один общий знак-слово, который, имея субъективную и объективную стороны, является своего рода алгебраическим знаком, облегчающим работу с основными «арифметическими» знаками, данными в ощущениях и соответствующих им рефлексах.

Так как мы должны признать, что субъективное в нас совершенно неотделимо от физическо-химических процессов, происходящих в мозгу, в связи с ионизацией вещества, а представляет вместе с ними как бы две стороны одного и того же процесса, то очевидно, что соотношения, устанавливаемые между субъективными символами, адекватны соотношениям между соответствующими им физико-химическими процессами в мозгу, а потому в деле изучения внешних проявлений сторонней личности вместо вышеуказанных субъективных знаков мы можем изучать соответствующие им рефлексы как прямое следствие объективных изменений нервной ткани.

Не нужно забывать, что какое бы значение ни имели субъективные символы или явления в нашей соотносительной деятельности, они могут быть исследованы с доступной нам точностью только на себе самом путем самонаблюдения, объективно же они, как мы уже ранее говорили, не имеют своего критерия и недоступны для исследования. Поэтому, когда мы хотим произвести исследование личности других, мы должны совершенно оставить метод самонаблюдения и исследовать лишь объективные ее проявления, как единственно доступные нашему наблюдению факты.

Рефлексология человека, не нуждаясь при изучении сторонней личности в так называемом посредственном самонаблюдении, имеет в виду лишь одни объективные факты и данные, которые выявляются в форме поведения и внешней деятельности вообще. Сюда относятся разнообразные движения, как речь, мимика, жесты, деяния и поступки, сосудодвигательные проявления и секреторные эффекты,

как ответные сочетательные реакции на внешние воздействия того или иного рода, но все эти явления изучаются здесь не с субъективной точки зрения и не сами по себе, а в соотношении с теми влияниями, которые послужили для них первоначальным поводом и внешними условиями.

Из вышеизложенного следует, что если мы будем изучать процессы соотносительной деятельности с их объективной стороны, как процессы мозговые, то мы не утрачиваем ничего из схемы самого процесса. В наиболее простом виде, например, этот процесс может быть представлен в виде схемы, подобной рефлексу, где возбуждение, достигая мозговой коры, оживляет здесь благодаря имеющимся ассоциационным связям, следы прежних возбуждений, которые большей частью и являются в конце концов главными определителями внешних движений.[1]

Спрашивается, что к этой простой схеме прибавится, если мы вместо вышеуказанных чисто физиологических терминов будем пользоваться ходячими терминами субъективной психологии и скажем, что внешнее раздражение, возбуждая ощущение и оживляя в коре полушарий воспоминательные образы, приводит, благодаря последним, к известному поступку или действию.

Нет надобности пояснять, что схема мозгового процесса от этого «языка субъективной психологии» нисколько не выигрывает, а, несомненно, затемняется тем, что мы пользуемся терминами, значение которых в смысле физиологических коррелятов весьма и весьма условно.

Пусть внешние проявления невропсихики будут результатом субъективно-объективных процессов, происходящих в ткани мозговой коры, но мы лишены возможности в других существах раскрывать субъективную сторону, и потому для познания этих процессов, приводящих к определенным внешним проявлениям, достаточно изучать эти последующие в связи с теми внешними влияниями, которые послужили для них первоначальным толчком, причем на место предполагаемых субъективных явлений могут быть поставлены те объективные процессы, которые им должны сопутствовать. Поэтому, не пытаясь воспроизводить путем аналогии с самим собой те субъективные переживания, которые происходят в течение мозговых процессов, рефлексология довольствуется лишь признанием определенных следов протекших возбуждений в нервной ткани головного мозга, оставляемых внешними раздражениями, и затем дальнейших комбинаций и взаимных соотношений между этими следами.

Равным образом и при обсуждении дальнейшей переработки этих следов внешних раздражений рефлексология опять-таки не входит в собственный характер тех процессов, которыми сопровож-

---

[1] Как известно, нервно-психические процессы были рассматриваемы с точки зрения рефлексов еще И. Сеченовым в его сочинении «Рефлексы головного мозга», но этот автор, к сожалению, еще не вполне отрешился от трактовки самих процессов как явлений субъективного порядка.

дается эта переработка. Она определяет эти процессы исключительно по их внешним проявлениям в связи с внешними воздействиями, оценивая их, таким образом, исключительно с объективной стороны.

По внешним проявлениям личности мы должны заключать не о характере субъективных процессов, а о том направлении, которое приняло возбуждение в центрах, первичного развившееся под влиянием внешнего раздражения на периферии и распространившееся к центрам, а также о тех соотношениях, которым это возбуждение в них подверглось до соответствующего разрешения всего процесса на периферии же в виде той или иной внешней реакции.

На пути выяснения этих вопросов приходится намечать и те главные пункты, через которые проходит процесс, начинающийся раздражением на периферии и кончающийся мышечным движением или секреторным актом. Но в этом выяснении хода и направлении объективной стороны соотносительного процесса не должно быть и тени обсуждения субъективных переживаний, а дело идет о выяснении хода и направления данного процесса как явления, имеющего определенную физико-химическую основу в форме нервного тока.

Таким образом, рефлексология, имеющая целью установить отношение объективных проявлений живого существа к тем или другим внешним раздражениям, не обращается к посредству предполагаемых субъективных переживаний. Для рефлексологии всякий организм не в одних только своих основных жизненных процессах, изучаемых физиологией, но и во всех своих внешних отношениях к окружающему миру, в основе которых лежат мозговые процессы, есть объект, который подлежит строгому научному обследованию, как и всякий другой объект внешнего мира.

Из сказанного ясно, что рефлексология не ограничивает свою задачу исключительно человеком, но имеет в виду и все другие живые существа в той своей отрасли, которая обозначается нами зоорефлексологией.[1] При таком расширении предмета исследования само собой разумеется, что должен быть установлен объективный критерий для того, что следует понимать под названием соотносительных процессов.

В субъективной психологии критерием психического, как мы видели, является сознание, причем все сознательные процессы признаются eo ipso психическими, все бессознательные процессы относятся к непсихическим или физиологическим процессам. Хотя этот критерий крайне обманчив и во всяком случае не может быть признан точным, как я показал в одной из своих работ,[2] тем не менее это — критерий, которым обычно руководятся, не выходя из рамок субъективной психологии.

Очевидно, что и в рефлексологии должен быть установлен известный критерий для определения соотносительных процессов и для отличия их от простых рефлексов.

---

[1] См. мою работу «О зоорефлексологии как научной дисциплине и пр.» в «Вопросах изучения и воспитания личности». Вып. 4—5. 1922.

[2] Бехтерев В. Объективная психология и ее предмет // Вестник психологии. 1904.

В этом отношении мы можем ограничить понятие соотносительных процессов с объективной стороны такими отношениями организма к окружающему миру, которые предполагают реакцию на внешние воздействия на основании прошлого индивидуального опыта. Всюду, где прошлый опыт дает себя знать, мы имеем уже не простой рефлекс, а рефлекс высшего порядка или сочетательный рефлекс, лежащий в основе соотносительной деятельности. Это определение строго отграничивает высшие или сочетательные рефлексы от простых рефлексов, которые предполагают не бывший ранее индивидуальный опыт, а упрочившийся путем передачи по наследству механизм для проведения импульсов в определенном направлении.

В вышеуказанном определении, таким образом, ясно отграничивается область высшего или сочетательного рефлекса от простого рефлекса, который хотя также основан на прошлом опыте, но на опыте видовом, а не индивидуальном. Имеются, конечно, и такие проявления деятельности организма, которые должны быть признаны переходными и которые частью основаны на видовом, частью на индивидуальном опыте. Такие проявления, как переходные между рефлексами низшими и высшими, должны быть названы наследственно-органическими рефлексами, они же — инстинкты, которые также входят в предмет рассмотрения рефлексологии.

Само собой разумеется, что нет никакого основания связывать определение высших или сочетательных рефлексов с вопросом о присутствии или отсутствии у того или другого вида животных нервной системы. Там, где мы имеем нервную систему, мы имеем все основания заключать, что влияние внешних воздействий, на основании прошлого опыта, происходит при посредстве нервной системы, но там, где не существует нервной системы, имеем ли мы основание обособлять явления, подходящие под вышеуказанный принцип, от таких же явлений, наблюдаемых нами у животных, обладающих нервной системой и называемых нами соотносительными? Конечно, нет. Вот почему мы думаем, что вопрос о нервной системе заслуживает внимания лишь с точки зрения места и локализации соотносительных процессов, но вместе с этим не исключается возможность существования таких же явлений и там, где не имеется нервной ткани или она еще не открыта современными способами исследования и где составные части нервной системы более развитых организмов входят в состав первичной протоплазмы, нерасчлененной на отдельные органы и ткани.

Так как различие между простым рефлексом и сочетательным или высшим рефлексом с объективной стороны заключается лишь в том, что первый основан на видовом наследственно передаваемом, а второй на индивидуальном опыте, то, очевидно, нет достаточных оснований не включать в область рефлексологии и краткое рассмотрение рефлексов, по крайней мере с точки зрения филогенетического их развития. Это оправдывается еще и тем, что прирожденные рефлексы, представляя собой по сравнению с сочетательными или высшими рефлексами более простой акт отношения организма к внешнему миру, основанный на отреагировании внешнего

воздействия в направлении видового опыта, обнаруживают постоянные переходы к более сложным процессам, которые относятся уже к порядку высших рефлексов.

Общеизвестен факт, что наиболее высшие функции мозговой коры связываются незаметными переходами с более низшими функциями спинного мозга. Физиологически между теми и другими не имеется какой-либо строго установленной разграничительной линии. В свою очередь между функциями спинного мозга и первичных центров узловой системы мы также не встречаем резкой разграничительной линии, и таким образом деятельность всей нервной системы, начиная от низших ее центров до высших, есть лишь одно постепенное усложнение отношений между внешними раздражениями и ответными на них реакциями.

И действительно, все, что мы скажем позднее, будет доказывать постепенный переход от более элементарных внешних реакций организма до более сложных актов, относимых к тому порядку явлений, которые состоят из сочетательных рефлексов и их комплексов и которые мы считаем правильным называть в целях объективной терминологии соотносительными.

Задача рефлексологии

Выше мы уже встречались с тем положением, что даже при исследовании собственной личности мы не можем обойтись без объективного метода: субъективно мы переживаем лишь некоторую часть своих соотносительных процессов, которые поэтому называются сознательными, многие другие происходящие внутри нас процессы, которые называются подсознательными или бессознательными, субъективно не переживаются и, следовательно, непосредственно нами не воспринимаются, а познаются лишь косвенным путем при посредстве наблюдения за непосредственными результатами этих процессов и за соответствующими движениями, иначе говоря — объективным путем; наконец, что также особенно важно, мы переживаем только субъективную сторону этих процессов и вовсе не сознаем их объективной стороны, между тем в существовании этой объективной стороны мы не можем более сомневаться, руководясь точными физиологическими исследованиями.

Таким образом, наши субъективные переживания, по крайней мере как они представляются в нашем воспоминании, и неполны и недостаточны даже для уяснения нашей собственной соотносительной деятельности, исследуемой путем самонаблюдения, вследствие чего они не могут служить точным мерилом происходящих в нас процессов. Если же они не служат достаточным мерилом собственных соотносительных процессов, то какое значение имеют они при определении и оценке таких же процессов других существ? Вот почему мы полагаем, что главный и основной метод изучения сторонней личности есть не самонаблюдение, как многие до сего времени думают, а объективно-биологический метод. Последний в сфере изучения личности других, а тем более лично (душевно)-

больных или животных, должен быть признан единственным руководящим методом исследования.

Как мы знаем, соотносительные процессы всегда скрывают за собой известную объективную или физическую сторону в виде мозговых процессов; таким образом, эти процессы не только в известных случаях субъективны, но и объективны, и притом они всегда объективны, тогда как субъективны не всегда.

Ясно, что в тех случаях, когда соотносительные процессы сопровождаются субъективными переживаниями, они на самом деле не субъективные только процессы, но суть процессы субъективно-объективного характера, в которых субъективное представляет собой лишь нечто, связанное с происходящими при этом объективными изменениями нервной ткани, и притом это субъективное, как мы знаем из собственного опыта, ничуть не представляет собой обязательного явления в процессах соотносительных. Когда мы говорим или пишем, когда мы производим ряд сложных движений, мы, как известно, сознаем далеко не все, что входит в содержание этих процессов; мы сознаем, в сущности, лишь конечный продукт нашей деятельности, многое же из того, что составляет неотъемлемую принадлежность рассматриваемых процессов, мы не сознаем и, следовательно, субъективно не переживаем или если и переживаем, то не оставляем их в своем воспоминании. Отсюда опять-таки следует, что сознаваемое нами или субъективно переживаемое ничуть не выражает собой всей полноты соотносительных процессов, а потому и нельзя, собственно говоря, стоять на точке зрения учения о строгом параллелизме психических переживаний с физическими процессами, происходящими в мозгу. Мы можем говорить, в сущности, лишь об определенном соотношении переживаемых субъективных явлений с объективно происходящими в мозгу физическими явлениями, признавая те и другие результаты одного и того же процесса, который при известных условиях имеет две стороны — субъективную и объективную, при других же условиях лишь одну объективную. Но если это так, то очевидно, что процессы, изучаемые до сих пор лишь путем самонаблюдения на себе самом, могут и должны изучаться объективным методом, без которого мы совершенно не можем обойтись при изучении сторонней личности.

Если мы производим какое-либо движение и замечаем, что другой человек ему в точности подражает, не вправе ли мы заключить, что производимое нами движение, действуя на другого человека, приводит к выполнению того же самого движения наподобие рефлекса. Иначе говоря, логика вещей приводит нас к выводу, что другой человек реагирует на производимое нами движение таким же движением, возбуждаясь соответственным зрительным раздражением. При этом сам факт подражания может быть анализирован с точки зрения его быстроты и точности повторения, а также сопутствующих внешних обстоятельств и условий, в которых находился подражающий человек, и наконец в связи с прошлыми раздражениями подобного же рода, которым он ранее подвергался. Ограничиваясь только что сказанным, мы остаемся в пределах точного знания, не вводя в рассуждение

никакой неопределенности, которая запутывала бы совершенно излишним образом основной факт. Но если тот же самый факт мы будем обсуждать с точки зрения субъективных явлений, предполагаемых нами в другом лице по аналогии с самим собой, то мы тотчас же введем ясность, которая лишит нас возможности быть точными при обсуждении вышеуказанного явления.

Для выяснения дела остановимся на минуту на том, как смотрят психологи-субъективисты на поступки вообще. По Ziehen'у («Физиологическая психология»), «при каждом поступке необходимо рассмотреть, что именно имело преобладающее влияние на движение, получившееся в окончательном результате: первоначальное ли ощущение или содержание вступивших в борьбу образов воспоминания или, наконец, чувственные тоны ощущений и представлений. В первом случае мы будем иметь дело с так называемым инстинктивным, во втором — с интеллектуальным поступком, а в третьем — с аффектом. Движение защиты, совершаемое вслед за зрительным ощущением угрожающего удара, есть инстинктивный поступок. Бесчисленные поступки, которые мы постоянно производим для выполнения наших желаний, будут аффективными движениями. Большинство поступков, которым предшествовало обсуждение, должны быть отнесены к категории интеллектуальных».

Нет надобности говорить, что эти определения вполне ускользают от объективного исследования, представляя в то же время много неясного и неопределенного даже с точки зрения субъективной психологии. Впрочем, и сам автор признает, что «установленные границы не имеют строго определенного характера. В большинстве поступков влияют все три фактора. Так, при инстинктивных движениях играет немаловажную роль и чувственный тон». То же следует иметь в виду и относительно произвольных движений. По заявлению Ziehen'a, «произвольное движение в узком смысле слова, т. е. движение, при котором чувствование кажущейся свободы воли выступает всего резче, как будто не подходит ни под одну из трех категорий. На основании рассмотренных уже характерных свойств произвольных поступков можно заключить, что в более резко выраженных случаях эти поступки представляют собой по преимуществу аффективные движения, где главным фактором является положительный чувственный тон предшествующего им двигательного представления».

По словам Tarde, «ничего нет менее научного, как это абсолютное отделение, это разъединение, установленное между произвольным и непроизвольным, между сознательным и бессознательным. Не переходят ли незаметным образом от воли к привычке почти машинальной, и один и тот же акт не изменяет ли вполне свою природу во время этого перехода?»[1]

С другой стороны, у Ch. Richet читаем: «Разум, инстинкт, рефлекс — три главные предмета исследования психологии; между этими тремя фактами психической деятельности нет ни преград, ни зияющей пропасти. Градации правильны без щелей и трещин. И зачем им быть? Видели ли мы где-либо в природе эти внезапные и резкие

---

[1] Tarde. Законы подражания.

переходы, которые отрицал еще Аристотель? Неподготовленных и внезапно возникающих явлений в природе нигде не существует».[1]

Уже из этих рассуждений ясно, в какой мере мы далеки были бы от точности, если бы объективный факт вызванного зрительным раздражением подражательного внешнего движения со стороны другого человека мы стали обсуждать с точки зрения предлагаемых субъективных переживаний, которые могут и должны быть наблюдаемы и изучаемы на себе самом. Ясно, что, рассматривая вышеуказанный процесс подражания с субъективной стороны, мы ничуть не выиграли бы в точности, а, напротив того, запутали бы дело и лишили бы себя возможности точно обсуждать сам факт, как он дан в объективном наблюдении. Для многих сущность так называемого психического анализа заключается именно в изучении внутреннего процесса в его субъективном проявлении; но в таком случае было бы совершенно произвольно и ненаучно допускать, что другой человек, произведший из подражания то же самое движение, как и мы, переживает вместе с тем то же субъективное состояние, которое переживаем мы, производя подобный же нашему акт. Всякому ясно, что это — лишь простое и притом далеко не точное предположение, основанное на аналогии, а между тем наука должна быть точной и не может строить свои положения на аналогии и предположениях.

Таким образом, субъективный анализ может иметь своим предметом лишь изучение собственной душевной жизни; соотносительная же деятельность других, поскольку она выражается во внешних проявлениях, может быть изучаема лишь путем объективного наблюдения и анализа и должна быть предметом особой науки, которую мы называем рефлексологией. Для последней нет надобности задаваться вопросом, каким субъективным состоянием сопровождается тот процесс, который привел к подражанию или какому-либо иному действию и даже вообще сопровождался ли он каким-либо субъективным состоянием.

Во всяком случае, в прямые задачи рефлексологии вовсе не входит выяснять характер тех субъективных переживаний, которыми сопутствуются при известных условиях соотносительные процессы. При изучении сторонней личности она довольствуется лишь признанием объективных процессов в мозгу, вызываемых внешними воздействиями и приводящих к внешним же реакциям организма. Отсюда ясно, что рефлексология ставит предметом своего изучения все внешние проявления тех процессов, которые развиваются под влиянием внешних воздействий в нервной системе организмов и которые находятся в известном соотношении с прошлым опытом, следовательно, в определенной сочетательной связи с бывшими ранее раздражениями. Рефлексология поэтому должна быть наукой о внешних реакциях в широком смысле слова, изучающей их в соотношении с внешними влияниями как непосредственно им предшествующими, так и отдаленными, которые приводят к проявлению этих реакций.

---

[1] Рише Ш. Опыт общей психологии.

В действительности везде и всюду можно открыть тот первоначальный внешний повод, который является возбудителем данной реакции. Где последняя кажется самостоятельной, т. е. независимой от внешнего воздействия, там это последнее представляется отдаленным и должно быть отыскано в прошлом данной личности. Таким образом, конечной целью рефлексологии является изучение соотношения организма с внешним миром в связи с его прошлым опытом совершенно независимо от тех субъективных переживаний, которые могут предполагаться в организме при внешних воздействиях по аналогии с самим собой. Для рефлексологии нет надобности говорить об ощущениях, представлениях, понятиях и пр. Она должна говорить только о внешних раздражениях, влияниях или воздействиях, о следах, оставляемых ими в центрах, о сочетании их друг с другом и о тех или других внешних реакциях в их соотношении с бывшими внешними влияниями, подействовавшими на организм как непосредственно перед их проявлением, так и в прошлый период времени.

Имея своей прямой целью изучать соотношение между внешними раздражениями и внешними же или объективными проявлениями личности, рефлексология должна выбросить из своего обихода и все метафизические термины, усвоенные субъективной психологией, как воля, разум, желание, влечение, чувство, память и т. п.

Мы уже условились относительно того, что в основе нервно-психических процессов лежат материальные процессы, от них совершенно неотделимые, следовательно, не все в «душе» оказывается субъективным, но всегда обязательны объективные явления, а следовательно, и наука о личности не должна быть субъективной, а может и должна быть объективной наукой, имея своей основной задачей исследование объективной стороны личности. Лишь прилагая объективный метод исследования к самому себе, мы можем сопоставлять с объективными данными наши собственные переживания, которые в таком случае, пополняя объективные данные, могут послужить основой того знания, которое должно заменить современную нам субъективную психологию с ее метафизическими терминами как дисциплину, благодаря своей оторванности от объективного материала стоящую на совершенно непрочном и зыбком базисе, нередко вводящем нас в дебри фантазии вместо точных выводов.

Вряд ли нужно говорить, что понимаемые в вышеуказанном смысле задачи рефлексологии далеко не совпадают с задачами субъективной психологии. В то время как последняя изучает субъективные проявления личности и взаимную связь между ними, не относя к сфере своего исследования ни предшествующее раздражение, ни даже движение и другие процессы, являющиеся прямым выражением соотносительной деятельности, рефлексология, как мы ее понимаем, оставляя совершенно в стороне характер субъективных переживаний, вызываемых внешним раздражением, и возможную связь между ними, останавливает свое внимание исключительно на соотношении между внешним раздражением и внешним же проявлением, устанавливаемым путем сочетательной связи этого раздражения с бывшим внешним раздражением.

Способность живых тел реагировать на внешние раздражения со времени Glisson'а и Haller'а условлено называть раздражительностью. Эта раздражительность познается нами при посредстве той или иной формы движения или секреции. Будет ли движение механическим, химическим или молекулярным, оно, как и секреция, во всяком случае доступно объективному исследованию. Эта раздражительность является прообразом всякой ответной реакции живого организма на внешние воздействия. Но ближе всего к этой раздражительности стоят так называемые простые рефлексы, где ответное движение находится в прямой и неизменной связи с подействовавшим раздражением.

Должно иметь в виду, что реакция на внешние воздействия происходит не в одних только живых организмах, но и в телах мертвой природы. Всякий металл подвергается изменению в своем молекулярном состоянии под влиянием внешнего удара, теплоты, электричества и т. п. Но в живых организмах независимо от этих молекулярных изменений происходят реакции особого рода, побуждающие к деятельности или угнетающие деятельное состояние сократительных клеточных элементов. Иначе говоря, здесь мы встречаемся с реакцией целой системы, именуемой клеточным образованием, или ряда систем, именуемых тканью и органом. При этом, если иметь в виду животных, главное, что характеризует упомянутую реакцию, это то, что она обусловливается не одним лишь прямым внешним раздражением, но и совпадающим с ним по времени побочным самим по себе индифферентным раздражением и стоит в определенном соотношении со следами бывших ранее раздражений.

Уже в простых рефлексах мы видим как бы унаследованную внешнюю реакцию на раздражения, действовавшие на организмы прошлых поколений, причем каждый рефлекс выработался в течение целых генераций в определенную, наиболее подходящую для благосостояния данной живой системы форму; между тем в соотносительных процессах мы имеем в результате внешнего раздражения ответное движение, которое не стоит в прямой и непосредственной, а потому и неизменной связи с первым, как в простых рефлексах, а находится с ним в связи при посредстве сохранившихся в течение индивидуальной жизни следов прошлых побочных, но одновременных с ним воздействий. Следовательно, соотносительная деятельность предполагает прежде всего образование новых следов от подобного внешнего воздействия в мозговых центрах и возможность их оживления при соответствующих условиях.

При этом нужно иметь в виду, что появление ответного движения регулируется при посредстве сопутственных раздражений, благодаря чему ответное движение может быть задержано или усилено в зависимости от характера упомянутых раздражений. Равным образом и прошлые следы внешних воздействий могут быть легко оживляемы благодаря тому процессу, который может быть назван средоточием.

Здесь нет надобности особенно распространяться по поводу того, что к области рефлексологии должны быть отнесены все те приобретения современной психологии, которые могут иметь и имеют

ценность объективного знания. Надо заметить, что уже давно проявились стремления к тому, чтобы вывести психологию из области умозрительной науки и сделать ее естественно-научным знанием. Благодаря этому создалась первоначально так называемая психофизика, подвергающая математическому анализу некоторые отделы психологии, затем физиологическая психология, рассматривающая психические процессы в связи с отправлениями мозга, и, наконец, так называемая экспериментальная психология, имеющая целью применять опыт, дабы тем сделать изучение психических явлений более точным, чем это достигается путем простого самонаблюдения.

Тем не менее и психофизика, и физиологическая и экспериментальная психология, если отрешиться от некоторых второстепенных задач, изучают, главным образом, субъективную сторону нервно-психических процессов. Поэтому рефлексология для выяснения своих задач может воспользоваться только той частью материала психофизики, физиологической психологии и экспериментальной психологии, которая может служить выяснению отношений между воздействиями внешних раздражений и следующими за ними внешними реакциями отношений, составляющих предмет изучения рефлексологии.

Само собой разумеется, что материалом для рефлексологии должны служить не только наблюдения над людьми как здоровыми, так и больными, но и обширные наблюдения над животными всех видов. Кроме того, рефлексология дает широкое поле эксперименту над животными, который, с одной стороны, позволяет исследовать реакции на внешние раздражения со стороны функций малодоступных для исследования у человека, как, например, движение внутренних органов, отделение пищеварительных желез, почек, половых органов и пр., с другой стороны — путем удаления соответствующих областей мозга позволяет установить те центры, участие которых необходимо для проявления определенной внешней реакции. Нужно, впрочем, иметь в виду, что подобные же исследования возможны и над людьми с поражением тех или других участков мозга.

Вместе с этим эксперимент дает возможность установить, как упомянутые реакции изменяются в зависимости от применения тех или других внутренних средств и общих внешних влияний. Наконец, путем эксперимента выясняются как скорость развития определенных реакций, так и изменение этих реакций в зависимости от тех или других условий эксперимента.

Можно было бы думать, что понимаемая в вышеуказанном смысле рефлексология уступает субъективной психологии в том отношении, что, игнорируя метод самонаблюдения, она обречена на темное отгадывание того ряда внутренних возбуждений, который скрывается за цепью внутренних переживаний, входящих в область исследования субъективной психологии. Но дело в том, что самонаблюдение не может иметь вообще никакого значения, если воспоминания о пережитом не выражены в определенных словесных символах, а с тех пор как протекший процесс выявился в тех или иных словесных символах, он уже дает соответствующий

материал, заключающийся в этих символах, и для рефлексологии, которая рассматривает слово и в отношении его значения как символа и в отношении формы произношения как одну из важнейших двигательных реакций человека.

Таким образом, протекшие процессы или цепь воспоминаний по терминологии субъективной психологии, будучи выражены в словесных символах, становятся предметом изучения рефлексологии, но это изучение происходит не с точки зрения характера пережитых субъективных состояний, а в отношении тех внешних особенностей, которые мы открываем в этих словесных символах, в зависимости от их бывших внешних раздражений. В целях рефлексологии поэтому нет надобности при изучении сторонней личности подставлять самого себя на место другого лица, передавшего нам свои воспоминания, как допускают обыкновенно представители субъективной психологии. Для первой в этом случае есть только один метод — метод объективный, и потому она должна обратиться к объективному изучению тех внешних движений и словесных знаков или символов, которыми выразится цепь объективно протекших в мозговых центрах процессов без того, чтобы выяснять и сопутствующие этим протекшим процессам субъективные явления. Если словесные знаки не вполне выражают цепь бывших внутренних переживаний, то последняя все равно не может быть воспроизведена в точности никаким пылким воображением другого лица, тогда как объективное наблюдение внешних реакций в момент самих процессов дополняет недостающее в словесных символах, которые выражают протекший мозговой процесс.

Из всего вышесказанного очевидно, что только один объективный метод в изучении других лиц дает вполне твердую точку опоры для научных выводов. В зависимости от большего или меньшего развития и усложнения внешних реакций, возникающих под влиянием внешних раздражений в связи с прошлым опытом, мы и можем составить себе суждение о большей или меньшей полноте и разнообразии соотносительных функций, а следовательно, о большем или меньшем развитии и совершенстве самой личности; всякий же иной способ оценки другого человека для нас остается по самой сути дела недоступным.

Само собой понятно, что для того, чтобы наблюдать стороннюю личность в ее внешних проявлениях, необходимо точно наблюдать, а при возможности и регистрировать все вообще движения и прочие реакции, развивающиеся при внешних воздействиях в связи с прошлыми влияниями, и отмечать те внешние раздражения, следы которых послужили для них внешним поводом. Это сопоставление внешних реакций с их действительными поводами, т. е. бывшими внешними раздражениями, и дает возможность установить соотношение первых с последними, как оно дано в объективном наблюдении. Нет надобности говорить, что применение разных форм эксперимента и здесь получает благодарную почву, но не в видах изучения субъективных переживаний, как это мы имеем обыкновенно в современной нам экспериментальной психологии, а с целью точнее выяснить те соотношения, которые устанавливаются между внешним

раздражением или следом от внешнего раздражения и следующей за ним внешней же реакцией.

Соотносительные процессы

Соотносительные процессы предполагают действие раздражения на воспринимающую поверхность организма и возбуждение этим путем деятельности центров, сохранение следов этого возбуждения и сочетание этих следов со следами прошлых возбуждений того или иного центра и, как результат этого сочетания, соответствующую реакцию в виде движения или иной формы проявления деятельности организма. Первая часть этого процесса может быть названа процессом запечатления или впечатления, вторая часть — центростремительного проведения, третья — процессом образования и сочетания следов, четвертая же часть может быть названа процессом центробежного отражения, приводящего к развитию внешней реакции.

Наиболее характерной стороной соотносительного процесса является процесс сочетания, предполагающий сохранение в центрах следов прошлых воздействий, с которыми, собственно, и устанавливается сочетание следов от нового впечатления, возникшего под влиянием внешнего раздражения.

Этот процесс сочетания составляет неотъемлемую и характеристичную принадлежность всякого соотносительного процесса, причем он может быть простым и более сложным. В последнем случае он может представлять собой целую цепь посредствующих следов, при посредстве которых устанавливается сочетание следов от нового впечатления со следами от бывших ранее впечатлений.

Возьмем собаку, которая незнакома еще с действием иглы. Когда она испытает укол на своей лапе, она тотчас же ее отдернет и придет в состояние беспокойства от неожиданного раздражения. Но когда второй раз мы будем приближаться к собаке с той же иглой, то, уже завидя издали иглу, собака придет в неописуемое беспокойство и постарается уйти, а если мы будем к ней приближаться с той же иглой, то она начнет визжать и прятаться в углы, а затем начнет ворчать и огрызаться. В первом случае, когда собака отдернула лапу и пришла в беспокойство при неожиданном для нее первоначальном раздражении, она произвела простой рефлекс, так как ее реакция — отдергивание лапы и общее беспокойство стоят в простом и непосредственном соотношении с произведенным раздражением, установленным видовым опытом. Последнее, однако, не осталось безрезультатным для животного и после вызванного им рефлекса, оно оставило известный след в центрах, в чем мы убеждаемся из последующих реакций со стороны животного на ту же иглу. Оказывается, теперь животное уже не допускает, как прежде, прикоснуться к нему иглой, а, завидя приближение иглы, еще издали приходит в беспокойство и убегает. Мы вправе отсюда заключить, что первый опыт раздражения не остался бесследным, так как новое раздражение дает уже иной результат по сравнению с первым. Прежде вид иглы для животного значил ничуть не более всякого другого безразличного для него предмета, находящегося

в поле зрения, так как животное вполне свободно допускало к себе иглу и лишь при полученном уколе отдергивало лапу, теперь же оно уже издали, завидя иглу, приходит в беспокойство и убегает.

Ясно, что новое внешнее раздражение с прежним характером — вид той же иглы, отпечатлеваясь в соответствующих центрах животного, вызывает эффект, который ясно говорит за сочетание нового зрительного впечатления со следом бывшего ранее кожного впечатления, так как вновь возникшее зрительное раздражение в отличие от первого вызывает тот же эффект, который был вызван бывшим ранее кожным раздражением. Это сочетание делает реакцию животного не простым только рефлексом, но уже сочетательным рефлексом, если мы примем во внимание, что сочетательная деятельность в виде связи возбуждений и их следов и есть именно основа всякой соотносительной деятельности.

Далее животное не ограничивается простым обнаружением беспокойства при виде иглы, но уже убегает. Так как и ранее животное при всяком сильном кожном раздражении, например, при ударе, убегало, то очевидно, что эта новая реакция, повторяющая прежние подобные же реакции, является результатом сочетания зрительного впечатления, вызванного иглой, не только со следами бывшего перед тем кожного впечатления от укола иглы, но и ранее бывших в опыте животного резких кожных впечатлений. Мы встречаемся здесь, таким образом, не с одним сочетанием, но уже с целым рядом сочетаний зрительного впечатления не только со следом от прошлого такого же впечатления, но и с целым рядом следов от бывших ранее подобных же или сходных кожных воздействий.

Дальнейшее зрительное раздражение в виде приближения с иглой к спрятавшемуся животному вызывает новую внешнюю реакцию: животное визжит, прячется в углы, а затем начинает ворчать и огрызаться. Мы имеем здесь уже другую, оборонительную реакцию со стороны животного. Нетрудно видеть, что эта реакция ничуть не является вполне новой. Она обнаруживалась животным и в прежнее время при подобных же или аналогичных условиях, — следовательно, мы встречаемся здесь с сочетанием нового зрительного впечатления в виде преследования собаки иглой со следами от подобных же преследований собаки в прежнее время каким-либо иным орудием, производящим не менее сильное раздражение, например палкой, в результате чего и является воспроизведение прежде бывшей оборонительной реакции, развившейся при подобном преследовании.

Так как во всех этих случаях реакция со стороны животного является как бы воспроизведенной из прошлого опыта и очевидно основана на сочетании нового раздражения со следами от бывшего ранее впечатления, то мы и должны признать эту реакцию за сочетательный рефлекс.

Заслуживает также особого внимания тот факт, что деятельность центров везде и всюду наряду с процессами возбуждения предполагает и процессы задержки. Благодаря этой задержке процессы сочетания

могут потребовать в известных случаях крайне значительного промежутка времени, прежде чем наступит реакция как результат этого сочетания. Поэтому в известных случаях реакция может казаться даже самостоятельным явлением. Но в действительности там, где может казаться, что непосредственное раздражение, приведшее к реакции, отсутствует, оно на самом деле имеется, но оказывается очень отдаленным по времени от возникшей реакции, которая, таким образом, везде и всюду в соотносительных актах является результатом сочетания того или иного внешнего раздражения со следами прошлых раздражений.

Из предыдущего нетрудно усмотреть, что схемой всех вообще соотносительных процессов являются рефлексы, передающиеся через высшие центры нервной системы, — рефлексы, прообразом которых в свою очередь является раздражительность клеточной протоплазмы. Как известно, в рефлексах мы различаем следующие три основных момента: 1) внешнее воздействие на периферии, возбуждающее центростремительный импульс, 2) центральную реакцию и 3) центробежный импульс, направляющийся по отводящему волокну и приводящий к мышечному сокращению или секреторному отделению. В высших или сочетательных рефлексах центральная реакция представляется лишь в той или иной мере задержанной и подвергается более или менее значительному усложнению путем передачи возбуждения с одного центра на другой и установления сочетания между вновь возникшим возбуждением и следами прежних возбуждений; в более сложных процессах мы имеем как бы целую цепь сочетаний, конечное звено которых разрешается в форме двигательной, секреторной или какой-либо иной внешней реакции.

Хотя, как уже ранее упоминалось, возможны и более или менее продолжительные задержки сочетательного рефлекса в его центральной части, тем не менее весь процесс всегда предполагает его окончательное завершение в форме той или другой реакции, служащей его внешним проявлением. В этом отношении рассматриваемый процесс может быть вполне уподоблен многоразлично усложненным рефлексам с тем лишь различием, что проявление их на периферии зависит не столько от внешнего раздражения, сколько от тех сочетаний, которым подвергается вновь возникшее возбуждение в центрах, благодаря сохранившимся следам от прошлых впечатлений, с которыми оно вступает в определенное сочетание.

Подобно более простым рефлексам, сочетательные или высшие рефлексы не прерываются ни в одном пункте в своей физиологической основе и в результате всегда приводят к развитию того или другого внешнего проявления в деятельности организма.[1] Поэтому всегдашним их результатом является отражение внешних воздействий при посредстве сочетания, возникающего под влиянием их возбуждения, со следами, оставшимися в центрах от бывших ранее воздействий, в виде определенной внешней же реакции организма. Эта реакция является, в сущности, результатом преоб-

---

[1] Бехтерев В. М. Объективная психология и ее предмет // Вестник психологии. 1905.

разования в воспринимающих органах действующей на них внешней энергии в нервно-психическую или мозговую энергию, которая, распространяясь до соответствующих центров и передаваясь на другие центры, возбуждает деятельность органов движения, сердечно-сосудистую деятельность и дыхание, или возбуждает секреторную деятельность желез, или, наконец, поддерживает и возбуждает питание тканей. Если вообще не имеется особых условий, которые приводили бы к полной и окончательной задержке в области центральной нервной системы развивающихся сочетательных рефлексов, то можно сказать, что всякое вообще внешнее воздействие, достигши той степени, которая приводит в возбуждение нервные центры, выражается определенной реакцией со стороны организма. Вообще аналогия с обыкновенными или простыми рефлексами сложной соотносительной деятельности выступает до мелочей.

Так, известно, что обыкновенный рефлекс под влиянием посторонних раздражений подвергается задержке в своей центральной части. Далее известно, что внешние влияния, идущие по одному и тому же центростремительному пути, усиливают рефлекс, как бы его стимулируют. Вообще простой рефлекс подвергается резким изменениям в своей силе под влиянием сопутственных внешних раздражений. Подобные же явления мы открываем и в более сложных соотносительных процессах.

Допустим, что человек случайно в лесу наткнулся на дикого зверя. В первый момент он обращается в бегство, которое, явившись результатом зрительного впечатления, вполне напоминает собой простой рефлекс, хотя дело идет здесь несомненно об акте в форме высшего resp. сочетательного рефлекса. Но затем, когда бегство не оказывается спасительным от преследования зверя, человек на минуту останавливается для возможной защиты на месте. Здесь, следовательно, под влиянием сочетания действующих раздражений произошла задержка развившегося сочетательного рефлекса совершенно подобно тому, как происходит задержка в рефлексах под влиянием нового внешнего раздражения.

Допустим затем, что человек в минуту остановки, озираясь кругом себя, находит орудие, которое может его спасти. Он быстро схватывается за это орудие, чтобы прибегнуть с его помощью к необходимой самообороне. Таким образом явилась возможность защищаться во что бы то ни стало, и, следовательно, возникло новое стимулирование рефлекса под влиянием новых внешних воздействий точь-в-точь как в рефлексах, когда возникает новое их направление под влиянием соответствующего изменения внешних раздражений.

Приведенный пример с ясностью показывает, что по своему развитию и течению вся соотносительная деятельность, обусловленная видом зверя, совершенно уподобляется развитию и течению обыкновенных рефлексов с тем лишь, что здесь на сцену выдвигается сочетательная и репродуктивная деятельность нервной системы, о чем речь будет в другом месте.

Вообще, если иметь в виду собственно развитие и течение соотносительных процессов, то и во всех других случаях эти

процессы совершенно напоминают собой течение и развитие обыкновенных рефлексов, если мы даже обратимся к примерам, заимствованным из наблюдений над собственной невропсихикой.

По поводу этого я уже ранее писал следующее: «Когда мы зачитываемся, например, книгой и начинаем переживать судьбу героя, с жадностью следим за ходом его действий и, наконец, в последний момент не выдерживаем себя от охватывающего нас волнения; когда мы внимательно следим за пьесой в театре и, предаваясь своим чувствам, рукоплещем игроку, не суть ли все это действия и движения, аналогия которых с рефлексами напрашивается сама собой. Нередко, впрочем, внешнее впечатление, возбуждая ряд представлений, не вызывает в нас видимого внешнего эффекта. Но это еще не значит, чтобы такого эффекта в действительности не было. Напротив того, он существует налицо, но проявляется в органах растительной сферы и представляется более или менее скрытым от невооруженного наблюдателя. Когда мы невзначай слышим приятное для нас известие, когда мы смотрим на акробата, выделывающего трудные и опасные упражнения, когда, погрузившись в чтение романа, мы задумываемся над судьбой его героя, то никто, разумеется, не обманывается, что под кажущимся спокойствием мы скрываем в себе внутреннее волнение, выражающееся изменением сердцебиения, реакцией сосудодвигательной сферы, учащением дыхания и прочее. Даже такие процессы мысли, которые для самого лица остаются совершенно безразличными и наружные проявления которых он старается скрыть всеми силами, в действительности сопровождаются столь грубыми движениями, что хороший чтец мысли с помощью осязания быстро узнает задуманные этим лицом предметы. Точно так же, если применить в подобных случаях тонкие способы исследования, то мы всегда найдем убедительные внешние проявления нервно-психической деятельности.

Так, путем применения плетизмографа и физиологических весов Mosso мы самым наглядным образом убеждаемся в тех изменениях, которым подвергается кровообращение под влиянием нервно-психических процессов. Точно так же, наблюдая кожные токи, как делал профессор Тарханов, нетрудно обнаружить в них резкие изменения, выражающиеся отклонением стрелки мультипликатора при самой ничтожной умственной работе, как, например, при мысленном чтении заученных стихов, при сосредоточении на чем-либо и т. п.».

При рассмотрении соотносительной деятельности необходимо вообще иметь в виду ту особенность, что внешнее раздражение, независимо от всякой внутренней задержки, обыкновенно не вызывает тотчас же ответного движения, а возбуждает лишь целый ряд внутренних процессов, не влекущих за собой непосредственно внешнего эффекта. Очевидно, что импульс, вызванный внешним раздражением, хотя и не влечет непосредственно за собой действия, но зато, возбуждая внутреннюю работу центров, может иметь своим последствием более отдаленный эффект во внешнем мире и притом часто более значительный по сравнению с подействовавшим впечатлением. Когда мы тихо обдумываем какой-либо предмет или когда мы безмолвно созерцаем окружающее нас пространство, мы

не производим, несмотря на совершаемую нами мыслительную работу, каких-либо внешних движений. Но может ли кто-либо утверждать, что эта умственная работа не обнаружится впоследствии тем или другим родом движения, что она не проявится хотя бы усилением того или иного действия, обусловленного другими импульсами, что оно, наконец, не проявится влиянием на последующий ход наших внутренних процессов, могущий привести нас к тому или иному поступку, — следовательно, не перейдет в действительную работу, связанную с затратой энергии и выражающуюся в форме того или иного внешнего движения? Конечно, нет. Вот почему мы можем считать законом, что соотносительные процессы ничуть не остаются вполне скрытыми или внутренними процессами, но что они подобно рефлексам рано или поздно обнаруживаются теми или другими внешними проявлениями, иначе говоря, рано или поздно переходят в механическую работу мышц или в молекулярную работу желез и других тканей. Ввиду этого, изучая деятельность мышц и желез, обусловленных внешними воздействиями, мы изучаем те внешние проявления соотносительной деятельности, которые, как и все внешние проявления, легко подвергаются объективному исследованию и контролю.[1]

Должно, однако, иметь в виду, что в условиях соотносительной деятельности должен быть принят во внимание один фактор, который существенным образом усложняет течение таких процессов, это — преобладающее значение запаса следов от внутренних раздражений. От самого начала жизни организм получает раздражения со стороны внутренних органов, передаваемые при посредстве вегетативной нервной системы к центрам. Голод, жажда, неудовлетворенность, пресыщение и другие состояния организма, раздражая симпатические нервы тела, передают свои возбуждения к центрам, где остаются и сохраняются следы от этих возбуждений. Особое значение этой группы следов в соотносительной деятельности обусловливается тем, что внутренние раздражения являются наиболее существенными возбудителями движения, как раздражения, отличающиеся наибольшей интенсивностью и распространенностью и связанные с удовлетворением или неудовлетворением насущных потребностей организма. Поэтому вполне естественно, что как раздражения, так и следы от внутренних возбуждений в центрах приобретают особую важность в сочетаниях со следами от впечатлений, накопляющимися в нервной системе при деятельном состоянии организма.

Эти внутренние раздражения и, очевидно, их следы в центрах являются основными руководителями движения, а так как при посредстве движения же в большинстве случаев приобретаются животным организмом и впечатления от внешних органов, оставляющие в центрах свои следы, то вполне понятно, что эти последние вступают в сочетание со следами от внутренних раздражений, которые, будучи первичными следами, всегда тесно связанными

---

[1] Бехтерев В. М. Объективная психология и ее предмет.

с состоянием организма, являются основными репродукторами следов от внешних раздражений.

На этом и основано активно-индивидуальное отношение живого существа к внешним раздражениям. В то время как в простых рефлексах процесс нервного отражения пробегает всегда по определенному, раз данному пути, обусловленному строго определенной связью нейронов, здесь в соотносительной деятельности все зависит от тех соотношений, в какие вступают следы от новых внешних раздражений со следами от внутренних раздражений.

Так как внутренние раздражения изменяются вместе с общим состоянием организма (голод, сытость и пр.), то очевидно, что с этим связано различное отношение личности к одним и тем же внешним раздражениям. В одном случае они явятся возбудителями наступательной реакции, в другом случае те же внешние раздражения не приведут к развитию движения или же вызовут оборонительную реакцию. Таким образом, определителями движения здесь являются собственно внутренние раздражения и их следы или, точнее говоря, те соотношения, в которые вступают следы от данных внешних раздражений с раздражениями от тех или иных внутренних раздражений. Само собой разумеется, что и следы от прошлых внутренних раздражений, благодаря установившейся связи, оказывают в известных случаях не менее значительное руководящее значение по отношению к характеру двигательной реакции. Таким образом, если следы от внешних раздражений определяют направление внешней реакции, то характер ее, т. е. будет ли она наступательной или оборонительной, обусловливается, главным образом, следами от внутренних раздражений, которые, благодаря установившимся сочетаниям, оживляются почти при всяком внешнем воздействии.

Вряд ли нужно говорить, что внутренние раздражения, оживляя старые следы от внешних раздражений, являются и самостоятельными возбудителями движения. Голодное животное ищет пищи, при жажде идет к воде и т. п.

Все эти данные не оставляют сомнения в том, что при всем сходстве развития и течения соотносительных процессов с развитием и течением обыкновенных рефлексов имеются и существенные различия между теми и другими, состоящие в участии сочетаний следов от новых впечатлений со следами от бывших ранее впечатлений, в оживлении прежних следов и в руководящем значении в отношении характера реакции внутренних раздражений и их следов, тогда как направление реакции, как и в обыкновенных рефлексах, определяется внешними раздражениями и установившимися связями в центрах.

Из вышеизложенного ясно, что если и можно говорить об уподоблении соотносительных процессов рефлекторным, то во всяком случае нельзя упускать из виду и той сложности этих процессов, с которой мы обыкновенно в них встречаемся. Благодаря репродуктивной и сочетательной деятельности нервной системы может оказаться, что возникшее на периферии раздражение, достигши центров, оживляет здесь следы от бывших ранее и отдаленных по

времени впечатлений и притом впечатлений, обусловленных раздражением другого органа, которые и определяют направление внешней реакции. С другой стороны, новое впечатление, оживляя следы от постоянно притекающих внутренних телесных раздражений, при посредстве этих следов может возбудить несоответственную силе внешнего раздражения мышечную, сосудодвигательную или секреторную реакцию или же впечатление может оказаться задержанным в центрах, оставаясь до времени неразрешенным и являясь в форме как бы скрытой энергии центров.

Если мы обратимся теперь к вопросу о внутренней природе процессов в центрах и их следов, то необходимо прежде всего указать, что нет никакого основания признавать тождество возбуждаемых с разных областей периферии объективных нервных процессов как в самих периферических приводах разных воспринимающих органов, так и в соответствующих нервных центрах. Уже различное устройство периферических воспринимающих аппаратов говорит за то, что возбуждаемый в них нервный ток представляется неодинаковым по своему ритму, что соответствует различному характеру внешних раздражений, притекающих с периферии.

Действительно, если мы примем во внимание, что в различных воспринимающих органах на периферии (органы осязания, вкуса, обоняния, слуха и зрения), как трансформаторах внешних энергий, мы имеем совершенно особые и разнородные по своему устройству приспособления для использования внешних раздражений — приспособления, данные в эпителиальных приборах и в своеобразном отношении к ним периферических нервных окончаний, то, очевидно, мы должны прийти к выводу, что и волна возбуждения, развивающаяся в каждом периферическом нервном приборе под влиянием определенного внешнего раздражения, должна быть неодинаковой.[1]

Отсюда очевидно, что и возбуждение всего нервного пути, возникающее под влиянием внешнего раздражения, действующего на различные воспринимающие органы, должно быть неодинаковым, выражаясь нервным током различного ритма.

Дело в том, что первоисточником соотносительного процесса является физиологический процесс возбуждения, возникающий при внешних воздействиях в периферическом воспринимающем органе. Так как этот процесс возбуждения на периферии в зависимости от приспособлений, имеющихся в воспринимающем аппарате, представляется неодинаковым, то, очевидно, должен быть неодинаковым и нервный ток, направляющийся к нервным центрам, а равно и возбуждение последних. Ясно, что эти различия в нервном токе, обусловленные различным устройством периферических воспринимающих приборов, должны лежать в основе образования неодинаковых следов бывших возбуждений, будем ли мы понимать эти следы в форме как бы ослабленных возбуждений или же, что мы считаем более правоподобным, мы будем их признавать в форме таких молекулярных изменений, которые как бы удерживают или

---

[1] См.: Бехтерев В. М. Основы учения о функциях мозга. Вып. I. С. 16. Глава: «Об условиях проведения в нервной системе».

сохраняют готовность к возобновлению в определенной области нервных центров колебаний прежнего ритма.

Должно, однако, иметь в виду, что хотя внешние раздражения, различные по своему характеру, действуя на различные воспринимающие органы, приводят к неодинаковому в отношении своего ритма нервному току, тем не менее общий ход всего соотносительного процесса, откуда бы он ни возник, представляется по существу одним и тем же, причем в каждом случае он испытывает то в более полной, то в менее полной мере одни и те же стадии своего развития и усложнения.

Так зрительное впечатление, развившись в приводной части зрительной области коры (на внутренней поверхности затылочной доли) под влиянием притекающего с сетчатки глаза нервного тока, влечет за собой развитие возбуждения в отводной части той же зрительной области на наружной поверхности затылочной доли, где след от нового зрительного впечатления вступает в сочетание с оживляющимися следами от бывших ранее двигательных импульсов, обусловливающих направление взора на видимый предмет. Этот сочетанный след или, точнее говоря, сплоченная группа или комплекс следов приводит в возбуждение височную область мозговой коры левого полушария, где оживляется след от звукового символа в форме названия, соответствующего данному сочетанию следов от осматриваемого предмета, причем звуковой след от данного символа, благодаря установившемуся сочетанию, возбуждает в двигательном речевом центре след от соответствующего двигательного символа, вызывая словесную реакцию, а затем следы от звукового и двигательного символа могут возбудить ряд следов от подобных же символов, стоящих в тесном соотношении с первыми, и т. д. Эти следы, возбуждая корковые центры внутренних органов, в свою очередь оживляют здесь следы, которые и определяют характер двигательной реакции (наступательной или оборонительной) или той или другой секреторной реакции, тогда как направление ее определяется первичным внешним раздражением.

Само собой разумеется, что все новые центральные возбуждения оставляют по себе определенные изменения в нервных центрах в виде следов, которые при известных условиях, когда возбуждение, благодаря проторению определенного пути, вновь достигнет тех же областей, способны к оживлению. Вследствие этого и происходят сочетания со следами от бывших ранее возбуждений, оживляющимися под влиянием притекающего к ним нервного тока. Таким образом проявляется, с одной стороны, репродуктиная деятельность нервной системы, приводящая к накоплению результатов прошлых возбуждений в форме скрытого расположения или так называемых следов, способных к оживлению, с другой — сочетательная ее деятельность, приводящая к усложнению соотносительного процесса путем многоразличных сочетаний следов друг с другом.

Должно еще упомянуть, что сочетательная деятельность проявляется не только по отношению к целым следам, какой бы сложности они ни были, но, благодаря дифференцировке раздражений, и по отношению к их отдельным частям, выделяющимся от других частей по тем или другим признакам, чем дана воз-

можность обособления отдельных частей центрального возбуждения и сочетания их со следами бывших ранее возбуждений.

Из сказанного очевидно, что в соотносительной деятельности дело идет о таком процессе, который, раз возбудившись, заканчивается внешней реакцией в неодинаковый период времени, в зависимости от того или иного усложнения путем разнообразных сочетаний со следами бывших ранее возбуждений — усложнения, которому он подвергается на своем пути. При этом должно иметь в виду еще возможность более или менее значительной задержки возбуждения корковых центров, которая под влиянием встречных возбуждений, исходящих из других областей мозговой коры, развивается в гораздо большей мере, нежели в обыкновенных рефлексах.

Уже в простых рефлексах, как мы говорили выше, мы встречаемся при известных условиях с актом задержки или торможения нервного возбуждения. Дело в том, что всякий центр, через который передается возбуждение, есть в известной мере аккумулятор нервной энергии, и пока последняя в нем не достигла известной степени напряжения, центр, предоставленный самому себе, остается в недеятельном состоянии, задерживая в себе притекающее к нему нервное возбуждение. На этом основан процесс суммирования внешних раздражений, состоящий в том, что если мы имеем слабые внешние влияния, в отдельности взятые, то они остаются без эффекта, тогда как последовательный ряд тех же слабых внешних раздражений, в отдельности остающихся без эффекта, приводит центры в деятельное состояние.

Эти акты торможения рефлексов в настоящее время хорошо изучены, как изучены и акты торможения, проявляющиеся в периферических двигательных нервных проводниках.[1] Вместе с тем изучены в значительной мере и акты торможения, развивающиеся в процессах головного мозга и, в частности, корковых. На всех этих фактах мы не считаем необходимым здесь останавливаться, как на фактах уже известных.[2] Мы заметим лишь, что чем сложнее проявления соотносительной деятельности, тем в большей мере обнаруживается и замедление в ходе самого процесса, что зависит, очевидно, от более сложных соотношений высших нервных центров. Сочетательные рефлексы, например, много медленнее протекают, нежели простые рефлексы, а более сложные акты соотносительной деятельности протекают еще медленнее. Вообще говоря, все исследования не оставляют сомнения в том, что самый простой акт соотносительной деятельности протекает много медленнее обыкновенных рефлексов. В сложных же процессах соотносительной деятельности, благодаря задержке, конечный результат известного внешнего воздействия может отодвинуться на весьма продолжительное время. В некоторых случаях внешнее влияние, подействовавшее в раннем возрасте, может оставить следы своего действия, которые

---

[1] См.: Введенский. Возбуждение, торможение, наркоз. СПб.

[2] Желающие могут найти в этом отношении соответствующие указания в моей книге «Основы учения о функции мозга». Вып. I. СПб., 1903.

скажутся в позднейший период деятельности организма, — иначе говоря, следы могут оставаться невыявленными в течение многих лет, прежде чем оживление их приведет к появлению внешнего эффекта. Эта задержка особенно нередко развивается благодаря соотношению возбуждений от внешних воздействий со следами, являющимися результатом внутренних воздействий органического характера. Благодаря этому соотношению устанавливается иногда задержка внешних реакций, несмотря на то, что, казалось бы, имеются налицо все подходящие условия для проявления внешней реакции. При всем том всякий вообще соотносительный процесс, какие бы стадии развития и усложнения он ни проходил, даже и при временной его задержке в центрах, в конце концов проявляется той или другой внешней реакцией на периферии, и в этом его основное сходство с рефлексами.

Если мы спросим себя теперь, какое же существует различие между реакциями в форме сочетательных рефлексов, рассматриваемыми с чисто объективной стороны, и простыми рефлекторными реакциями, то согласно всему вышеизложенному мы должны признать реакцию первого рода такую, которая, требуя для своего проявления времени более всякой другой чисто рефлекторной реакции, определяется не внешними свойствами данного раздражения, а сочетательной и репродуктивной деятельностью нервной системы.

Таким образом, к реакциям в форме сочетательных рефлексов должны быть отнесены те акты, которые являются следствием установления сочетания между возбуждением и следами одного, двух или нескольких последовательных раздражений. Так колотье иглой вызывает оборонительное движение рефлекторного характера, но если уже один вид иглы вызывает соответствующие оборонительные движения, предупреждающие колотье, то мы имеем дело с сочетательной реакцией, а не с простым рефлексом, так как вид иглы в данном случае не сам по себе вызывает внешнюю реакцию, а путем сочетания вызываемого ею возбуждения со следом от бывшего кожного раздражения и оживления этого последнего.

Возьмем младенца, который, видя второй раз своего доктора, начинает плакать, так как ранее этот доктор причинил неожиданно резкое кожное раздражение во время прививки оспы. Здесь реакция не обусловлена самым видом доктора, а сочетанием его зрительного раздражения со следом бывшего кожного раздражения и репродукцией последнего. В обоих только что приведенных примерах мы имеем сочетательную и репродуктивную деятельность нервной системы, составляющую характерную особенность всех реакций в форме сочетательных рефлексов.

Возьмем еще пример, на котором мы ранее останавливались для другой цели. Внезапная встреча с диким зверем и бегство. Вид животного сам по себе недостаточен, чтобы обратить человека в бегство. Но так как воздействие от данного животного сочетается со следами о возможной опасности и последствиях нападения зверя, то отсюда и возникает сочетательная реакция в виде бегства. Очевидно, что и здесь мы встречаемся с репродуктивной и сочетательной деятельностью нервной системы.

Но достаточно запереть того же зверя в клетку, и мы спокойно будем его рассматривать, не обнаруживая никаких стремлений к бегству, так как прежний опыт говорит нам о нашей полной безопасности в этом случае, и, следовательно, новое воздействие при сочетании с прежними следами от дикого зверя приводит к задержке соответствующей двигательной реакции.

Общая схема соотносительных процессов

В предыдущем изложении уже были намечены главные пункты той схемы, которая должна служить основой соотносительных процессов. Тем не менее ввиду важности самого вопроса мы здесь остановимся на нем особо, так как в соотносительных процессах отношения между раздражениями и реакциями, как показывают исследования, на самом деле далеко не так просты, как может показаться с самого начала. В большинстве случаев мы имеем дело со сложной внутренней работой, раскрыть которую входит в прямую задачу рефлексологии.

Отношения между раздражениями и реакциями во всем живом предполагают существование особого внутреннего связанного с ионизацией процесса, который при наиболее простом соотношении раздражения и реакции, представленном в низших организмах, выражается непосредственным сокращением протоплазмы под влиянием внешнего раздражения, благодаря свойственной ей сократительности; у животных же, снабженных нервной системой, последняя является посредником в передаче внешнего импульса к сократительному веществу. В восходящем ряду животных это посредничество все более и более усложняется, вместе с чем и строение нервной системы представляется все более и более сложным.

В наиболее простом виде отношение между раздражением и реакцией у животных, снабженных нервной системой, как мы уже говорили, предполагает, по крайней мере, три последовательных процесса:

1) процесс центростремительного проведения;
2) процесс возбуждения в клетках центральных органов;
3) процесс центробежного проведения.

Эта схема служит выражением обыкновенного рефлекса, который может представлять усложнение в том отношении, что передача импульсов может происходить не через одни, а через два, три и более центров.

Тем не менее пока дело идет о простой передаче с центростремительного привода через одни или несколько подкорковых центров на центробежное волокно, мы можем говорить о рефлексе простом или сложном.

Лишь с того момента, когда эта передача не происходит столь простым образом, а осложняется, благодаря сочетанию, оживлением следов от бывших ранее раздражений, мы можем говорить уже о процессе с характером сочетательного рефлекса в настоящем смысле этого слова.

Таким образом, первичный процесс с характером сочетательного рефлекса предполагает образование следов от бывших ранее раз-

дражений, будучи основан на оживлении этих следов, предполагающем существование известного сочетания между вновь возникающими и бывшими ранее следами, что осуществляется в мозговой коре.

Само образование следов предполагает уже не простую передачу центростремительного импульса через центр на центробежный путь, а более сложный процесс, основанный, как показывает опыт, на более длительной задержке возбуждения в нервных центрах.

Итак, в наиболее простом виде процесс, устанавливающий соотношение между раздражением и реакцией, состоит из следующих частей: 1) центростремительного проведения, 2) отложения следа в центрах, 3) сочетания его с прежними следами путем оживления последних и 4) центробежного проведения, обусловленного оживлением этих следов.

В более сложных соотносительных процессах мы встречаемся еще с дальнейшим усложнением процесса в смысле многоразличных сочетаний новых следов с прежними следами и последовательного оживления последних.

Должно иметь в виду, что соотносительные процессы ничуть не составляют исключительной принадлежности высшего органа нервной системы, т. е. полушарий головного мозга, так как у низших животных, не обладающих полушариями головного мозга (например, amphyoxus), тем не менее могут быть открыты элементарные соотносительные процессы. Последние наблюдаются несомненно и у животных, обладающих лишь одной узловой системой, и даже могут быть констатированы у тех из низших животных, у которых, в сущности, даже не существует нервной ткани и где протоплазма как бы замещает собой дифференцированные ткани высших животных и в том числе нервную.

Тем не менее у высших животных, снабженных центральной нервной системой, как показывает опыт, соотносительные процессы, представляясь значительно более сложными, нежели у низших животных, совершаются главным образом при участии коры мозговых полушарий.

Доказательством этого служат опыты с удалением у животных мозговых полушарий, после чего соотносительная деятельность утрачивается в более или менее полной мере. Таким образом, у высших животных главным органом соотносительной деятельности является кора мозговых полушарий с ее обширным развитием серого мозгового вещества и не менее богатым развитием ассоциационных волокон, связывающих различные территории серого коркового вещества между собой. При этом, прежде чем достигнуть мозговой коры, центростремительное проведение обыкновенно проходит несколько этапных пунктов, в которых центростремительный импульс может переходить на центробежные проводники.

Этим путем происходит более короткое замыкание цепи, приводящее к осуществлению простых рефлекторных движений прежде, чем центростремительное проведение достигнет мозговой коры.

Возьмем зрительное возбуждение. Свет, падающий на сетчатку, возбуждает ее нервные элементы и развивает физиологический

процесс центростремительного проведения. Последний прежде всего развивает возбуждение в периферическом ресничном узле глаза, в котором оно передается при посредстве ресничных нервов к iris, вызывая защитное от избытка света сокращение зрачка. На дальнейшем своем пути центростремительный импульс передается за chiasma к области дна 3-го желудочка, производя рефлекторное влияние, по всей вероятности, на вегетативную нервную систему, затем на уровне corp. genic. ext. и переднего четверохолмия он передается к ядрам n. oculomotorii, возбуждая здесь одновременно зрачковый рефлекс, рефлекторный процесс аккомодации и рефлекторные движения глаз, осуществляющие акт рефлекторного направления взора. Далее при посредстве переднего четверохолмия возбуждается ряд рефлекторных движений в других частях тела, развивающихся под влиянием раздражения сетчатки глаза.

Наконец, мы имеем корковое возбуждение, развивающееся в f. calcarina, которое, передаваясь к наружным частям коры затылочной доли, возбуждает уже в форме сочетательного рефлекса аккомодационные и другие двигательные импульсы, более или менее точно приспособляющие глаз к источнику зрительного раздражения. Возбуждение коры затылочной области в свою очередь может привести к совозбуждению другие корковые области.

В дальнейшем нужно иметь в виду, что в мозговой коре, как уже ранее упоминалось, более чем где-либо в нервной системе развиты процессы торможения, причем более сильное возбуждение, развивающееся в той или другой области мозговой коры, обычно подавляет в большей или меньшей степени слабейшее возбуждение, развивающееся в других частях мозговой коры. На процессах проторения путей (Bahnung — немцев) и совозбуждения или оживления прежних следов, с одной стороны, и процессах торможения или подавления их, с другой, и основаны все сложные процессы соотносительной деятельности.

Выше уже была речь о том, что следы, отлагаемые в мозговой коре от бывших впечатлений, сочетаются между собой не только целиком, но и по отдельным своим частям, соответствующим тем или другим признакам внешнего объекта, а это дает возможность крайне разностороннего сочетания, а следовательно, и передачи возбуждения от места его развития на другие области мозговой коры, хранящие в себе следы от бывших ранее возбуждений. Таким образом в результате первоначального впечатления мы можем иметь процесс возбуждения в самых различных областях мозговой коры, занятых следами прошлых возбуждений.

Эти следы от бывших корковых возбуждений у человека обыкновенно сочетаются со следами речевых символов осязательно-мышечного, слухового и зрительного характера, которые хранятся в особых так называемых речевых центрах левого полушария и которые состоят между собой, в свою очередь, в теснейшем взаимном сочетании. Таким образом, первоначальное впечатление может оживить следы соответствующих словесных символов и этим путем развить центробежный импульс в речевом аппарате.

Далее ряд отдельных следов, имеющих сходственные между собой черты в том или другом отношении, обобщается в один сложный комплекс путем сочетания их с одним и тем же общим для них словесным символом или знаком осязательно-мышечного, слухового или зрительного характера, который играет в этом отношении роль важного синтетического фактора.

Этим путем открывается широкое поле для синтетических процессов соотносительной деятельности, которые могут выразиться реакцией, отвечающей не на первоначальное внешнее воздействие, а на обобщение его с другими его воздействиями более или менее сходственного характера.

С другой стороны, возможность сочетания следов от отдельных признаков внешних объектов с речевыми символами дает возможность обособления следов от отдельных качеств внешних воздействий — качеств, которые в свою очередь могут подвергнуться обобщению благодаря сочетанию целого ряда подобных же «частичных» следов с определенным речевым символом. Здесь мы имеем уже дело с аналитическими и с аналитико-синтетическими процессами соотносительной деятельности, которая может возбудить реакцию еще более отдаленную от области первоначального возбуждения, нежели в предыдущем случае.

Далее необходимо иметь в виду, что, как мы уже говорили, к мозговой коре подходят собственно два порядка раздражений:

1) внутренние раздражения, возникающие в самом организме под влиянием тех или иных физиологических условий;

2) внешние раздражения, передающиеся к коре при посредстве периферических органов слуха, зрения, вкуса, обоняния и осязания.

Первые более общи и менее определенны, но они непосредственно и более тесно связаны с теми двигательными импульсами, которые обеспечивают существование организма. Благодаря этому условию они играют первенствующую роль в смысле руководителей в отношении движений животного организма.

Возьмем раздражения от состояния голода.

Ни один человек не даст точного описания голода. Главное, что вы извлечете из его слов, сводится к сосанию под ложечкой и к общему состоянию неудовлетворенности, вялости и апатии, а между тем эти столь неопределенные раздражения от голодания являются могущественным побудителем агрессивных действий, направленных к отыскиванию пищи, благодаря их теснейшей связи с двигательными импульсами. Всякий знает, что под влиянием голода человек нередко готов идти на тяжкие преступления, лишь бы добыть съедобное.

Раздражения от других состояний внутренних органов еще менее определенны. Они почти не поддаются описанию, и мы слышим лишь малоопределенную их характеристику, как, например, сердце сжимается от тоски или сердце трепещет от радости, но в результате эти раздражения, оставляя следы в центрах, приводят к изменению общего состояния, которое мы называем положительным или отрицательным тоном и которое непосредственно обусловливает не только ряд тех или других движений (мимика, жесты), но и

определяет в значительной мере характер внешней реакции (наступление или оборона).

Таким образом, здесь дело идет о раздражениях такого рода, которые являются важнейшими определителями характера двигательной реакции, направление которой, однако, зависит от тех или других внешних воздействий. Вышеуказанное значение внутренних раздражений становится нам вполне понятным, если мы примем во внимание, что это суть наиболее ранние раздражения, которые должны достигать нервных центров развивающегося организма еще в утробной жизни плода. Еще в утробе матери эти раздражения достигают мозга ребенка в зависимости от более или менее благоприятных условий кровообращения и состояния организма матери. По крайней мере во второй период развития плода движения его в утробе матери говорят о том, что получаемые им внутренние раздражения приводят к двигательной реакции.

Только с рождением на свет развивающийся организм получает новые раздражения при посредстве внешних воспринимающих органов, когда уже установилась известная связь между внутренними раздражениями и их следами и двигательной сферой, которая в первоначальный период существования младенца еще более упрочивается и закрепляется.

Здесь нужно припомнить, что жизнь новорожденного ребенка является по преимуществу растительной жизнью, и так как его внешние органы еще недостаточно приспособлены к восприятию внешних раздражений и передаче их к мозгу, то проходит еще много времени, в течение которого чисто растительная жизнь, дающая огромное количество постоянно изменяющихся внутренних раздражений, занимает преобладающее положение в отношениях организма к окружающему миру.

Отсюда понятно, почему внутренние раздражения и оставляемые ими следы получают столь важную роль в жизни организма и являются даже ближайшими определителями характера его двигательных реакций, а следовательно, и его отношений к впечатлениям, получаемым из окружающего мира.

Отличаясь наиболее ранним развитием, они закрепляются более прочно уже потому, что растительные процессы составляют неотъемлемую и насущную часть жизни всякого организма.

В результате этих внутренних раздражений создается, между прочим, как мы уже упоминали, положительный или отрицательный общий тон, резко отражающийся на внешних реакциях организма.

С другой стороны, совокупность целого ряда следов от прошлых внутренних и внешних раздражений лежит в основе индивидуальных свойств индивида, достигающих у человека под влиянием различных условий существования своего высшего развития.

Вряд ли нужно пояснять, что существующий в личности взрослого человека комплекс следов от разнообразных внутренних и внешних социальных раздражений служит еще более высшим определителем отношений человека к окружающему миру и важнейшим определителем его поступков и действий и реакции сосредоточения на тех или других предметах внешнего мира.

Находясь в тесной связи с поступками и действиями и реакцией сосредоточения — фактора, определяющего в значительной мере доставление организму внешних раздражений, этот комплекс является в то же время объединяющим звеном для всех раздражений и следов, приобретаемых при посредстве акта сосредоточения.

Таким образом, вышеуказанный комплекс следов от внутренних и социальных раздражений, составляющих основное или индивидуальное ядро личности, объединяет и соподчиняет огромное большинство следов, получаемых от воздействий внешнего мира в том смысле, что эти следы уже при своем первоначальном образовании вступают в тесное отношение с вышеуказанным комплексом и благодаря этому всегда и оживляются при посредстве следов, входящих в состав того же самого комплекса, в бодрственном состоянии непрерывно оживляемого путем постоянно притекающих к коре мозга внутренних раздражений. Этот процесс объединения и соподчинения новых следов основному или индивидуальному комплексу может быть назван индивидуализацией внешних следов.

Благодаря объединению и сочетанию следов с основным комплексом, все более тесно связанные с ним следы могут быть легко оживляемы, а потому могут получать перевес над другими следами, то естественно, что в тесном соотношении с индивидуальным комплексом личности стоит и процесс оживления следов, а следовательно, и направления внешних реакций.

Благодаря тому, что сочетания следов могут получать то или другое направление от индивидуального комплекса личности, происходит в мозгу правильная смена или связное сцепление следов, приводящее в конце концов к сложной и систематически связной внешней реакции, известной под названием действий и поступков.

Но с другой стороны, эта внешняя реакция в любой момент ее развития может быть и задержана, благодаря встречным новым возбуждениям или же благодаря тому, что бывшая ранее подобная же двигательная реакция сочеталась с отрицательным общим тоном, подавляющим двигательную сферу.

Таким образом, становится совершенно понятным, почему в сложных соотносительных процессах внешняя реакция не стоит в ближайшем и непосредственном соотношении с подействовавшим на организм раздражением, а является отдаленным ее последствием, причем характер, а иногда и направление реакции обусловливаются в значительной мере оживляющимися следами от бывших ранее воздействий на организм подобного же или иного рода, причем в этом оживлении прежних следов играет существенную роль основной комплекс личности, образованный совокупностью постоянно оживляемых следов от внутренних и внешних социальных раздражений организма.

1925 г.

ЗАДАЧИ И МЕТОД ОБЪЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

«Вновь нарождающаяся и защищаемая мной научная дисциплина, называемая „Объективной психологией“,[1] как и следовало ожидать, встречает известную оппозицию со стороны психологов-субъективистов.

Отражением этой оппозиции, между прочим, является статья г. Щербино в последней книжке „Вопросы философии и психологии“ под заглавием: „Возможна ли психология без самонаблюдения?“. Основной тезис этой критической заметки состоит в том, что, „по мнению автора“, новая научная дисциплина, сохраняя полную научную объективность, будто бы должна оставить совершенно в стороне психические процессы либо, признавая действительность этих последних, но заранее отвергнув самонаблюдение, как не обладающее желательной объективностью, она не находит метода для изучения этих фактов».[2]

Нетрудно видеть, что приведенная выдержка, составляющая, как упомянуто, основной тезис автора по данному вопросу, основана не на чем ином, как на простом недоразумении. Не входя ни в какие рассуждения по поводу приведенной статьи, могу вполне определенно и категорично высказать здесь, что новая научная

---

[1] Бехтерев В. М. и Нарбут В. Объективные признаки внушенных изменений чувствительности в гипнозе. СПб., 1902.

Бехтерев В. М. Объективная психология и ее предмет // Вестник психологии. 1904.

Его же. La psychologie objective. Revue scientifique. № 12 и 13. 1900.

Его же. Объективное исследование нервно-психической деятельности. Речь, произнесенная на международном психиатрическом конгрессе в Амстердаме. Сентябрь, 1907. (См. труды съезда и «Обозрение психиатрии» за 1907 г.)

Его же. Объективное исследование детской психики // Вестник психологии. Вып. I. 1908.

Его же. Объективное исследование душевнобольных // Обозрение психиатрии. 1908.

Его же. О репродуктивной и сочетательной реакции в движениях // Обозрение психиатрии. 1908.

[2] Вопросы философии и психологии. Сентябрь—октябрь. 1908. Кн. 94. С. 549.

дисциплина, называемая «Объективной психологией», признает действительность «психических» процессов, но, оставляя совершенно в стороне субъективную сторону этих процессов, она довольствуется изучением внешних проявлений нервно-психической деятельности в соотношении их с теми воздействиями, которые служат причиной их обнаружения. С этой целью она пользуется определенным объективным методом исследования, о котором речь будет ниже, и для отличия так называемых психических процессов от непсихических, иначе говоря, от простых рефлекторных явлений.

Вместе с тем, вполне законно допуская, что психические процессы, совершаясь в мозговой коре, представляют собой с объективной стороны ряд нервных возбуждений, передающихся по сочетательным волокнам с одного центра на другой, «Объективная психология» стремится выяснить сам механизм так называемых психических процессов как сложных нервных актов, предоставляя изучение субъективной стороны этих процессов ведению психологии в обычном значении этого слова, т. е. психологии субъективной.

Мы не последуем далее за автором вышеуказанной статьи в ходе его рассуждений, выставляемых им в защиту метода самонаблюдения в «Субъективной психологии» и в отношении им основных принципов этой науки.

Мы считаем вполне естественным, что пока принципы новой научной дисциплины не будут разъяснены во всей полноте, они будут встречать те или иные возражения со стороны представителей «Субъективной психологии». Но в критике зарождается истина, и это нас вынуждает защищать заявляемую нами точку зрения относительно применения строго объективного метода к исследованию нервно-психической деятельности человека.

Вот почему я считаю здесь полезным остановиться на основных задачах «Объективной психологии», дабы еще раз отстаивать значение этой научной дисциплины, для которой пока устанавливаются еще первые вехи и которая, я в том глубоко убежден, будет постепенно развиваться, пока не завоюет себе соответствующие права и подобающее ей положение.

Но раньше всего необходимо выяснить отношение «Объективной психологии» к психологии субъективной. Мы вправе спросить себя, какое положение должна занять новая научная дисциплина по отношению к прежней психологии?

Как мы видели выше, «Объективная психология» имеет дело не с субъективными явлениями, а с теми процессами в мозгу, которыми, по гипотезе параллелизма, неизменно сопутствуются так называемые психические явления, причем задачей ее является, с одной стороны, выяснить соотношение между внешними воздействиями и вызванным этими воздействиями внешним эффектом как результатом нервно-психической деятельности, с другой стороны, проникнуть в сам механизм нервно-психических процессов в смысле той или другой последовательности в развитии нервных возбуждений в высших мозговых центрах.

Ясно, что на этом пути «Объективная психология» ничуть не исключает субъективной психологии, она даже не ослабляет значения

последней как дисциплины, имеющей в виду изучить субъективную сторону нервно-психических процессов, она ее только дополняет, выясняя нервно-психический процесс с его объективной стороны, т. е. со стороны происходящих при нем в мозгу нервных процессов. Иначе говоря, «Объективная психология» — тот же самый психический или, точнее, нервно-психический процесс, который служит предметом исследования современной нам психологии с субъективной его стороны, рассматривает под другим углом зрения, признавая его одновременно за процесс объективный или нервный, совершающийся в высших мозговых центрах. «Объективная психология» следит, собственно, за ходом этого нервного процесса от начала до конца, вовсе не интересуясь субъективными переживаниями, которыми он сопровождается.

Если все так называемые «психические» процессы «Объективная психология» признает за нервные процессы, отличающиеся лишь большей сложностью, вследствие чего я нахожу правильнее называть их не просто психическими, а нервно-психическими процессами, то возникает, естественно, вопрос: имеется ли возможность отличать эти процессы в их внешних проявлениях от других нервных процессов меньшей сложности, признаваемых чисто рефлекторными актами?

Хотя и нельзя сомневаться в том, что, как везде и всюду природа не делает скачков, так и здесь должны быть постепенные переходы от простых рефлекторных актов к более сложным проявлениям нервно-психической деятельности, тем не менее может быть указан вполне объективный критерий для отличия тех и других.

По нашему мнению, коренное различие нервно-психических актов от обыкновенных рефлексов заключается в том, что последние везде и всюду представляют собой унаследованные или прирожденные реакции организма, в которых обнаруживается, таким образом, влияние опыта целого ряда прошлых биологических генераций, безразлично при этом, будем ли мы держаться дарвиновского учения о происхождении рефлексов или же точки зрения неоламаркизма, тогда как нервно-психические процессы обусловливают собой реакции, составляющие результат прошлого индивидуального, или личного опыта. Поэтому везде, где внешняя реакция развивалась по отдельному, раз навсегда данному шаблону и автоматически, как результат прирожденного или унаследованного механизма, мы будем иметь обыкновенный рефлекс, тогда как во всех других случаях, где внешняя реакция не вытекает непосредственно из данного внешнего раздражения и где в ее проявление вмешивается влияние прошлого индивидуального опыта, мы будем иметь дело с нервно-психическим процессом. В этом мы видим достаточно точный и вполне объективный критерий, дающий возможность отличать так называемые психические или, точнее, нервно-психические процессы от простых рефлекторных актов по чисто внешним их проявлениям.

Руководствуясь этим критерием и строго анализируя внешние проявления деятельности человеческого организма, мы имеем возможность везде и всюду выделить его нервно-психические реакции

от простых рефлекторных актов и других, еще более элементарных процессов его жизнедеятельности.

Возьмем для примера воздействие звука. Известно, что если звук достаточно интенсивен и возникает внезапно, то он вызывает чисто рефлекторный акт вздрагивания. Этот рефлекторный акт не требует индивидуального или личного опыта, так как он основан на действии прирожденного механизма. Благодаря этому под влиянием того же звука будет вздрагивать не только взрослый человек, но и нескольконедельный младенец. Но в другом случае звук, во многом схожий с предыдущим и принадлежащий дикому зверю, вызовет совершенно другую реакцию. Взрослый человек под влиянием его не только вздрогнет, но и стремительно бросится бежать. В этой реакции мы уже видим влияние прошлого индивидуального опыта, так как помимо простого рефлекса данный звук вызывает реакцию в форме сложного движения бегства, причем это бегство не может быть объяснено влиянием самого звука и обусловливается исключительно прошлым внешним воздействием.

В самом деле, ребенок, никогда не слыхавший подобного звука, а равно и взрослый, не имевший в этом отношении опыта и не могущий оценить его значение, ничуть не будут обнаруживать подобной двигательной реакции. Таким образом, в этом случае, не прибегая к анализу предполагаемых субъективных переживаний человека, на которого подействовал звук или рев дикого зверя, мы можем, руководствуясь чисто объективным критерием, признать протекший процесс за процесс нервно-психического характера в наиболее элементарной его форме, в виде так называемого психорефлекса или сочетательного рефлекса, развившегося благодаря тому, что бывший индивидуальный опыт оставил известный след в нервных центрах от вида дикого зверя, и этот след, оживившись под влиянием данного слухового раздражения, вызвал двигательную реакцию в форме стремительного бегства.

Если в предыдущем примере мы будем иметь случай, когда человек, вместо того чтобы устремиться в бегство, овладеет собой и примет необходимые меры к обороне, то мы встретимся с еще более сложной двигательной реакцией в виде целесообразного действия, основанного также на прошлом индивидуальном опыте, а потому опять-таки представляющего собой результат не только простого рефлекса, а сложного нервно-психического процесса.

Другой пример: человек отворачивается от направленного против него дула револьвера или ружья. И здесь дело идет о влиянии прошлого индивидуального опыта, так как ни один ребенок, не имеющий понятия о револьвере или ружье, не сделает подобного движения. В последнем, таким образом, на основании вышеуказанного критерия мы признаем результат нервно-психического акта в форме психорефлекса, или сочетательного рефлекса.

Третий пример: человек, получивший то или другое письменное известие, начинает в одном случае улыбаться, в другом случае плакать.

Эта реакция, очевидно, тоже возможна только в зависимости от прошлого индивидуального опыта, так как то же письмо, поданное

безграмотному человеку, не вызовет ничего подобного до тех пор, пока письмо ему не будет прочитано вслух, т. е. пока не создадут тем самым известный ряд слуховых раздражений от устной речи. Но влияние последней опять-таки находится в зависимости от прошлого индивидуального опыта, так как речи учатся в детстве, и она не составляет ни прирожденного, ни наследственного рефлекса.

Допустим далее, что человек, увидев на улице драку, поступает известным образом, например, начинает увещевать дерущихся, зовет на помощь полицию или, наконец, сам вступает в драку для защиты избиваемого. Во всех этих случаях дело идет о сложной двигательной реакции, которая, несомненно, основана на прошлом индивидуальном опыте, так как без последнего не было бы возможно ни то, ни другое, ни третье участие со стороны случайного зрителя.

Допустим, наконец, что человек, ранее сидевший спокойно, начинает обнаруживать ряд сложных движений, например, встает и выполняет то или другое действие или начинает что-нибудь говорить окружающим его лицам. И в этом случае мы должны признать влияние прошлого индивидуального опыта, так как простым рефлексом, без влияния прошлых внешних воздействий, этой сложной двигательной реакции объяснить невозможно.

Само собой разумеется, что во всех тех внешних реакциях, где обнаруживается воздействие прошлого индивидуального опыта, не исключается известное влияние и со стороны наследственной организации в смысле большей или меньшей впечатлительности центров и т. п., но сама реакция по существу все же остается во всех вышеуказанных случаях зависимой от прошлого индивидуального опыта, а не обусловливается влияниями, вытекающими из действия наследственного механизма.

Имея в виду, что нервно-психические процессы предполагают везде и всюду влияние прошлого индивидуального опыта, является необходимым признать, что внешние воздействия оставляют в нервных центрах известные следы, способные к оживлению, благодаря чему в такого рода случаях и обнаруживается влияние прошлого опыта, основанное на репродуктивной деятельности нервной системы.

Существование следов, оставляемых в центрах внешними раздражениями, должно быть признано уже в силу того, что ни одно внешнее воздействие, при вторичном влиянии его на организм, не вызывает тождественной с первоначальным эффектом внешней реакции. Это изменение внешней реакции, в зависимости от повторения известного воздействия при одинаковых условиях, доказывает, что первоначальное воздействие не остается бесследным для мозговой ткани, что оно оставляет определенный след в нервных центрах, который, оживляясь при последующем внешнем воздействии, оказывает влияние на внешнюю реакцию, развивающуюся вслед за вторичным внешним раздражением.

Во всяком случае, действие прошлого индивидуального опыта не может быть понимаемо без признания следов, оставляемых в соответствующих центрах внешними воздействиями, — следов, которые способны к оживлению при соответствующих условиях.

Имея затем в виду приведенные примеры, мы должны отметить, что следы от нервных возбуждений в центрах способны к оживлению не только под влиянием тех же самых внешних воздействий, которые служат их первоисточником, но и под влиянием воздействий иного рода, сочетанных с первыми.

Так, в первом нашем примере след от бывшего зрительного впечатления, вызываемого видом дикого зверя, оживляется под влиянием соответствующего звука и вызывает ту же двигательную реакцию, как и вид самого зверя. Очевидно, что это возможно при условии сочетания звукового следа со зрительным и оживления последнего при звуковом раздражении. Отсюда ясно, что внешние проявления нервно-психической деятельности служат результатом прошлого индивидуального опыта и, будучи основанными на оживлении следов, являются выражением не одной только репродуктивной, но и сочетательной деятельности нервной системы.

Таким образом, мы приходим к необходимости признать, что в основе тех процессов, которые мы называем нервно-психическими и которые предполагают действие прошлого индивидуального опыта, лежит как репродуктивная, так и сочетательная деятельность нервной системы, и поэтому там, где мы обнаруживаем ту или другую деятельность нервных центров, вы вправе признать и существование нервно-психических процессов.

Поэтому те из внешних реакций, которые не могут быть целиком объяснены непосредственным влиянием внешних или внутренних воздействий, а как вытекающие из прошлых внешних влияний и обязанные репродуктивно-сочетательной деятельности нервной системы, должны быть признаваемы за реакции нервно-психического характера.

Помимо приведенных ранее примеров возьмем еще пример: оратор говорит речь. Эта символическая реакция с определенным систематическим характером не может быть объяснена одними внешними влияниями в форме рефлекса, так как ни сама речь, ни ее содержание не объясняются внешней обстановкой и видом окружающих лиц. Зал со слушателями является в данном случае только импульсом для возникновения у оратора символической реакции, которая обусловливается целиком репродуктивно-сочетательной деятельностью нервной системы, а потому должна быть отнесена к порядку реакции нервно-психического характера.

Допустим затем, что нас угощают сладостями и мы выбираем из них известный сорт конфет для себя. Здесь реакция также следует за внешним раздражением, но она не вытекает из самого внешнего раздражения, а определяется прошлым индивидуальным опытом, который и отражается на выборе, а потому и здесь дело идет о репродуктивно-сочетательной деятельности нервной системы, вследствие чего реакция должна быть признана нервно-психической.

Даже реакции, выражающиеся первоначально хотя бы в виде простого рефлекса, развивающегося под влиянием непосредственного внешнего раздражения, но затем воспроизведенные совершенно независимо от этого раздражения или же под влиянием каких-либо иных внешних воздействий, как реакции, основанные на репро-

дуктивно-сочетательной деятельности нервных центров, должны быть признаны также нервно-психическими реакциями.

Таковы все *наши жесты, как смех, плач* и другие мимические движения. Будучи основаны на воспроизведении или репродукции простых рефлекторных движений, они суть нервно-психические реакции, хотя и более элементарного характера, нежели произносимая перед слушателями речь или выбор предлагаемого лакомства.

Из вышеизложенного очевидно, что, анализируя внешние реакции и устанавливая их соотношение с прошлыми воздействиями на организм, мы имеем возможность исследовать чисто объективным путем проявления нервно-психической деятельности, не обращаясь к субъективному анализу чужого «я» или вообще не делая экскурсий в область предполагаемых в другом лице субъективных состояний. Иначе говоря, когда мы хотим судить объективно о нервно-психической деятельности другого лица, нам нет надобности делать предположения о характере испытываемых им внутренних переживаний, а достаточно сказать, что внешние данные реакции этого лица обусловлены влиянием тех или других прошлых воздействий; последние оставили в нервных центрах известные следы, которые, оживляясь под влиянием данных внешних влияний, приводят к возникновению сложного ряда движений в форме определенных внешних реакций, например, в форме известных действий или поступков.

Мы уже говорили, что всякий нервно-психический процесс предполагает прошлое внешнее влияние, связанное с образованием следов, оживление которых путем сочетательной деятельности и приводит к развитию внешней реакции. Нетрудно видеть, что этот процесс в полном своем цикле отвечает рефлекторному акту, в котором средний член, в виде центральной реакции, получает особенное развитие.

В своей работе «Обоснование объективной психологии» я именно говорю, что «в так называемых психических или нервно-психических процессах центральная реакция представляется в той или иной мере задержанной и подвергается более или менее значительному осложнению путем передачи возбуждения с одного центра на другой и установления сочетания между следом от вновь возникшего возбуждения и следами прежних возбуждений».[1]

Само собой разумеется, что это усложнение центральной реакции зависит от большего или меньшего количества участвующих в возбуждении центров и от большего или меньшего количества оживляемых следов.

Дело, однако, заключается не в простом только сравнении нервно-психической деятельности с рефлексами или уподоблении первой рефлексом, что делалось уже и ранее, например, известным физиологом И. М. Сеченовым в его труде «Рефлексия головного мозга», а в том, что по взгляду объективной психологии все акты, которые являются результатом нервно-психической деятельности, не

[1] Бехтерев В. М. Обоснование объективной психологии // Вестник психологии. 1907. С. 109.

только развиваются по типу рефлексов, но что они всегда и везде находятся в зависимости от бывших внешних влияний, чем и отличаются от простых рефлексов. Если Локк в свое время утверждал, что нет ничего в интеллекте, что не было дано в ощущении, то мы с таким же правом можем сказать, что не существует ни одного поступка и ни одного вообще внешнего проявления нервно-психической деятельности без ранее бывшего внешнего воздействия.

При таком логическом построении мы во всяком случае не погрешаем против истины, тогда как, говоря о субъективных переживаниях, допускаемых в другом действующем лице путем опосредственного наблюдения, мы не устраняем от себя неизбежных ошибок, так как на самом деле предполагаемые нами субъективные переживания другого лица при данных его поступках могут не оказаться в действительности или же могут оказаться вовсе не такими, какими мы их воображаем, руководясь аналогией с самим собой.

В другом случае я подробно останавливаюсь на том, как много субъективного, а следовательно, и неточного мы вносим в чужое «я», когда воображаем, что на основании действий, поступков, речи и жестов мы, руководясь аналогией с самим собой, распознаем или, точнее говоря, пытаемся распознать внутренний мир другого человека. Я глубоко убежден, что мы здесь далеко не достигаем даже приблизительной точности.

Еще прежде при недостатке наших сведений можно было успокоиться на мысли, что хорошо образованный судья, раскрывающий субъективный мир преступника вплоть до выполнения им инкриминируемого деяния, воспроизводит верную картину всего им пережитого и делает правильную оценку мотивов, приведших данное лицо на путь преступления. Но с тех пор как введено состязательное начало в судах, явилась возможность наблюдать, что две стороны — обвинительная и защита рисуют нам совершенно противоположные картины внутреннего состояния подсудимого, руководясь одним и тем же материалом, содержащимся в поступках и заявлениях подсудимого.

С другой стороны, и те свидетельские показания, на основании которых пытаются воссоздать внутрений мир другого человека, как показали известные исследования Binet, Stern'a и Claparède'a, при вполне добросовестном отношении к делу самих свидетелей не только во многих отношениях не воспроизводят действительности в настоящем ее виде, но и оказываются нередко полными продуктов фантазии и поразительных ошибок памяти, что, естественно, должно вводить в обмен другое лицо, которое пожелало бы довериться этим показаниям.

Мало того, спросите двух лиц, только что слышавших вдохновенную речь какого-либо проповедника, и вы убедитесь, что хотя общее содержание речи в смысле ее внешней последовательности они передадут более или менее верно, но понимание того и другого лица относительно внутренних переживаний самого оратора и его субъективного состояния во время речи окажется поразительно противоречивым.

Даже по отношению к так называемой внутренней речи, которая некоторыми авторами (Müller и др.) не вполне правильно отождествляется с самим мышлением, имеются резкие индивидуальные особенности, не дающие права судить о самом характере этой внутренней речи по аналогии с самим собой. Как известно, Stricker [1] признавал, что словесные образы суть по преимуществу двигательные образы, и, следовательно, так называемая «внутренняя речь» основана на моторных процессах; тогда как Egger отстаивает взгляд, что «внутренняя речь» основана не на моторных, а на слуховых процессах, в пользу чего высказываются и другие авторы. Но вот Ballet,[2] причисляя самого себя к слуховому типу, признает одинаково ошибочным и мнение Stricker'a, и мнение Egger'a, так как и тот и другой без достаточных оснований обобщили, т. е. перенесли на всех других свое личное самонаблюдение, основанное на их индивидуальной особенности.

Вот почему мы должны признать, что «субъективная» психология, опирающаяся на самонаблюдение для того, чтобы быть более точной научной дисциплиной, должна иметь в виду главным образом изучение своего «я», т. е. изучение своих субъективных переживаний. При этом она может привлекать и эксперимент с целью уточнить самонаблюдение, подведя его под известный контроль и поставив свою психику в условия определенных внешних воздействий, дабы можно было подмечать путем самонаблюдения субъективные переживания, вызванные в нас этими воздействиями.

Но во всяком случае и там и здесь основным методологическим приемом субъективной психологии было, есть и будет самонаблюдение. Что же касается так называемого опосредственного наблюдения, то ввиду тех неточностей, о которых речь была уже выше, оно хотя и может быть привлекаемо для целей субъективной психологии, но не иначе как в виде дополнительного материала, обязательно проверяемого путем самоанализа данного лица и при всем том требующего очень осторожного к себе отношения, даже при условии, если дело идет о людях взрослых и достаточно интеллигентных.

В изучении же детской психики и психики животных, а равно и психики душевнобольных, опосредственное наблюдение, по моему мнению, способно привести нас к большим погрешностям, которые возрастают в тем большей степени, чем более удаляется предмет наблюдения, по своему умственному развитию и по своему состоянию, от нас самих.

Что касается объективной психологии как науки, совершенно не претендующей на изучение субъективных переживаний и ограничивающей свою задачу изучением внешних нервно-психических реакций в их соотношениях с внешними же воздействиями и выяснением на основании этих соотношений соответствующих нервных процессов в центрах во время нервно-психической деятельности, то она, избегая существенных погрешностей против истины, может

---

[1] Stricker. Studien über die Sprachstörungen. Wien, 1880.

[2] Ballet. Die Innerliche Sprache. Leipzig und Wien, 1800.

изучать эти соотношения как на взрослых людях, так и на детях, и на животных, а равно и на душевнобольных.

При этом объективная психология, само собой разумеется, должна пользоваться кроме объективного наблюдения и точным экспериментом, но в отличие от субъективной психологии она не нуждается в самоанализе испытуемого лица, а довольствуется лишь регистрацией внешних нервно-психических реакций организма, возникающих при определенных внешних воздействиях.

Само собой понятно, что в этом отношении целый ряд уже существующих экспериментально-психологических исследований может служить материалом и для «Объективной психологии», которая имеет полное право извлечь из этих исследований соответствующие выводы. Но независимо от экспериментальных данных, которые могут быть исключены из литературы для целей объективной психологии, необходимо иметь в виду, что объективная психология ставит и собственные задачи для разрешения их путем эксперимента — задачи, которые разрабатываются с помощью особой методики. Укажу, например, на исследования, произведенные у нас в лаборатории госпожой Нерпен, особенно же госпожой Добротворской и др., над двигательными реакциями и выясняющие зависимость репродуктивной и сочетательной деятельности нервной системы от количества интенсивности, частоты и равномерности или неравномерности предшествовавших раздражений;[1] на исследовании доктора Аствацагурова по отношению к речевой функции,[2] затем на объективное исследование детской психики в той постановке ее, которая принята для нашего Педагогического института.[3]

С другой стороны, и из области чисто физиологических, а равно и патологических исследований объективная психология имеет возможность извлекать соответствующие данные, выясняющие механизм нервно-психической деятельности с чисто объективной стороны.

Эти данные особенно важны в том отношении, что дают возможность выяснить как локализацию внешних впечатлений в нервных центрах, так и локализацию оставляемых ими следов, а равно и взаимоотношения, устанавливаемые между этими следами в нервных центрах.

Что касается самих следов, то все данные говорят за то, что они не представляют собой готовых статических изменений в центрах

---

[1] Бехтерев В. М. О репродуктивной и сочетательной реакции в движениях // Обозрение психиатрии. 1908.

[2] Аствацагуров. Дисс. СПб.

[3] Бехтерев В. М. Объективное исследование детской психики // Вестник психологии. 1908. Вып. I.

Его же. Первоначальная эволюция детского рисунка. Доклад в соединенном заседании Русского общества норм. и патол. психологии и комитета Педагогического института. (См. протоколы Русского общества нормальной и патологической психологии. 1908 г.); Шумков. Вестник психологии. № 1. 1908; Лившин. Доклад в Русском обществе нормальной и патологической психологии. 1908.

в виде отпечатков, напоминающих фотографические отпечатки или клише, а могут быть понимаемы как особые динамические изменения нервных центров и путей в смысле уменьшения сопротивляемости для возобновления раз происшедшего нервного возбуждения, причем в следах от окружающих предметов и явлений дело идет, очевидно, о целом комплексе такого рода динамических изменений, относящихся к размерам, форме и другим качествам предметов и явлений.

После всего сказанного возникает вопрос: может ли объективная психология как научная дисциплина иметь право на известную самостоятельность?

Как известно, самостоятельное положение той или другой научной дисциплины определяется ее особенными задачами и особенностью ее методов исследования.

Что касается задач объективной психологии, то уже все вышеизложенное показывает их совершенную обособленность от задач субъективной психологии.

Могут, правда, сказать, что и прежде объективные проявления психики были предметом наблюдения и исследования психологов. Но дело в том, что прежде объективные явления исследовались с целью познать душу человека, следовательно, на них смотрели как на одно из средств распознавания субъективных переживаний, происходящих в другом лице, иначе говоря, прежде внешние реакции служили как орудия опосредственного наблюдения для того, чтобы при посредстве их проникнуть во внутренний мир другого лица. Между тем в объективной психологии мы не пользуемся внешними реакциями с этой именно целью; мы их принимаем самих по себе, независимо от субъективных переживаний, их сопровождающих или им предшествующих, и выясняем лишь их соотношение с теми или иными внешними влияниями или раздражениями. В этом именно и заключается особенность задач объективной психологии, благодаря чему она вполне обособляется от психологии субъективной.

Что касается метода исследования, то мы знаем, что объективная психология пользуется, с одной стороны, объективным наблюдением внешних проявлений нервно-психической деятельности в соотношении с внешними же прошлыми влияниями, с другой стороны — экспериментом, в котором дело идет о регистрации внешних реакций, вызываемых теми или иными внешними воздействиями и основанных на прошлом индивидуальном опыте. В этом своем виде наблюдение и эксперимент являются исключительным достоянием объективной психологии и не могут дать подходящего материала для субъективной психологии.

Само собой разумеется, что всякая научная дисциплина должна пользоваться соответствующей терминологией, и в этом отношении «объективная психология», как новая научная дисциплина, не может и не должна пользоваться теми терминами субъективной психологии, в которых содержится определенно указание на субъективный характер внутренних переживаний, как: сознание, ощущение, чувство, представление, понятие, воля, внимание и т. п.

По этому поводу я уже в своей работе: «Объективное исследование душевнобольных»[1] совершенно определенно высказываюсь следующим образом:

«В учебниках психологии и психиатрии говорят обыкновенно о сознании, о воле, о внимании и т. п., не подозревая, что эти термины на самом деле и малоопределенны, и опираются исключительно на самонаблюдении. Держась объективной точки зрения при исследовании нервно-психической сферы душевнобольных, следовало бы говорить о положительном или отрицательном общем тоне или настроении вместо веселого или грустного расположения духа, о процессах впечатления вместо процессов восприятия, о закреплении или фиксировании следов в их оживлении вместо запоминания и воспоминания, о смене и сочетании следов друг с другом вместо течения и ассоциации идей, о раздвоении личности вместо раздвоения сознания, о внешних реакциях: психорефлекторного (мимика, жесты и пр.), психоорганического (отношение к истине, половые проявления и пр.), психоавтоматического (походка, локомоция вообще, ряд сложных привычных движений, игра на инструментах, шитье и пр.), индивидуального (поступки и действия) и символического характера (речь, письмо и др.)».

Само собой разумеется, что выработка терминологии есть дело времени, но из предыдущего очевидно, что при выяснении внутреннего механизма нервно-психической деятельности, выражающейся внешними реакциями, основанными на прошлом индивидуальном опыте, мы и в настоящее время можем пользоваться терминологией, исключающей по возможности всякий субъективизм. В этом отношении объективная психология может воспользоваться лишь теми из старых психологических терминов, которые по своему внутреннему смыслу не заключают в себе никакого указания на субъективные переживания, как, например, впечатление, личность, сочетание и т. п. Во всем же остальном она по самой сути дела должна будет вырабатывать соответствующую ее задачам объективную терминологию.

Теперь нам остается сказать еще несколько слов о самом названии «Объективной психологии».

Для новой научной дисциплины, которую мы стараемся защищать, мы выбрали название «Объективная психология», имея в виду, что содержание новой науки имеет теснейшее соотношение с так называемыми психическими или собственно с нервно-психическими отправлениями.

Дело в том, что хотя «объективная психология» не касается вовсе субъективных переживаний человека, но она, собственно, изучает объективную сторону тех же происходящих в мозгу человека сложных процессов, которые сопутствуются субъективными переживаниями.

Возьмем простой пример: человек смеется. С точки зрения субъективной психологии в этом случае заслуживают внимания те субъективные переживания, которые привели к смеху или выра-

---

[1] Бехтерев В. М. Обозрение психиатрии. 1907.

зились смехом. И мы говорим в этом случае, руководствуясь аналогией с самим собой, что «человек, припомнив себе что-то смешное, начал вследствие того смеяться». С точки же зрения объективной психологии мы говорим: у человека произошла при данных внешних условиях репродукция следов из прошлого опыта, приведшая к мимике смеха.

Возьмем затем пример, которым мы уже пользовались ранее.

Допустим, что человек, услышав голос дикого животного, устремился в бегство.

С точки зрения психолога-субъективиста это будет значить, что человек в голосе дикого животного узнал опасного для себя зверя и, почувствовав страх, стал искать спасения и потому устремился в бегство. Объективная же психология ограничится в этом случае утверждением, что голос дикого животного оживил в центрах следы от бывших зрительных впечатлений, вызванных видом дикого зверя, что и вызвало движение бегства.

Нетрудно видеть, что и там и здесь, несмотря на существенное различие обеих точек зрения, дело идет об одних и тех же происходящих в мозгу процессах, рассматриваемых в первом случае, т. е. в субъективной психологии, с их внутренней, иначе говоря, субъективной стороны, тогда как во втором случае, т. е. в объективной психологии, рассматриваемых с их объективной, или внешней стороны в смысле последовательного развития возбуждений и оживления следов, которое при этом происходит в первых центрах согласно гипотезе параллелизма.

Отсюда очевидно, что и та дисциплина, которая должна изучать нервно-психические процессы с их объективной стороны, может по праву называться «объективной психологией».

Я предвижу, что это название все же не удовлетворит тех, которые в понятии о психическом не видят ничего, кроме субъективного. Несмотря на то, что повседневная жизнь и опыт доказывают, что и понятия расширяются, а вместе с этим и термины, или словесные обозначения, приобретают другое, часто более широкое толкование, лица, с этим не считающиеся, будут определенно и неустанно утверждать, что название психологии должно быть оставлено для всего того, что познается только путем самонаблюдения. Забывая, что древнегреческий корень слова, от которого мы производим название психологии, ничуть не ограничивал связанное с ним понятие души одним духовным или субъективным состоянием, так как древние греки понимали под душой, в сущности, тонкую эфирную материю, эти лица тем не менее скажут: «Назовите вашу науку физиологией высших мозговых центров, биологической социологией или как угодно иначе, только не называйте ее психологией, хотя бы и объективной, так как ваша наука вовсе не имеет дела с субъективными явлениями или сознанием».

Таких лиц я, конечно, не надеюсь убедить в правильности избранного мной названия, но тем не менее считаю необходимым здесь указать на то, что и в субъективной психологии мы встречаем названия сочетаний, которые вместо того чтобы именоваться психологиями, именуются терминами, заимствованными из объективных

наук, как, например, «Физиология ума» Карпентнера, «Физиология и патология души» Мауделя, «Физиологическая психология» Цигена и т. п. В этих обозначениях, относящихся к сочинениям, занимающимся исследованием субъективных переживаний, никто не видел и не видит какого-либо существенного неудобства. Наконец, все, вероятно, согласятся со мной, что дело не в названии, а в сущности предмета — тем более что и названия habeant sua fata со временем изменяются, в некоторых же случаях они имеют исключительно техническое значение. Таково, например, название «Психофизика», содержащее в себе совмещение в одном слове субъективного и объективного термина.

Заканчивая свою беседу, я буду почитать себя счастливым, если привлек внимание читателя к задачам и методу объективной психологии. Человек сживается с привычкой и в конце концов привыкает идти везде и всюду рутинным способом. В этом отношении одна из самых порабощающих привычек есть привычка судить о других лицах и даже о всяком живом существе по аналогии с самим собой. Первобытный человек переносит свое «я» даже на неодушевленные предметы, видя в них особых деятелей, проявляющих по отношению к нему злой или добрый умысел подобно тому, как он сам проявляет злые или добрые намерения по отношению к окружающим его лицам.

Мы, люди цивилизованных стран, уже в значительной мере отрешились от этого одухотворения, или анимизма, основанного на перенесении своего «я» на предметы окружающей природы, или, что одно и то же, на так называемом субъективизме, иначе говоря, на общей для всего человечества склонности понимать все с субъективной точки зрения, но мы еще далеки от того, чтобы устранить субъективизм в отношении окружающей нас живущей природы. Мы влагаем свои чувства, мысли и намерения во всякое живое существо, воображая, что мы идем в этом отношении правильным путем, тогда как все данные говорят за то, что в этом отношении мы обманываемся самым поразительным образом, отождествляя предлагаемые нами субъективные переживания животных даже низшего типа со своим собственным сознанием.

Еще труднее для человека отрешиться от перенесения своего «я» на других лиц, отрешиться от понимания поступков и действий других по аналогии с самим собой. Мы везде и всюду в отношениях к другим людям прилагаем собственную субъективную оценку, наивно воображая, что мы избрали в этом отношении истинный и верный путь.

Этому субъективизму человечество обязано многими делами и, между прочим, понятием о так называемой свободной, самоопределяющейся и ничем не ограниченной воле — понятием, основанным исключительно на субъективной оценке поступков человека и вовсе не считающимся с данными объективного наблюдения, которые не оставляют сомнения в том, что все вообще поступки и действия человека определяются теми или иными внешними влияниями и подчинены определенной законности.

А между тем одно это признаваемое многими и поныне аксиомой понятие о свободной, самоопределяющейся и ничем внешним не

ограничиваемой воле, когда-то было виной страшных, мучительных пыток и казней и всех ужасов инквизиции. Да оно и ныне служит главной основой нравственной оценки действий и поступков человека и в случаях так называемой преступности служит основным мотивом для таких наказаний, как столь распространенная ныне смертная казнь.

Я глубоко убежден, что в тот час, когда человечество привыкнет строго объективно относиться к поступкам и действиям другого человека, исчезнет с лица земли месть и исчезнут такие ненормальные и позорящие современное человечество явления, как смертная казнь. При свете строго объективного исследования поступки и действия человека являются прямым следствием тех внешних условий, в которых создалась и воспиталась данная личность, они являются простым отражением окружающей действительности, а потому если поступки человека будут найдены несогласными со взглядами большинства, то и меры борьбы с ними не будут подсказываться чувством мести, как мы это видим ныне хотя бы в тех же смертных казнях, а будут направлены на возможное устранение и искоренение самих условий, приводящих к преступности.

Из этого примера вы видите, какие перспективы открывает нам строго объективное исследование человека во всех разнообразных проявлениях его личности. Вместе с укреплением воззрения, что действия и поступки человека находятся в прямой зависимости от прошлых и настоящих внешних влияний и что они должны быть изучаемы не сами по себе, а в соотношении с этими внешними влияниями, их определяющими, должны существенным образом измениться и все общественные отношения между людьми, которые ныне затемняются мраком субъективизма.

Вот почему выступление объективной психологии как научной дисциплины, заполняющей собой существовавший до сего времени пробел в познании высших проявлений человеческой личности, не только должно существенным образом содействовать углублению наших знаний в том сложном внутреннем механизме, который управляет действиями и поступками человека, но и будет расширять наши сведения о человеке как лице, входящем в круг общественной жизни, законы которой до сих пор еще мало изучены, еще мало исследованы.

Без преувеличения можно сказать, что человек с его нервно-психической деятельностью и сам по себе, и как сочлен большого сообщества людей представляет до сих пор во многих отношениях еще глубокую, скрытую от нас густой завесой тайну природы.

Лишь мало-помалу эта завеса вместе с общим прогрессом знаний приоткрывается, и мы усматриваем за ней тот или иной угол в вышеуказанной таинственной области.

По нашему глубокому убеждению, объективная психология при своем дальнейшем развитии сделает в этом отношении еще одно усилие и, направив свое исследование на выяснение объективной стороны нервно-психической деятельности человека, приподнимет нам еще одну часть завесы, скрывающей от наших глаз наиболее интимную область человеческого бытия.

Она тем самым приблизит нас к познанию человека как человека — с его вечной борьбой за право своего существования, за право своего самоопределения, с его то низменными, то возвышенными стремлениями, с его подчас дикими и даже ужасными поступками и, с другой стороны, с его благороднейшими порывами, влекущими его в область вечной истины, бесконечного добра и несравненной красоты.

1909 г.

В. М. Бехтерев.

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ПО ДАННЫМ ОБЪЕКТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Объективная психология, как мы ее понимаем, принимает во внимание только реакции организма на те или иные раздражения, ставя предметом своего изучения те из этих реакций, которые требуют для своего проявления личного или индивидуального опыта.

Наиболее разнообразными внешними реакциями во всем животном мире являются двигательные реакции, устанавливающие разностороннее отношение организма к окружающей его среде. Вместе с тем они являются и наиболее доступными для исследования у человека. Вот почему главным предметом исследования объективной психологии человека, по нашему мнению, должна быть двигательная сфера в ее разнообразных проявлениях, начиная от простых сочетательных рефлексов до более сложных двигательных проявлений, называемых нами личными движениями или в случаях еще более сложных двигательных реакций — личными действиями и поступками.

Ясно, что для изучения развития нервно-психической сферы в младенческом возрасте представляется необходимым последовательно отмечать все те проявления нервно-психической сферы и в особенности двигательные реакции, основанные на личном опыте, которые обнаруживаются у ребенка со дня его рождения, дабы таким образом выяснить, как постепенно с возрастом ребенка все более и более осложняются первоначальные проявления нервно-психической деятельности.

При этом само собой разумеется, что в исследованиях такого рода должен быть устранен всякий вообще субъективизм, а наблюдаемые явления должны быть оцениваемы исключительно с объективной точки зрения, так как иначе мы естественно утратим необходимую точность в исследовании занимающего нас предмета.[1]

Исследования такого рода потому и не могли иметь места до последнего времени, что психология вообще и детская в частности были главным образом субъективными знаниями, опиравшимися на

---

[1] Бехтерев В. М. Объективное исследование нервно-психической деятельности в младенческом возрасте. 1908.

самонаблюдение и пользовавшимися, где нужно, как, например, при исследовании субъективного мира других лиц, аналогией с собственным внутренним опытом, между тем как самонаблюдение и аналогия с самим собой в такой же мере неприменимы к области исследования младенческого возраста, как неприменимы они и к исследованию бессловесных существ.

Вот почему в условиях исследования «детской души» объективный метод является основным и почти единственным методом. Детский «духовный» мир есть исключительная область объективно-психологического исследования, на чем я настаивал в своих работах уже неоднократно.

И в настоящем исследовании мы должны держаться того же принципа, тех же основных взглядов, того же метода.

Материалом для исследования индивидуального развития нервно-психической сферы нам служили собственные дети в числе 5, над которыми и велись наблюдения со дня рождения в течение всего периода раннего детства. Особенно полно я имел возможность наблюдать за развитием нервно-психической сферы своей последней девочки, родившейся 2 апреля 1904 г.

Кроме того, наблюдения над собственными детьми пополнялись время от времени еще наблюдениями над несколькими посторонними детьми.

Пока мы не будем входить в частности вопроса о развитии отдельных проявлений детской невропсихики, что будет нами сделано в другом месте. Здесь мы хотели бы привести лишь общие результаты наших исследований в указанном отношении.

Все данные, которые в этом отношении мы могли собрать, говорят в пользу того, что первоначальные проявления нервно-психической сферы представляют собой, в сущности, усложнение обыкновенных рефлексов путем репродуктивно-сочетательной деятельности нервных центров в форме так называемых сочетательных рефлексов. Обыкновенный рефлекс, выполняемый при посредстве готового от природы механизма и развивающийся под влиянием органических или внешних раздражений при многократном его повторении одновременно с определенными раздражениями, быстро с ними сочетается, и таким образом в результате личного опыта происходит развитие сочетательных рефлексов в настоящем смысле слова, возбуждаемых теми или другими раздражениями, которым от природы не свойственно вызывать подобные рефлексы.

Так, развивается прежде всего органическая мимика в виде плача, который от природы является простым рефлексом, вызываемым резкими кожными раздражениями.

Благодаря этому уже с момента рождения ребенка мы слышим его плач, развивающийся от резких внешних раздражений, обусловленных самим актом рождения и температурными внешними влияниями. Как известно, тепло ребенка успокаивает и приводит ко сну, тогда как необычные кожные раздражения, например, от неопрятного состояния ребенка, пробуждают, вызывая плач. С другой стороны, пробуждение ребенка с плачем вызывается его естественной органической потребностью в еде. Отсюда развивается сочетание

потребности еды с плачем, благодаря чему плач скоро становится неотъемлемым и постоянным выражением недостаточного удовлетворения аппетита ребенка, являясь в форме сочетательной органической мимики.

С другой стороны, если резкие внешние раздражения, применяемые тем или другим лицом, вызывают рефлекторный плач у ребенка, то со временем достаточно уже одного вида человека, причинившего ребенку резкое внешнее раздражение, чтобы он разразился плачем. Так было, например, с доктором, которого моя девочка свободно допустила к себе и дала осматривать свой рот и полость зева, но манипуляция доктора во рту ребенка привела к плачу, и затем в другой раз ребенок уже неистово плакал при одном приближении к нему доктора.

Далее рефлекторные движения головы, глаз и конечностей, обусловленные внутренними и иными раздражениями, естественно приводят к изменению мышечно-суставных раздражений от этих органов и одновременно с тем к возникновению новых зрительных, осязательных, слуховых и иных внешних впечатлений или соответственному изменению прежних впечатлений этого рода. Эти новые или измененные впечатления, особенно при многократном повторении одних и тех же движений, вступая в сочетание с основными раздражениями, возбуждающими обыкновенный рефлекс, становятся способными и сами по себе вызывать те же самые рефлекторные движения, которые развиваются и при основном раздражении. Таким образом, на почве обыкновенного рефлекса возникает сочетательный рефлекс в виде движений головы, глаз и конечностей, являющийся повторением обыкновенного рефлекса, но развивающийся под влиянием впечатления, возникающего неизбежно вместе с раздражением, вызывающим обыкновенный рефлекс.

Для пояснения сказанного возьмем пример: младенец под влиянием органических раздражений делает движения руками и мотательные движения головой из стороны в сторону. Будучи приведен в определенное положение и приближен к материнской груди, он, производя мотательные движения головой, быстро нащупывает губами сосок, после чего начинается всем известный сосательный рефлекс. Здесь первоначально рефлекторные движения, обусловленные потребностью еды, приводят к получению новых для ребенка впечатлений от прикосновения губами к груди матери и от зрительных впечатлений, за которыми вследствие возбуждения нового рефлекторного акта, т. е. акта сосания, следуют дальнейшие впечатления от поступления молока в рот ребенка и от наполнения его желудка, что приводит к насыщению ребенка и последовательному его успокоению.

В результате мы имеем при естественном возбуждении обыкновенного органического рефлекса сочетание данного органического раздражения, возникающего от недостатка пищи, с впечатлением от определенного положения тела и мышечно-суставных раздражений, получающихся при движении головы, и с дальнейшими впечатлениями от прикосновения губ к груди матери и от поступления молока в рот ребенка и следующего затем глотательного акта, а

это сочетание приводит к тому, что после некоторого времени уже одно приведение ребенка в соответствующее положение его успокаивает; один вид материнской груди вызывает оживление соответствующих следов от бывших ранее мышечно-суставных впечатлений, приводит к прежним движениям головы, направленным к исканию груди матери, но теперь уже возбуждаемым не вследствие органических раздражений, обусловленных голоданием, а вследствие простых зрительных впечатлений.

Таким образом, обыкновенный рефлекс, возбуждаемый органическими раздражениями, неизбежным образом приводит к развитию сочетательного двигательного рефлекса того же самого характера. С течением времени уже слабые проявления голодания ребенка, выражающиеся потребностью еды, еще прежде, чем разовьется обыкновенный рефлекс, вызовут оживление соответствующих мышечно-суставных впечатлений, что обусловит движение головы для захватывания материнской груди. В этом случае в результате простого или обыкновенного рефлекса возникает путем сочетания личное движение, предупреждающее сам рефлекс и устраняющее его необходимость, вследствие осуществления акта сосания путем импульсов личного характера.

Точно таким же образом развиваются сочетательные реакции в форме личных движений и в других случаях. Допустим, что ребенок при массе рефлекторных движений захватывает поднесенную к нему игрушку. В результате получаются вместе со зрительными впечатлениями новые впечатления от мышечно-суставных раздражений и новые же кожные впечатления от захватываемого предмета. При повторении такого рода рефлекторных движений в конце концов упрочивается связь между зрительными впечатлениями и следами от соответствующих мышечно-суставных и кожных раздражений, благодаря чему при виде той же игрушки в следующий раз ребенок уже сам, без участия рефлекса, благодаря оживлению соответствующих мышечно-суставных следов, протягивает к игрушке свою руку и захватывает ее.

В другом случае младенец, производя рефлекторные движения своей рукой, вызванные органическими раздражениями, обжигает руку о горячий предмет. Это новое раздражение вызывает обыкновенный оборонительный рефлекс, выражающийся отдергивающим движением руки и поворотом головы к предмету кожного теплового раздражения.

Благодаря этому возникает неизбежное сочетание этого теплового кожного раздражения, вызвавшего оборонительный рефлекс, со зрительным впечатлением от данного раздражения, оставляющим известный след в нервных центрах. Теперь возобновление самого зрительного впечатления от данного предмета вызывает оживление следа от мышечно-суставных раздражений и возбудит неизбежным образом тот же оборонительный рефлекс в виде отдергивания руки, если последняя случайно окажется вблизи горячего предмета.

Так как движение вперед руки в направлении к игрушке должно вызывать мышечно-суставные впечатления, которые неизбежно при сказанных условиях сочетаются с органическими впе-

чатлениями от стенической внутренней реакции, а отдергивание руки сопутствуется мышечно-суставными раздражениями, сочетающимися с органическими впечатлениями от астенической реакции, вызванной обжигающим кожным раздражением, то впоследствии уже достаточно одного оживления стенической реакции, чтобы вызвать оживление мышечно-суставных следов от захватывающего движения рукой, что приводит к осуществлению наступательного движения в виде захватывания рукой предмета.

Последнее, таким образом, возникает под влиянием импульсов, вызванных следами от органических впечатлений стенического характера, иначе говоря, личными импульсами.

В другом случае одного появления астенической реакции уже достаточно, чтобы вызвать оживление мышечно-суставных впечатлений, связанных с отдергиванием руки, благодаря чему это движение оборонительного характера естественно возникает уже как сочетательный рефлекс, обусловленный импульсами личного характера.

Из вышеизложенного очевидно, что движения, которые мы называем личными и которые в субъективной психологии именуются волевыми, развиваются из обыкновенных рефлексов путем сочетательной деятельности наподобие всех других сочетательных рефлексов.

Необходимо заметить, что все вообще рефлекторные движения дают в результате мышечно-суставные впечатления, которые при оживлении сами по себе возбуждают те же двигательные акты. Так как при этом оживление мышечно-суставных следов происходит под влиянием сочетания их с теми или иными впечатлениями, то дело идет в этом случае уже о простейшем сочетательном рефлексе. Сюда относится между прочим и так называемая «круговая реакция», столь часто наблюдаемая у детей и состоящая в многократном повторении одного и того же движения. Эта реакция обусловливается собственно тем, что движение, вызванное теми или другими импульсами, вызывает мышечно-суставные впечатления, следы которых оживляются под влиянием тех же импульсов, вновь повторяющихся при осуществлении движения, вследствие чего вновь происходит то же самое движение, повторяющееся много раз одно вслед за другим.

Другой вид простого сочетательного рефлекса представляет подражание, которое также играет большую роль в развитии движений у детей. В этом случае дело идет об упрочении связи между мышечно-суставными впечатлениями, обусловленными данным рефлекторным движением, и зрительным впечатлением, получаемым от этого движения членов собственного тела.

Благодаря такому упрочению связи между мышечно-суставными и зрительными впечатлениями от собственного движения, зрительное впечатление подобного же движения, производимого другим лицом, оживляет соответствующие мышечно-суставные следы, вызывая само движение в форме подражательного акта.

Подобным же образом развивается и акт сосредоточения.

Допустим, что ребенок, находясь в своей кроватке и производя целый ряд рефлекторных движений головой и конечностями, бросает

случайно свой взор на красную ленту, привешенную к кроватке, или на какой-либо иной близлежащий предмет. Этим самым возбуждается аккомодативный рефлекс, который приводит к развитию более интенсивного зрительного впечатления. Последнее обусловливает то, что при повторении рефлекторных двигательных актов зрительного впечатления от красной ленты, как и от иного внешнего предмета, на который падает взор ребенка, путем сочетательной деятельности и оживления соответствующих мышечных следов от движения глаз направит взор ребенка в сторону данного внешнего предмета, результатом чего явится тот вид сосредоточения, который возбуждается впечатлениями от внешних объектов и который может быть назван пассивным сосредоточением.

Впоследствии как акт сосредоточения, так и другие движения, сочетаются и с органическими потребностями, вследствие чего дело идет уже о личном или активном сосредоточении.

В тех случаях, как в голосовом аппарате, когда рефлекторное движение дыхательных и голосовых органов вызывает звуки, происходит сочетание звукового впечатления с мышечными следами, вследствие чего те же звуки, слышимые от других, оживляют мышечные следы, вызывая подражательные движения и звуки.

Отсюда ясно, что и членораздельная речь является в значительной мере сочетательно-рефлекторным движением, которое, благодаря связи с определенными впечатлениями или внутренними состояниями, получает значение известных символов.

Но в этом роде движений, как, впрочем, частью и в других, особую роль играет акт подражания.

Сама символизация, являющаяся необходимым элементом речи, развивается по тем же самым законам репродуктивно-сочетательной деятельности. При этом, как показывают наблюдения, развивается воспринимающая часть речи, которая обусловливается исключительно процессами сочетания.

Иначе говоря, вид предмета и данный речевой звук встречаются во взаимных сочетаниях столь часто, что для ребенка они становятся сочетаниями привычными, благодаря чему тот же речевой звук оживляет с постоянством следы от соответствующего ему предмета.

Когда, таким образом, ребенок видит перед собой свою мать и слышит в то же время название ее «мама», у него происходит постепенно прочное сочетание звука «мама» с данным лицом, благодаря чему одно произношение звука «мама» вызывает соответствующий след и возбуждает наступательную реакцию, благодаря которой ребенок тянется к маме.

Само собой разумеется, что и производящая часть речи развивается также по принципу сочетательных рефлексов.

Первоначально разнообразные звуки ребенком производятся часто рефлекторным путем под влиянием общих органических раздражений, причем рефлекторное обнаружение голоса в сочетании с теми или иными движениями губ и языка приводит к произведению разнообразных звуков, известных под названием детской болтовни.

С течением времени они осуществляются путем оживления мышечных раздражений под влиянием общей стенической реакции

и связанных с ней органических впечатлений, всегда возбуждающих двигательную сферу. Детская болтовня, таким образом, является прежде всего результатом рефлекса, обусловленного органическими раздражениями.

В одной из своих предшествующих работ [1] я доказываю, что и гласные звуки, и даже некоторые сочетания гласных с согласными, образующих собой односложные слова, как: «ну», «ух», «ох», «на», «ма» и т. п., суть простые рефлексы в речевом аппарате. На почве этих рефлексов развивается затем первичная речь в виде сочетательных рефлексов, когда те же самые звуки возбуждаются внешними впечатлениями и внутренними состояниями иного рода. Со временем же одно оживление мышечных следов от рефлекторных и сочетательно-рефлекторных речевых движений уже само по себе вызывает речевые движения, как простейший сочетательный рефлекс. В дальнейшем дело идет о постоянном ускорении первичных сочетательных рефлексов удвоениями и усложнениями слогов прибавочными звуками, поставляющими в общей совокупности человеческую членораздельную речь.

В этом процессе, без сомнения, играет особо значительную роль звукоподражание.

Когда двигательный механизм достаточно разовьется не только как обыкновенный рефлекс, но и как простейший сочетательный рефлекс, могут осуществляться уже и другие сочетательные речевые рефлексы под влиянием звуковых раздражений, достигающих уха ребенка. Это последнее объясняется тем, что, как уже ранее упоминалось, разнообразные звуки произносимых слогов и слов во время детской болтовни прочно сочетаются с мышечными впечатлениями от движений языка, губ и голосового аппарата, благодаря чему подобные же звуки слов, произносимые другими путем оживления мышечных следов в состоянии вызывать соответствующие речевые движения.

Таким образом, звукоподражательная речь у ребенка развивается в связи с мышечными впечатлениями, обусловленными детской болтовней, и, не будь последней, не могло бы быть и звукоподражательной речи.

Ясно, что и звукоподражательная речь развивается подобно всякому сочетательному рефлексу.

Кроме сочетания звуковых впечатлений с мышечными следами известную роль на развитие речи оказывают и зрительные впечатления, обусловленные наблюдением за движением губ при произношении слов посторонними лицами.

У глухих, как известно, развитие речи происходит исключительно под влиянием зрительных импульсов. В этом случае дело идет о сочетании зрительных впечатлений с мышечными следами, обусловленными рефлекторными речевыми движениями, благодаря чему под влиянием первых оживляются мышечные следы, что и приводит к осуществлению речевых движений.

---

[1] См.: Доклад в педологической секции Психоневрологического института за 1909 г.

Речевая функция, как личное движение, развивается вместе с тем, как символическая реакция тесно сочетается с органической сферой, являющейся основой личных потребностей ребенка.

В период развития речи, прежде чем последняя сделается личным движением, вместе с целым рядом звукоподражательных речевых знаков поражает у ребенка особое развитие жестов и пантомимических движений, на что я указывал уже в своей работе «Объективное исследование нервно-психической деятельности в младенческом возрасте».[1]

Это пополнение недостающих речевых знаков звукоподражательными знаками, жестами и пантомимическими телодвижениями в указанном периоде объясняется тем, что общие движения и звукоподражение развиваются ранее членораздельной речи, вследствие чего ребенок широко пользуется этими движениями как способом проявления своей сочетательной деятельности.

Заслуживает внимания неизбежность сочетаний в известных случаях, например, рефлекторные движения неизбежно вызывают известные мышечные впечатления, за которыми опять-таки неизбежно следует изменение зрительных, осязательных и иных впечатлений. Далее мышечные впечатления при движениях голосового аппарата также неизбежно влекут за собой звуковые впечатления.

Эта непреложная последовательность двух порядков впечатлений, обусловливающая неизбежную сочетательную связь их следов в непосредственном следовании одного за другим, наблюдаемая и в других случаях, служит основой для непреложной зависимости сочетаний и последовательно приводит к развитию так называемых причинных сочетаний вообще и логических сочетаний в речевом аппарате в частности.

Само собой разумеется, что и в дальнейшей индивидуальной жизни сочетательные рефлексы развиваются подобным же образом из простых рефлексов, возникающих под влиянием внешних раздражений.

При этом, как доказывают произведенные у нас экспериментальные исследования, развившиеся на почве обыкновенных рефлексов сочетательные рефлексы и сами по себе могут служить началом дальнейшего развития «вторичных» сочетательных рефлексов.

Таким образом, весь анализ фактов приводит нас к выводу, что сочетательные рефлексы, развивающиеся при участии репродуктивно-сочетательной деятельности нервных центров, являются первоосновой или элементом всех вообще нервно-психических отправлений, рассматриваемых с объективной точки зрения, следы же этих рефлексов составляют тот запас личного опыта, который характеризует нервно-психическую деятельность отдельных лиц.

Из вышеизложенного ясно, что объективная психология, как мы ее понимаем, уже на первых же порах своего возникновения доказывает нам точным образом развитие сложных проявлений нервно-психической сферы из простых или обыкновенных рефлексов,

---

[1] См.: Вестник психологии и отд. изд.

что не может нам доказать никакой вообще субъективный анализ психической деятельности.

Так как обыкновенный рефлекс развивается из первичной раздражительности простой клеточной протоплазмы, то этим самым объективная психология дает основание взгляду, что все наиболее сложные проявления нервно-психической деятельности, как они проявляются в поступках и действиях человека, суть производные первичной раздражительности клеточной протоплазмы. Этим самым устанавливается общность всех вообще двигательных проявлений в лестнице органических существ, начиная от элементарных двигательных процессов простейших клеточных организмов и растений в виде сократительности их клеточной протоплазмы и кончая разнообразными проявлениями движений человека, являющимися результатом сложнейших процессов его нервно-психической деятельности.

Все развитие нервно-психической деятельности высших существ, собственно, и сводится к систематическому воспитанию путем жизненного опыта сочетательных рефлексов, многоразлично усложняющихся и подвергающихся затормаживанию или угасанию в зависимости от тех или других условий и затем вновь оживляющихся при соответственном случае.

При этом вместе с воспитанием сочетательных рефлексов наблюдается два основных процесса, состоящих, с одной стороны, в их дифференцировке, в смысле развития сочетательных рефлексов под влиянием все более и более частных внешних раздражений, и, с другой стороны, в их синтетизации, состоящей в том, что один и тот же рефлекс под влиянием жизненного опыта начинает возбуждаться целым рядом внешних раздражений, хотя и различных по качеству, но имеющих те или иные общие внешние условия в смысле их пространственных отношений или последовательности.

Первоначально сочетательные рефлексы обыкновенно имеют более или менее общий характер, развиваясь под влиянием целого ряда родственных или смежных внешних раздражений, впоследствии же, вследствие жизненного опыта, они постепенно все более и более дифференцируются, становясь рефлексами более специализированного характера. Но в иных случаях уже дифференцированные рефлексы под влиянием того же жизненного опыта становятся рефлексами менее специализированными, вызываясь целым рядом близких друг другу в каком-либо отношении внешних раздражений.

Наконец, первичные сочетательные рефлексы при известных условиях, как мы упоминали выше, дают место вторичным сочетательным рефлексам, представляющим собой сочетательные рефлексы, связанные с внешними раздражениями при посредстве других сочетательных раздражений, как это доказывается и опытным путем с искусственным воспитанием вторичных сочетательных двигательных рефлексов.

Дальнейший важный факт, который раскрывает нам область объективно-психологического исследования нервно-психической сферы, заключается в том, что все следы, оставляемые внешними впечатлениями, суть не что иное, как следы сочетательных рефлексов

того или иного рода, представляющие собой, как надо думать, пути наименьшего сопротивления в нервных центрах и возбуждающие при оживлении те же самые рефлексы; но при этом самый процесс оживления под влиянием тех или других условий может подвергаться торможению.

Если вся нервно-психическая деятельность с точки зрения строго объективной состоит из совокупности сочетательных рефлексов, то и запас личного опыта должен состоять не в чем ином, как в совокупности следов протекших сочетательных рефлексов, временно подвергшихся заторможению.

Таким образом, дело идет не об «анатомических следах», оставляемых нервными центрами после внешних впечатлений, а о «следах», представляющих собой как бы заглохшие, вследствие внутреннего или внешнего торможения, пути рефлексов, которые оживляются каждый раз вновь, как только торможение будет преодолено по тем или иным причинам, так как нервный ток всегда легче устремляется по однажды уже протоfренному пути, как по пути меньшего сопротивления.

Особое значение должен иметь вопрос о локализации сочетательно-рефлекторных проявлений в головном мозгу. И здесь объективная психология, по-видимому, намечает новые факты, доказывающие, что сочетательная деятельность центров не ограничивается мозговой корой, как допускали априорно ранее. По крайней мере имеются основания излагать, что сочетательные рефлексы не являются выражением исключительно лишь деятельности мозговой коры, но в известных случаях при более элементарных внешних раздражениях и подкорковых узлов. В пользу этого говорят по крайней мере факты, доказывающие восстановление сочетательных рефлексов, например смежных, после временного их угасания вслед за удалением соответствующих корковых центров. Но несомненно одно, что коре принадлежит дифференциация и, очевидно, также синтетизация сочетательных рефлексов под влиянием индивидуального жизненного опыта.

Этим я заканчиваю свое сообщение, которое, как мне кажется, должно навести на мысль, что объективная психология уже в настоящее время, когда она еще делает первоначальные свои шаги, дает материал для известных обобщений, которые обещают расширить наш кругозор на природу нервно-психической деятельности за пределы тех рамок, в которых вращаются данные субъективной психологии.

В этом залог успеха и прочного развития новой научной дисциплины.

Последняя отличается от субъективной психологии одной существенной особенностью. Она не дает материала для широкого полета фантазии, который легко допускается психологами-субъективистами при оценке психических переживаний другого лица. Когда мы судим о психической деятельности другого человека, особенно в том случае, когда он не передает нам своих переживаний словами, мы всегда охотно склоняемся к предположениям, вытекающим из своего субъективного мира и основанным на самонаблюдении. Мы невольно

приписываем другим те переживания, которые мы сами испытывали бы при аналогичных условиях, забывая, что нервно-психическая деятельность созидает материал исключительно под влиянием личного опыта, и поскольку личный опыт каждого человека протекает при неодинаковых внешних условиях, постольку и данные личного опыта, оставляемые в центрах в виде следов, способных к оживлению, представляются различными. Отсюда возникает нагромождение наряду с действительными фактами целого ряда предположений, никому не нужных и вредящих существенным образом развитию научной мысли в области изучения нервно-психического мира.

Наконец, объективно-психологические исследования лишены тех заманчивых перспектив, которые раскрывает нам субъективная психология. Они не анализируют сознание с его внутренними переживаниями и широким полетом мысли, увлекающим человека в заоблачные выси. Свободная от стремлений и попыток проникать в субъективный мир грез и фантазий объективная психология дает нам прозу на место поэзии, рассматривая нервно-психические отправления исключительно с их внешней стороны и сводя их к сочетательным рефлексам и реакциям.

Но тем не менее в объективной психологии мы видим ключ к постройке отправлений организма, которые издавна назывались «*душевными*» и окружались ореолом «духовного» невещественного начала с трансцендентным миром явлений, из простых рефлекторных процессов организма и *преемственно* из простой сократительности клеточной протоплазмы, а это расширяет наш кругозор более, чем самый широкий полет фантазии психолога-субъективиста и вместе с тем приводит в гармонию факты, которые казались до сих пор столь разрозненными, столь противоречивыми друг другу.

В этой гармонии фактов, до сих пор считавшихся несоизмеримыми одни с другими, — гармонии, устанавливаемой объективно-психологическими исследованиями, мы черпаем уверенность, что объективная психология явится тем звеном, которое заполнит пропасть между объективно наблюдаемыми биологическими явлениями и субъективным миром, бывшим до сих пор единственным предметом исследования со стороны психологов. И в тот момент, когда точный эксперимент установит прочное соотношение между новой объективной психологией и прежней субъективной психологией, предварительно очистив последнюю от целого ряда априорных утверждений, психолог станет таким же натуралистом, как и прозаический исследователь физики и химии. Если при этом его выводы будут не столь увлекательны по широте размаха в области догадок и предположений, то во всяком случае они будут отличаться строгой точностью и углублять научную мысль в ту таинственную область, которая раскрывает перед нами самый процесс зарождения и развития нервно-психических явлений.

Таким образом, объективная психология, давая соответствующую цену упомянутым априорным предположениям, указывая им свое место в области простой фантазии, а не точной научной мысли, сыграет роль известного очистителя или фильтра для тех далеко ненаучных данных, которые ныне входят в область субъективной

психологии, загромождая собой эту научную дисциплину. Полет фантазии всегда заманчив, и, как красивый жест, он возбуждает умы, но наука, строгая наука должна оценивать факты и отделять действительные из них от призрачных, ибо только первые обеспечивают прогресс знаний, вторые же служат ему тормозом. И я убежден, что, когда объективная психология, развившись в более полную научную дисциплину, встанет в тесное соотношение с субъективной психологией, эта последняя лишится многих из своих фантомов и миражей, которые кажутся такими привлекательными и которые так красивы, но которые разбиваются и исчезают, как только выясняется ближе действительная причина их возникновения.

Во имя этой точности, которую заключает в себе объективная психология, созидаемая исключительно на объективном наблюдении и опыте, пожелаем ей привлечь больше внимания со стороны всех лиц, посвящающих себя изучению нервно-психической деятельности вообще, где бы и в каких бы формах она ни проявлялась.

1910 г.

ПРЕДМЕТ И ЗАДАЧИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ КАК ОБЪЕКТИВНОЙ НАУКИ [1]

I. Введение

Общественные события являются деяниями человеческих рук, а потому каковы бы ни были внешние влияния, их определяющие, сам человек ни в каком случае не может быть игнорируем как фактор общественных событий.

Но деятелем здесь является не та или другая личность, а целое общество, толпа, собрание или народ, а это — не одно и то же. Отсюда очевидно, что психология отдельных лиц, или индивидуальная психология, не пригодна для уяснения общественных движений и развития общественных событий, поскольку отдельная личность не может быть олицетворением всего общества или народа. На этой почве, собственно, и возникают попытки создать особую психологию народов.

Еще в 60-х гг. истекшего столетия Steinthal и Lazarus сделали такую попытку создания «психологии народов». Они исходили из предположения, что народный дух отличен от индивидуальной души. Существование народного творчества как бы говорило, по их мнению, в пользу существования особого сверхличного сознания или собирательного народного духа. Благодаря этому и различия в культуре народов объясняются будто бы особенностями их национального, или народного, духа.

Но эта попытка не встретила большого сочувствия, так как о сверхличном сознании или о едином народном духе можно говорить лишь в виде фигурального сравнения, а ничуть не как о реальном факте.

Дело в том, что если понимать под сознанием внутреннее содержание «я», или личности, как это вообще общепризнано, то немыслимо делить человеческое сознание на индивидуальное и общественное, или народное, сознание, понимая под последним не собирательное или объединенное сознание отдельных лиц, входящих в состав народа и его представителей, а нечто выделяющееся, как единое сверхличное сознание. Вполне естественно поэтому, что

---

[1] Доклад при открытии психологической секции совета Психоневрологического института 20 февраля 1910 г.

попытка создать социальную психологию на таком основании не могла иметь успеха и была встречена возражениями с разных сторон.

Дальнейшим развитием той же идеи, но в другом направлении, является работа W. Wundt'a относительно «психологии народов». Предметом своего исследования он взял собственно язык, мифы и обычаи как продукты коллективной деятельности народного ума и задался целью при этом изучить те психические законы, которые в них проявились.

Легко видеть, что здесь дело идет уже не о сверхличном или народном сознании, а об изучении коллективной творческой деятельности, и в этом отношении В. Вундом, несомненно, сделан существенный шаг вперед, хотя им и не создана социальная, или общественная, психология в настоящем смысле слова.

По В. Вундту,[1] общие продукты творческой деятельности обусловливаются тем, что «творчество одного индивида может быть признано со стороны другого адекватным выражением его собственных представлений и аффектов, а потому множество различных лиц могут быть в одинаковой мере творцами одного и того же представления». Дело, таким образом, сводится к тому, что в общественных организациях можно говорить об индивидуальных психических процессах, которые в той мере, в какой они отвечают таким же процессам других лиц, являются общими продуктами психической деятельности известного ряда лиц. Но в таком случае, очевидно, не может быть и общественной психологии, так как при этом для нее не открывается никаких новых задач, кроме тех, которые входят и в область индивидуальной психологии.

Очень многое было сделано для изучения особенностей психических проявлений толпы авторами романских народов. Мы упомянем здесь о работах Tarde'a, Lebon'a, Sighele и др.

В России психология толпы изучалась Михайловским, а за ним и целым рядом других авторов. Но толпа является одним из видов общественных форм и притом наиболее элементарным из них, представляющим все особенности стадного характера. Таким образом, толпа является лишь одним из объектов исследования психологии, изучающей общественные проявления нервно-психической деятельности человека.

К общественно-психологическим вопросам нервно-психических проявлений относится и работа автора настоящего труда, вышедшая впервые в 1898 г. под заглавием «Роль внушения в общественной жизни»,[2] в которой оценено значение внушения как важного фактора в области проявления общественных психических процессов. С тех пор до позднейшего времени, насколько нам известно, почти не было попыток охватить психические проявления народных масс в их целом, и, таким образом, не было еще создано той научной дисциплины, которая имеет предметом своего изучения психологию не отдельных личностей, а психологию народных масс в самых

---

[1] Wundt W. Völkerpsychologie. Ч. II. С. 593.

[2] Вышло третьим изданием в 1908 г.

разнообразных их формах, и которая должна получить название «общественной» или «социальной» психологии в настоящем смысле этого слова.

Лишь в позднейшее время появилась работа А. Копельмана,[1] стремящегося установить общую точку зрения на этот предмет, причем его анализ приводит к совершенному исключению народного духа или сверхличного сознания. По автору, «в основе социальных духовных продуктов могут лежать единственно только индивидуально-психические процессы», и потому корень социальных явлений нельзя искать «в чем-либо другом, кроме индивидуальных сознаний, исключительно индивидуальных, не имеющих никаких социальных отделений».

Автор признает, что социальные продукты, являясь произведением отдельных лиц, обладают характером заключающегося в них объединения индивидуальных продуктов, но он не считает возможным делать из этого факта заключение «о единстве сознаний создавших их индивидуумов, народа».

Он допускает общественное единство или — в цивилизованных народах — много отдельных единств под общим названием «коллектива», под которым автор понимает «всякую групповую единицу, объединенную происходящим в ней процессом установления психического единства» (с. 37). Объектом коллективной психологии автор и признает такой коллектив. Коллективная психология поэтому исследует, по автору, не особенный психический процесс, а берет его в связи с процессами, происходящими в остальных членах коллектива, и ищет определить суть этой связи, взаимоотношение между такими индивидуальными процессами, закономерность, проявляющуюся при этом.

Эта точка зрения, несомненно, правильнее той, которая заявлялась другими авторами. К сожалению, автор далее общей постановки вопроса не пошел.

Мы не думаем также, чтобы вводимый им термин — коллектив — привился в той области знания, о которой идет речь. Мы думаем, что термины «общество» и «общественный», как находящиеся уже в общем употреблении, более подходят к обозначению и предмета исследования, и самой науки, так как всякое общество предполагает ту или другую связь между отдельными индивидами, тогда как «коллективность», «соборность», хотя и предполагает известную связь между членами, но эта связь не обязательно должна быть внутренней, а может быть и чисто внешней.

На этом основании мы признаем более правильным обозначать новую научную дисциплину, имеющую целью исследование психических продуктов не отдельных лиц, а целого их собрания, предполагающего внутреннюю связь между отдельными лицами, «общественной, или социальной, психологией».

Мы не считаем возможным согласиться также с основной точкой зрения автора, говорящего «о единстве сознаний» отдельных инди-

---

[1] Чем должна быть коллективная психология? Введение к работам по коллективной психологии. Одесса, 1908.

видов, «о душе коллектива» — в pendant к индивидуальной душе (с. 42), «о слиянии психик», «образующих единую коллективную душу».

Мы полагаем, что в обществах и собраниях можно говорить о взаимодействии и до известной степени и нивелировке продуктов нервно-психической деятельности отдельных лиц, но не о единстве их в форме создания «единой коллективной души», что мало обособляет нас от взглядов Steinthal'a и Lazarns'a, против которых восстает и сам автор.

По-видимому, наиболее полно мысли Копельмана переданы в следующем пункте (с. 42 и 43): «Мы должны себе представить психику каждого индивидуума сливающеюся в большей или меньшей степени с психикой других индивидуумов. К психическому содержанию индивидуума, к материалу, относящемуся и выработанному в его мозгу, прибавляется содержание других сознаний». «Таким образом, происходит в большей или меньшей степени слияние психик, они все образуют единую коллективную душу. В этой единой душе, в объединенном, но в начале многообразном психическом содержании и происходит ряд процессов, в результате коих получается все большее уничтожение этого многообразия, т. е. единство: в ней и происходит единое коллективное творчество».

В противовес автору мы думаем, что правильнее говорить в общественных группах о собрании психик и об их взаимодействии и нивелировке, что приводит к объединению продуктов психического творчества, но не о «единой психике коллектива» или «единой коллективной душе», каковой в действительности не существует. Словом, психическая деятельность отдельных лиц, находящихся в общих собраниях и группах, благодаря взаимодействию друг на друга дает в результате общие или социальные продукты творчества, ничуть не утрачивая своей самобытности и не сливаясь вместе с другими в одну общую единую психику или «единую душу».

Далее, мы решительно стоим против всякого субъективизма в общественной психологии, который является неизбежным в том случае, когда речь идет о «единстве сознаний» как основе коллектива.

По нашему мнению, если в индивидуальной психологии возможна речь в сознании, так как дело идет в этом случае об исследованиях, производимых путем самонаблюдения над самим собою и переносимых по аналогии на других лиц, то мы ничуть не можем пользоваться методом самонаблюдения, основанным на аналогии со своим собственным сознанием, в применении к массе лиц в общественных группах, допуская при этом гипотетическое «единство душ» или «единство сознаний», следовательно, предлагая единство их содержания, т. е. единство ощущений, представлений и пр.

Мы полагаем, что во всех случаях, когда речь идет о проявлении нервно-психической деятельности массы лиц, мы должны совершенно оставить субъективную точку зрения, так как, только фигурально выражаясь, мы можем говорить о народной душе, о народном чувстве, о народном представлении, понимая под этим, собственно, чувства или представления многих лиц, особенно из среды руко-

водящего класса населения, но не слитное чувство или представление массы лиц.

Отсюда очевидно, что в общественной психологии мы можем говорить о проявлениях или продуктах нервно-психической деятельности целой группы лиц и об их внешних реакциях при тех или иных условиях, а не о субъективной стороне их психики, которая остается в этом случае вне поля исследования. Иначе говоря, общественная психология должна быть наукой исключительно и в строгом смысле слова объективной, а не субъективной.

II. Определение общественной психологии

Понимаемая в вышеуказанном смысле общественная психология не должна быть отождествляема с психологией народов, по крайней мере в том виде, как понимает ее В. Вундт. От последней общественная психология вполне отграничивается, так как предметом ее не служат одни лишь мифы, обычаи и язык народов, но все вообще проявления общественной нервно-психической деятельности — и притом не только таких больших племенных общественных групп, как отдельные народы, но и более мелких социальных групп, на которые разделяются отдельные народы, а также и проявления общественной деятельности групп, выделяемых народами для установления совместной международной деятельности.

Не подлежит сомнению, что мифы, обычаи и язык отражают в себе в значительной мере особенные черты народа и потому составляют материалы для национальной психологии каждого народа — материал, хотя и ценный, но далеко еще не исчерпывающий предмет в указанном отношении.

Дело в том, что и другие продукты нервно-психической деятельности народа, как наука, искусство, религия, история и пр., поскольку они являются оригинальным продуктом деятельности данного народа, также могут служить в известной мере для характерологии народов. Хотя эти продукты творческой деятельности и отнесены Вундтом к продуктам индивидуального творчества или творчества отдельных личностей данного народа и как бы противополагаются тем продуктам безличного социального творчества, к каковым, по его взгляду, должны быть отнесены мифы, обычаи и язык, но несомненно, что и эти продукты творческой деятельности народов в той мере, в какой они отражают собой продукты коллективной деятельности представителей данного народа, их воззрений и взглядов, не могут быть исключены из характерологии последнего.

Как бы то ни было, изучение мифов, обычаев и языка народов, имея особое значение по отношению к их национальной психологии, ничуть не представляет собой не только единственного, но даже источника изучения общественной психологии. При том же общественная психология имеет своей целью не исследование племенных особенностей психической деятельности, сложившихся под влиянием ряда исторических событий и условий климата и местности, на которой данный народ живет и развивается, а определение обще-

ственных настроений и аффектов, общественной интеллектуальной работы и общественной деятельности. Поэтому в общественной психологии, как мы ее понимаем, результаты исследований относительно мифов, языка и обычаев могут занимать лишь особый отдел и не могут занимать в ней исключительного или даже первенствующего положения.

Прежде всего, мифы и обычаи, идущие из старины и являющиеся пережитками давнего прошлого, не могут характеризовать современное общество. Равным образом и язык, сложившийся веками, сам по себе не дает материала для психологического исследования современных общественных групп. Скорее в этом случае не мифы и не язык, а содержание и внешняя форма тех заявлений, которые делаются тем или другим народным собранием или представительством, имеют значение для психологической характеристики самого народа, равно как различные стороны его быта и проявления народных движений.

Общественная психология, как показывает и само название, естественно соприкасается с индивидуальной психологией, обособляясь от нее тем, что она исследует не психические проявления отдельных индивидов, а психические проявления их социальных групп.

В этом смысле имеется даже известное противоположение между индивидуальной психологией и общественной психологией, так как первая стремится выяснить особенности отдельной личности, найти различие между психическим складом отдельных лиц и указать психологическую основу этих различий, тогда как общественная психология, изучая массовые или коллективные проявления нервно-психической деятельности, имеет в виду, собственно, выяснить, как путем взаимоотношения отдельных индивидов в общественных группах и сглаживания их индивидуальных различий достигаются социальные продукты нервно-психической сферы.

Не подлежит никакому сомнению, что в проявлениях нервно-психической деятельности социальных, или общественных, групп имеются известные особенности, проистекающие из того, что эта деятельность проявляется не в индивидах, взятых отдельно друг от друга, а в группах и собраниях лиц, сильных определенными интересами и действующих и работающих поэтому сообща, как одно собирательное целое.

Можно определенно сказать, что даже личности, входящие в состав того или другого собрания, нередко обнаруживают такие стороны своей нервно-психической деятельности, которые обычно не проявляются в индивидуальной жизни.

Нередко, например, человек в толпе или собраниях преобразуется до такой степени, что даже перестает походить на самого себя, т. е. на человека, каким он является, будучи представлен самому себе.

Далее, случается, что человек, спокойный и даже несколько апатичный, возбуждаясь в толпе или собрании делаемыми здесь заявлениями, быстро заражается общим настроением и входит в такой пафос, какого он никогда в условиях индивидуальной жизни не проявил бы.

Благодаря известному подъему настроения, находящему благоприятные условия в толпе, такого рода лица в своих страстных речах склоняют иногда массу других лиц к крайним решениям, которые являются, однако, несоответствующими их спокойному образу действий и поступков в индивидуальной жизни, где они бывают обыкновенно осторожными и осмотрительными.

Из всего вышеизложенного ясно, почему общественная психология, выясняющая особенности проявления нервно-психической деятельности массы лиц, должна быть обособляема от той психологии, которая имеет своей задачей исследование продуктов нервно-психической деятельности отдельных лиц или индивидуальной психологии.

С другой стороны, общественная психология соприкасается и с социологией, так как изучает основы совокупной психической деятельности социальных групп. В этом отношении мы должны сказать, что общественная психология является тем промежуточным звеном, которое соединяет между собой две науки: индивидуальную психологию и социологию.

Последняя изучает установление самой общественной жизни и социальные явления, их причины и следствия, не задаваясь вовсе целью проникнуть в сам механизм психологического развития этих явлений, который относится всецело к задачам общественной психологии. Социология изучает общественные установления и общественные факты и явления, а также их взаимное соотношение, прилагая к ним, где нужно, психологическое объяснение. Но собственно исследование законов массовой или коллективной нервно-психической деятельности не входит в ее задачи. Она их только прилагает к объяснению тех или иных общественных событий.

При этом, конечно, нельзя не отметить особого значения общественной психологии для социологии. Сама по себе социология, устанавливая связь между теми или другими явлениями, не может дать соответствующего объяснения во многих случаях без обращения к общественной психологии, так как только последняя и дает возможность не только установить, но и ближе определить существование причинной связи между одними и другими социальными явлениями.

В то же время общественная психология не считает своей прямой целью изучать сами общественные факты и явления, она изучает лишь психологический механизм развития общественных явлений, их психологическую подготовку и изучает условия, при которых нервно-психические явления, развивающиеся в ряде индивидов, становятся социально-психологическими явлениями.

Словом, социология имеет дело с социальными фактами и явлениями, объясняя их с психологической или какой-либо иной точки зрения; общественная же психология имеет дело с механизмом обобществления или социализации индивидуальных психологических явлений, объясняя, как этим путем подготовляется то или иное общественное явление.[1]

---

[1] См.: Копельман Л. С. 1.

Следует иметь в виду, что социальные явления, служащие предметом изучения социологии, не замыкаются только в схему явлений, психологически объясняемых, так как на развитие социальных явлений оказывает влияние и целый ряд других факторов (экономических, правовых, географических, климатических и пр.), между тем как общественная психология говорит нам только о психологическом механизме общественных явлений.

III. Предмет и задачи общественной психологии

Из вышесказанного очевидно, что предметом общественной психологии является изучение психологической деятельности собраний и сборищ, составляемых из массы лиц, проявляющих свою нервно-психическую деятельность как целое, благодаря общению их друг с другом. Совершенно безразлично, будем ли мы иметь перед собой случайно собравшуюся толпу на улице, привлеченную каким-либо уличным событием, или мы имеем общественный митинг по поводу одного из событий, взволновавших общество, или имеется общественное или даже правительственное собрание лиц для определенной цели, — везде и всюду мы будем встречаться с проявлением общественных настроений, соборного умственного творчества и коллективных действий многих лиц, связанных друг с другом теми или другими условиями, а потому все эти проявления и должны быть предметом общественной психологии.

Таким образом, предметом общественной психологии должны быть продукты нервно-психической деятельности общественных или социальных групп вообще, независимо от их характера и цели. Как индивидуальная объективная психология берет своим предметом изучение нервно-психической деятельности отдельных лиц в связи с теми прошлыми и настоящими влияниями, которые ее обусловливают,[1] так и предметом общественной психологии должны быть продукты деятельности тех или других социальных групп как известного целого, объединенного тем или другим цементом партийного, правового, религиозного, служебного, профессионального, школьного или семейного характера, в связи с внешними текущими и прошедшими общественными условиями, которые в них отражаются.

Очевидно, что предмет общественной психологии должен иметь в виду те же стороны нервно-психической деятельности, какие имеет в виду и индивидуальная психология, но она исследует при этом деятельность массы лиц, связанных между собой общностью условий. Таким образом, хотя общественная психология имеет дело также с правлениями нервно-психической сферы отдельных лиц, но лиц, спаянных между собой общими интересами и, стало быть, в данных условиях общественной деятельности обнаруживающих проявления собирательной нервно-психической деятельности. Поэтому

---

[1] Бехтерев В. М. Объективная психология // Вестник психологии. 1908 г. и отдельное издание.

если в индивидуальной психологии мы имеем дело с такими явлениями, как чувство, ум и воля, то и в общественной психологии мы должны иметь в виду те же стороны нервно-психической деятельности, т. е., говоря объективным языком, проявления общественных аффективных состояний и общественной впечатлительности, общественного творчества и общественных решений и действий.

Какими бы внешними причинами ни устанавливалось объединение тех или других социальных групп, но если между отдельными членами данной группы достигается известное психическое взаимоотношение в смысле большего или меньшего согласования тех или иных сторон их нервно-психической деятельности, социальная деятельность оказывается уже возможной. Особенности этой социальной нервно-психической деятельности, условия и законы ее развития и должны служить предметом изучения общественной психологии.

Таким образом, предметом общественной психологии должны служить все проявления нервно-психической деятельности в разнообразных общественных группах и собраниях, начиная с простой толпы, сходок, митингов и кончая собраниями в форме научных обществ и коллегиальных учреждений общественного и правительственного характера, в форме так называемых советов, комитетов и т. п.

Итак, в задачи общественной психологии должно входить выяснение того, как в массе лиц, составляющих одно общество, проявляется эмотивный элемент, т. е. настроение и аффекты, а равно и общественная впечатлительность, как проявляется ассоциативная и интеллектуальная деятельность масс лиц, соединенных в одно сообщество, и в каких формах обнаруживается действование массы тех же лиц. Для общественной психологии не представляются существенными ни размеры той или другой группы, ни постоянный или временный ее характер; но она может и должна принимать во внимание условия, объединяющие данную группу лиц в том или ином отношении, так как от этих условий зависит как характер, так и особенности общественной нервно-психической деятельности.

IV. Метод общественной психологии

Что касается метода общественной психологии, то, как мы уже говорили, он должен быть исключительно объективный. Общественная психология, изучая особенности нервно-психической деятельности собраний или группы лиц, не может становиться на точку зрения того воображаемого собирательного «я», которое стало бы повествовать о всем пережитом толпой или собранием, так как это явилось бы простым отражением субъективной точки зрения; но рассказы отдельных личностей, бывших в толпе или собрании, могут быть использованы и общественной психологией, поскольку они носят характер объективности и поскольку они характеризуют отдельные личности и само развитие общественного дела. Тем не

менее и в этом случае эти рассказы должны быть предметом строго объективного, а не субъективного анализа.

Собственно общественная психология в отношении своего метода должна идти по стопам объективной индивидуальной психологии. Поэтому она должна наблюдать и регистрировать внешнюю сторону проявлений нервно-психической деятельности массы лиц, устанавливая соотношения ее с теми предшествующими внешними влияниями, которые послужили причиной массовой деятельности лиц в каждом данном случае. При этом, конечно, должен быть принимаем во внимание как характер, так и состав собрания, так как само собрание представляет собой как бы общественную индивидуальность, и подобно тому, как индивидуальность в психологии отдельных лиц имеет значение в отношении проявлений их нервно-психической деятельности, так и характер и состав собрания оказывают огромное влияние на результаты его деятельности.

Таким образом, общественная психология должна не только выяснять настроение или аффективную сторону того или другого собрания и его известную чуткость или впечатлительность, но и его творческую деятельность, а также его решения и общую деятельность, но все эти нервно-психические проявления массы лиц она должна рассматривать в связи, с одной стороны, с характером собрания лиц, с другой стороны — с теми или иными внешними влияниями, которые послужили основной причиной и условиями деятельности данного собрания в том или ином случае.

Только этот метод и может правильно осветить нам особенности проявлений нервно-психической сферы массы лиц, спаянных между собой теми или иными общественными условиями. Спрашивается, возможно ли применение к общественной психологии экспериментального метода исследования? По нашему мнению, оно не только возможно, но и необходимо. Как развитие современной индивидуальной психологии опирается на психологический эксперимент, так и будущее развитие общественной психологии должно иметь в виду не одни только результаты психологического наблюдения, но и психологический эксперимент, производимый одновременно над массой лиц той или иной общественной группы, и притом такой эксперимент, который выяснил бы особенности коллективной нервно-психической деятельности вообще и данной группы в частности. К сожалению, до сих пор если и делались иногда эксперименты над массой лиц, преимущественно в школах, то во всяком случае они преследовали иные цели, а не имели в виду осуществить задачи общественной психологии. Поэтому экспериментальные исследования в области общественной психологии представляют собой еще дело будущего.

V. О средствах взаимоотношения отдельных членов в социальных группах

Наиболее важным и наиболее удобным способом общения или обмена мнений в человеческом обществе, без сомнения, является

речь в широком смысле слова, т. е. устное и печатное или писаное слово.

Бесспорно, что устная речь, дающая возможность личного обмена мнений, сопутствуемого к тому же таким могущественным возбудителем эмоций, как жесты и выразительные движения, является наиболее важным средством психического общения между людьми. Но ее влияние сильно ограничивается известными пространственными условиями. Тем не менее устная речь в известных случаях может быть связующим звеном не только при личном общении отдельных единиц данной большой группы, но и при общении друг с другом отдельных общественных групп, так как, благодаря посредникам, послам или делегатам, с помощью устной речи может устанавливаться общение даже между пространственно разъединенными группами лиц.

Этот способ посредственного устного общения, бывший в обычае в старину, применяемый, впрочем, в известных случаях и ныне (например, при посылке представителей одной группы к другой), в значительной мере уступает место в отношении своей практичности писаному или печатному слову, которое, правда, лишено таких важных сопровождающих элементов, как жесты и выразительные телодвижения, но которое, имея возможность вызывать их в читателе, обладает удобствами передачи на громадные расстояния.

Но не одно слово может служить посредником для объединения социальных групп. Выразительные телодвижения и жесты, несомненно, в этом отношении имеют немаловажное значение. Действуя непосредственно на невропсихику и возбуждая подражание, язык жестов в смысле общения иногда оказывается даже сильнее самого слова, как это можно видеть, например, в возбужденной толпе.

Несомненно также, что имеются формы объединения социальных групп, где средством объединения является не столько слово, сколько действие, возбуждающее аффективное состояние, как это мы имеем, например, в публике, созерцающей театральное зрелище. Аналогичное явление мы имеем в молитвенных местах, а иногда и в толпе, где действие нередко является стимулом для подражания.

Равным образом и в профессиональных группах объединяющим условием до известной степени является однородная деятельность большинства членов одной и той же группы.

Итак, устное и печатное или писаное слово, мимика и жесты и, наконец, действие, возбуждающее подражание, — вот те способы или средства, благодаря которым устанавливается общение в массе лиц и которыми достигается установление известного взаимоотношения отдельных лиц в общественных группах.

VI. Факторы, управляющие совокупной деятельностью многих лиц или собраний

Если нервно-психическая деятельность массы лиц обнаруживает особенности, отличающие ее от нервно-психической деятельности

отдельных лиц, то, без сомнения, должны быть и особые факторы, обусловливающие эти особенности.

Некоторые, как мы видели, придерживались гипотезы о существовании особой социальной или народной души, как бы отдельной от индивидуальной души (Steinthal, Lazarus); но бездоказательность этой гипотезы не привлекает к ней уже приверженцев.

Другие, и в числе их должны прежде всего упомянуть о В. Вундте, склонны думать, как мы видели выше, что социальные продукты нервно-психической деятельности суть собственно продукты индивидуальной нервно-психической деятельности отдельных лиц, признаваемой другими адекватно их собственной. Такое толкование социальных проявлений нервно-психической деятельности отвечает в известных случаях внешней их стороне, так как нередко индивидуальная нервно-психическая деятельность является выразителем нервно-психической деятельности массы лиц, объединенных во имя той или другой цели; но оно не объясняет самого явления по существу, а потому и не может быть признано заслуживающим большего внимания.

Мы видели также, на каком основании неприемлема гипотеза о единстве сознаний, пытавшаяся объяснить нам совокупную деятельность массы лиц, образующих то или другое собрание.

В последнее время некоторыми из авторов [1] выдвигается еще гипотеза о том, что в бессознательной психической деятельности, олицетворяющей будто бы опыт предшествующих генераций, все индивиды одинаковы, различия же между ними обнаруживаются лишь в сознательной области. Это положение, конечно, помогло бы уяснить нам общность действий массы лиц в известных случаях. Но дело в том, что наследственный опыт бесчисленного ряда предшествующих генераций обнаруживается, собственно, в простых рефлексах, но ничуть не в тех «бессознательных» процессах, которые, как и сознательные, относятся собственно к нервно-психической деятельности, предполагающей прошлый индивидуальный опыт. Отсюда ясно, что, как ни заманчива эта гипотеза, она не может быть полезной при объяснении общности нервно-психической деятельности массы лиц.

По нашему мнению, объединяющими факторами нервно-психической деятельности отдельных лиц в общественных группах являются следующие: непосредственное и психическое влияние, обусловливающее подражание, затем — словесное внушение и, наконец, убеждение, основанное на усвоении.

Подражание есть основа общественности, что было выдвинуто еще в работе Tarde'a. Уже при изучении речи, этого первого и основного орудия общественности, подражание играет особенно важную роль. Равным образом и воспитание основано в значительной мере на подражании. Путем того же подражания человек перенимает в значительной мере и все общественные условности и обычаи.

---

[1] Vierkandt. Naturvölker u. Kulturvölker. Lamprecht. Moderne Geschichtwissenschaft. и др.

Лишь благодаря подражанию человек становится общественным лицом в настоящем смысле слова.

С другой стороны, кроме непосредственного подражания должно иметь в виду и внушаемость, т. е. склонность непосредственно подчиняться словесному влиянию. Дело идет здесь о взаимном влиянии путем слова одних лиц на других и о той форме внушения, которую можно бы назвать общественным внушением. Уже в школе во время обучения мы встречаемся с внушением на каждом шагу. С другой стороны, когда человек вступает в ту или другую группу лиц, в тот или другой кружок, он получает тотчас же со всех сторон внушения, касающиеся внешних условий общежития, обычаев, традиций, и невольно им подчиняется.

Процесс убеждения, приводящий к усвоению, также действует в массах людей, как и у отдельных лиц. Когда вождь толпы разъясняет последней то или другое событие, это не значит, что он действует исключительно путем внушения. Известную долю в этом случае почти всегда занимает и убеждение, которое, таким образом, является также не несущественным фактором объединения нервно-психической деятельности массы лиц. В смысле значения убеждения как объединяющего фактора имеет особую важность тот факт, что в школах все учатся одному и тому же и усваивают одни и те же вещи, что́ естественно приводит к известной нивелировке различных представителей данного сообщества.

Собственно, везде и всюду в общественных группах объединение членов достигается с помощью упомянутых трех факторов, основанных на подражательности, внушаемости и усвоении. Но внешними импульсами к объединению служат более всего классовые и профессиональные условия, втягивающие личность в свой круг жизненных привычек и обычаев. Эти условия, собственно, и являются определителями многих внешних особенностей той или другой личности, обусловленных принадлежностью ее к определенной группе лиц или к известному классу общества.

В каждой общественной группе имеются свои условности и обычаи, и свои традиции, которые обыкновенно каждым новым членом и перенимаются более или менее быстро, благодаря вышеуказанным факторам, действующим часто совершенно незаметно для отдельных лиц; однако достаточно человеку по каким-либо обстоятельствам выйти из одной группы и перейти в другую, чтобы он тотчас же почувствовал, в какой мере в нем вкоренились условности и обычаи прежней группы, и что нужно опять известное время, чтобы приспособиться к новым условиям той группы, в которую он вступает.

VII. О собирательной личности

Всякое вообще общество, как собирательная личность, имеет свою индивидуальность в зависимости от умственного уровня его сочленов, от их профессии, от их служебного положения, далее от того цемента, который связывает отдельных членов в одно сообщество, и, наконец, от племенных особенностей.

Для обозначения той формы собрания лиц, которая проявляет себя как целое и которая служит предметом исследования общественной психологии, в сущности не имеется общего термина. В одних случаях мы имеем уличную толпу, в других случаях мы имеем митинг, в-третьих случаях мы имеем собрание советов, в-четвертых случаях мы имеем созерцающую или слушающую публику во время зрелищ, в театрах и т. п.

Всем этим формам общественных проявлений нервно-психической сферы мы можем придать общее или родовое название, обозначив их общим именем собраний, имеющих каждое свою собирательную личность.

Какой бы формы и какого бы состава ни были те или другие собрания, являющиеся предметом исследования общественной психологии, они всегда обнаруживают совместную нервно-психическую деятельность, без каковой они являются сборищем отдельных лиц, не имеющих между собой ничего общего.

Таким образом, собирательную личность представляет собой всякая вообще толпа, общественное собрание, заседание советов, театральная публика и т. п., иначе говоря, все виды собраний, объединенных той или другой целью, безразлично — будет ли эта цель определяться каким-либо случайным событием, предписана ли она уставом или установлена обычаем, или каким-либо иным образом. Отсюда очевидно, что собирательная личность в различных общественных и народных собраниях представляется неодинаковой в зависимости от общей объединяющей их цели.

Один из ярких примеров собирательной личности представляет собой уличная толпа, объединяющаяся по какому-либо случайному поводу.

Всякая вообще толпа представляет собой сборище лиц, прежде не имевших друг с другом ничего общего и объединившихся по какому-либо внешнему поводу, возбуждающему одно и то же аффективное состояние у многих лиц. Благодаря тесному объединению своих членов, толпа представляет собой нечто целое, одну собирательную личность, в которой составляющие ее отдельные лица как бы стушевываются.

Это объединение толпы происходит, конечно, не сразу, но почти всегда с необычайной быстротой.

На митингах объединяющим элементом, кроме внешних поводов, возбуждающих аффективное состояние, является и сам предмет обсуждения. Поэтому хотя на митингах могут раздаваться речи различного содержания, но тем не менее предмет обсуждения является общим для всех, благодаря чему создаются на митингах объединяющие многих одинаковые взгляды, а нередко поддерживается при этом и общее настроение. Лица, не объединяющиеся в этих собраниях и стоящие к ним в резкой оппозиции, обыкновенно выделяются из общей массы и, таким образом, не нарушают общего хода работы в подобных собраниях. В общественных, научных и служебных собраниях общая умственная работа определяется известной целью, например, выяснением положения, исканием истины или регулированием государственной жизни. В общественных и

политических союзах дело идет о собраниях, цель которых определена заранее и указывается писаным уставом, налагающим требования на лиц, входящих в союз или сообщество. В коммерческих собраниях целью является успех того предприятия, которое дает почву для собрания и т. п.

Границы собирательной личности могут, конечно, расширяться до целых городов и стран, население которых сплачивается одними общими интересами. Поэтому мы можем говорить о московском обществе, о кавказском обществе, о польском обществе, о русском обществе или русских общественных кругах. В таких крупных общественных единицах дело идет, конечно, об объединении, главным образом, путем печати и взаимоотношения отдельных групп, но сущность дела от этого мало меняется, так как везде и всюду дело идет о больших или малых общественных группах, спаянных теми или другими общими интересами, той или другой целью.

Еще более обширную общественную группу представляет собой народ.

Казалось бы, что народ представляет собой нечто столь пестрое, что о единстве его трудно и говорить, а между тем не подлежит сомнению, что народ живет в каждый данный момент общими интересами, переживает более или менее общие всем настроения, волнуется одними и теми же чувствами, возбуждается более или менее одинаковыми общественными идеалами и живет одними и теми же общественными стремлениями, создавая одну общую культуру. Эта общность духовной жизни в каждом данном народе слагается исторически, благодаря целому ряду условий экономических, политических и этнографических и обусловливается единством культуры, единством общественных интересов и единством общего самоопределения.

Наконец, наиболее обширную группу представляет собой все цивилизованное человечество, имеющее общие интересы населения земного шара и руководимое общечеловеческими идеалами.

Без сомнения, может быть поставлен вопрос, составляют ли такие большие группы лиц, как население тех или других стран или государств, или даже всего цивилизованного человечества, предмет общественной психологии. Здесь мы имеем сообщества, хотя и связанные одними интересами, но почти лишенные возможности иного общения друг с другом, кроме печати.

Очевидно, что здесь не может быть тех условий, как в обыкновенных собраниях, и, следовательно, здесь не все применимо из того, что относится к сообществам и собраниям, где господствует устная речь. Тем не менее не подлежит сомнению, что и в таких больших сообществах дело идет о группах лиц, обнаруживающих известное общественное настроение, выливающееся в печати и в отдельных собраниях. Равным образом этими большими группами путем печати и отдельных собраний обсуждаются и критикуются события и создаются резолюции, которые являются собирательными решениями известной группы отдельных обществ данной страны или государства. Таким образом, и здесь мы имеем дело с материалом

общественной психологии, но материалом несколько иного рода, нежели в случаях обыкновенных собраний.

Если государство есть собрание лиц, связанных известными условиями, то, следовательно, к нему применимы те же законы, что и к малым собраниям. Это особенно может быть прослежено на малых государствах с одним сплошным населением, где не имеется племенной розни. В тех же случаях, где государство составляет целый конгломерат народов, там, собственно, собранию лиц уподобляется группа или племя, живущее одними и теми же интересами; но независимо от того и в решении вопросов общего характера, касающихся всего разноплеменного населения такого государства, содержится материал, служащий предметом изучения общественной психологии.

Особенностью больших групп является, между прочим, то, что все процессы нервно-психической деятельности здесь протекают медленнее, огромные массы лиц вообще более косны, к тому же и способы объективной деятельности (печать, отдельные собрания и пр.) более сложны, хотя при развитых формах самоуправления и при свободе собраний объединение деятельности таких масс происходит много быстрее, чем при иных условиях.

Тем не менее и здесь мы встречаемся и с массовым подъемом настроения активных элементов общества, и с их угнетением, с общественным возмущением или негодованием, с коллективным умом целых народностей, как он отражается в повседневной печати и в литературе, а также в решениях общественных групп и, наконец, с волевыми проявлениями, выражающимися в тех или других заявления или требованиях, поддерживаемых всем народом, выступающим на защиту своих прав.

Итак, здесь имеются все элементы социальной нервно-психической деятельности, а потому и эти проявления общественной мысли должны служить материалом для общественной психологии.

Но есть и еще особые формы социальной нервно-психической деятельности, где дело идет о массовых слуховых и зрительных впечатлениях, возбуждающих мысль и чувство слушателей и зрителей, которые сами по себе не призваны к активному участию в собраниях. Это — публичные чтения, концерты, театры, зрелища и т. п.

Здесь дело идет, собственно, о процессах впечатления и развития в массе лиц, но не более, подобно тому, как в индивидуальной жизни чтение книги дает известный ряд впечатлений для читающего или слушающего лица. Естественно поэтому возникает вопрос, относятся ли эти явления к предмету общественной психологии.

В вышеуказанных собраниях мы имеем публику, которую объединяет зрелище, и хотя здесь взаимообщение между членами является лишь косвенным, тем не менее нетрудно убедиться, что объединение в театральной публике, созерцающей то или другое зрелище, или в публике, слушающей концерты, устанавливается с особенной быстротой, благодаря переживанию одних и тех же эмоций. Поэтому хотя слушатели и зрители в этих случаях являются пассивными участниками собрания, но, в сущности, они здесь объединены одним

общим интересом, переживают сходственные эмоции и возбуждаются более или менее одинаковыми мыслями и, наконец, заявляют массовым образом свое отношение к действиям на сцене или на эстраде знаками одобрения или неодобрения. Ввиду этого не может быть никакого сомнения, что эти собрания также являются материалом для общественной психологии.

Если дело идет о чтении с прениями, то мы имеем уже собрание, не только воспринимающее, но и рассуждающее, следовательно, проявляющее не только свое общее настроение, но и свой коллективный ум.

В собраниях же, где принимаются по поводу прочитанного и сделанных обсуждений еще и решения, мы имеем проявления не только общей впечатлительности собраний и коллективного настроения, но и коллективного ума и коллективных действий.

VIII. Об общественной наследственности

Прежде чем перейти к рассмотрению проявлений общественной нервно-психической деятельности, нам необходимо еще остановиться на одном факторе, имеющем большое значение в общественной жизни. Мы имеем в виду общественную наследственность. Целый ряд данных говорит безусловно в пользу того, что в психологии обществ огромную роль играет фактор наследственности, но не физической или индивидуальной, а психической. Под этим названием мы понимаем то, что унаследывается обществом путем воспитания и преемственности от предков, что переходит к той или иной общественной организации из прошлого и переходит в виде как бы готовых сложившихся форм общественной деятельности.

Сюда относятся прежде всего все богатства скопленной в прошлом общественной психической деятельности, передающиеся потомству от прошлых поколений, как язык, обычаи, предания и пр., а также все, что известно под названием установившихся традиций и вообще уклада общественной жизни.

Когда и при каких условиях сложился обычай, никто сказать не может, даже смысл его нередко утрачивается, и тем не менее обычай покоряет людей и сохраняет свою силу, несмотря даже на полное изменение условий, под влиянием которых он возник. Примером может служить сожжение костров в Иванов день, перешедшее к ним от времен язычества, гадание на святках, рождественские елки и т. п.

Не менее стойки традиции в более интеллигентном обществе, которые противостоят всяким влияниям моды. Таково ношение столь своеобразной одежды, как фрак и цилиндр, в официальных случаях и все так называемые светские обычаи, которые непререкаемо господствуют в интеллигентном обществе, несмотря на всеми сознаваемую их нелепость.

Необходимо далее иметь в виду, что на психическом складе общественных организаций отражаются и все продукты нервно-психической деятельности отдельных лиц, которые становятся об-

щественным достоянием. Сюда относятся такие результаты человеческого творчества, как наука, литература и искусства.

Без сомнения, все эти продукты творческой деятельности отдельных лиц, как мы уже говорили, до известной степени являются отражением общественных настроений и взглядов, и в этом отношении они являются как бы показателем нервно-психической деятельности народов. Но в то же время наука, литература и искусства являются таким фактором, существование которого и передача в потомство не могут не отражаться на общественной жизни народов, как в каждой общественной группе не остаются без влияния на ее деятельность результаты прошлой умственной работы той же общественной группы.

Необходимо далее иметь в виду, что на деятельности обществ отражается все духовное имущество, состоящее в приобретениях, которые делает человечество с каждым шагом своего поступательного движения в области индустрии и которые имеют прямое отношение к общественной жизни, как, например, усовершенствования способов сношения людей через пространства, усовершенствования способов передвижения и пр.

Из вышеизложенного очевидно, какое значение имеет общественная наследственность для психической жизни народов и общественных организаций.

Без сомнения, эта общественная наследственность является возможной благодаря передаче путем печатного и устного слова продуктов человеческого творчества от одного поколения к другому. При этом особую роль в указанном отношении играет воспитание юношества, но не лишена значения и простая преемственная передача от одних лиц к другим, которая происходит везде и всюду в каждой общественной организации, служа основой для укрепления общественных традиций между ее членами.

IX. Взаимодействие личности и общества

Развитие личности как социальной особи коренится в тех особых условиях, которые складываются вокруг нее при ее рождении, вследствие неодинаковой с другими наследственности и обусловленного этим различия в темпераменте и в развитии, и характере наклонностей, а это обусловливает различные способности в приобретении навыков, что в свою очередь, в связи с внешними условиями, окружающими личность, приводит к различному ее положению в обществе. Сама обстановка со дня рождения представляется неодинаковой для различных личностей, откуда возникает большое разнообразие во внутреннем богатстве каждой личности, состоящем в приобретении навыков или так называемых сочетательных рефлексов и обеспечивающем различные условия ее существования.

Надо к этому прибавить, что различные личности находятся в различных условиях в смысле общения их с окружающими лицами, а равно и в неодинаковых условиях воспитания, что также

не лишено громадного значения в отношении будущего развития каждой данной личности. Поэтому внутренней облик личности определяется в значительной мере обществом, его интересами, обычаями и другими общественными установлениями. Иначе говоря, личность в значительной мере продукт самого общества, представляющего собой миллионы подобных же единиц в ряде сменяющих друг друга поколений. Благодаря совокупности всех условий, неодинаковых для различных личностей, и происходит психологическое обособление одной личности как социальной особи от других.

Само собой разумеется, что огромную роль в этом отношении должны играть профессия и занятия, которые, естественно, отражаются на общем развитии нервно-психической сферы каждой личности. В особенности здесь должно быть принято во внимание разделение труда, иногда чрезвычайно мелочное, которое не может не оказывать огромного влияния на развитие нервно-психической деятельности отдельных личностей. Точно так же и различные условия материального благосостояния должны известным образом отражаться на нервно-психическом складе отдельных личностей.

Таким образом, ясно, что общественные условия оказывают самое существенное влияние на развитие личности и закрепляют и поддерживают в ней те или иные особенности, благодаря своеобразным свойствам той или другой профессии или различным условиям существования.

Равным образом и условия местности и климата своими внешними влияниями не могут не отражаться известным образом на развитии личности. В связи с этим и состояние физического здоровья, перенесенные болезни и другие органические условия, влияющие на живость нервно-психических актов, должны быть также приняты во внимание при оценке развития личности.

При всем том хотя каждая личность является чем-то обособленным от всех других личностей и характеризуется своим комплексом навыков, хотя она и живет как психологическая особь, обнаруживая себя различным образом, сообразно своему кругозору, образованию, общественному положению и т. п., но на самом деле деятельность личности в значительной мере является не индивидуальной, а социальной.[1] Так, прежде всего, язык, которым пользуется личность, составляет принадлежность целого народа, а не индивидуальности. Вместе с тем и поведение личности подчинено законам общественности. Каждая личность является до известной степени рабом обычая и формы, выработанной обществом, и даже предрассудков и суеверий, в нем господствующих. Личность не только пользуется общим для всех языком, но и носит общественный покрой платья, следует за модой, имеет в той или иной мере национальные воззрения, придерживается общепринятых обычаев, живет общей со всеми культурой, имеет общие всем правовые и этические понятия, более или менее общее мировоззрение, общие

---

[1] Бехтерев В. Личность и общественные условия ее развития и здоровья. Отд. изд. СПб.

идеалы и приблизительно одинаково оценивает те или другие события, как прошлые, так и настоящие.

Все это обусловливается тем, что личность, благодаря подражанию, внушению и усвоению, приобретает с воспитанием господствующие привычки и взгляды, становясь шаблонным выразителем своей среды.

Равным образом человек имеет общие всем верования и повторяет суждения об окружающем, о создании Вселенной, выработанные не им, а другими, и принятые всем обществом. Он живет идеалами, которые общи и другим, и, наконец, он обнаруживает стремления, также общие многим.

Словом, вместо того чтобы проявлять себя особым образом, личность оказывается в большинстве своих действий и поступков, а равно и в своих заявлениях представителем общества, а не самого себя. Отсюда очевидно, что личность является больше повторителем, нежели индивидуальным созидателем. Иначе говоря, она является в значительной мере социальным продуктом, а не самобытной особью.

Таким образом, личность, входящая в общество, перестает быть сама собой, она становится одной частью самого общества, и в этом смысле она утрачивает значительную долю своего независимого существования, становясь исполнительницей общественных установлений. Отсюда ясно, что общество есть нечто такое, что властвует над личностью, так как оно является в значительной мере руководителем сложных нервно-психических соотношений, в которых отдельные личности являются только исполнительными органами. Иначе говоря, объединенная нервно-психическая деятельность общества является как бы равнодействующей отдельных личностей и имеет свои законы развития, основанные на взаимодействии входящих в общество членов.

Даже личности, принадлежащие к разным народам, хотя и говорят на разных языках, но подчиняются общечеловеческим обычаям в общении, имеют одинаковые или приблизительно одинаковые этические и эстетические понятия, высказывают одинаковые воззрения общего характера, провозглашают более или менее одинаковые общечеловеческие идеалы и т. п.

Правда, в современном обществе мы встречаемся с различными слоями, с классовым разделением, с профессиональными группами, с различными кружками и пр., как будто бы разделяющими человечество на отдельные части. Однако эти подразделения не так глубоки, чтобы уничтожать общность многих форм внешних проявлений нервно-психической деятельности разных личностей.

Нужно, впрочем, заметить, что и эти подразделения, играя роль меньших обществ, так же точно властвуют над отдельными входящими в них личностями, которые во всех своих действиях и поступках сообразуются с общепринятыми в данном сообществе обычаями, взглядами и установлениями.

Следовательно, и в этом случае личность является существом социальным в настоящем смысле слова, повторяя не свои особые,

а общие всем взгляды, выполняя общие всем обычаи, обнаруживая в известных случаях общие всем действия, и т. п.

Все действия личности в этом случае как бы вперед предопределены. Человек в обществе безусловно подчинен общественным требованиям. Его платье определено заранее, его обращение с другими подчинено известным условностям, его образ действий связан общественной формой.

В своих действиях человек, находящийся в общественном месте, является как бы автоматом, подчиняющимся общим правилам и выполняющим общепринятые обычаи. Лишь в некоторой степени личность может проявить свою особенность в поступках и в речи и притом, главным образом, в их содержании и лишь отчасти в форме, так как и характер поступков, и содержание речи, а тем более форма, также в значительной мере предопределяются целью и составом собрания.

Под общественным давлением, под всеподавляющим влиянием общественных установлений личность в общественных условиях деятельности почти не имеет возможности свободно проявлять свои жизненные потребности: свободно двигаться, нестесненно сидеть, предаваться, когда нужно, отдыху, свободно дышать и т. п., так как все это строго регулируется общественными обычаями, правилами, приличием, теми или другими установленными заранее формами и т. п. При этом как только при этих условиях личность сделает попытку выйти из обычно установленных обществом правил, так тотчас же на нее обрушивается вся сила общественных тисков и снова вводит ее в свои границы или же, в случае более резких отступлений, сдавливает ее почти до полного уничтожения в социальном смысле, как бы мстя ей за ее смелое выступление из установленных обществом норм.

Нужно при этом иметь в виду, что социальные проявления личности удерживаются и в преемственной передаче из поколения в поколение. В этом случае, конечно, действует закон эволюции, и общие или социальные проявления нервно-психической деятельности того или другого сообщества подвергаются непрерывным изменениям, что случается то быстрее, то медленнее; но, несмотря на это, личность каждый раз подчиняется постоянно видоизменяющимся вследствие преемственного развития социальным проявлениям нервно-психической деятельности данного сообщества.

Известно, что моды, обычаи, взгляды и теории меняются иногда с необыкновенной быстротой, представляясь, таким образом, далеко не постоянным явлением, и, тем не менее, личность следует всем этим изменениям, подчиняясь таким образом непрерывно изменяющимся проявлениям общественной жизни.

Из предыдущего ясно, что сама организация общественности основана на повелительном принципе общества над личностью, на поглощении индивидуальности. Обычаи и законы общества категоричны и требуют безусловного подчинения. При развитии общества все его установления еще более дифференцируются, стесняя индивидуальные проявления по всем пунктам, ограничивая личные стремления и уничтожения права отдельных лиц. Вместе с ростом

общества его установления становятся более сложными и в то же время более властными, а потому еще более теснят личность.

При этом все то, чем личность стеснена и что представляет собой «общественные шаблоны», является продуктом социальной деятельности самой личности; но в этом случае дело идет о низших сторонах деятельности личности, уподобляющихся привычным действиям, переходящим в автоматизм.

Как волевые действия отдельного лица, благодаря частому упражнению и привычке, становятся автоматичными и шаблонными, так и вышеуказанные общественные установления упрочились, благодаря обычаю и повторению из рода в род, и сделались, таким образом, общепринятыми и шаблонными.

Касаясь собственно условий общественных отношений, эти обычаи и «общественные шаблоны» в сущности ограничивают личность в той ее деятельности, которая является более или менее автоматичной, и не затрагивают ее индивидуальных проявлений и вместе с тем тех ее сторон, какие делают личность самобытной единицей с принадлежащими только ей одной взглядами и стремлениями, насколько, конечно, эти последние не приводят к нарушению прав других.

Эта индивидуальная сторона личности и должна иметь особое значение и в жизни общественной жизни, так как ею, собственно, и определяется прогресс общества.

Дело в том, что лишь благодаря своим индивидуальным способностям личность поднимается выше уровня масс и может осуществлять созидательную работу, обеспечивающую поступательный ход умственного развития человечества.

Можно сказать, что самобытное развитие личности есть основа социального прогресса народов, который лучше всего обеспечивается полной свободой личности в ее взглядах и стремлениях, насколько последние не могут нарушать интересы других и, в особенности, интересы общества как целого.

Несправедливо поэтому придерживаться довольно распространенного взгляда на взаимоотношение личности и общества, по которому личность и общество уподобляются двум чашкам весов, колеблющихся в двух противоположных направлениях, благодаря чему будто бы интересы общества выигрывают при подавлении личности — и наоборот.

Необходимо, напротив того, признать, что хорошая общественная организация, обеспечивая должным образом общественные интересы, предоставляет самобытному развитию личности возможно большую свободу, ибо лишь в развитии самобытных особенностей личности лежит залог прогресса народов.

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ДЕТСКОГО РИСУНКА В ОБЪЕКТИВНОМ ИЗУЧЕНИИ [1]

Детская психология, которой в последнее время уделяется немало внимания, должна отрешиться от того субъективного метода, который до сих пор являлся почти руководящим методом в этой области. Вряд ли нужно пояснять, что детская душа, особенно душа первых лет ребенка, представляется столь отличной от души взрослого человека, что нет никакой возможности переносить на ребенка собственные мысли и чувства, как это делают еще до сих пор психологи-субъективисты, воображая, что они раскрывают таким образом детскую душу. По нашему мнению, исследование детской души должно вестись исключительно объективным путем, причем в своем основании оно должно иметь строго объективную оценку всех внешних проявлений нервно-психической деятельности ребенка в связи с теми внешними влияниями и воздействиями, которыми они обусловливаются.

На первых же порах, как только стали исследовать детскую душу, психологам удалось установить важный факт, что наряду с развитием интеллекта уже очень рано развивается у детей и склонность ко всему красивому, изящному и к гармонии звуков, что известно в субъективной психологии под названием эстетического чувства, составляющего, таким образом, один из существенных элементов в развитии детской души. В этом отношении рисование детей составляет одно из проявлений детской психики, на котором до известной степени можно проследить и развитие вышеупомянутой склонности детей к изящному и красивому, а потому и с этой стороны оно представляет собой крайне поучительный предмет исследования. Но остановимся прежде всего на литерату́ре, относящейся к детскому рисованию.

Кроме известных исследований Ament'a, характеризовавшего рисование в его последовательном развитии как простое марание бумаги, схематическое рисование и индивидуализированное изображение, в указанном отношении заслуживает внимания исследование Sully, который различает три стадии в развитии рисования. Первую

---

[1] Доклад в Русском о-ве нормальной и патологической психологии в 1908 г.

стадию образуют бесформенные каракули, вторую стадию образует первичный схематический, как бы символический рисунок, образчиком которого является лунообразная схема человеческого лица, в третьей стадии ребенок в своих рисунках является уже подражателем природы, натуралистом, хотя изображает часто и то, что обычно в природе не встречается, например, рисует всадника в обычной позе с двумя ногами на одной стороне.

Равным образом и Lukens различает соответственно возрасту три стадии в развитии рисования, но совершенно иного порядка. Первый период до 4—5 лет характеризуется тем, что в нем преобладает интерес уже к готовым рисункам, сами же дети скорее интересуются процессом рисования. Второй период характеризуется тем, что рисунки выполняются схематически, причем ребенок видит в своем рисунке даже более того, что в нем на самом деле содержится. Дело идет здесь о явлении, подобном «художественной иллюзии» Ланге. Третий период относится уже к школьному времени, когда рисунки производятся по готовым образцам из лучших произведений, причем сам ребенок является неудачным подражателем природы.

Schreuder также держится трех периодов в развитии рисования. Первая ступень рисования заключается в бессмысленном выведении штрихов карандашом назад и вперед, на второй ступени ребенок придает известный смысл своему рисованию; на третьей ступени уже являются попытки действительного изображения природы.

Что касается характера самих рисунков, то излюбленным объектом рисования детей, по-видимому, является человек в том или другом виде, его голова в профиль или en face, верхом на лошади и т. п. Далее охотно рисуются животные и домики, реже другие предметы и растения и еще реже геометрические фигурки и украшения (орнаменты).

Из других работ заслуживают внимания исследования K. Pappenheim'a, Schinn'a, Brown'a, Hogan'a, Chamberlain'a, а также Götze, написавшего введение в каталог «Дитя как художник».

Наконец из более поздних работ по психологии детского рисования необходимо указать еще на исследования Perez'a, Ricci, Löwenstein'a и Kerschensteiner'a и др.

Между прочим, делали попытки исследовать рисование детей экспериментальным путем, причем в школе предлагалось иллюстрировать рисунками какой-нибудь рассказ. Такого рода исследования дают богатый материал для выяснения индивидуальных особенностей рисования детей и заслуживают вообще большого внимания.

Заметим далее, что в последнее время, благодаря предложению, сделанному профессором Lamprecht'ом о сравнительном изучении детских рисунков с доисторическим искусством и вообще об освещении вопроса о детских рисунках с точки зрения археологии, этнографии и сравнительной психологии, внимание авторов преимущественно направляется в эту сторону. Результатом этого предложения, приведшего к собиранию детских рисунков из разных стран, явилась между прочим работа Löwenstein'a, относящаяся главным образом к вопросу о различных особенностях детского рисунка и

содержащая собственно следующие главы: человек, животные и растения, перспектива и краска, рассказ, рисование как форма речи, культурно-исторические и этнологические параллели и некоторые другие.

Здесь нет надобности передавать содержание всех этих работ. Мы укажем лишь, что в работе Ricci передается довольно подробно изображение человеческой фигуры, затем дома, лодки и домашних животных. На основании своих исследований Ricci приходит к выводу, что ребенок рисует не как художник, а передает собственно то, что утвердилось в его памяти. Дети, обладающие лучшей памятью, и рисуют лучше. Со временем же рисунок является не одним только продуктом памяти, но становится результатом и других элементов, например, эстетического вкуса, ловкости, совершенства зрения и т. п., при этом дети, обладающие хорошей памятью, перестают быть лучшими художниками.

Далее заслуживает внимания обширное исследование Kerschensteiner'a, вышедшее в 1905 г. Автор в своей книге не столько интересуется детским рисованием отдельных предметов — человека, животных, растений, домов и пр. или же детскими иллюстрациями событий, чем занимались другие авторы, сколько отношением ребенка к декоративному искусству, особенно к орнаменту и к перспективному изображению.

Изучение детских рисунков, которое стало так занимать психологов за последнее время, нас интересует исключительно с объективно-психологической точки зрения. Нет никакой надобности и, с нашей точки зрения, даже ненаучно проникать через посредство спутанных линий первоначального детского рисунка в субъективный мир дитяти, в его душу в такой мере, чтобы выводить отсюда особенности его чувств, его представлений и т. п.

Когда говорят, что из детских рисунков можно почерпнуть данные о детских чувствах, о степени детского восприятия, о его объеме, о детских представлениях, о фантазии ребенка, об эстетическом чувстве у ребенка и т. п., то я бы сказал, что в этом отношении значение детских рисунков должно быть признано много ниже, нежели значение его речи, хотя и речь ребенка далеко не дает безупречных данных для оценки субъективных состояний детской души.

По нашему мнению, к изучению детских рисунков можно и даже необходимо подходить с чисто объективной точки зрения.

Для нас детский рисунок есть объективный свидетель проявлений и развития детской психики, насколько она выражается внешним образом в начертанных линиях в соотношении с теми или иными внешними влияниями, которые отразились на ребенке в период его предшествующего развития, не исключая и наследственных, и в связи с той целью, которую ребенок преследовал при рисовании. Само собой разумеется, что при оценке детских рисунков должно быть принимаемо во внимание и развитие координации в пальцах руки ребенка.

Стоя исключительно на объективной точке зрения, мы можем ограничить свою задачу кроме наследственных условий выяснением:

1) большей или меньшей правильности проводимых линий, служащей выражением координации пальцевых движений; 2) большей или меньшей сложности рисунка; 3) большего или меньшего соответствия его с объектом изображаемого; 4) большей или меньшей точности в изображении действительности; 5) большей или меньшей точности в иллюстрации рассказанного события; 6) большей или меньшей полноты в развитии данной темы, поставленной ребенком самому себе или заданной ему другими; 7) тех или других проявлений творчества в детском рисунке в виде разнообразных соотношений между его отдельными частями; 8) большей или меньшей отделки в изображении его частей; 9) правильности или неправильности переспективы; 10) тех или других индивидуальных особенностей детского рисунка, зависящих от личных особенностей и внешних условий, окружающих ребенка с первых дней его рождения; 11) тех или других изменений характера детских рисунков в связи с временными условиями, воздействовавшими на ребенка, и т. п.

Вряд ли нужно говорить, что правильная оценка детских рисунков возможна лишь при условии знакомства с возрастом и физической организацией ребенка. Без этих данных изучение детских рисунков не может дать возможности сделать соответствующие выводы относительно координации движений, относительно развития данного ребенка, его индивидуальных особенностей, тех или других его склонностей и т. п.

Кроме того, желательно быть знакомым и с условиями его воспитания и теми или другими внешними воздействиями на него в известные периоды его жизни; с условиями, приведшими к рисованию, например с рассказом, послужившим поводом к созданию рисунка, с темой, осуществление которой достигалось рисунком, и т. п.

В последующем изложении мы ограничимся изложением лишь тех данных, которые относятся к первоначальному развитию детского рисунка; причем постараемся выяснить, каким образом детский рисунок из совершенно бесформенных линий, в которых трудно отыскать какое-либо содержание, становится постепенно более сложным проявлением детской психики, которое может быть приравниваемо к изобразительному письму.

С этой точки зрения изучение первоначальной эволюции детского рисунка имеет совершенно особый интерес и заслуживает, по нашему мнению, большого внимания.

Наши наблюдения, относящиеся к детским рисункам, начались около 20 лет тому назад и производились до последнего времени над пятью своими детьми, над одним мальчиком-внуком В. и над несколькими посторонними детьми.

Особенно большое собрание рисунков с указанием дат времени я имел возможность собрать от своей дочери М., родившейся 2 апреля 1904 г., в общем очень здоровенькой девочки, и от мальчика внука В., родившегося 5 ноября 1906 г. и отличающегося более слабым сложением. При наблюдениях над упомянутой девочкой М. и мальчиком В. я старался собрать возможно большее число рисунков, начиная от самых ранних попыток к рисованию, причем рисунки зарегистрировались как в отношении времени своего из-

готовления, так и относительно тех предметов, которые обозначались рисунками. Рисунки других детей, как не представляющие полных коллекций, служили мне лишь дополнением к двум упомянутым коллекциям.

Для того чтобы изучать первоначальную эволюцию детского рисунка, необходимо с самого начала, как только развивается хватательная способность детской ручки, приучить ребенка к правильному держанию карандаша между тремя пальцами.

Эта наука для ребенка обыкновенно не дается сразу, так как первоначально дитя предпочитает карандаш зажимать просто в кулак или же между первыми или вторыми фалангами второго и третьего пальца, пропуская карандаш между большим и вторым пальцем.

Необходимо поэтому систематически приучать ребенка к правильному держанию карандаша между пальцами, без чего не представляется возможности следить за первоначальными фазисами развития детского рисунка, так как при более позднем обучении ребенка держанию карандаша первоначальное развитие детского рисования не может быть прослежено с достаточной полнотой.

Когда вышеуказанное обучение правильному держанию карандаша достигнуто, то ребенок впоследствии сам уже никогда не возвращается к первоначальному стремлению захватить карандаш в кулак и начинает быстро успевать в правильности начертания линий.

Необходимо иметь в виду, что научение ребенка правильному держанию карандаша не только, как сказано выше, дает возможность следить за постепенным развитием детского рисунка в первоначальный период его попыток к рисованию, но оказывается существенно важным и в воспитательных целях, так как отучение от упрочившейся в раннем детстве привычки неправильного держания карандаша достигается впоследствии уже с большими усилиями, в случае же недостаточного исправления отражается существенным образом на письме и рисовании на всех последующих возрастах.

Для того чтобы изучить первоначальную эволюцию детского рисунка, необходимо, однако, не только приучать ребенка с самого же начала к правильному держанию карандаша, но еще и давать ребенку возможно чаще им пользоваться, подставляя ребенку детский столик с бумагой для рисования. Обычно дети охотно и много рисуют, а потому наблюдателям остается лишь регистрировать время выполнения рисунка и его содержание, обозначая при этом отдельные части рисунка сообразно тому, как ребенок их называет.

Особенно важно отметить, как ребенок сам обозначает свои рисунки и их детали. Существенно важно также сохранить и те рисунки, которые воспроизводятся перед ребенком или показываются ему взрослыми как образцы для рисования, чтобы подметить таким образом влияние, оказываемое рисунками взрослых на детский рисунок, и вместе с тем наблюдать, в какой мере развиваются подражательные способности ребенка в рисовании.

Прежде всего следует иметь в виду, что в первоначальный период рисования собственно о копировании детьми даже простых рисунков взрослых не может быть и речи, так как оно не удается

детям даже и в грубой форме; они предпочитают изображать то или другое карандашом по собственному разумению и самое большее, о чем может идти в этом случае речь, это — о некотором подражании в отдельных частях каракулей ребенка очертаниям более простых рисунков, сделанных взрослыми.

Тем не менее ребенок после первоначальных попыток к рисованию простых штрихов и каракуль прежде всего старается рисовать то, что видит кругом себя. Поэтому в его рисунках как бы отражаются впечатления его детства. Что ребенок особенно часто видит и что его поражает, то он и рисует с особенной охотой или по крайней мере старается изобразить на бумаге. Поэтому, рассматривая рисунки различных детей, нетрудно видеть по их содержанию различие в окружающих условиях их жизни, создающих неодинаковые впечатления детства.

Помимо этого могут быть отмечены и другие отличия в характере рисунков, которые являются результатом заимствования ребенком от взрослых. Само собой разумеется, что если няня или мать рисует ребенку ту или другую фигуру, то мало-помалу ребенок усваивает при подражательном рисовании этой фигуры все или почти все ее особенности. Но несомненно, что помимо всего этого имеются и индивидуальные особенности детского рисования, которые объясняются его склонностями, а не внешними влияниями. Эти индивидуальные особенности, однако, выступают лишь мало-помалу и преимущественно в позднейшем возрасте, а не в самом начале.

При всех этих различиях в характере детских рисунков, принадлежащих разным детям, можно уловить некоторые общие основные черты в последовательном развитии детского рисунка, изучение которых, на мой взгляд, заслуживает особенного внимания. Для выяснения этого вопроса, конечно, должно быть собрано возможно большое количество детских рисунков в последовательном порядке, начиная от первоначальных попыток к рисованию до более поздних и, следовательно, более совершенных изображений.

Мне удалось получить такое строго последовательное собрание рисунков, начиная от простейших штрихов у ранее упомянутых девочки М. и мальчика В., и наши выводы относительно последовательности в развитии рисовального искусства ребенка будут основываться главным образом на этих собраниях рисунков, и особенно на собрании рисунков девочки, как более полном.

На основании только что указанных собраний детских рисунков я убедился, что каракули еще не составляют первоначальной ступени детского рисования. Хотя и принято думать, что ребенок начинает рисовать с каракуль, но, изучая его рисование при вышеуказанных условиях, приходится убедиться, что первоначальным рисовальным опытом являются простые штрихи. Как только ребенок учится держать в ручке карандаш, он более или менее быстро учится им водить по бумаге в ту и другую сторону и проводить им штрихи большей частью в виде несколько закругленных линий. Между ними, конечно, попадаются и линии других направлений, но преобладают все же линии закругленной формы.

За этой работой писания простых штрихов ребенок проводит много недель и даже месяцев прежде, чем в этих штрихах начинают обозначаться круговые линии, а затем и линии иного направления, например, волнообразные, зигзагообразные (рис. 1) и т. п.

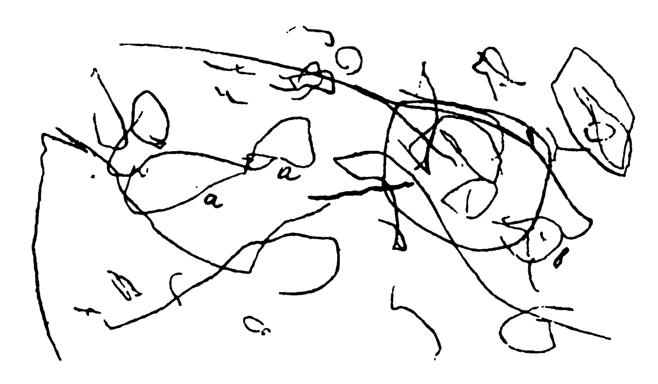

Рис. 1. Каракули девочки М. в возрасте около $1^1/_2$ г.: *а*, *а* — „ай" — т. е. яйцо; *в* — „карль" — ворона (звукоподражательно).

Таким путем ребенок лишь мало-помалу переходит к писанию каракуль, т. е. частью закругленных, частью ломаных и вообще неправильных линий, в которых невозможно распознать какое-либо содержание (рис. 2).

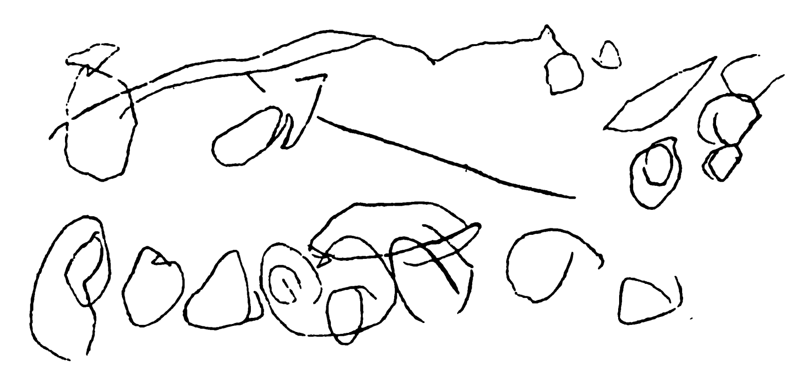

Рис. 2. Каракули девочки М. в возрасте около 1 г. и 10 м.

Тем не менее если в этом случае спросить ребенка, что он рисует, то он точно определит, что, собственно, хочет изобразить.

Если рисование первоначальных штрихов можно признавать за простое упражнение, то рисование каракуль есть уже не просто упражнение, а начало символического изображения разных предметов, которое является как бы подготовительным актом к позд-

нейшему изобразительному рисованию. О подражательном рисовании в этом периоде времени, конечно, не может быть и речи, и те пробы, которые в этом отношении делаются, показывают, что у ребенка лишь некоторые части линий могут принять направление, подобное данному для образца хотя бы очень простому рисунку.

После соответственного упражнения каракули ребенка постепенно начинают приобретать все более и более оформленный характер, и в них можно видеть нечто вроде кругообразной или неправильной формы замкнутой фигуры, часто с теми или другими добавочными, обыкновенно кривыми и вообще неправильными линиями.

Простой неправильный кружок часто с одной, реже с двумя добавочными линиями неправильной формы и представляет собственно первичный детский рисунок, который со временем принимает более правильную форму (рис. 3). Этот первичный детский рисунок у моей девочки, в общем физически хорошо развитой и спокойной, мог быть обнаружен в возрасте около $1^1/_2$—$1^3/_4$ года.[1]

Рис. 3. Первичный детский рисунок. Рис. девочки М.

Если спросить ребенка в этот период рисования о том, что он рисует, он уже говорит определенно, что рисует, например, «ай», т. е. ягоды, фрукты. Но при этом ничуть нельзя полагать, что неправильные кружки с добавочными линиями являются всегда обозначением одних и тех же предметов. Теми же или подобными кружками ребенок обозначает ворону («карль», см., например *b*, рис. 2), собаку, няню, маму, даже себя или вообще детей.

В отличие от простых каракуль здесь мы имеем как бы примитивное изображение, общее для многих предметов. Иначе говоря, здесь дело идет о первичном рисунке, служащем для

[1] Все позднейшие указания на возраст при изучении детских рисунков относятся к этой же девочке.

символического обозначения различных предметов. Дальнейшая дифференциация рисунка происходит не ранее 1 года 8—9 месяцев и 2 лет и выражается тем, что фигура в виде более правильного теперь кружка с одной, чаще же с двумя близкими друг к другу по положению неправильными линиями служит для обозначения людей (рис. 4), тогда как та же фигура кружка с одной добавочной линией или без нее, но с заштрихованной внутренностью кружка, остается для обозначения яйца, ягоды, фруктов и других подобных предметов (рис. 5).

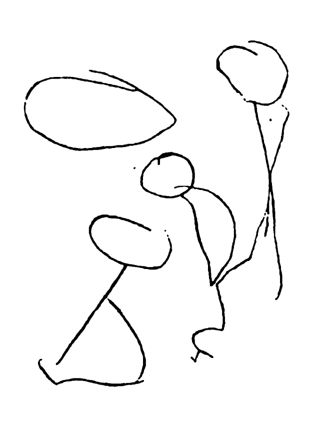

Рис. 4. Девочка М. рисует детей в возрасте 1 г. и 9 м.

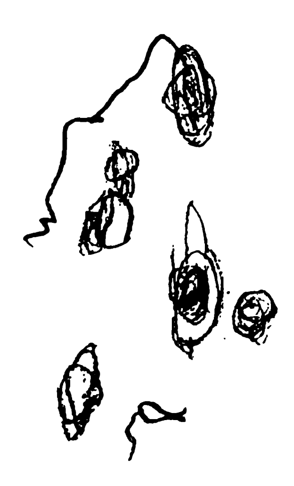

Рис. 5. Девочка М. рисует ягоды и фрукты

Постепенно обозначение людей кругообразной фигурой с двумя добавочными линиями становится обычным, причем ребенок неоднократно и в позднейший период времени возвращается как бы для упрощения к прежнему способу начертания людей, как и других предметов, кружком с одной добавочной линией.

Надо, впрочем, заметить, что тем же кружком с одной добавочной линией ребенок еще и в возрасте 1 года 8—9 месяцев обозначает нередко не одного человека, но и собаку, хотя рядом с тем для собаки имеется уже и свое, более продолговатое очертание (рис. 6).

Таким образом, очевидно, что к этому возрасту дифференцировка рисунка в отношении обозначения различных животных еще не установилась окончательно.

Тем не менее дифференцировка в изображении разных животных и человека начинает постепенно развиваться уже к концу второго года. В возрасте около 2 лет среди разных проб ребенку иногда удается сделать более продолговатые фигуры, которые он обозначает названием «рыбки»; другие фигуры, имеющие отдаленное сходство

Рис. 6. Рисование собак девочкой М. в возрасте 1 г. 9 м.: *а* — собака „Полкан“, *б* — собака „Кармен“, *в* — „собака“.

по очертанию с птицей, он обозначает звукоподражательным именем «карль», т. е. вороны, или «цыпки» (*а*, рис. 7).

Около того же времени на кружке с двумя добавочными линиями, изображающем человека, уже делаются попытки обозначения лицевых частей: носа, рта и глаз (рис. 8).

Рис. 7. *а* — „карль" — ворона. Рис. девочки М. в возр. 1 г. $10^1/_2$ м.

Рис. 8. Рисунок девочки М. в возрасте около 1 г. 11 м.

Должно при этом иметь в виду, что о правильном соотношении частей рисунка в том периоде не может быть и речи. Поэтому у рыбы оказываются «ноги» (плавники?) длиной не меньше длины ее туловища и представлены выходящими из одного конца тела. У «цыпки» две ноги оказываются выросшими на спине или одна на спине, другая на животе (рис. 9), у человеческой фигуры в кружке, долженствовавшем изображать лицо, два глаза оказались ближе к ногам, а рот или по крайней мере то, что напоминает рот, помещено выше глаз (рис. 8) и т. п. В других рисунках, изображающих человеческое лицо, можно встретить, что кроме большой неравномерности в изображении глаз (разме-

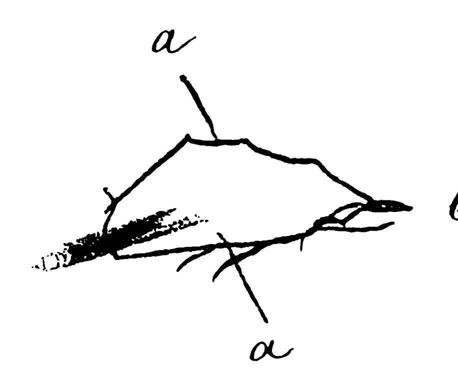

Рис. 9. *а, а* — лапка, *в* — нос. Рисунок девочки М.

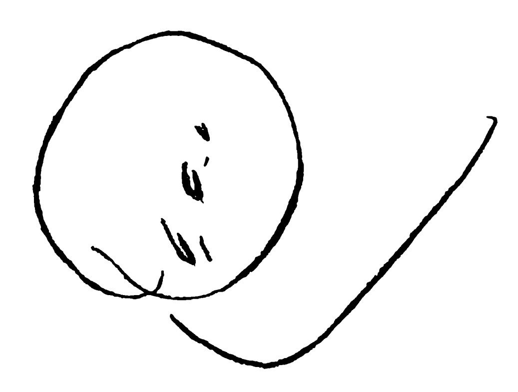

Рис. 10. Человек. Рис. девочки М. в возрасте около 1 г. 11 м.

ры последних много больше размеров рта) или вместо двух глаз на одном лице обозначено несколько глаз и ничего другого (рис. 10).

Кроме того ребенок в этом периоде рисует много разнообразных фигур, которые, плохо напоминая собой изображаемые предметы, тем не менее представляют уже известные различия друг от друга; между прочим, неправильно очерченное линиями пространство с кружками внутри его, долженствовавшими изображать окна, и добавочной, неправильной, иногда зигзагообразной, выходящей сбоку или даже снизу линией, изображающей дым, ребенок называет домиком (рис. 11).

Рис. 11. *а* — дом, *б* — выходящий из него дым. Рисунок девочки М.

В этом периоде ребенок уже пользуется сравнительно тесными зигзагообразными линиями для обозначения письма. Если спросить ребенка, что написано в этих однообразных зигзагах, ребенок непременно ответит то или другое, например,

Рис. 12. Письмо девочки М к своей маме, «чтобы она далеко уехала».

«письмо к маме» и, если его далее расспрашивать, то он может сказать какую-нибудь подходящую для себя фразу, например, по заявлению ребенка в его зигзагах написано: «я пришла, милая девочка» или «письмо к маме, чтобы она далеко уехала» (рис. 12) и т. п.

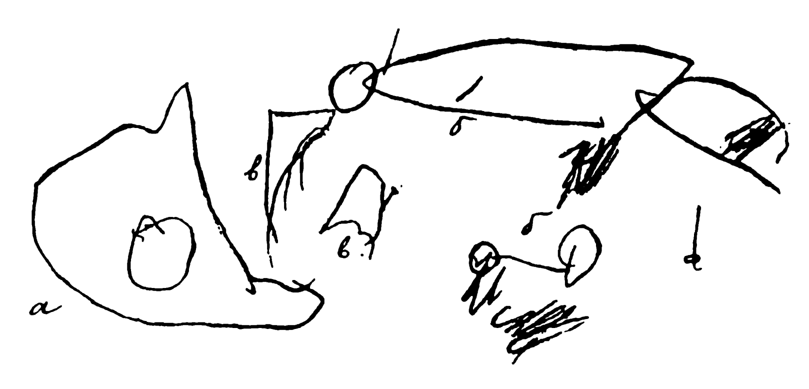

Рис. 13. *а* — дом с окном; *б, б* — дети смотрят в окно; *в, в* — поезд. Рис. девочки М.

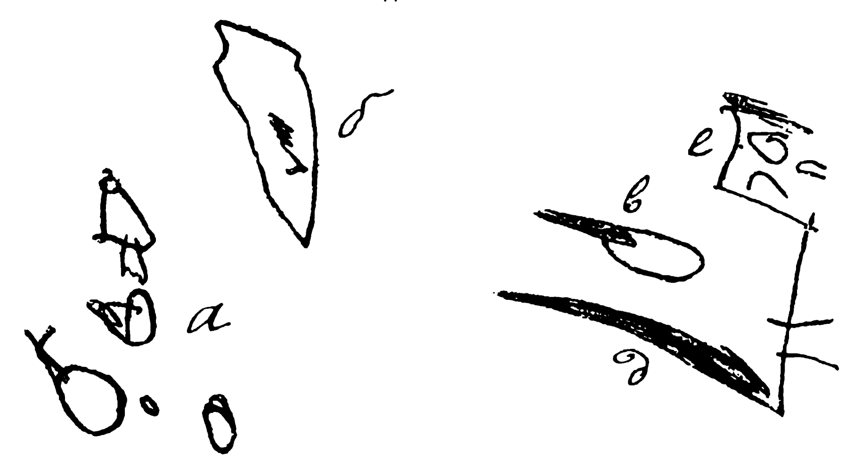

Рис. 14. *а* — дети гуляют; *б* — санки; *в* — ягоды; *д* — земля; *с* — домик с окнами. Рис. девочки М.

Надо заметить, что дитя в этом периоде развития начинает уже указывать на взаимное отношение отдельных фигур своего рисунка, тогда как ранее множество фигур, нарисованных на одной и той же бумаге представляли собой просто отдельные изображения, не имеющие между собой какого-либо внутреннего соотношения.

Например, ребенок рисует вокзал и поезд или домик с выходящим из него дымом (рис. 11).

Рис. 15. «Ловят рыбу». Рис. девочки М.

Нужды нет, что ни вокзал, ни поезд не напоминают собой действительности или что фигура, называемая вокзалом, меньше поезда, а домик представляет неправильно очерченную фигуру с кругообразными окнами и с дымом в виде больших зигзагов, выходящим вниз и притом без всякой трубы, но тем не менее здесь уже имеются ясные отношения между отдельными предметами и их частями. Ребенок делает даже попытки изображать действия,

Рис. 16. Дом с окнами. Рис. девочки М.

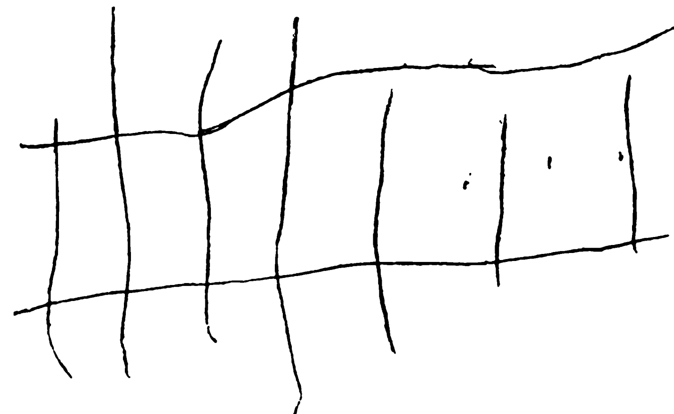

Рис. 17. «Лестница». Рис. девочки М. в возрасте 2 г. 9 м.

но, конечно, лишь символически, например: «дети смотрят в окно» (рис. 13), или «дети гуляют» (рис. 14), или «ловят рыбу» (рис. 15).[1]

Рис. 18. *а* — яблоня; *б* — апельсины. Рис. девочик М.

Было бы трудно без особенно большой фантазии в этих изображениях найти какое-нибудь подобие действительности, тем не менее ребенок уже определенно говорит, изобразив несколько кружков с добавочными линиями, что он нарисовал «гуляющих детей», или что «дети смотрят в окно», хотя на рисунке имеется одно

[1] На рисунке можно видеть продолговатую фигуру, изображающую, по-видимому, рыбу, и затем идущую от нее кругами линию, которая, вероятно, должна изображать собой лесу.

изображение боком лежащей человеческой фигуры (*б*, рис. 13) и впереди его неправильного очертания фигура, долженствующая изображать собой дом с кружком в середине, представляющим окно (*а*, рис. 13).

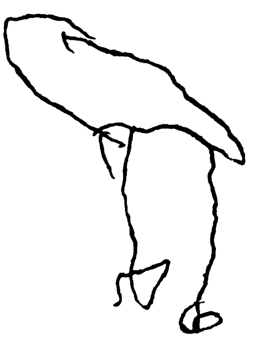

Рис. 19. Птица. Рис. девочки М.

Что начало установления соотношений между частями рисунков относится приблизительно к рассматриваемому периоду конца второго года для девочки М., видно из того, что когда мать нарисовала ребенку подобие человеческой фигуры, то ребенок тотчас же добавил от себя к каждой руке этой фигуры по яблоку, изобразив последнее кружком.

Надо заметить, что на рисунке, относящемся к двухлетнему возрасту, впервые в изображении человеческой фигуры встречается туловище в виде треугольника с головой и с двумя ногами (рис. 13).

Это более близкое к действительности изображение человеческой фигуры, собственно, устанавливается в позднейшем возрасте, приблизительно во вторую половину третьего года.

К этому периоду относятся и другие предметы, например, подобие дома с окнами и дымом (рис. 16), лестница (рис. 17), деревцо с фруктами (рис. 18), лопатка, грабли, птица (рис. 19) и т. п., которые изображаются уже более близким к действительности

Рис. 20. «Огород с грядками». Рис. девочки М.

Рис. 21. Рис. девочки М.: а — дом, в нем сама девочка; *б* — ребенок еще ползающий; *в* — дым; *д* — ребенок с другими едет на пароходе.

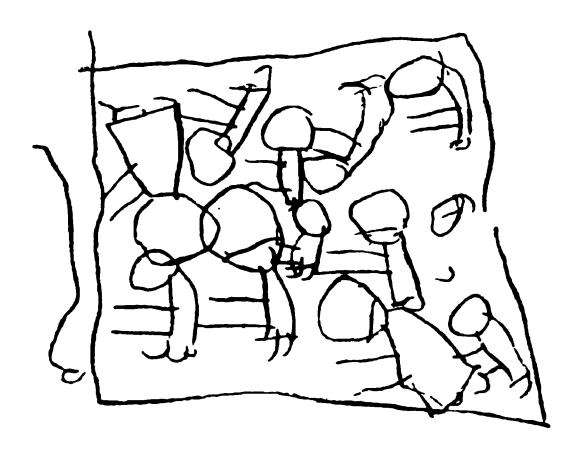

Рис. 22. «Как все собрались гулять». Рис. девочки М.

образом. Но более правильная фигура человека мной отмечена только к возрасту $3^1/_2$ лет, когда изображение человеческого лица содержит уже два круглых глаза и между ними нос в виде вертикальной линии и ниже рот в виде полукруглой горизонтальной линии.

Изображение сложных предметов, однако, и в возрасте, соответствующем концу 3-го года, еще не может быть признано сколько-нибудь сносным. При изображении, например, огорода (рис. 20) простыми неправильными продольными линиями обозначаются гряды, а зигзагообразными или волнистыми линиями и кружками обозначаются разнообразные овощи на нем. Тем не менее действительное, т. е. реальное, а не символическое комбинирование частей рисунка, замеченное в возрасте $2—2^1/_2$ лет, постепенно совершенствуется, и уже к трем годам ребенок делает очень грубую попытку изображать внутренность церкви с батюшкой, дьяконом и с обстановкой.

В дальнейшем ребенок большей частью уже рисует в виде комбинированных изображений, которые все более и более усложняются и совершенствуются. Заслуживают внимания, что отдельные фигуры рисунка, приобретающие очертания, более соответствующие действительности, начинают иногда изображаться уже разноцветными карандашами.

Само собой разумеется, что комбинированные рисунки еще долгое время, т. е. и в более поздний период времени, остаются такими, что взрослому трудно и даже невозможно вообразить себе относительное положение в них отдельных предметов именно так, как их изображает ребенок, не говоря уже о случающихся больших неправильностях в отдельных частях рисунков и несоответствии размеров и положения их отдельных частей (рис. 21, 22, 23).

Тем не менее отдельные соотношения предметов изображаются ребенком довольно близко к натуре. Так, на одном рисунке,

Рис. 23. Карусели. Рис. по памяти девочки М. в возрасте 4 г. 5 м. (ребенок, нарисовавший карусель, видел ранее, как рисовали подобную же картину взрослые).

относящемся к возрасту $3^1/_2$ лет, может быть усмотрена человеческая фигура с протянутыми руками вблизи дома, изображающая, как ребенок — автор рисунка — не может открыть дверь. В числе особенностей комбинированных рисунков следует отметить тот факт, что все они оказываются как бы прозрачными и, конечно, без всякой перспективы.

Таким образом, через стены дома можно видеть находящихся в нем людей, у всадника на лошади можно видеть две ноги, что замечается в детских рисунках и в более позднем периоде (рис. 24); далее можно видеть сидящих в лодке людей полностью, хотя бы фигуры их не выходили за борта лодки, и т. п.

Ребенок как бы не мирится с искусственными преградами в рисунках. Только в $4^1/_2$-летнем возрасте девочка М. заметила, что дуга на лошади у нее выходит обоими концами, с одной стороны лошади, и пожалела, что она не знает, как ее нарисовать так, чтобы она была, как в натуре, с обеих сторон лошади.

В этом возрасте уже изображается и относительное положение предметов, как показывает, например, изображение ползающего ребенка (рис. 25, *б*). Иногда относительное положение отдельных предметов дает повод думать, что они изображаются при наблюдении их не сбоку, а сверху (рис. 21, 22 и 23).

Заслуживает при этом внимания, что неправильности в изображении предметов даже и в возрасте $3^1/_2$ лет бывают еще поразительными, например, руки могут оказаться позади туловища (рис. 25) или они могут выходить даже из головы. У животного, изображаемого кругообразной фигурой с одной добавочной горизонтальной линией и с отходящими от последней вниз боковыми линиями,

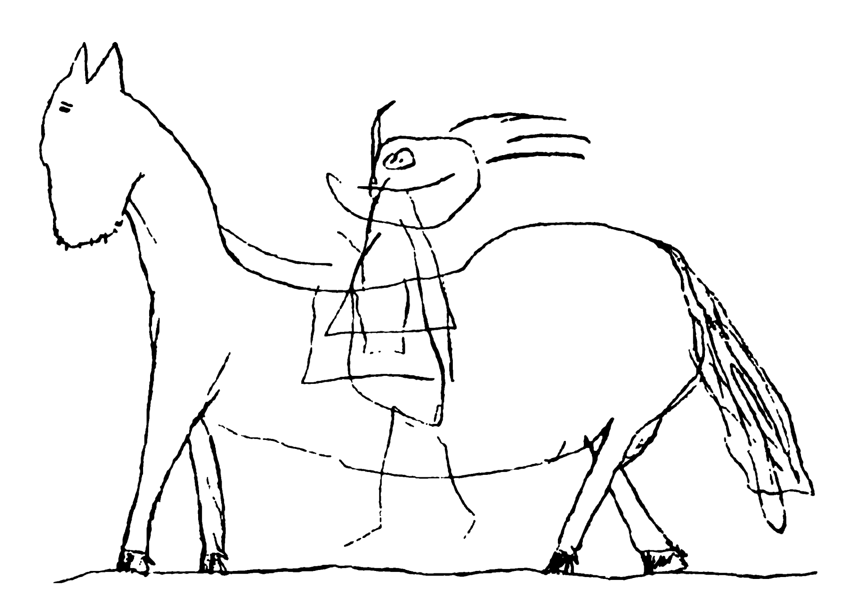

Рис. 24. Лошадь с всадником. Рис. девочки К. в возрасте около 5 л. 3 м.

что в общем должно изображать его голову, туловище и ноги, при этом вместо четырех ног может оказаться пять или даже множество ног (рис. 25).

Позднее животное изображается с человечьим *лицом*, обращенным к наблюдателю в боковом положении, так что рот стоит ближе к туловищу, нежели лоб (рис. 26).

Еще позднее человечье лицо у животного приобретает положение со ртом, обращенным вниз, но это лицо изображается не в профиль, а прямо спереди. Лишь в $4^1/_2$-летнем возрасте в рисунках у девочки

М. стали иногда попадаться морды животных в боковом профиле (рис. 27).

Вместе с комбинированием на рисунках отдельных предметов замечается все большая и большая дифференцировка в их изобра-

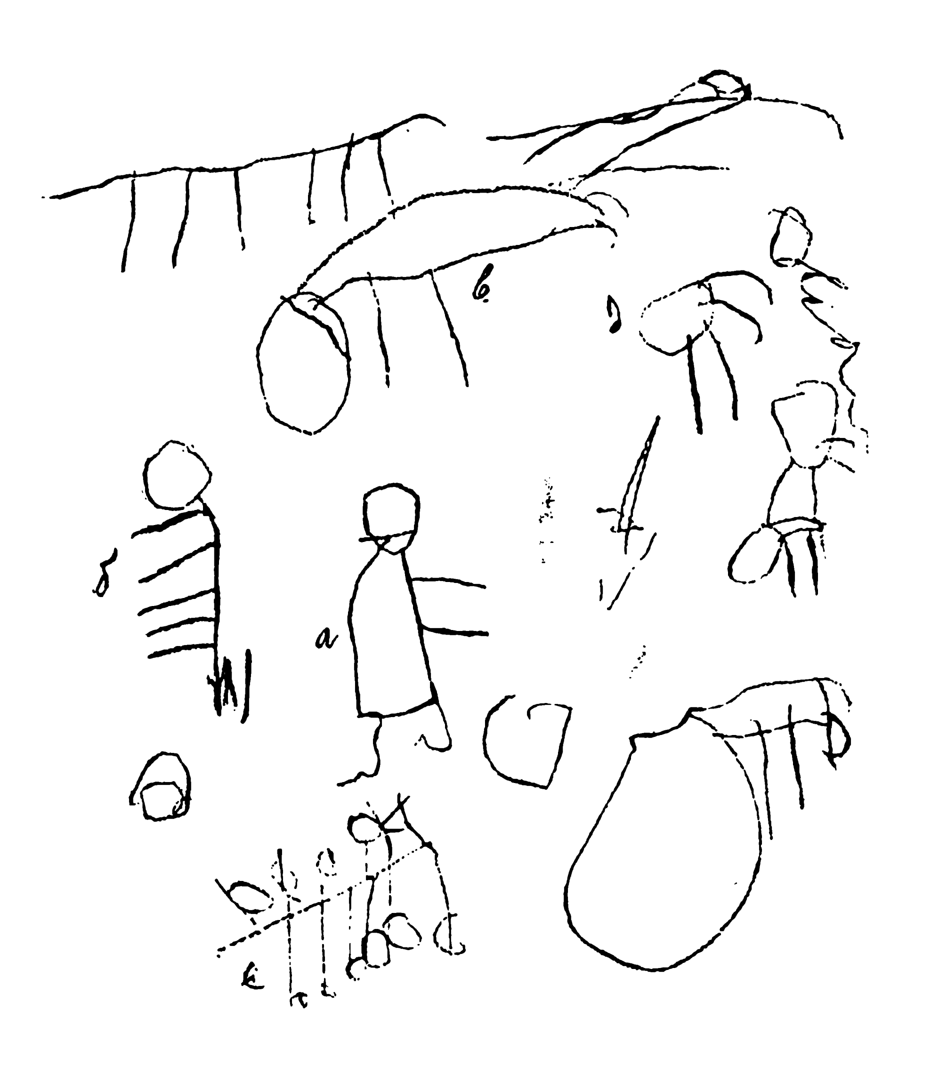

Рис. 25. *а* — девочка М. (автор рисунка); *б* — ребенок еще ползающий; *в* — более взрослый ребенок; *д* — меньший ребенок; *е* — елочка.
Рис. девочки М. в возрасте 3 л. 5 м.

жении. Таким образом, например, в возрасте $3^1/_2$ лет мы видим изображение человека с головой, на которой можно видеть не только глаза, нос и рот, но еще и уши, а также пуговицы на платье; равным образом в этом периоде мы находим более близкое

Рис. 26. *а* — автор рисунка — девочка М. ведет одну собаку Полкана и мальчик *б* ведет другую собаку Фигаро *д*; другой мальчик *в* ведет третью собаку «Карменку» *е*; *ж* — окно; Рис. девочки М. $3^1/_2$ л.

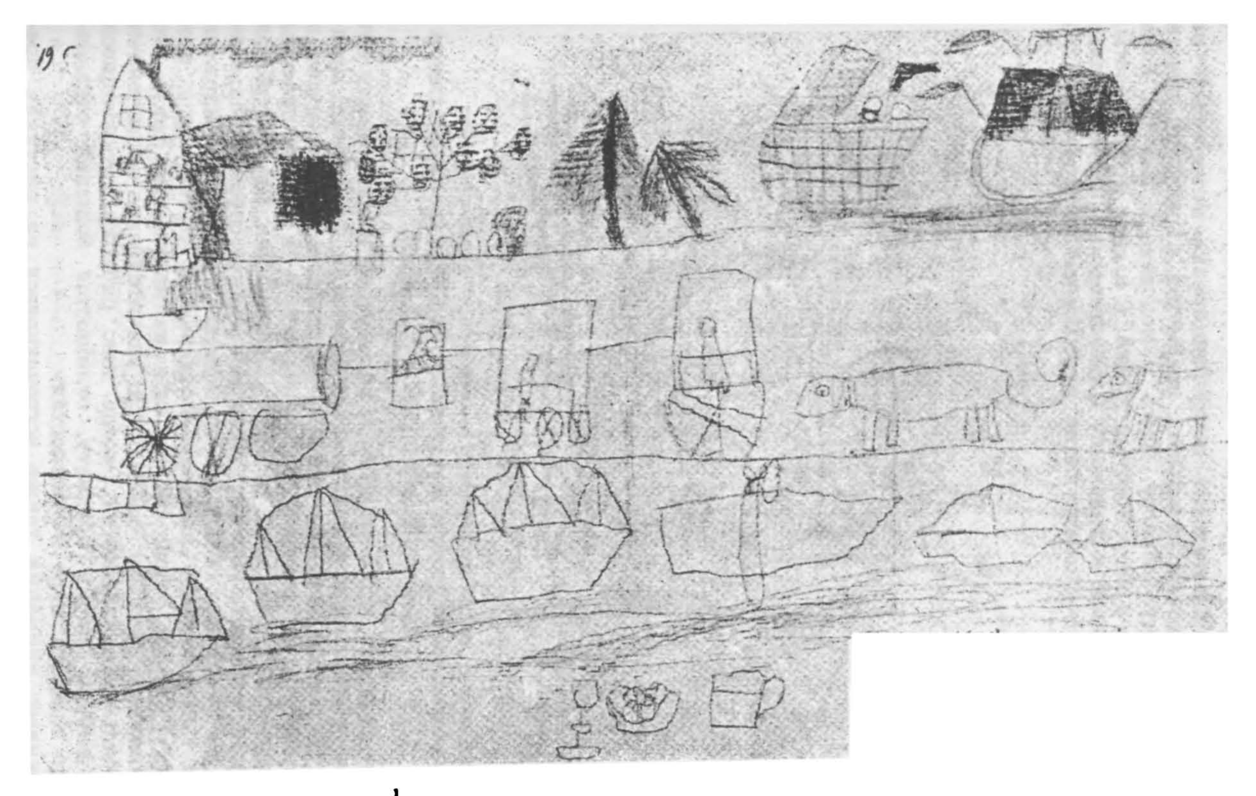

Рис. 27. Рис. девочка М. 4 1/2 л. Нарисована «Волга» с судами (про Волгу говорили взрослые); наверху малая речка с двумя яхтами. Одна елка валится, яблоня и грибы под ней. Черный ход в дом с занавеской; в среднем этаже железная дорога и две собаки. В самом низу кружка, тарелка и ваза.

к натуре изображение деревца с фруктами и изображение дятла на дереве (рис. 28).

Точно так же значительная дифференцировка может быть отмечена и в изображении отдельных предметов в рисунке, относящемся к $3^1/_2$-летнему возрасту. Здесь у человечьей фигуры появляются уже руки не в виде простых линий, а в виде продолговатых закругленных приставок к туловищу с большим количеством малых добавочных линий, долженствующих изображать пальцы (рис. 29).

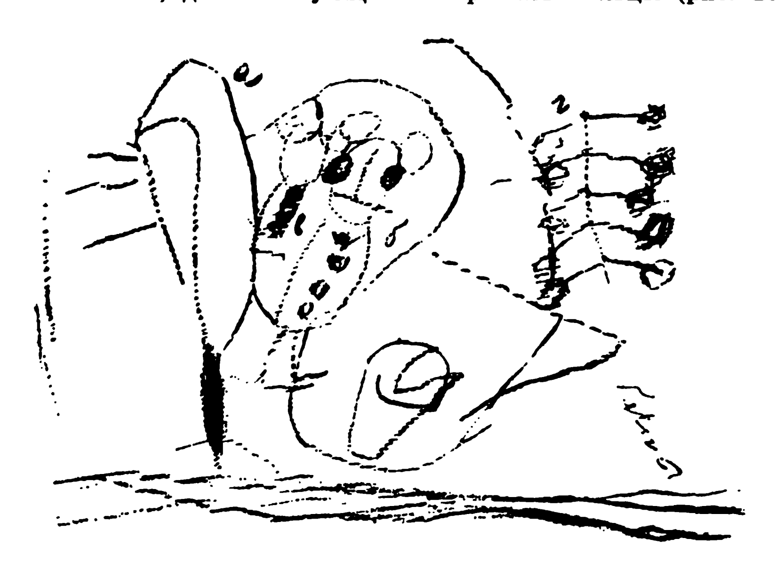

Рис. 28. *а* — дятел на дереве; *б* — девочка — автор рисунка; в — мальчик меньше ее ростом; *г* — деревцо. Рис. красным карандашом девочки М. в возрасте 3 г. 5 м.

Следует заметить, что хотя ребенок в известном возрасте достигает значительного совершенствования в изображении отдельных предметов, например фигуры человека, но нередко в то же время и даже в позднейшем возрасте он прибегает и к более простым примитивным изображениям, как бы их упрощая или сокращая сам рисунок, но он уже не возвращается к первоначальным рисункам, а сохраняет более совершенную их форму, устраняя лишь некоторые детали, например, отдельных частей лица или рук. Между прочим, обращает на себя внимание тот факт, что комбинированные рисунки отличаются значительным упрощением форм и большей условностью, тогда как рисунки, относящиеся к какому-нибудь одному предмету, отличаются большей отдаленностью, по крайней мере в частностях.

Заслуживает внимания также встречающееся на рисунках преувеличенное изображение ребенком числа пальцев на руке или

Рис. 29. Рис. девочки М. *а* — валенки; *б* — хомут; *в* — попугай; *д* — калачик с вареньем; *ж* — птичка; *з* — девочка М. (автор рисунка); *к* — свинушка; *л* — флаг; м — кровать и подушка; *н* — птичка; *о* — корабль; *п* — мама на корабле; *р* — мышь.

числа ног в человеческой фигуре, как ранее встречалось преувеличенное изображение числа ног в фигуре животного. Можно думать, что оно указывает на недостаток счета у ребенка, тем более что в иных фигурах число пальцев оказывается недостаточным, и притом эти неправильности могут встречаться даже у детей в возрасте 5 лет. Но иногда мы встречаемся с большим числом обозначений ног не только у животных, но и у человеческих фигур, например, 3 или 4 ноги вместо двух, после того, как ребенок ранее всегда изображал две ноги. Быть может, это умножение ног должно обозначать в известных случаях действие, т. е. движение, бег, так как в этом периоде ребенок не в состоянии изображать действие определенной позой.

Рис. 30. *а* — птица клюет зерна; *б* — девочка — автор рисунка идет; *в* — корзина с черникой. Рис. дев. М.

Дело в том, что для иллюстрации действия ребенок прибегает иногда к особым метафорам также с умножением отдельных частей рисунка. Например, для изображения птицы, клюющей зерна, к носу птицы в виде длинной цепочки приставляются им мелкие кружки, долженствующие изображать собой поедаемые зерна (рис. 30, *а*). В иных случаях эти кружки тянутся цепочкой от клюва внутрь тела, как доказательство того, что они действительно съедены (рис. 31, *а*), или даже они тянутся от хвоста наружу в доказательство законченности пищеварительного акта (рис. 31, *а*). В других случаях изображение действия достигается удлинением частей рисунка, как это мы видим на рисунке, где няня, охраняющая детей от бабы-яги, изображена с длинными пальцами (рис. 32).

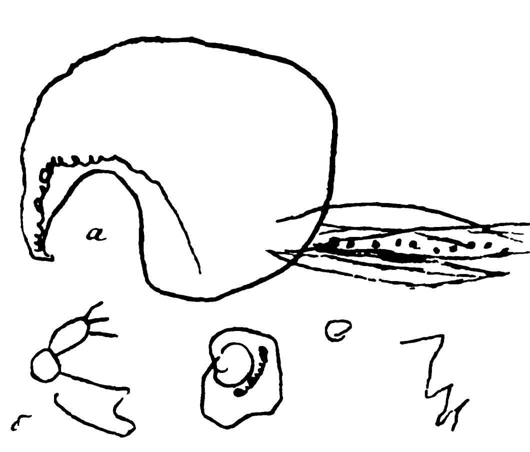

Рис. 31. *а* — павлин; *в* — обезьянка. Рис. дев. М.

О правильном соотношении в размерах рисуе-

Рис. 32. 1 — большая фигура слева изображает няню; 2 — баба-яга; 3 — Валентина; 4 — девочка — автор риснука; 5 — Володя; 6 — когти-пальцы у няни. Рис. девочки М. в возрасте около 3 л. 5 м.

Рис. 33. Домики и лодки. Рис. девочки М. Слева дом затушеван красным и синим карандашом.

мых предметов в этом возрасте еще не может быть и речи (рис. 32, 33, 34 и 39), так как вообще соразмерность и гармония частей являются продуктом более позднего возраста. Резкое несоответствие в частях наблюдается даже в возрасте около $4^1/_2$—5 лет, как показывает, например, рисунок дома, у которого крыша под крыльцом чрезмерно вытянута (рис. 33), или рисунок дома с огромной дверью и ручкой, причем няня представлена выше дома, яблоки изображены больше человеческих голов (рис. 39) и т. п. Иногда обнаруживается даже гиперболическое преувеличение отдельных частей рисунка (рис. 32, 34 и 44).

Между прочим, девочкой М. в возрасте около 4 лет была нарисована корова, у которой вымя оказалось чрезмерной величины, хотя этот рисунок был ею вторично перерисован именно из-за огромных размеров вымени, спускавшегося первоначально даже ниже ног животного. Заслуживает также внимания несоответствие с действительностью в положении тех или других частей рисунков. Так, одна из моих девочек нарисовала вымя позади задних ног коровы и не находила в своем рисунке ничего ненатурального (рис. 53). Затем однажды девочка 4 лет нарисовала себя упавшей, причем лицо ее представлено в вертикальной позиции при лежачем положении туловища (рис. 58, *б*).

Благодаря несоответствию отдельных частей детские рисунки даже и в более позднем возрасте нередко приобретают в полном смысле слова карикатурный вид (рис. 34, 35 и 36, 59, 60).

Заслуживают внимания также неправильности в детских рисунках, объясняемые незнакомством с законами природы. Благодаря этому, например, цепь от якоря лодки на детском рисунке даже у девочки $4^1/_2$ лет висит в воздухе дугой с выпуклостью, обращенной кверху (рис. 57), или у яхты дым из трубы отклоняется в одну сторону, а флаг развевается в другую (рис. 37), или у кареты передок остается висящим в воздухе (рис. 38), или дым из дому выходит вниз (рис. 11) и т. п.

Вряд ли нужно говорить, что все, что рисует ребенок, заимствуется им из окружающей действительности или из рассказов, которые он слышит. Поэтому, например, ребенок, проводивший лето во фруктовом саду, изображает деревья, увешанными фруктами, ребенок, живущий около воды, изображает лодки или пароходы, ребенок, живущий у железной дороги, — локомотивы и поезда и т. п.

Равным образом всякий вообще ребенок рисует те человеческие фигуры и животных, которые его окружают. Поэтому человек представляет для него излюбленное изображение. Но было бы неправильно думать, что ребенок старается копировать окружающее. Напротив того, почти все его рисунки носят как бы символический характер, благодаря чему в рисунке обозначаются лишь основные черты данной фигуры и притом далеко не все, как это мы видим, например, в изображении человеческих фигур. Условность обозначений в детских рисунках видна еще более на изображениях животных, туловище которых представлено в виде одной горизонтальной линии с множеством ниспадающих меньших по размерам

боковых линий, долженствующих изображать собой ноги (рис. 25, 26), причем к одному концу этой линии приставлено человеческое лицо, другой же конец должен изображать хвост животного.

Можно думать, что в рисунках ребенка больше занимает содержание, нежели отделка частей рисунка, — явление, которое свойственно, по-видимому, вообще примитивному рисованию и которое, между прочим, можно видеть также на рисунках некоторых душевнобольных.[1]

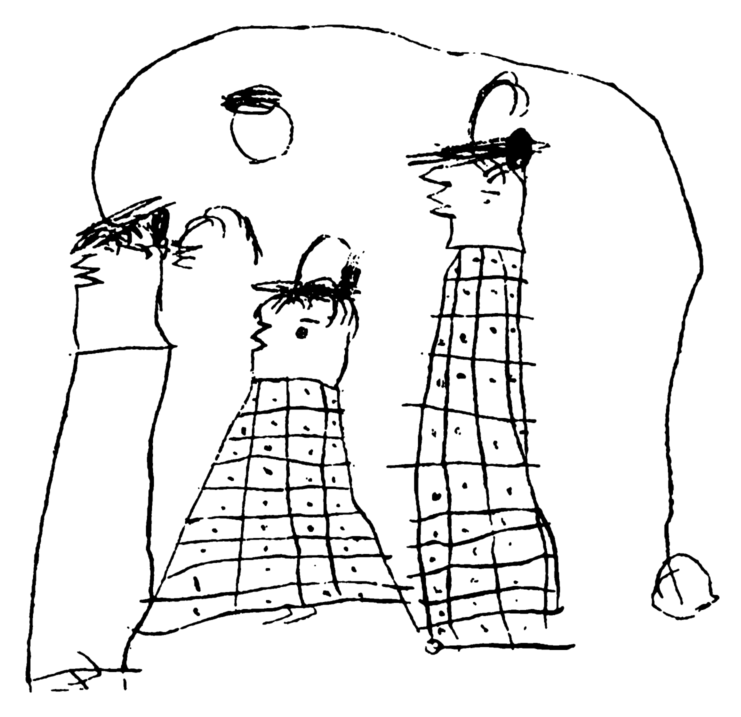

Рис. 34. Рис. девочки М. в возрасте 3 г. 10 м.

Нет надобности говорить, что и в этих условных обозначениях с течением времени достигается прогресс, и, таким образом, животное в рисунках детей из вышеуказанного вполне условного обозначения постепенно начинает обозначаться уже фигурой, более соответствующей виду животного (рис. 29, 38, 40), или, например, человеческая фигура из простого кружка с одной добавочной, а затем двумя добавочными линиями постепенно приобретает форму туловища и головы с верхними и нижними конечностями. При этом

[1] См. Объективное исследование душевнобольных // Обозр. психиатрии. 1907.

постепенно к фигуре добавляются те или другие детали, например, глаза у человека (рис. 41), даже уши и пуговицы на платье (рис. 28) и, наконец, человек начинает изображаться даже в боковом профиле (рис. 42, 34).

Заслуживает внимания тот факт, что фигура человека с профильным изображением головы появляется позднее фигуры с передним фасом лица, во всяком случае не ранее $3^1/_2$—4 лет (рис. 34, 42). О том, что профиль головы животного (рис. 23, 24, 38, 40, 49, 53) появляется сравнительно поздно, было упомянуто ранее.

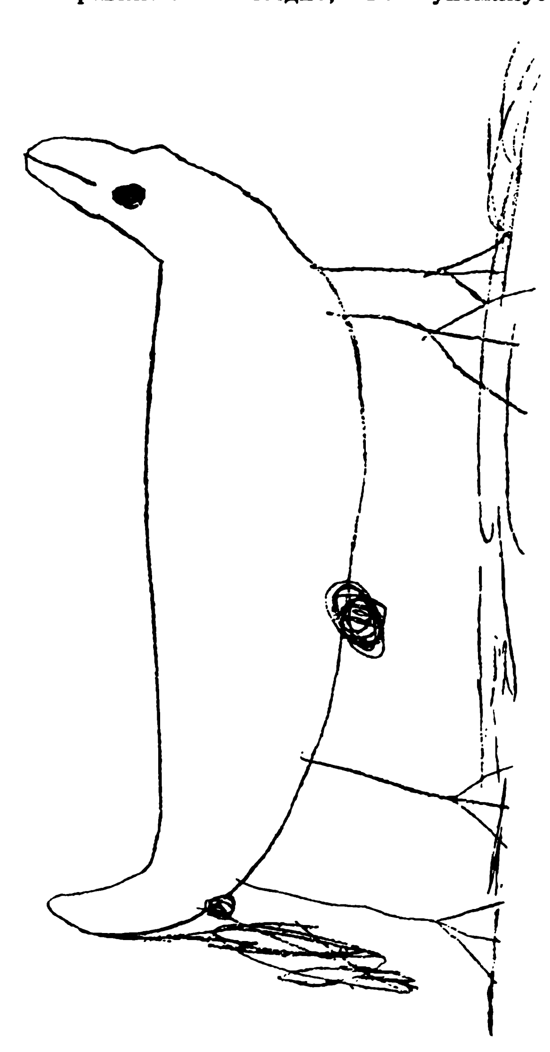

Рис. 35. «Собака воет». Рис. девочки К. в возрасте 4 г. 2 м.

Рис. 36. Рис. девочки К. в возрасте 4 л. 2 м. Большая фигура «бука», остальные «дети». Если дети послушаются, то бука дает им арбуз, который он, бука, берет с полки справа от себя.

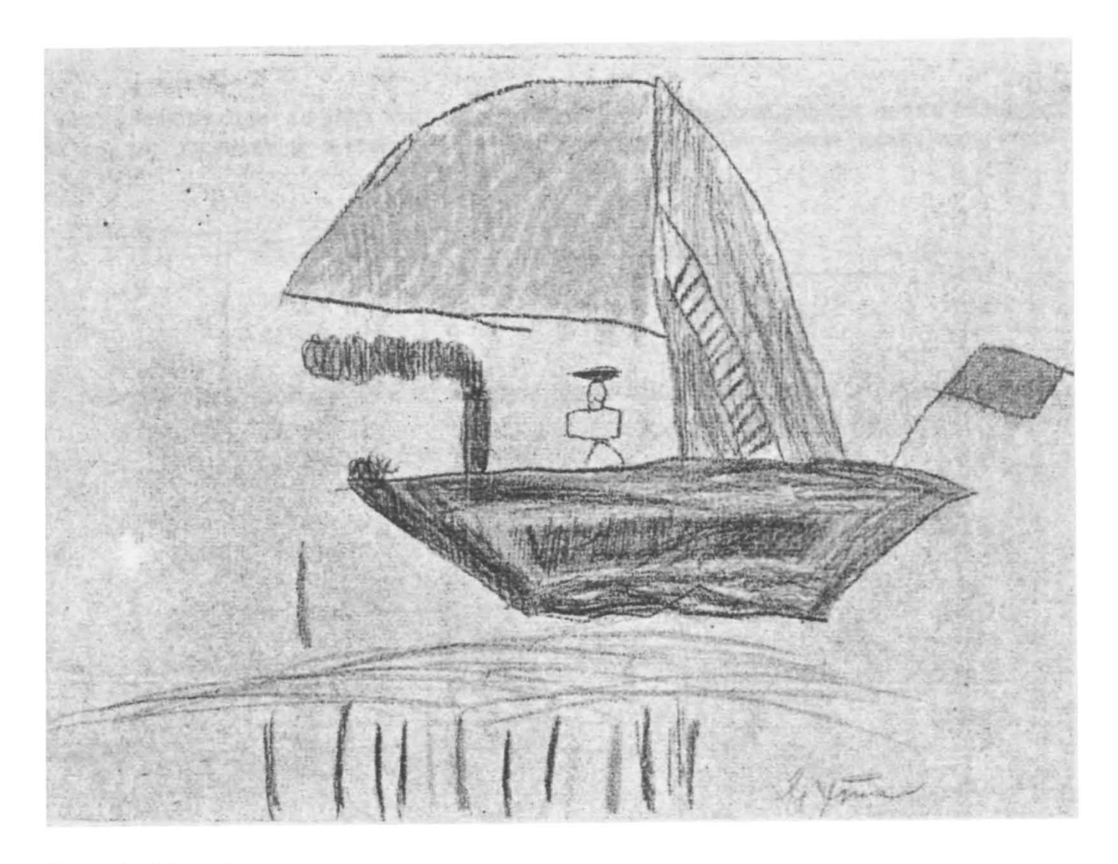

Рис. 37. Яхта. В оригинале все части яхты затушеваны разноцветными карандашами. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. 5 м.

Около того же времени на рисунках мы видим уже определенные позы в изображениях людей, например, рисунок может изображать сидящих детей на стульях (рис. 43) или спящих людей на кроватях (рис. 44).

Рис. 38. Вверху рисунка луна, звезды и тучи, внизу слева трамвай, б — карета, в — две собаки. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. и $5^1/_2$ м.

Вместе с тем появляется и изображение отдельных частей обстановки, а также появляются и другие детали рисунка, относящиеся к украшениям (рис. 43, 44, 52 и 55). Позднее эти украшения выступают еще рельефнее.

Намек на перспективное изображение дома можно обнаружить на рисунке, относящемся к возрасту $3^1/_2$ лет и старше (рис. 44, 45 и 51).

Более сложное комбинирование рисунков с позами и действиями отмечается в возрасте начиная с $3^1/_4$ лет и позднее (рис. 35, 36, 38, 39, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 51, 52, 54). Около этого же времени возможно и комбинированное рисование на заданную тему;

например, дети играют около дома (рис. 43), или служанка гонит коров (рис. 48).

Что касается подражательного рисования или срисовывания, то оно развивается, вообще говоря, позднее символического. Даже в 3—$3^{1}/_{2}$ года оно удается еще весьма несовершенно, хотя столь

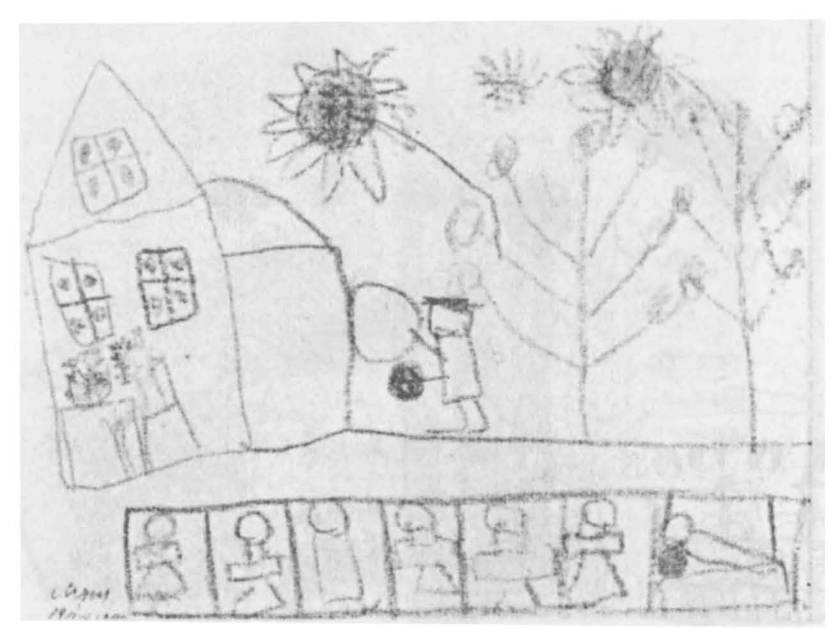

Рис. 39. Цветной рис. девочки М. в возрасте 4 г. 4 м. 1) дом няни; 2) девочка М. — автор рисунка — хочет открыть дверь; 3) няня; 4) деревья с воздушными шарами; 5) вагоны.

простые вещи, как рисунки предметов обихода, ребенок в этом возрасте уже копирует более или менее удачно (рис. 50), а буквы ребенок может уже передавать на бумаге по памяти. В возрасте 3 лет 8 месяцев моя девочка, предварительно ознакомленная с буквами и их начертанием, могла уже сама писать некоторые слова на бумаге после их произношения посторонними.

Выше было упомянуто, что в возрасте конца 3-го года ребенок разрисовывает отдельные части рисунка различными цветами (рис. 36, 37, 39, 56, 57). Но при этих цветных украшениях рисунка еще не видно фигурных украшений. Последние появляются несколько позднее вместе с изображением обстановочных частей рисунка (рис. 44, 52).

Надо заметить, что в конце 3-го года и позднее ребенок весьма охотно рисует цветными карандашами и изображает разными цветами не только отдельные предметы, например, рисует людей разными

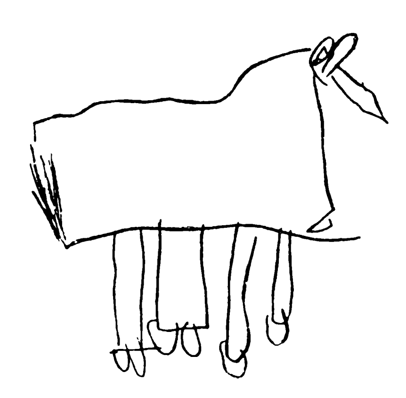

Рис. 40. Рис. девочки М.

цветами, но иногда различными красками он изображает разные части предметов человеческого тела, например (рис. 34, 43, 54, 55, 59 и 60) волосы рисует одним цветом, изображая в то же время всего человека или части его туловища другим цветом (рис. 60), или при изображении туловища человека одним цветом его рука рисуется другим цветом, в некоторых же случаях одна рука может оказаться красной, а другая синей (рис. 60), или отдельные пряди волос на голове могут быть нарисованы разными цветами.

Нечего говорить, что головные украшения изображаются различными цветами (рис. 38 и 59). Равным образом и деревья нередко ребенком изображаются различным цветами (рис. 57). Точно так же дома снабжаются разнообразными цветными украшениями. Поразительную любовь к цветным украшениям у ребенка можно видеть на рисунках, изображающих дома с навешанными на них всюду «ягодками» (рис. 56). Надо заметить, что такие дома ребенок стал рисовать лишь после того, как увидел на домах Петербурга иллюминацию электрическими лампочками.

Вообще страсть к цветным изображениям у детей должна быть признана поразительной и во многих отношениях замечательной.

Еще одна особенность: лица, симпатичные детям, обыкновенно украшаются ими лучше других. Например, у моей

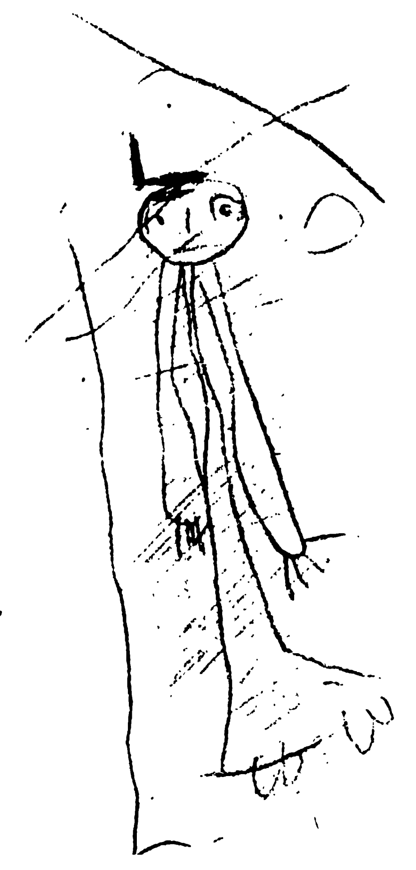

Рис. 41. Рис. девочки М.

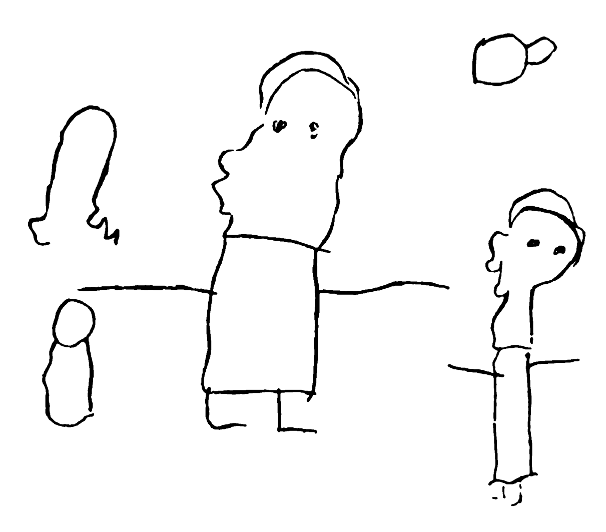

Рис. 42. Большой, малый и еще меньший мальчик. Рис. девочки М.

девочки мама изображалась всегда с карикатурно длинным павлиньим пером (рис. 43), в то время как другие лица женского пола рисуются ребенком без павлиньих перьев.

Таким образом, детские симпатии сказываются в особых преувеличениях украшений, хотя эти преувеличения могут объясняться и неполной соразмерностью в соотношениях частей рисунка, которая вообще достигается много позднее.

Поразительно часто у ребенка действие представляется несколькими фигурами на одном и том же рисунке, изображающем различные стадии действия. Например, на одном рисунке можно видеть, что девочка М. изображает себя первоначально сидящей в саду и читающей книгу, затем бегущей к маме, затем сидящей в доме; на другом рисунке девочка изображает себя стоящей на столе, под столом и в то же время упавшей в другом месте (рис. 58).

В рисовании детей уже сравнительно рано обнаруживается влияние пола и индивидуальности. Что касается пола, то различие в этом отношении выступает все более и более резко вместе с дифференциацией рисунков. Так, девочка, начав рисовать людей, чаще изображает их в дамском костюме с соответствующими головными украшениями, тогда как мальчики, по-видимому, реже изображают в рисунках человека в дамском платье и с головными украшениями. Даже при первоначальном обозначении человеческой фигуры у моей девочки обнаружена наклонность изображать фигуру с треугольным туловищем (форма дамского платья). Это, впрочем, зависит более всего от сверстников по детской: если на глазах

Рис. 43. Цветной рис. девочки М. в возрасте 4 л. *а* — мама с павлиньим пером; *б* — девочка М. — автор рисунка — копается в песке; *в* — няня сидит, около нее девочка О. К., знакомая девочки М.; *г* — дерево, на котором шоколад растет; *д* — сад.

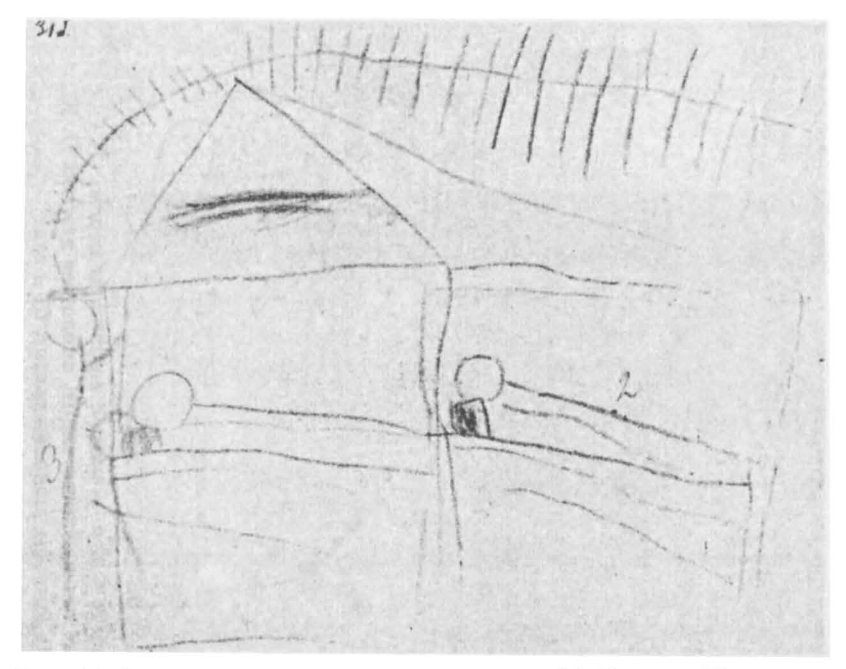

Рис. 44. Рисунок синим карандашом девочки М. Девочка М. — автор рисунка — спит; 2) няня спит; 3) мама приехала и звонит; на голове ее павлинье перо.

рисующего ребенка преобладает мужской пол, то и девочки изображают людей с туловищем закругленной формы, т. е. мужчин. Многое, впрочем, в этом случае зависит от усвоения ребенком способа изображения при показывании его взрослыми (рис. 46).

Кроме того, наблюдаются и другие особенности в содержании рисунков девочек и мальчиков, объясняемые, собственно, не природой их организма, а особенностями их обстановки и воспитания.

Что касается индивидуальных особенностей, не зависимых от пола, то в этом отношении, кроме различий, обусловливаемых физическим развитием ребенка, что отражается на большей или меньшей мягкости рисования, а также более ранним или более поздним психическим развитием, отражающимся и на характере и особенностях рисунков, а также на их дифференциации, должны быть отмечены особенности в содержании рисунков, которые относятся главным образом за счет влияния окружающей обстановки и условий воспитания, а равно и умственного развития.

Особенности индивидуальных различий между детьми выступают с большой ясностью, если нескольких детей заставить рисовать на одну и ту же тему, доступную детскому возрасту. При этом ясно

выступит и различие умственного кругозора, и степень развития, и особенности, зависящие от окружающей ребенка обстановки, и т. п.

В заключение нельзя не обратить внимание на некоторое сходство детского рисунка с рисунками душевнобольных хроников с психической слабостью. И здесь поражает удивительное упрощение форм и схематичность в изображении действительности, а также явления, совершенно напоминающие собой детский символизм.[1]

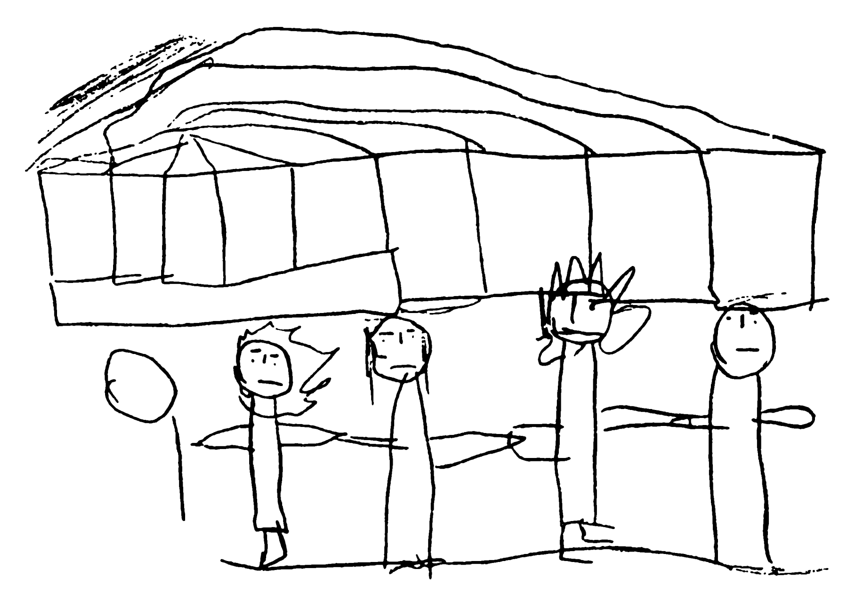

Рис. 45. Рис. девочки М. «Дом и дети».

Так же как и у детей, у душевнобольных мы имеем в рисовании поразительное упрощение внешних форм, причем выдвигается, главным образом, символический элемент, при котором внешняя отделка не играет существенной роли в рисунке; здесь форма изображений должна представлять собой лишь роль знака или простого указателя в изображении той или другой мысли — ничуть не более, причем и отдельные части, обыкновенно ничего не значащие, получают в глазах больных, как и у детей, особое, часто символическое значение.

---

[1] См. в этом отношении рисунки, помещенные в моей статье «Examen phychologique objéctif des maladies mentaux». Traité international de phychologie pathol. Paris, 1910.

Рис. 46. Рис. девочки К. в возрасте 4 г. 2 м. Мать приносит детей, чтобы они скорее шли к ней. Две фигуры девочка Катя и девочка Лёля показывают, что они уже послушались.

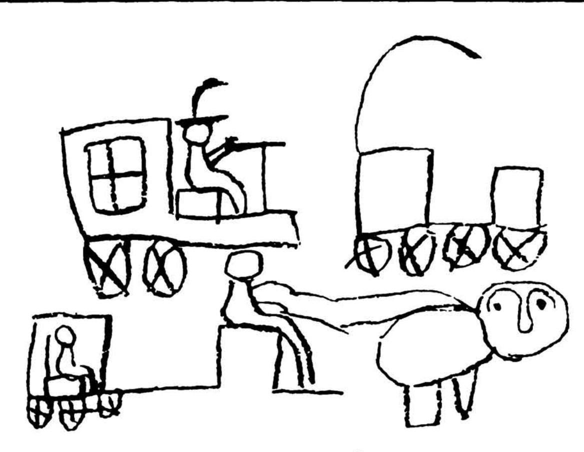

Рис. 47. Рис. девочки М. в возрасте 4 л. $4^1/_2$ м. «Карета и лошадь и мы едем», вверху налево —мотор, направо — карета «позолоченная».

Рис. 48. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. 5 м. на тему: служанка А. гонит коров и телочку. Вверху изображены стойла со скотом. В оригинале служанка разрисована цветными карандашами.

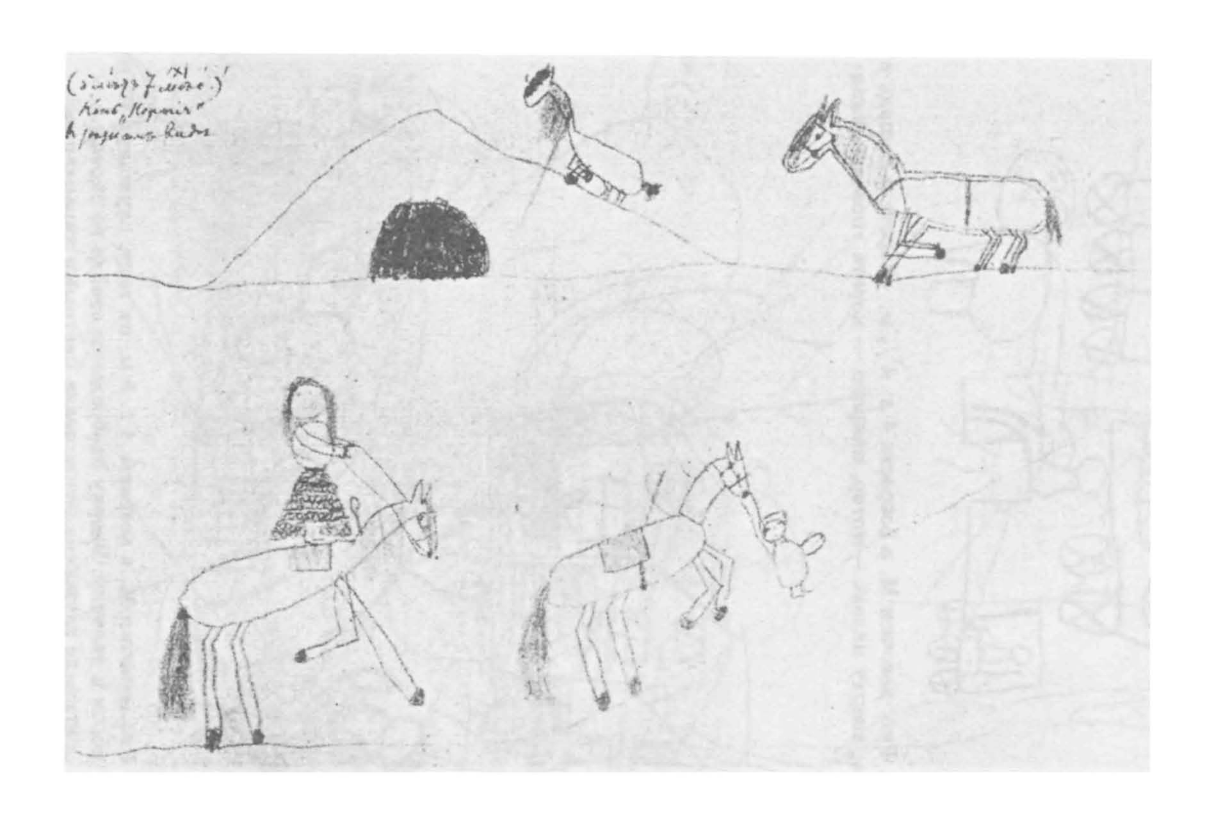

Рис. 49. Рис. девочки М. в возрасте 5 л. 7 м. изображает коня в разных позах.

Сопоставляя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что ранее всего у ребенка начинается рисование штрихов, затем рисование каракуль, с которых начинается уже символическое рисование, так как с той или другой каракулей ребенок связывает определенное изображение.

Рис. 50. Рис. девочки М. в возрасте 3 г. 8 м.

Постепенно из писания каракуль создается первичный детский рисунок в виде неправильного кружка, с одной или двумя добавочными линиями; этот рисунок первоначально может изображать и человека, и ягоду, и животное, и любой вообще предмет. За этим следует постепенное дифференцирование из одного общего рисунка отдельных изображений разных предметов, благодаря чему мало-помалу развивается изобразительное рисование, в котором, впрочем, долго еще обнаруживается много условностей и несоответствующих деталей.

С течением времени развивается комбинированное рисование, самостоятельное и на заданную тему. За этим следует проявление эстетического элемента в детском рисунке.

Одним из позднейших является также перспективное рисование и притом первоначально только в отдельных частях рисунка, например в рисунке дома. Что касается соразмерности частей рисунка, то оно является, по-видимому, значительно более поздним продуктом в рисовании ребенка.

Много внимания некоторыми авторами уделяется вопросу о сходстве рисунков детей с живописным искусством доисторического человека и современных первобытных народов. Этот вопрос, действительно, не может не быть интересным, но подходить к его

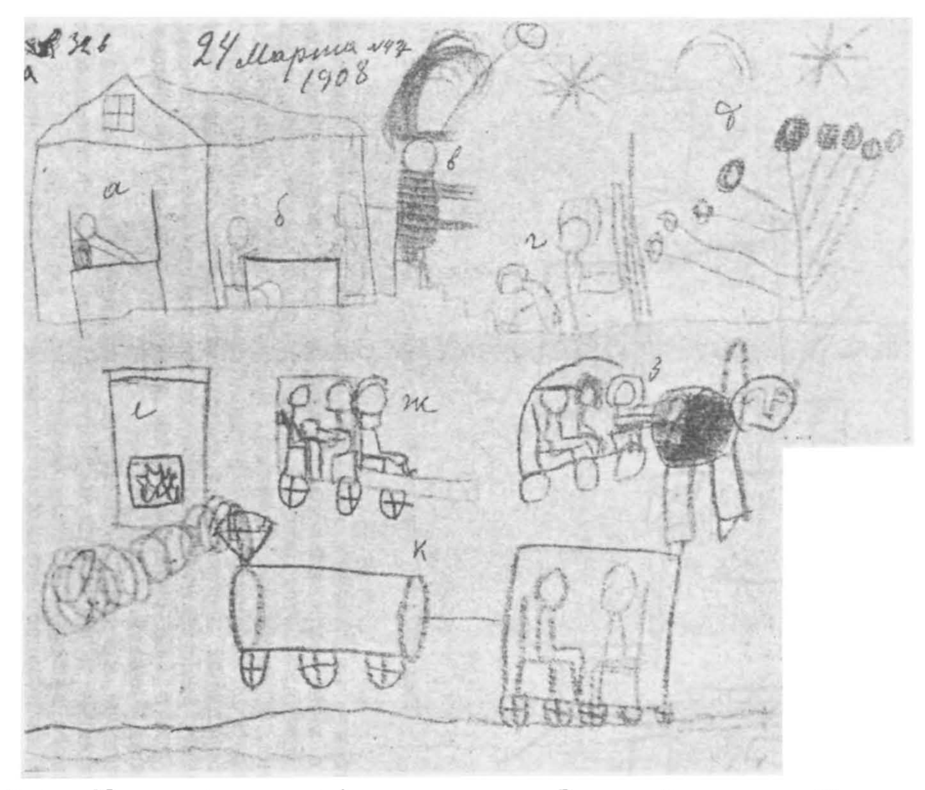

Рис. 51. Рис. девочки М. в возрасте около 4 л.: ***а*** **— мальчик В. спит;** ***б*** **— девочка М. — автор рисунка — сидит и кушает, а няня стоит;** ***в*** **— мама идет по лестнице в шляпе с павлиньим пером;** ***г*** **— няня А (мальчика В.) сидит, а мальчик В. копается;** ***д*** **— сад; е — почтовый ящик;** ***ж*** **— мотор;** ***з*** **— карета;** ***к*** **— паровик.**

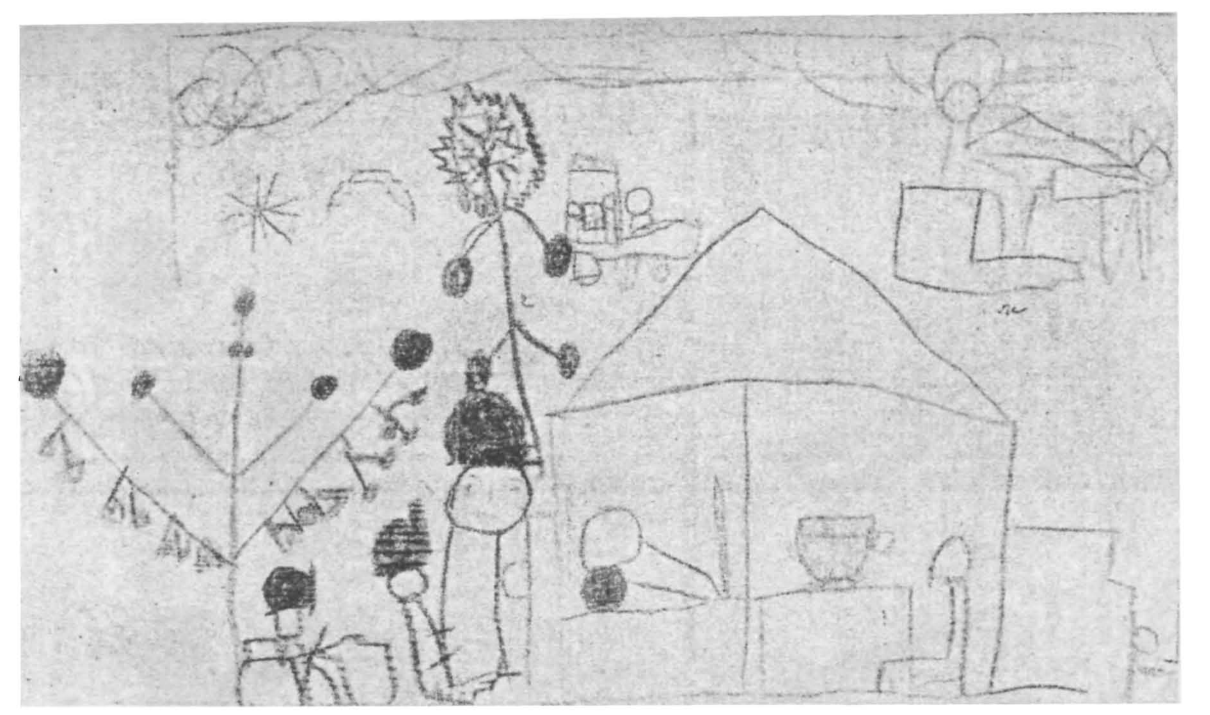

Рис. 52. Рис. девочки М. в возрасте 3 г. 11 м. Справа девочка М. (автор рисунка) в саду читает книжку, у дома мама (с павлиньим пером на шляпе) вышла в сад гулять, к ней подбегает девочка М.; внутри дома девочка М. спит, ее мама сидит за столом. На небе, покрытом тучами, луна и звезды. В оригинале человеческие фигуры вне дома и часть ветвей дерева нарисованы красным карандашом, остальное и часть павлиньего пера синим карандашом.

Рис. 53. Рис. девочки К. в возрасте 4 л. 5 м. Дойная «корова».

Рис. 54. Рис. девочки М. в возрасте 4 г. $5^1/_2$ м. Изображены: дом, при нем сад и вагоны с локомотивом. Крыльцо у дома и фрукты на яблонях нарисованы в оригинале красным и синим карандашом.

выяснению можно только после обстоятельного разрешения вопроса о постепенной эволюции детского рисунка.

Во всяком случае, есть много данных за то, что законы развития искусства в жизни народов те же, что и законы развития искусства в жизни отдельных лиц, и поэтому естественно, что общие черты развития детского рисунка повторяют те ступени развития человеческого искусства, которые оно проходило, начиная с доисторического периода своего развития.

С другой стороны, и тот упадок искусства, который мы находим у некоторых душевнобольных, особенно хронических, и у некоторых художников-дегенератов, представляет собой как бы возврат к примитивному рисованию.

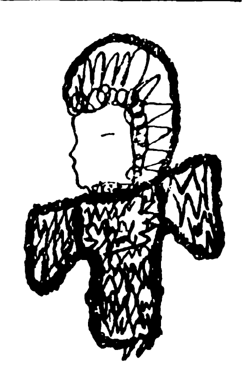

Рис. 55. Рисунок девочки М. «Сама себя нарисовала».

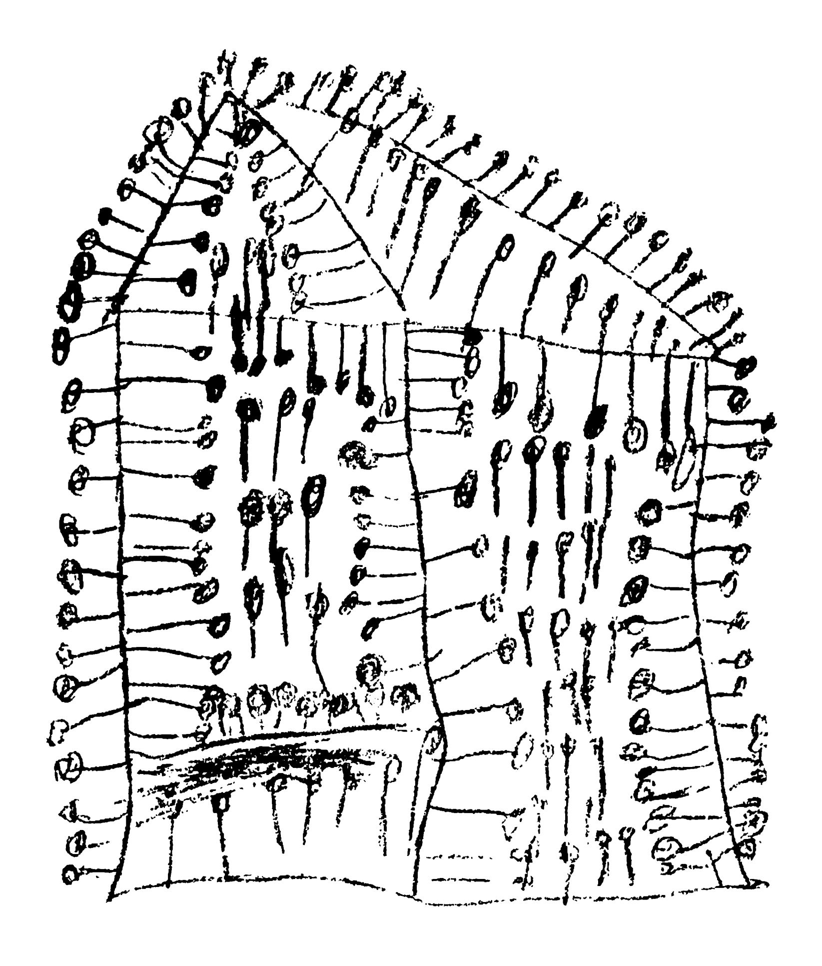

Рис. 56. Рисунок дома с ягодками девочки М. в возрасте 3 л. 7 м.

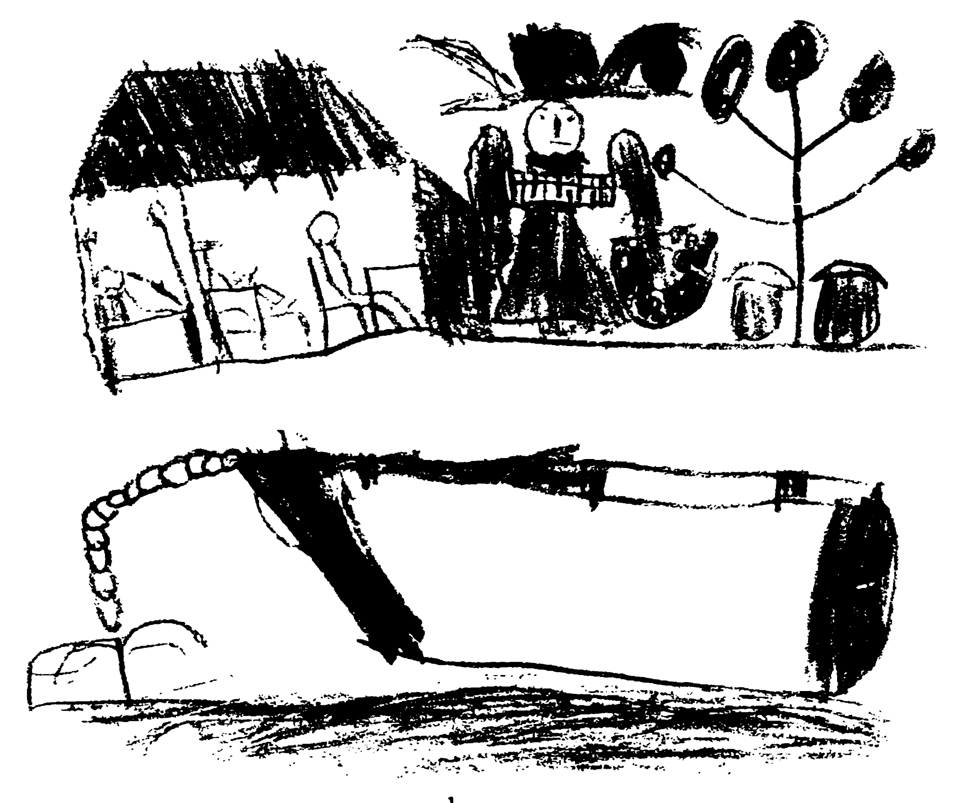

Рис. 57. Рисунок девочки М. в возрасте 4 л. $4\frac{1}{2}$ м. Вверху изображен дом, в одной комнате на кровати спит кукла, в другой стоит умывальник и тут же столовая, за столом мальчик В., вне дома няня с ягодами, два белых гриба и яблоня, внизу яхта с цепью и якорем, но без мачты.

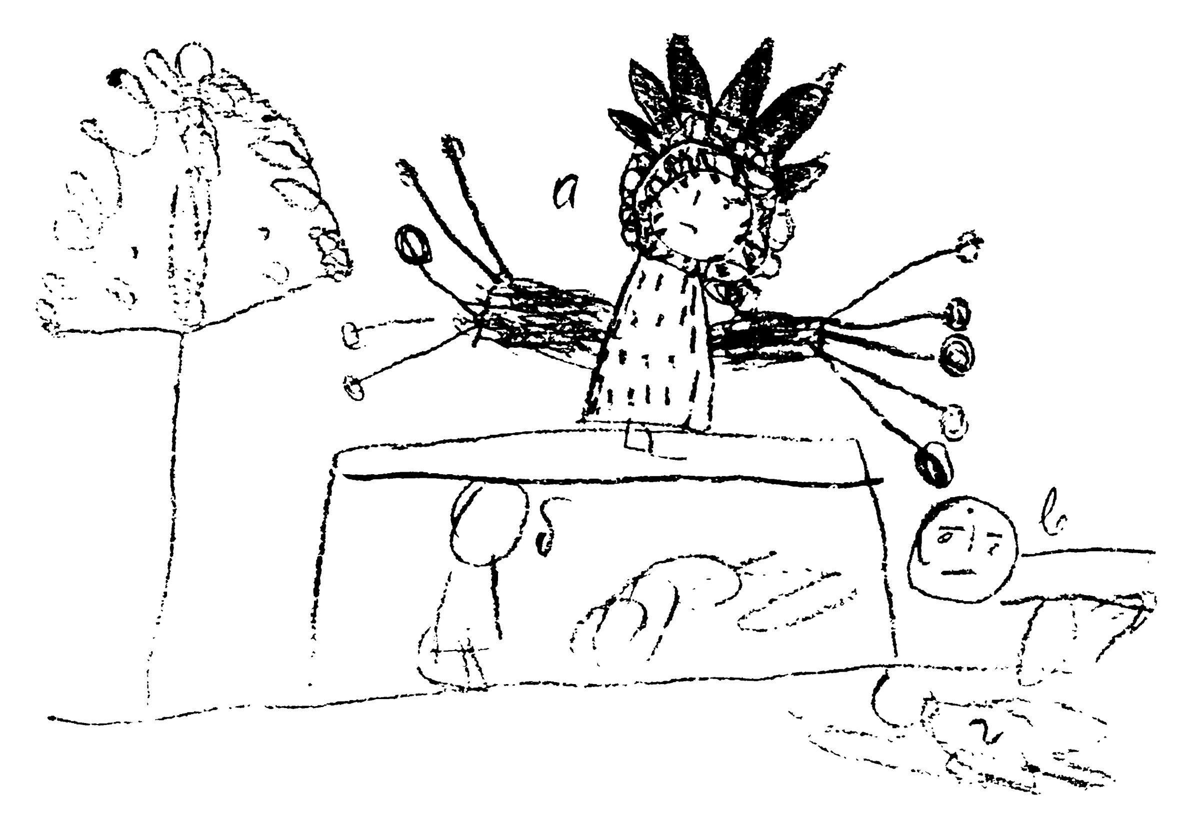

Рис. 58. Рисунок девочки М. в возрасте около 4 л.; *а* — сама девочка, автор рисунка, стоит на столе; *б* — она же под столом; *в* — она же упала, *г* — ее шляпа, слетевшая во время падения.

Рис. 59. Рисунок девочки М. в возрасте около 4 л.

Рис. 60. Рисунок девочки К. в возрасте 4 л. 3 м.

ВНУШЕНИЕ И ВОСПИТАНИЕ [1]

Вряд ли нужно доказывать, что развитие человеческой личности нуждается в самом старательном воспитании, а между тем как мало внимания в жизни уделяется этому делу. Мы воспитываем старательно каждое плодовое деревцо и даже простой цветок, мы воспитываем всякое домашнее животное и в то же время мало заботимся о воспитании будущего потомства и, что еще хуже, при незнании основ воспитания нередко уродуем будущую личность человека, воображая, что делаем нечто особо полезное.

К тому же в повседневной литературе так мало уделяется места вопросам воспитания, что сам предмет не всем кажется ясным. Мы привыкли говорить о нравственном, умственном и физическом воспитании; но спросите молодых супругов, что следует понимать под нравственным воспитанием, и вы убедитесь, что далеко не все вам ответят, что под этим следует понимать развитие чувства социальной любви и сострадания, и развитие чувства правды и уважения ко всему общественно ценному хорошему, и развитие чувства долга или обязанности, а между тем в развитии этих именно сторон личности, как всем должно быть ясно, и заключается основа взаимоотношений между людьми.

Спросите кого угодно из публики о том, что такое умственное воспитание, и можно быть уверенным, что он вряд ли правильно разграничит это понятие от образования, а между тем развитие ума, которое достигается воспитанием, вовсе не представляется тождественным с приобретением познаний, тем более что можно быть человеком достаточно образованным и в то же время умственно малоразвитым.

Равным образом и по отношению к физическому воспитанию многие полагают, что оно состоит в простом укреплении тела, забывая, что оно играет выдающуюся роль в развитии энергии, находчивости, решительности, способности к инициативе и стойкости, т. е. в развитии тех качеств, которые обнимаются общим понятием воли и самодеятельности — этого ценного дара человеческой личности.

---

* Доклад на 1-м международном Педологическом конгрессе в Брюсселе 13—18 августа 1911 г.

Нечего говорить, что воспитание играет огромную роль не только в развитии характера, но и в охранении здоровья и притом как физического, так и умственного.

Мы не будем здесь распространяться на тему о значении воспитания в отношении приучения человека к труду, порядку, физическим занятиям и гигиене, что так важно для физического здоровья человека. Это должно быть очевидно для всех и каждого и без лишних пояснений. Но мы не можем здесь не отметить значения воспитания в вопросе, ближе касающемся нашей специальности, — в вопросе об охранении умственного здоровья.

Для всех должно быть ясно, что правильно постановленное воспитание, выработка характера и создание столь важных в жизни идеалов не может не быть признано важным пособием в охранении душевного здоровья.

Если принять во внимание, как часто душевное здоровье подрывается вследствие нарушения основных правил гигиены, вследствие слишком изнеженного воспитания, когда личность является не способной к труду, а следовательно, и не переносливой к тем или иным, хотя бы в малейшей степени неблагоприятным условиям жизни, а также когда личность вследствие отсутствия идеалов и неприспособленности к жизненной борьбе и проведению их в жизнь теряет душевное равновесие, становясь разочарованной, то всем должна быть понятна связь между недостатком воспитания и развитием душевных расстройств.

Но существует и прямая связь между развитием психозов и неправильным воспитанием, на что мне уже приходилось обращать внимание при другом случае.

Неправильное воспитание, особенно в раннем возрасте, уже само по себе может быть причиной душевной болезни. По крайней мере психиатрическая практика не оставляет сомнения в том, что в иных случаях, несмотря на благоприятные условия наследственности и столь же благоприятные дальнейшие жизненные условия, душевная болезнь может развиться под влиянием дурных воспитательных условий, сложившихся в раннем детстве.

Да может ли быть иначе, если ребенок, будучи здоровым от рождения, с первых шагов своего земного существования будет неудовлетворен в своих насущных потребностях и потому будет почти постоянно находиться в неблагоприятных не только физических, но и нравственных условиях, если он будет хронически болеть кишечными расстройствами и если будет почти постоянно в слезах не только от несвоевременного удовлетворения его физических нужд, но и под влиянием бессмысленных угроз няни или матери?

Можно ли вообще ожидать, чтобы эти и подобные им условия, действующие в течение многих лет в наиболее нежном периоде жизни, не отразились на душевном здоровье будущей личности самым губительным образом.

Нечего говорить, что дурные примеры старших и прививание этим путем нездоровых привычек к детскому организму, глубокое, ничем не оправдываемое и крайне вредное для здоровья пугание

детей старшими, а также всякое попущение легко прививающимся в возрасте первого детства дурным инстинктам и неустранение их своевременными воспитательными усилиями не может не способствовать развитию навязчивых состояний, неуравновешенности, приводящей затем и к развитию душевных недугов.

В этом вопросе вряд ли возможны какие-либо сомнения, если мы примем во внимание особо восприимчивую и впечатлительную душу ребенка.

Эту исключительную впечатлительность ребенка никогда не следует забывать в такого рода вопросах, как охрана душевного здоровья, и так как эти же условия дают основу и для здорового воздействия на ребенка путем примера, возбуждающего подражание, и путем внушения, то мы и остановимся на этом вопросе несколько подробнее.

Всем общеизвестен факт, что из возраста первого детства, когда память уже начинает сохранять впечатления, некоторые события, почему-либо особо выделившиеся из многих других, остаются в виде воспоминаний на всю жизнь и оживляются в пожилом возрасте иногда с такой яркостью, как бы эти впечатления вновь переживались. Уже это обстоятельство ясно показывает о повышенной детской впечатлительности.

Можно привести и много других примеров, где проявляется необычайная детская впечатлительность и внушаемость. Достаточно бывает иногда неосторожно произнесенного при ребенке слова о совершенном убийстве или каком-либо другом тяжелом происшествии, и ребенок будет уже тревожно спать ночь или даже подвергнется ночному испугу или кошмару. Вот почему обстановка и в особенности окружающая среда всегда оказывают на воспитание ребенка огромное влияние.

Baginski [1] в своей небольшой статье приводит целый ряд примеров, где детская впечатлительность, благодаря действию окружающей среды, сказалась самым ярким образом.

Особая впечатлительность детей стоит в тесной связи и с необычайной их внушаемостью, благодаря которой ребенку легко прививается как все дурное, так и хорошее.

Как велико значение внушения в детской жизни показывает между прочим тот факт, что маленькие дети легко успокаиваются после ушиба, коль скоро подуть на ушибленное место.

Известно, что ребенок Baldwin'а в первые месяцы мог быть с постоянством усыпляем, если его клали лицом вниз и легонько похлопывали по нижней части позвоночника.

Известно далее, что маленькие дети успокаиваются в присутствии близких им лиц и тотчас же быстро засыпают.

Поразительно также, как легко дети подвергаются чувственному внушению. Достаточно, чтобы окружающие обнаруживали веселое настроение, и это настроение тотчас же заражает и детей, с другой стороны, испуг и растерянность старших тотчас же передаются и ребенку.

---

[1] Baginsky. Die Impessionabilität des Kindes unterd. Einfluss des Milieus. Beitr z. Kinderforschung und Heilerziehung. Heft XXVII. 1907.

Wittasek [1] сообщает, что при рассматривании картин ему удалось прививать детям по желанию ту или другую чувственную реакцию в зависимости от того, обнаруживал ли он сам удовольствие или неудовольствие при представляемом предмете.

Plecher [2] также имел аналогичные наблюдения. Поставив стакан на стол, наполненный не совсем крепким уксусом, он выпивал его в присутствии маленькой девочки со всеми признаками удовольствия, после чего и девочка просила о том же и выпивала полстаканчика. Хотя лицо девочки при этом стягивалось, но она произносила «хорошо» и требовала вскоре после того еще и остаток. В другом случае на вопрос «хороша ли твой кукла» получался энергичный ответ «да», но когда автор отходил с замечанием, что кукла дурная и что она злая, девочка клала куклу со страхом или бросала ее в угол, хотя в другое время она ее обожала.

Благодаря поразительной внушаемости и свидетельские показания детей страдают неправдивостью, в чем согласно большинство авторов.

Plecher приводит поразительный пример внушаемости детей из своей собственной практики, иллюстрирующий только что сказанное.

Он спросил около 11 часов дня своих учеников, не видал ли кто из них что-либо, лежащее на его столе. Никто ничего не сообщал. На его дальнейшие вопросы, не видал ли кто-либо положенный им ножик, из 54 учеников 29, т. е. 57% ответили, что они его видели и притом ответило таким образом известное число таких учеников, которые со своего места не могли ничего видеть. 7 учеников видело даже, как он ножом резал бумагу и после того положил ножик, 3 — как он чинил карандаш и 1 — как он отрезал резинку для физических опытов. На объяснение Plecher'а, что ножик после перерыва в занятиях исчез со стола, первоначально было молчание, затем стали выяснять, что мальчик Г., который за короткое время перед тем обвинялся в воровстве, во время перерыва в занятиях держался вблизи стола, как бы желая осмотреть поставленные аппараты. В действительности автор в течение всего предобеденного времени не вынимал ножа из своего кармана. Ученик Г. вышел из комнаты в числе первых и во время перерыва находился все время на школьном дворе в непосредственной близи с ним.

Как велико внушающее влияние на детей даже простых вопросов, показывают известные опыты Stern'а,[3] показывающие между прочим, как и предыдущий случай, какую ценность могут иметь свидетельские показания детей на суде. Автор предъявлял испытуемым детям картинку в течение $^3/_4$ секунды и требовал от детей, чтобы они сообщили о виденном, после чего предлагал им заготовленные ранее вопросы.

Оказалось, что при простом сообщении число ложных ответов достигало 6%, при опросах оно достигло 33%.

Этот результат объясняется тем, что всякий вопрос до некоторой степени оказывает уже внушающее влияние на испытуемого.

---

[1] Wittasek. Zeitschr. für Kinderf. 13 lahrg. S. 19.

[2] Plecher. Beitr. z. Kinderforschung und Heilerziehung. 1909. Hft. 63.

[3] Stern W. Beiträge z. Psychologie d. Aussage. 1. 3 Heft. Leipzig, 1904.

Если же при опытах давалось Stern'ом известное число внушающих вопросов, то результаты оказывались еще более поразительные, так как правильных ответов получилось всего 59%.

Lipmann,[1] делая специальные опыты над влиянием внушающих вопросов на детей, убедился, что у детей меньшего возраста внушаемость значительно больше, нежели у детей большего возраста.

Kosog [2] проделывал над 9-летними детьми опыты со специальной целью выяснить внушаемость по отдельным органам.

При этом оказалось, что при испытании осязания внушающее влияние можно было установить в 45%, в органе зрения — 55%, в области слуха — 65%, в области обоняния — 72,5—78,75%, в области вкуса — 75%.

Все же 600 отдельных опытов дали 390, или 65%, удавшихся внушающих влияний. При этом внушаемость, по автору, больше обнаруживалась у более способного ученика, нежели у среднего, а у последнего больше, чем у менее способного; но автор допускает в этом случае возможность случайности.

Поразительной детской внушаемостью объясняются между прочим и такие явления, как детские психические эпидемии, и в числе их одно из поразительных явлений этого рода представляет собой детский крестовый поход 1212 г. Можно ли в самом деле иначе объяснить, как силой внушения, странное влечение детей, которые вопреки воле родителей выскакивали из окон, чтобы присоединиться к проходящим детским толпам, направлявшимся в Святую Землю с целью освободить гроб Господень.

Сумасшедшая идея освободить святой гроб с помощью детских рук подавляла совершенно в детях всякий страх перед неизвестностью и увлекала их под видом чарующей воображение мнимой божественной миссии на путь верной гибели и рабства.

С тех пор столь грозных детских эпидемий не случалось в истории, отчасти, может быть, потому, что дети ныне живут обыкновенно в условиях, исключающих большое их скопление на улицах.

Однако в школах детские психические эпидемии случаются сплошь и рядом.

Они описывались многими авторами, и вряд ли нужно приводить здесь примеры таких школьных эпидемий. Чаще всего они выражаются в распространении среди детей судорожных и иных форм истерии и истерической хореи.[3]

Хотя в происхождении этих детских психических эпидемий играют роль такие явления, как наследственное расположение,

---

[1] Lipmann. Du Wirkung d. Suggestivfragen. Zeitschr. f. päd. Psychol. VIII. Jahrg. S. 89.

[2] Kosog. Wahrheit und Unwahrheit bei Schulkinderu. Deutsche Schule. Leipzig. 11 Jahrg. S. 65 ff., см. Plecher, loco cit.

[3] См. описание этих эпидемий у Plecher'a. Die Suggestion im Leben d. Kindes. Beiträge z. Kinderforschung und Heilerziehung. Hft. 63; Monroe. Chorea unter d. Kinder. Offentlicher Schülen. Die Kinderfehler. 3 lahrg., S. 158; Бехтерев В. Внушение и его роль в общественной жизни СПб., 3-е издание.

малокровие и т. п., но собственно непосредственной причиной здесь все же является психическая зараза, основанная на внушающем действии примера и переживании соответствующей эмоции.

Всем известно, что достаточно одного истерического или эпилептического приступа среди детей, чтобы в известных случаях развилась целая судорожная эпидемия, захватывающая несколько школьников.

Влияние внушения на детский ум доказывают и случаи тайного бегства детей для выполнения отдельных путешествий, например в Америку или к Северному полюсу, под влиянием чтения книг Майна Рида, Жюля Верна и др. Так, два маленьких 13-летних баварца, начитавшись книг, захватили тайно от родных деньги и оружие и отправились в путешествие к Северному полюсу, чтобы охотиться за белыми медведями (Plecher).

Чтение книг, действующих на воображение, вообще оказывает на детей огромное внушающее влияние. Известны примеры, что дети совершали тяжкие преступления исключительно под влиянием чтения книг, в которых описываются преступления и где сами преступники являются героями.

Рецидивизм в преступлении также в известной мере основан на внушении и подражательности.

По Guyau, число рецидивизма колеблется в зависимости от организации тюрем. Так, например, в Бельгии процент рецидивизма достигает 70%, во Франции — 40%. С введением одиночного заключения рецидивизм понижается до 10%, а через индивидуализированные наказания — до 2,68%.[1]

Ясно, что высокие цифры рецидивизма при общем тюремном содержании детей зависят от повышенной детской внушаемости.[2]

Равным образом известны и самоубийства под влиянием тех же условий. H. Plecher [3] рассказывает, как одна 17-летняя девушка Fanny Schneider из Wilhelmshafen решила покончить с собой, открывши кран газового рожка. Причиной было то, что она начиталась романа, под влиянием которого ей захотелось однажды «так же прекрасно» умереть, как описывалось в этом романе. Будучи уже мертвой, она еще держала в правой руке книгу своего романа.

Внушение как причина самоубийства в юношеском возрасте отмечается весьма многими авторами. Один из поразительных при-

---

[1] Lay. Exper. Didactik. Allg. Theil. Leipzig. 2 Auflage. P. 286.

[2] Было бы, однако, неправильно делать отсюда вывод о преимуществах одиночного заключения для малолетних, как и для взрослых преступников. Притупляющее влияние одиночного заключения на умственное развитие настолько значительно, что не может быть и речи о том, чтобы применение его в какой-либо мере можно было оправдывать не только в применении к детям, но и к взрослым. Для детей-преступников, во всяком случае, наиболее благонадежным средством является лишь перевоспитание их в хорошо устроенных детских колониях.

[3] Plecher H. Beiträge z. Kinderforschung. und Heilerziehung. 1909. Hft. 63.

меров, где одной из причин самоубийства явилось внушение, представляет следующий случай. Молодая девушка 25 апреля 1890 г. бросилась на рельсы перед локомотивом и была раздавлена. При ней была найдена записка, в которой говорилось, что она уже давно преследовалась мыслями о самоубийстве. Причина этого заключается в том, что ей еще в детстве предсказано, что она сама себя лишит жизни. «Это верно, но не надо было мне об этом говорить», — значилось в записке.[1]

Еще более яркими примерами детской внушаемости являются патологические случаи, особенно же случаи развития нервных состояний под влиянием внешних впечатлений. Всем известно, например, что испуг, простой испуг служит одной из частых причин развития падучей, которая в таких случаях нередко остается на всю жизнь.

Также нередко под влиянием пережитого страха дети подвергаются заиканию, которое с течением времени закрепляется и при новых волнениях еще более усиливается.

Далее известно, что ребенок, раз увидевши судороги, иногда и сам подвергается судорожным состояниям. Таким образом часто развиваются у детей хореические и истерические судороги. Полагаю, что эти факты настолько общеизвестны, что совершенно излишне здесь приводить им примеры.

Не менее часты случаи параличей, развивающихся у детей по внушению. Можно было бы привести многочисленные примеры развития у детей таких параличей, которые, раз развившись, также быстро исчезали при соответственном внушении.

Вот, например, мальчик 9—10 лет, доставленный в клинику с диагнозом «расширения спинного мозга». У него оказался вялый паралич обеих ног и другие сопутствующие явления. Ошибочность диагноза, однако, обнаружилась тотчас же, как только приступили к электрическому исследованию, так как ребенок внезапно спрыгнул с кровати и побежал. Оказалось, что мальчик как-то был сброшен и при этом он слышал рассказ, как другой ребенок после такого падения сделался несчастным.

Вследствие этого походка его становилась все хуже и хуже, пока дело не дошло до паралича ног.[2]

Таких или подобных случаев с истерическими расстройствами того или иного рода у детей можно было бы указать множество.[3] Но я приведу здесь лишь ее один случай, бывший под моим наблюдением.

Девочка около 12 лет, бегая по комнатам во время игры, случайно наткнулась одной стороной живота на угол рояля. Сам

---

[1] Prual. L'Education et le suicide des enfants. Paris. F. Alcan. 1907. Цит. по Plecher'y, laco cit. S. 14.

[2] Heubner. Zeitschr. f. Pädag. Psychologie. Berlin, 3 lahrg. Hft. 65.

[3] Baginski (Zeitschr. f. Päd. Psych., 3 lahrg. Hft. 97) приводит несколько примеров, где болезни у детей, развившись психическим путем, исправлялись затем путем простого внушения.

ушиб не имел бы, вероятно, последствий вследствие его незначительности, если бы не испуг ребенка и оханье и аханье над ним взрослых. В результате девочка заболевает параличом нижних конечностей с контрактурой, от которых она освободилась лишь спустя несколько месяцев путем простого внушения гипнозом о возможности ходьбы.

Не менее убедительным доказательством детской внушаемости является развитие половых извращений. Хотя многими признавалось и признается, что половые извращения являются результатом неблагоприятной наследственности и прирожденных уклонений, но несомненно, что кроме условий невропатической наследственности большинство из них обусловливается главным образом детской впечатлительностью, приводящей к тому, что однажды пережитые впечатления, почему-либо сопровождавшиеся эротическим возбуждением, сохраняются в виде прочной ассоциации наподобие сочетательного рефлекса, благодаря чему иногда на всю жизнь упрочивается связь двух явлений — данного внешнего впечатления и эротического возбуждения — в такой мере, что каждый раз вместе с возникновением того же впечатления наступает и эротическое возбуждение, с повторением же этого возбуждения при необычных условиях нарушается и даже утрачивается возможность нормальной половой функции.

Можно было бы привести из своей практики множество эксквизитных случаев этого рода, но полагаю, что в этом нет большой надобности, ибо вопрос и так представляется ясным.

Вряд ли нужно здесь входить в подробности того, чем обусловливается вообще детская впечатлительность и поразительная детская внушаемость. Достаточно сказать, что основой ее, как надо думать, являются, с одной стороны, недостаточно развитые задерживающие механизмы в центрах и, с другой — недостаточная опытность, отсутствие прочно сложившегося мировоззрения, а также слаборазвитая критическая способность детей, благодаря чему они легко принимают на веру то, что взрослые встречают с критикой рассудка. В помощь этому служит также привычное признание авторитетности за старшими, действия и слова которых обычно и служат предметом детской подражательности и внушения.

Заслуживает внимания также недостаток активного внимания у детей, способствующий повышенной их впечатлительности и внушаемости. Как пример, иллюстрирующий недостаток активного внимания у детей, можно привести следующее указание Plecher'a.[1] При входе в школу, который должны были проходить все мальчики, находилась черная доска, на которой каждый день можно было читать метеорологические указания насчет состояния температуры и определения времени и направления ветра. При неожиданном опросе учеников 13—14-летнего возраста оказалось, что ни один из них не знал о содержании надписи.

Все вышеизложенное не оставляет сомнения в том, как велико вообще значение внушения в психической жизни ребенка, какое

[1] Plecher. Die Suggestion im Leben des Kindes.

влияние оно оказывает вообще на детей и к каким последствиям оно может приводить в известных случаях.

Отсюда понятно и значение внушения в воспитании.

Нетрудно представить себе, что ребенок может оказаться нравственным уродом только потому, что он вырос в соответствующей среде.

Вот почему ребенок благодаря своей необычной впечатлительности должен быть оберегаем от всего, что так или иначе может пагубно отразиться на его детской природе.

A. Baginski [1] повторяет, в сущности, избитую истину, говоря, что под влиянием дурной среды создаются дурные привычки, дурные нравы, ложь, преступность и обратно — созданные под влиянием дурной среды дурные привычки и понятия, благодаря применению и улучшению среды, исчезают и сменяются лучшими.

Значение внушения для воспитания, сколько известно, впервые было указано Berillon'ом в его докладах еще в 66 и в 87 годах. Позднее и другие врачи и педагоги останавливались на значении внушения в деле воспитания. Между прочим, Forel признает внушение за основной руководитель правильного воспитания. «Добрая часть педагогики, — по его словам, — покоится на правильно понятом и выполняемом внушении».

Trömner в своем сочинении о гипнотизме говорит: «Меня удивляет, как мало интереса уделяют даже мудрые педагоги учению о внушении даже теперь, когда обнаруживается оживление идей гуманности, признание известного уважения к жизни и личности детей, хотя уже признается, что все воспитание состоит не в выработке послушания и в дрессировке памяти, а в развитии духовного организма в определенном направлении, установленном законами жизни».[2]

Между прочим, Trömner считается с возражением, что путем воспитания должны создаваться не «внушаемые» характеры, а наоборот — характеры, не поддающиеся стороннему влиянию. По этому поводу он говорит, что вообще все люди способны к влиянию и сохраняют эту способность даже после лучшей школы и притом без ущерба для своей жизни. С другой стороны, педагогическое внушение, если оно целесообразно и правильно применяется, может быть только полезным, так как каждое внушение не только может вызывать желаемое изменение, но в то же время устраняет все другие явления, которые ему противодействуют.

По Verworny'y, все воспитание покоится на внушении. Дитя воспринимает представления, которые мы ему даем, без дальнейшего, не проверяя и даже не имея возможности проверить, в какой мере правильны и соответственны те представления, которые мы у них возбуждаем и которые они усваивают. Мы говорим ребенку: этого ты не должен, этого нельзя, так нужно делать, это хорошо, это дурно и т. д. Дитя принимает сказанное, не вникая в него, и таким образом получает первые основные эстетические понятия.

---

[1] Baginski. Beiträge z. Kinderforschung und Heilerziehung. Hft. 27.
[2] Trömner. Hypnotismus и Suggestion. Leipzig. Hft. 113.

Первоначальные ступени духовного развития стоят вообще в усвоении такого рода внушений. Но все эти внушения продолжают действовать так же и в дальнейшей жизни взрослых, ибо что ребенок себе усвоил, то, как известно, много прочнее, чем то, что приобретается во взрослом состоянии или в позднейшем возрасте.[1]

Особую важность внушения в воспитании и педагогике отмечают также Lay,[2] Barth [3] и Plecher.[4] Последний автор, признавая внушение за важный фактор в воспитании, говорит, что многое из того, что ребенок выучивает, он выучивает подражанием, но подражание основывается главным образом на внушающем влиянии воображения.

Не подлежит вообще сомнению, что уже в обыкновенных условиях воспитания психическое воздействие в форме внушения и примера, возбуждающего подражание, играет видную роль.

Наше воспитание вообще основывается в значительной мере на внушении и вызывании подражания как неизбежных способов воздействия родителей и вообще старших лиц на детей и подростков.

Ребенок всегда склонен воспринимать более при посредстве прямого перенимания и безотчетного подражания, нежели путем осмысленного усвоения. Вот почему и на применение внушения к воспитанию следует смотреть как на один из воспитательных приемов, предназначенных наряду с другими способами для вкоренения тех или других положительных сторон личности и исправления недостатков ребенка, привившихся к нему путем дурных условий и по другим причинам.

Особенно важную роль внушение играет при воспитании в возрасте первого детства.

Но нельзя сомневаться в том, что внушение в широком смысле слова представляет собой важный фактор и в школьном воспитании. В этом отношении уже Grosser признавал, что внушение в воспитании играет полезную роль, хотя к образованию будто бы оно, по его мнению, неприменимо ни при каких условиях. Против последнего положения, однако, Plecher не без основания возражает, говоря, что в школе образование и воспитание неразделимы.

Вследствие этого и в образовании роль внушения не может быть вполне исключаема.

В этом отношении должно принимать во внимание, с одной стороны, влияние школьной среды на обучающихся, с другой стороны, имеет значение и влияние массы лиц на отдельного воспитанника.

Ввиду этого целесообразное воспитание требует прежде всего устранения всего, что путем внушения может вредить ребенку, и поддерживать все то, что может ему быть полезным.

---

[1] Verworn. Die Mechanik d. Geisteslebens. Leipzig. Teubner. 1907. S. 98.

[2] Lay. Exper. Didactik. Allg. Theil. Leipzig 2 Aufl. S. 290.

[3] Barth. Die Elemente d. Erziehung und Unterrichtslehre. Leipzig. Barth. 1906. S. 27.

[4] Plecher. Loco cit. S. 26.

В этом отношении должно быть обращено особое внимание на обстановку, на окружающих лиц, на самого воспитателя и на способ преподавания.

Вряд ли нужно доказывать, что та обстановка, в которой ребенок живет, отражается на психическом складе его в гораздо большей степени, нежели на взрослых. Ребенок, как губка, впитывает в себя все, что он видит, все, что он слышит, и потому-то Рёскин прав, проповедуя создание эстетической обстановки в детских, которая должна быть обязательна и в школе. Нечего говорить, что придется еще много человечеству поработать над тем, чтобы обставить детскую не только изящными картинами, но и дать соответствующие возрасту ребенка рассказы с изящными рисунками, а также дать ему подбор художественных игрушек.

Но эта эстетическая обстановка, выполняемая с помощью детской живописи, нуждается в естественном дополнении, в подборе подходящих для детей музыкальных пьес и песенок, которыми должен услаждаться слух ребенка с первых дней его жизни. Такие инструменты, как цимбалы и аристон, уже всегда были в обиходе детских, но этого мало, необходимо, чтобы все лучшее в музыкальных произведениях, что соответствует детскому слуху и что может облагораживать душу ребенка, было ему предоставлено, — тем более что слух у детей вообще развивается очень рано. Особенно полезны в этом отношении специальный набор песен, а также и некоторые из других музыкальных произведений; но, по моему мнению, решительно не подходят здесь романсы, возбуждающие не соответственно возрасту чувственность в ребенке.

Само собой разумеется, что большое значение для ребенка имеет музыкальность самих родителей или няни и воспитательницы. В таком случае они сумеют передать ребенку все доступное ему музыкально-художественное в своих песнях. Но так как музыкальность есть ничуть не общее свойство людей и к тому же музыкальные знания никогда не могут быть всеобъемлющими, то особенной помощью в этом деле может служить граммофон с тщательным подбором пластинок с детскими или доступными детскому слуху и соответствующими его возрасту песнями.

При этом нужно иметь в виду, что с музыкальным воспитанием достигается не одно только развитие слуха, что вообще чрезвычайно важно, а гораздо больше: этим достигается и лучшее настроение, и опоэтизирование окружающей природы, равно как и облагораживание взаимоотношений между людьми, что возвышает нравственную сторону будущей личности.

Чрезвычайно жаль, что до сих пор на эту сторону воспитания мало обращают внимания и в школах, и в дошкольном семейном и общественном воспитании, а между тем к созданию детских музыкальных пьес нужно было бы привлечь лучших композиторов мира, ибо нет более значительной цели музыки, как облагораживание души, а она достигается легче всего в детском возрасте.

Но раньше и прежде всего должен быть лучший пример для ребенка в окружающих лицах, особенно же в наставниках. Пример

для ребенка все, и он естественно является подражателем и повторителем всего, что видит и слышит.

Вот почему живая среда или товарищество в воспитании приобретает особенно важную роль. Благодаря товариществу легко прививается непосредственно путем внушения все: и хорошее и дурное; к сожалению, чаще всего этим путем прививаются самые дурные привычки. Здесь между прочим сказывается импонирующее влияние массы лиц на отдельных воспитанников.

Особенно сильно это сказывается в отношении половой сферы, которая в школьном возрасте начинает впервые заявлять о себе и, не будучи предметом воспитания, служит объектом поразительного и грубого извращения.

В этом отношении всем известно повальное распространение онанизма в закрытых школах, где товарищеское воздействие в форме внушения прямого и косвенного играет особенно важную роль. В этом отношении раскрываются из жизни интернантов поразительные явления, которым трудно было бы поверить, если бы они не были действительностью.[1]

Против этого зла надежными средствами являются соответственное половое воспитание и своевременное ознакомление детей со значением половой функции и с последствиями нарушения в области половых отправлений и, наконец, моральное влияние самого воспитателя, авторитет которого может победить влияние товарищества и в то же время может подействовать и на всю массу облагораживающим образом.

Устранение дурного влияния массы на отдельных лиц и облагораживание самой массы возможно при том условии, если в свободное от занятий время дети будут находиться в присутствии и по возможности под руководством старших. Необходимо, однако, чтобы присутствием последних они не были стеснены и чтобы старшие в этом случае были не их начальниками, а их друзьями.

Личность воспитателя в известных случаях вообще имеет еще большее значение, нежели влияние среды. Авторитет его представляет во всяком случае один из важных факторов в школьной жизни и даже преобладает над авторитетом родителей.

Личность учителя для детей обыкновенно оказывает больше влияния, нежели родители, которых дети знают не только с хороших, но и со слабых сторон, тогда как слабые стороны учителя для них остаются скрытыми или малоизвестными. По Plecher'у, три главных условия внушения — подражание, утверждение и повторение действуют в личности учителя. Дитя принимает слова учителя в большинстве случаев за безусловную истину. Если же они будут достаточно часто повторяться, то не может быть больше для него никакого сомнения. Самая личность учителя обнаруживает влияние особенно в истории, библии, в рассказах и чтении. В этих случаях настроение учителя часто непосредственно передается ученикам.

На этом пункте мы сталкиваемся с вопросом о роли внушения в самом преподавании. Нет надобности говорить, как много зависит

---

[1] См.: Forster-Sexualethik u. Pedagogik. 1908.

внушающий элемент в преподавании от самого учителя, от его авторитетности, уменья влиять на учеников и своим примером, и способом изложения. Но без сомнения, известная роль принадлежит и самой методе преподавания.

Прежде всего остановимся на отрицательных сторонах преподавания, нарушающих благоприятные условия непосредственного воздействия на учеников в школе.

Само собой разумеется, что из системы преподавания должно быть прежде всего устранено все то, что угнетает впечатлительность ребенка и не дает ему правильно воспринимать преподаваемое. Таким угнетающим моментом в преподавании является страх. Вот почему строгость учителя, переходящая границы, никогда не может быть полезным педагогическим условием.

Равным образом нельзя не признать в этом отношении существенный вред экзаменационной системы в низших и средних школах. Экзамен, в особенности в условиях той обстановки, как он обыкновенно производится, не может не сопровождаться сильной эмоцией, которая у огромного большинства детей переходит в состояние страха, и одна мысль о возможном провале на многих уже действует парализующим образом, и они пасуют на экзамене, тогда как на те же вопросы они могут дать вполне соответствующие ответы несколько времени спустя, при нормальных условиях.

Plecher [1], подробно разбирая вопрос об экзаменах с этой стороны, между прочим, задал непосредственно после испытаний сочинение на тему: «Наши школьные испытания», причем все ученики, кроме одного, писали о том страхе, который они испытывали и который нарушал возможность с их стороны правильного исполнения задач.

О других неблагоприятных сторонах экзаменационной системы здесь не место распространяться. В этом отношении периодическая проверка знаний в течение года, как лишенная необычных условий, связанных с экзаменами, имеет несомненное преимущество перед экзаменационной.

Далее, в отношении преподавания следует иметь в виду, что общеупотребительная форма преподавания — вопросная — является возбудителем бодрости у детей, но имеет и дурные стороны, что зависит от формы вопросов. Последние в известных случаях могут быть так направляемы, что скорее ослабляют бодрость учеников. Лучшим средством против этого может быть только ограничение, развитие и усиление демонстрационного преподавания.

Далее, ожидание является одним из условий, содействующих внушению, и необходимо, чтобы каждый учитель принимал этот фактор во внимание.

Ожидание может быть полезным, если учитель предварительно подготовляет учеников к наиболее важному пункту своего изложения; но ожидание может быть и вредным, так как оно может содействовать ошибочному усвоению путем самовнушения.

Борьба с последним возможна только путем самостоятельной работы детей. Нужно приучать детей, чтобы они проверяли все

---

[1] Plecher. Die Schülprüfungen etc. Berlin, 1908. S. 15.

сами и чтобы все сами видели и ко всему относились бы с критикой. В этом отношении особенно полезно введение такого принципа в школьном преподавании, чтобы в приобретении знания участвовали по возможности все органы чувств, а не один только слух. Кроме того, полезно детей приучать к критическому обсуждению усвоенного.

Человек есть продукт среды, но человек есть и продукт воспитания, которое должно умерять неблагоприятное влияние внушения и в то же время должно пользоваться внушением, где оно полезно.

Самостоятельная работа делает также ученика независимым не только от самовнушения, но и от влияния учителя и учебного материала. Она развивает в ребенке самоопределение своей силы и создает доверие к себе, что влияет в свою очередь на характер и волю.

Своевременное поощрение словами и своевременное же устранение колебания путем внушения играет во всякой массовой работе также огромную роль.

Но как ни важно поддерживать и развивать самостоятельную работу мысли путем убеждения и развития критики, но необходимо иметь в виду, что материал для той сферы психики, которая ложится в основу характера, дается внушением как непосредственным прививанием идей и чувств.

С другой стороны, во всех тех случаях, в которых дело идет уже о привившихся дурных привычках или других каких-либо ненормальных проявлениях, необходимо по возможности немедленно прибегнуть к систематическому врачебному внушению, которое может быть, смотря по случаю, гипнотическим внушением, или же просто внушением в бодрственном состоянии, или тем или иным видом психотерапии.

Что касается гипнотического внушения, то оно уже успешно применялось некоторыми авторами в случаях тех или других ненормальных состояний у детей.

Так, уже Berillon приводит случай излечения у $14^1/_2$-летней наследственно обремененной девочки онанизма, начавшегося с 4 лет, и одновременно с тем упорного грызения ногтей. Тот же автор сообщает об излечении с помощью гипнотического внушения склонности к воровству у одного мальчика. В другом случае тем же путем был избавлен мальчик 12 лет от навязчивого страха, имевшего предметом смерть бабушки. Доктор Wetterstrand излечил 9-летнюю девочку гипнотическим внушением от непроизвольного ночного недержания мочи (Rude). Доктор Liebcault с успехом пользовал гипнотическим внушением мальчика от лености. Даже один идиот, не имевший возможности, вследствие недостаточного внимания, научиться ни читать, ни считать, благодаря систематическим гипнотическим внушениям, производимых Liebcault, спустя 2 месяца мог выучиться читать и вместе с тем мог обходиться с 4 правилами арифметики.

Доктор Rude также сообщает о случае с мальчиком, у которого он путем гипнотического внушения возбудил несуществовавший ранее интерес к химии, поддерживавшийся в течение нескольких

дней; тому же мальчику автор с успехом путем внушения прививал также интерес к орфографии, к этимологии, к псалмам и к библейской истории.

Уже вышеизложенные примеры показывают, что гипнотическое и вообще врачебное внушение является существенным и даже необходимым пособием при исправлении ненормальных детских характеров, дурных привычек и других необычных и болезненных проявлений. В сущности говоря, в такого рода случаях простого воспитания, как бы старательно оно ни велось, недостаточно, чтобы достигнуть желаемых результатов. Неизбежность применения в подобного рода случаях специальных способов внушения тем именно и обусловливается, что эти случаи суть уже болезненные случаи, нуждающиеся не только в воспитании, но и в лечении.

Собственно применение гипнотического внушения по отношению к детям, вообще говоря, легко осуществимо. Необходимо только устранить волнение ребенка перед необычным для него приемом гипнотического внушения.

Поэтому, если ребенок волнуется, надо прежде всего его успокоить и лишь после того прибегать к внушению. Часто ребенок настолько волнуется, что применение гипнотического внушения возможно осуществить только в присутствии матери, против чего, конечно, нет основания возражать.

Глубина сна и степень внушаемости детей, как и у взрослых, неодинакова. Поэтому нельзя предвидеть число необходимых сеансов в каждом данном случае, тем более что это зависит и от упорства и давности того или другого состояния, подлежащего исправлению. Но во всяком случае в подходящих случаях можно всегда рассчитывать на успех при систематическом применении гипнотического внушения.

Если применение гипноза почему-либо может оказаться нежелательным, следует пользоваться внушением в бодрственном состоянии, для чего ребенку предлагают лишь закрыть глаза и затем начинают с ним вести беседу, как и при обыкновенном гипнотическом внушении.

Я считаю крайне важным как в том, так и в другом случае не пользоваться формой приказания, а влиять скорее на чувство ребенка и действовать убеждением, представляя ребенку в доступной для него форме, с одной стороны, вред той привычки, с которой приходится бороться путем внушения, и необходимость во что бы то ни было от нее освободиться, с другой стороны, необходимо внушить ребенку, чтобы он всемерно отвлекал от нее свое внимание, при этом необходимо укрепить его волю, внушив ему, что он может и должен воздерживаться от своей привычки во что бы то ни стало. Вместе с этим желательно ребенку дать идеалы хорошего поведения и хорошей жизни. В этом заключается способ лечения перевоспитанием.[1]

---

[1] Бехтерев В. Гипноз, внушение и психотерапия. СПб., 1911.

Кроме того в подходящих случаях надлежит внушение совмещать и с другими приемами лечения, действующими против излишней возбудимости нервной системы, как, например, гидротерапия, бромиды и проч.

Лечение внушением у детей применимо в самых разнообразных случаях. Разберем их по порядку.

Крайне важно в воспитательных целях бывает устранить онанизм, который часто прививается к детям в очень раннем возрасте.

Само собой разумеется, что каждый случай онанизма должен быть подробно обследован, причем необходимо, чтобы были устранены те или другие физические состояния, приводящие к раздражению половых органов, например, мелкие глисты (oxiuri verm.) или экзема. Равным образом могут быть применены и другие содействующие устранению половой возбудимости средства (прохладные ванны, препараты камфоры, брома и т. п.). Но за всем тем необходимо психическое воздействие, которое и должно состоять в применении внушения.

Последнее должно состоять в том, чтобы, разъяснив ребенку вред онанизма, отвлечь внимание его от половой сферы, чтобы он никогда не вспоминал о ней и не думал, чтобы не создавал в то же время никаких соблазнительных представлений и чтобы при всяком случае отклонял от себя все мысли, возбуждающие половую сферу. В то же время необходимо укрепить его волю, чтобы он ни в каком случае сам не допускал физического раздражения половой сферы и чтобы устранял даже возможность случайного ее раздражения, устраивая ночью свои руки подальше от половых органов.

Само собой разумеется, что эти внушения необходимо производить систематически в несколько сеансов, сначала чаще, со временем же все реже и реже, причем закончить лечение можно лишь тогда, когда явится уверенность, что онанизм устранен окончательно.

Кроме онанизма могут быть и другие извращения с половым характером у детей даже раннего возраста, с которыми трудно бороться иначе, как психотерапией и внушением.

Я помню мальчика 7 лет, который проявлял уклонения полового инстинкта, выражавшиеся в том, что он обнюхивал тело своей мамы и няни с выражением особенного удовольствия или ощупывал у них мягкие части бюста. Этого мальчика, которого не удавалось отучить от нехорошей привычки никакими воспитательными усилиями, можно было исправить совершенно в течение нескольких сеансов внушений и психотерапии.

Далее заслуживают большого внимания различного рода нравственные уклонения, которые легко прививаются детям, особенно нервным. Так, могут быть случаи клептомании или наклонности к воровству, которые также обыкновенно неустранимы обыкновенными воспитательными усилиями и которые легко устраняются путем внушения. В этом отношении я мог бы привести несколько примеров полного устранения у детей клептоманических поступков, не поддававшихся обычным воспитательным приемам.

Очень нередки случаи детской лжи, которая прививается иногда к детям с самого раннего возраста и с которой борьба опять-таки возможна главным образом путем психотерапии.

Равным образом и другие противонравственные склонности, не устраняемые путем обыкновенных воспитательных усилий, легко устраняются под влиянием систематически проводимого внушения и психотерапии.

Возьмем другие привычки, с которыми приходится считаться воспитателю.

Всем известно, что некоторые из детей приучаются грызть ногти, и эта привычка, не устраненная вовремя, может вкорениться столь прочно, что остается нередко на всю жизнь. Попробуйте ее искоренить обыкновенно воспитательными усилиями. Можно быть уверенным, что в огромном большинстве случаев они не приведут ни к чему. Между тем достаточно нескольких сеансов внушения, чтобы эту привычку искоренить навсегда.

В других случаях дети, благодаря дурному примеру, приучаются к курению табака или даже к вину. И здесь при укоренившейся привычке обыкновенными воспитательными усилиями нелегко бывает добиться благоприятных результатов, тогда как систематически проведенное внушение и психотерапия устранит вполне вкоренившуюся привычку.

Нужно, однако, иметь в виду, что отучение от курения табака, если оно сильно вкоренилось, правильнее и при внушениях отнимать не сразу, а в два, три или несколько приемов, предоставляя на каждый день все меньшее и меньшее количество папирос, тогда как вино предпочтительнее отнимать сразу, без малейших послаблений.

Далее, в известных случаях мы встречаемся с нарушением речи в виде заикания, приобретенным вследствие подражания или испуга. Оно обыкновенно также поддается внушению, особенно не в запущенных случаях, и почти вовсе не поддается другим воспитательным усилиям.

Затем могут быть случаи застенчивости детей или особой конфузливости, которая вкореняется нередко в сам характер ребенка, становясь иногда упорным, навязчивым состоянием, не поддающимся никаким воспитательным усилиям, тогда как под влиянием систематически примененного внушения и психотерапии и эти нарушения обыкновенно исчезают совершенно.

Спрашивается, могут ли внушения оказывать влияние на степень внимания к занятиям, на развитие к ним интереса и большую степень усвоения.

И в этом отношении, как показывает опыт, внушение и психотерапия могут оказать свое влияние. По крайней мере я имел многих молодых людей, обращавшихся за укреплением их памяти и за большей продуктивностью и интереса к занятиям, и поскольку это зависело не от органических причин, успех всегда достигался в той или другой степени.

Наконец, и непослушание, этот бич учителей и воспитателей, имеющих дело с испорченными уже детьми, может быть исправляем путем психотерапии.

В этих и подобных им случаях было бы ошибочно думать, что дело исправляется путем простого внушения: «Слушайтесь своего учителя». Напротив того, психотерапия будет лишь тогда успешной, если соответственным образом подготовить ребенка к усвоению им мысли о необходимости послушания, убедить его, что от этого зависит все его будущее, и все с большей и большей настойчивостью укрепить идею о полезности и значении в жизни послушания.

При этом нужно подробно изучить все индивидуальные особенности ребенка, вникнуть в причины непослушания и, сообразуясь с данными условиями, направить соответственным образом и психотерапию.

В заключение скажем, что применение внушения и психотерапии к воспитанию никогда не должно быть шаблонным. Везде и всюду требуется внимательное отношение к ребенку, к его складу ума и к условиям происхождения тех или иных уклонений и недостатков, дабы можно было с успехом воспользоваться психическим воздействием на ребенка в соответствующих случаях.

При этом нельзя упускать из виду, что лечение тех или иных ненормальных состояний, привившихся к детям, относится собственно уже к медицине, которая в этих случаях приходит на помощь педагогике. Тем не менее в состояниях отсталости, зависящей от каких-либо индивидуальных условий, а также и в случаях каких-либо иных психических отклонений у детей одно простое воспитание оказывается почти всегда бессильным, и лишь психотерапия оказывается тем приемом, который исправляет иногда даже очень тяжелые и запущенные воспитанием случаи.

РОЛЬ ВНУШЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Мм. Гг.! Когда на мою долю выпала высокая честь, согласно установившемуся академическому обычаю, произнести речь в торжественном актовом собрании, я после некоторых колебаний решил остановиться на практической теме и выбрал вопрос о внушении как факторе, играющем видную роль в нашей общественной жизни.

В настоящую пору так много вообще говорят о физической заразе при посредстве contagium vivum или физических микробов, что на мой взгляд нелишне вспомнить и о contagium psychicum, приводящем к психической заразе, микробы которой хотя и не видимы под микроскопом, но тем не менее, подобно настоящим физическим микробам, действуют везде и всюду и передаются через слова и жесты окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом — где бы мы ни находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся уже действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными.

Вот почему мне представляется не только своевременным, но и небезынтересным остановиться на этом предмете, полном глубокого значения как в повседневной жизни отдельных лиц, так и в социальной жизни народов.

Правда, этот вопрос еще не в достаточной мере освещен наукой, и потому я не могу скрыть от вас опасения, что в короткой беседе вряд ли мне удастся дать полное представление о затрагиваемом здесь предмете, но такова уже природа человеческой мысли: пока вопрос недостаточно изучен, он представляет живой интерес для всех и каждого, но как только тот же самый вопрос рассмотрен всесторонне в науке и сделался достоянием обширного круга лиц, он уже значительно утрачивает долю своего интереса. Руководясь этим, я полагаю, что не заслужу с вашей стороны большого упрека, если я позволю себе привлечь ваше внимание к вопросу о так называемом психическом внушении и о психической заразе.

Прежде всего мы должны выяснить, что такое само по себе внушение?

Еще недавно этот термин не имел особого научного значения и употреблялся лишь в просторечии, главным образом для обозначения наущений, с той или другой целью производимых одними лицами другим. Лишь в новейшее время этот термин получил совершенно специальное научное значение вместе с расширением

наших знаний о психическом влиянии одних лиц на других. Но этим термином стали уже злоупотреблять, прилагая его к тем явлениям, к которым он не относится, и нередко прикрывая им факты, остающиеся еще недостаточно выясненными.

Несомненно, что от такого злоупотребления научным термином происходит немало путаницы в освещении тех психологических явлений, которые относятся к области внушения, а потому прежде всего мы должны подумать об определении и точном ограничении этого термина.

Нужно заметить, что уже многие авторы давали этому термину то или другое определение, но я не хотел бы вас утомлять перечислением этих определений внушения как психического фактора, а постараюсь сам ввести этот термин в должные рамки, дабы иметь затем ясное понятие о предмете нашей беседы.

Бесспорно, что внушение есть один из способов влияния одних лиц на другие, которое может происходить как намеренно, так и ненамеренно со стороны влияющего лица и которое может осуществляться иногда совершенно незаметно для человека, воспринимающего внушение, иногда же оно происходит с ведома и при более или менее ясном его сознании. Для того чтобы выяснить себе роль внушения, необходимо пояснить, что наша психическая сфера имеет один важный фактор, известный под названием личного сознания или так называемого «я», которое при посредстве воли и внимания обнаруживает существенное влияние на восприятие нами внешних впечатлений, которое регулирует течение наших представлений и которое определяет выполнение наших действий. Все, что входит в сферу психической деятельности при посредстве личного сознания, усваивается нами путем обдумывания и осмысленной переработки, становясь прочным достоянием нашего «я».

Этот путь воздействия окружающей среды на нашу психическую сферу может быть назван путем «логического убеждения», так как конечным результатом упомянутой переработки всегда является в нас убеждение: «мы убедились в истине, мы убедились в пользе, мы убедились в неизбежности того или другого» — вот что мы внутренне можем сказать после того, как в нас совершилась упомянутая переработка внешних впечатлений, воспринимаемых при посредстве нашего личного сознания. Но независимо от того в нашу психическую сферу могут входить разнородные впечатления и влияния помимо нашего личного сознания и, следовательно, помимо нашего «я». Они проникают в нашу психическую сферу уже не с парадного хода, а, если можно так выразиться, с заднего крыльца, ведущего непосредственно во внутренние покои нашей души. Это и есть то, что мы называем внушением.

Таким образом, внушение сводится к непосредственному прививанию тех или других психических состояний от одного лица к другому, прививанию, происходящему без участия воли воспринимающего лица и нередко даже без ясного с его стороны сознания.

Очевидно, что уже в этом определении содержится существенное отличие внушения как способа психического воздействия одного лица на другое от убеждения, производимого всегда не иначе как

при посредстве логического мышления и с участием личного сознания.

В числе способов психического воздействия одних лиц на другие, кроме убеждения и внушения, мы можем различать еще приказание или пример, но несомненно, что в известной мере и приказание, и пример действуют совершенно подобно внушению и даже не могут быть от него отличаемы; в остальном же как приказание, так и пример, действуя на разум человека, могут быть вполне уподоблены логическому убеждению. Так, команда есть бесспорно приказание, а кто не знает, что команда действует не только силой страха за непослушание, но и путем внушения или прививания известной идеи. С другой стороны, и пример помимо своего влияния на разум путем убеждения в полезности того или другого может еще действовать наподобие психической заразы, иначе говоря, путем внушения, как совершенно невольное и безотчетное подражание.

Кто не знает заразительного действия публичных казней; кому, наконец, неизвестно заразительное влияние самоубийства?

Итак, необходимо иметь в виду, что вопреки словесному убеждению, обыкновенно действующему на другое лицо силой своей логики и непреложными доказательствами, внушение действует путем непосредственного прививания психических состояний, т. е. идей, чувствований и ощущений, не требуя вообще никаких доказательств и не нуждаясь в логике.

Одним словом, внушение действует прямо и непосредственно на психическую сферу другого лица путем увлекательной и взволнованной речи, путем уговора, жестов и мимики.

Легко видеть отсюда, что пути для передачи психических состояний с помощью внушения гораздо более многочисленны и разнообразны, нежели пути для передачи мыслей путем убеждения.

Вот почему внушение в общем представляет собой гораздо более распространенный и нередко более могущественный фактор, нежели убеждение.

Последнее может действовать только на лица, обладающие здравой и сильной логикой, тогда как внушение действует не только на лица с сильной и здравой логикой, но еще в большей мере на лица, обладающие недостаточной логикой, как, например, детей и простолюдинов.

Несомненно поэтому, что внушение или прививание психических состояний играет особо видную роль в нашем воспитании, по крайней мере до тех пор, пока логический аппарат ребенка не достигает известной степени своего развития, позволяющего ему усваивать логические выводы не менее, нежели готовые продукты умственной работы других, передаваемые с помощью так называемого внушения или психической прививки.

Равным образом и в простом классе населения внушение или прививка идей играет гораздо более видную роль, нежели логическое убеждение.

Всякий, обращавшийся с народом, знает это хорошо по собственному опыту и знает цену логических убеждений, которые если

и имеют иногда успех, то лишь временный, тогда как внушение или приказание здесь почти всегда действуют верно.

Влияние команды в войсках сводится также не к убеждению, а к внушению и приказанию, которые действуют сильнее всякого убеждения. Но и на интеллигентные лица, обладающие вполне развитой логикой, внушение действует вряд ли менее сильно, нежели на детей и простолюдинов.

Хотя все вышеуказанное достаточно точно определяет сам предмет, тем не менее нельзя не упомянуть, что о действии внушения и о распространении психической инфекции, или заразы, мы не могли составить себе ясного представления до тех пор, пока не были нами ближе выяснены условия, необходимые для осуществления внушения и распространения психической заразы.

Эти условия мы получили возможность выяснить лишь в позднейшее время, вместе с развитием учения об искусственном или намеренном внушении. Как о распространении физического заражения еще так недавно господствовали самые смутные представления до тех пор, пока не явилась возможность производить чистые культуры микробов и с помощью их производить искусственные прививки болезней, так точно и в вопросе о внушении и психической заразе существовало множество самых сбивчивых и неясных представлений до тех пор, пока не явилась возможность ближе изучить условия искусственного прививания тех или других психических состояний с помощью намеренного внушения.

Опыт показывает, что такое намеренное прививание тех или других психических состояний удается лучше всего в особом состоянии сознания, которое мы называем гипнозом и которое, на мой взгляд, есть не что иное, как искусственно вызванное видоизменение нормального сна.[1]

Как известно, в гипнозе легко удаются самые разнородные внушения. Ввиду этого гипноз представляет для нас глубокий интерес не с одной только практической стороны, но и в отношении изучения вопроса о наиболее благоприятных условиях внушения. Чем в самом деле объясняется то обстоятельство, что в гипнозе хорошо удаются внушения? Можно думать, что гипноз как состояние, близкое или родственное нормальному сну, сам по себе уже составляет благоприятное условие для внушения. Но опыт показывает нам, что всегда степень внушаемости идет рука об руку с глубиной сна. Есть очень глубокие степени гипноза, как, например, «летаргическая фаза Charcot», которые совершенно недоступны внушению. Напротив того, в других случаях уже слабые степени гипноза отличаются необычайной внушаемостью.

Известно также, что и обыкновенный сон большей частью не составляет благоприятного условия для внушения, хотя в некоторых состояниях естественного сна имеются условия, столь же благоприятные для внушения, как и в гипнозе.

---

[1] См.: Бехтерев В. М. Гипноз и его значение как врачебного средства. Нервные болезни в отдельных наблюдениях. 1894.

Отсюда ясно, что степень внушаемости определяется не самим гипнозом или сном, а тем особым состоянием сознания или психической деятельности, которое мы имеем в гипнозе, а иногда и в естественном сне.

Эти условия, благоприятствующие внушению в гипнозе, заключаются в том, что при изменении нормального сознания, выражающемся большим или меньшим засыпанием «я» и не исключающем общения с внешним миром или, по крайней мере, не исключающем общения с гипнотизером, производимые последним внушения входят в психическую сферу непосредственно и независимо от личного сознания гипнотизируемого субъекта, иначе говоря, помимо его *«я»*. Закрепляясь в тех глубинах души, которые мы называем бессознательными и которые вернее было бы назвать скрытыми, эти внушения впоследствии входят сами собой в сферу личного сознания и не будучи распознаны, как посторонние внушения, подчиняют личное сознание в более или менее значительной мере.

По-видимому, таким образом вся сущность гипнотических внушений заключается в том, что у загипнотизированного наступает особое состояние пассивности, в силу чего внушения и действуют на него столь подавляющим образом.

Не подлежит, однако, сомнению, что состояние пассивности представляет собой лишь одно из благоприятнейших условий для введения внушения в бессознательную сферу.

Оно составляет лишь подходящую обстановку для внушения, устраняя в большей или меньшей мере вмешательство личного сознания.

Так как, однако, это состояние пассивности ничуть не идет рука об руку с глубиной сна, а зависит в значительной степени также от индивидуальных условий, то отсюда очевидно, что и степень восприимчивости к внушениям не стоит в прямом соотношении с глубиной гипноза.

Опыт показывает далее, что гипноз не составляет необходимого условия для внушения, что внушение вполне возможно и в совершенно бодрственном состоянии, следовательно, при наличности воли. Есть лица, у которых внушения могут быть производимы в бодрственном состоянии так же легко и просто, как в состоянии гипноза.

Исследуя сам неоднократно таких лиц, я убедился, что они по существу ничем не отличаются от всех прочих, кроме, быть может, большей нервности и впечатлительности.

При этом не подлежит никакому сомнению, что восприимчивость их к внушениям происходит в нормальном психическом состоянии.

Но суть в том, что эти лица по отношению к производимым внушениям, веря в их магическую силу, не в состоянии обнаружить никакого психического противодействия.

Благодаря этому, внушения входят в их психическую сферу помимо их *«я»*, точнее говоря, помимо их личного сознания, следовательно, прививаются непосредственно, так сказать, в самые недра психической сферы, помимо всякого участия воли, и действуют так же неотразимо на субъекта, как и внушения, производимые в гипнозе.

Само собой разумеется, что у такого рода лиц внушением в бодрственном состоянии можно пользоваться для лечения так же, как и внушениями, производимыми в гипнозе.

Примером действительности подобного рода внушений, производимых в бодрственном состоянии, может свидетельствовать следующий случай, недавно представившийся моему наблюдению в клинике.

Осенью 1896 г. мы приняли молодого человека, который страдал тяжелыми судорожными истерическими приступами и полным параличом нижних конечностей, развившимся в одном из истерических приступов.

Этот паралич длился уже более $1^1/_2$ месяца, не поддаваясь никаким вообще терапевтическим приемам, и грозил таким образом перейти в те хронические параличи, которые длятся годами и не поддаются излечению.

Но во время исследования этого больного совместно с врачами клиники он был загипнотизирован простым закрытием глаз и затем, благодаря внушению, излечен от паралича совершенно и уже в гипнозе начал ходить.

Когда он был разбужен, то к удивлению своему убедился, что он стоит на ногах и может свободно ходить.

Больной в восторге отправился сам в свою палату и привел в изумление всех тех, которые за несколько минут перед тем видели его в состоянии полного паралича нижних конечностей, перевозимого лишь в коляске.

С этих пор у больного оставались одни истерико-эпилептические припадки, которые случались с больным довольно часто и продолжались нередко весьма продолжительное время, если они своевременно не были останавливаемы соответствующими внушениями.

Перед тем как демонстрировать больного на лекции перед студентами, я исследовал его вновь и убедился, что внушения можно свободно производить ему в бодрственном состоянии. Тотчас же ему было произведено внушение о прекращении судорожных приступов и о его выздоровлении.

Внушение подействовало на больного так, что он совершенно приободрился и припадки прекратились.

На другой день на лекции можно было больному в совершенно бодрственном состоянии внушать разнообразные судороги, контрактуры, параличи, иллюзии и галлюцинации, словом, все, что угодно.

Я много раз спрашивал больного, как он может объяснить себе действие внушения наяву, но он на это выражал только удивление вместе с другими присутствовавшими лицами.

У этого больного со временем, правда, проявились еще два или три слабых истерических припадка под влиянием особых поводов, но это были лишь изолированные припадки, которые затем, после новых внушений, более уже не повторялись.

Мы сейчас имеем в клинике истерическую больную, у которой в бодрственном состоянии также легко осуществляются разнообразные внушения, как, например, иллюзии, галлюцинации и пр., и которая этими внушениями легко излечивается от разнообразных нервных припадков.

Приведенные примеры, подобных которым я мог бы привести довольно много, не оставляют сомнения в том, что внушения в бодрственном состоянии в известных случаях могут быть столь же действительными, как и внушения в состоянии гипноза.

Таким образом, для внушения, в сущности, не нужно сна, не нужно даже никакого подчинения воли внушаемого лица, все может остаться как обыкновенно, и тем не менее внушение, входящее в психическую сферу помимо личного сознания или так называемого «я» при отсутствии психического сопротивления со стороны внушаемого субъекта, действует с непреодолимой силой на последнего, подчиняя его внушенной идее.

Для доказательства этой истины нет надобности даже обращаться к тем или другим патологическим примерам, так как подобные и притом не менее яркие примеры мы можем почерпнуть и вне клиник. Известно, какую магическую силу имеют в некоторых случаях заговоры знахарей, сразу останавливающие кровотечения, не менее известно и целительное значение так называемых симпатических средств, к которым так охотно прибегали в особенности в старое время при сильном распространении веры в эти средства. На этом внушении в бодрственном состоянии основано известное целебное значение королевской руки, магическое действие хлебных пилюль, невской воды и других индифферентных средств против многих болезней, магическое слово аббата Faria, одним повелением исцелившего больных, известное в Париже лечение параличных больных одним зуавом, пользовавшимся для этой цели лишь повелительным внушением, наконец, многие из тех внезапных исцелений, которые нередко ставят в тупик очевидцев и которые повторяются еще и поныне.

Примера ради достаточно указать на недавние подвиги в Америке немецкого эмигранта Шляттера, который, начав башмачником в Денвере, вообразил, что его призвание заключается в том, чтобы просветить всю Америку евангельским учением.

С этих пор он закрывает свою торговлю, превращаясь в странника, выдает себя за мессию и исцеляет многих наложением своей руки.

Вскоре молва о производимых им чудесах повлекла за ним толпы приверженцев, на глазах которых совершались чудесные исцеления. К нему стало стекаться множество больных, жаждущих наложения его руки, так что он уже не успевал удовлетворять всех, ищущих его помощи.

Особенной славой он пользовался в штате Колорадо. Затем он отправился в Мексику, после чего вскоре исчез, и никто не знал, что с ним сталось. Его приверженцы уверяли, что он отправился в другие страны для проповеди, другие — что он вознесся на небо.

Пользуясь этим, то там, то сям стали являться его подражатели — лже-Шляттеры.

В конце концов скелет настоящего Шляттера был найден совершенно случайно под одним деревом двумя исследователями Сьерра-Мадре в 50 милях от casas grandes в провинции Чигуагуе.

Этот поражающий пример, взятый из жизни современного общества, показывает нам со всей яркостью, какова может быть сила

внушения в бодрственном состоянии при условии слепой веры в силу производимого внушения и в отсутствии психического противодействия по отношению к внушению.

Но не повторяется ли то же самое в большей или меньшей мере и с врачом, подходящим к кровати больного? Всякий знает, какое магическое оздоровляющее действие может приобрести одно утешительное слово со стороны врача и, наоборот, как иногда убийственно, в буквальном смысле слова, действует на больного суровый холодный приговор врача, не знающего или не желающего знать силы внушения.

Надо, впрочем, заметить, что далеко не все лица верят слепо в могущество того или другого врача по отношению к своей болезни, а потому и психическое влияние врача на своих пациентов бывает неодинаковым.

Вообще надо признать, что так как большинство лиц не может удержать себя от невольного сопротивления посторонним психическим воздействиям, то естественно, что намеренное внушение в бодрственном состоянии в более или менее резко выраженной степени удается далеко не у всех.

Но совершенно другое мы имеем, когда дело идет не о намеренном, но о совершенно невольном внушении, производимом при естественном общении одного лица с другим.

Это внушение происходит незаметно для лица, на которого оно действует, а потому обыкновенно и не вызывает с его стороны никакого сопротивления. Правда, оно действует редко сразу, чаще же медленно, но зато верно укрепляется в психической сфере.

Чтобы пояснить этот факт примером, я напомню здесь, какое магическое влияние на всех производит, например, появление одного веселого господина в скучающем обществе. Все тотчас же невольно, не замечая того сами, заражаются его весельем, приободряются духом, и общество из скучного, монотонного делается очень веселым и оживленным.

В свою очередь оживление общества действует заразительно и на лицо, внесшее это оживление, в силу чего его душевный тон еще более приподнимается.

Вот один из многих примеров действия невольного внушения или естественного прививания психических состояний от одних лиц к другим.

Так как в этом случае дело идет о взаимном психическом влиянии одного лица на других и обратно, то правильнее всего это состояние называть невольным *взаимовнушением*.

Нужно при этом иметь в виду, что действие невольного внушения и взаимовнушения гораздо шире, чем можно было бы думать с самого начала.

Оно не ограничивается только отдельными более или менее исключительными лицами, подобно намеренному внушению, производимому в бодрственном состоянии, и также не требует для себя никаких особых необычных условий, подобно внушению, производимому в гипнозе, а действует на всех и каждого при всевозможных условиях.

Само собой разумеется, что и в отношении непроизвольного прививания психических состояний существуют большие различия между отдельными лицами в том смысле, что одни, как более впечатлительные, более пассивные и, следовательно, более доверчивые натуры, легче поддаются непроизвольному психическому внушению, другие же менее; но разница между отдельными лицами существует лишь количественная, а не качественная, иначе говоря, она заключается лишь в степени восприимчивости к ненамеренному или невольному внушению со стороны других лиц, но не более.

Невольное внушение и взаимовнушение таким образом, как мы его понимаем, есть явление более ли менее всеобщее.

Возникает, однако, вопрос, каким способом могут прививаться к нам идеи и вообще психические состояния других лиц и подчинять нас своему влиянию? Есть полное основание думать, что это применение происходит исключительно при посредстве органов чувств.

В науке неоднократно поднимался вопрос о мысленном влиянии на расстоянии со стороны одного лица на другое, но все попытки доказать этот способ передачи мыслей на расстоянии более или менее непреложным образом рушатся тотчас же, как только его подвергают экспериментальной проверке, и в настоящее время не может быть приведено, в сущности, ни одного строго проверенного факта, который бы говорил в пользу реального существования телепатической передачи психических состояний.

Поэтому, не отрицая в принципе дальнейшей разработки вышеуказанного вопроса, мы должны признать, что, предполагаемая некоторыми подобная передача мыслей при настоящем состоянии наших знаний является совершенно недоказанной.

Таким образом, отбросив всякое предположение о возможности телепатической передачи идей на расстоянии, мы вынуждены остановиться на мысли, что прививка психических состояний от одного лица другому может передаваться теми же путями, как передается вообще влияние одного лица на другое, т. е. при посредстве органов чувств.

Вряд ли можно сомневаться в том, что главнейшим передатчиком внушения от одного лица другому является орган слуха, так как словесное внушение является, вообще говоря, наиболее распространенным и, по-видимому, наиболее действенным.

Но не подлежит сомнению, что и другие органы, особенно зрение, могут служить также посредниками в передаче внушения.

Не говоря о влиянии мимики и жестов, я укажу лишь на тот факт, что весьма немногие лица могут видеть зевоту, чтобы не зевнуть самим; равным образом вид съедаемого лимона вызывает невольное сжимание губ и обильное слюноотделение.

Известен анекдот, что этим путем был остановлен целый оркестр одним зрителем, который занялся на глазах музыкантов поеданием лимона.

Все это суть примеры зрительного внушения, которое, как легко видеть, действует в известных случаях не менее верно, нежели внушение слуховое.

Можно привести также примеры передачи внушения при посредстве осязательного и мышечного чувства. Всякий знает, что взаимное пожимание рук нередко является очень действительным средством передачи душевных чувств и симпатии между близкими лицами. Далее известен пример, что один студент-медик испытал сильный страх при мысли, что скальпелем он отрезал себе палец, тогда как на самом деле по пальцу его скользнула лишь тупая спинка скальпеля.

Другим примером внушения при посредстве осязательного органа может служить известный рассказ о приговоренном к смерти преступнике, которому при закрытых глазах было внушено, что вскрыта одна из вен и что кровь его постоянно истекает. Через несколько минут он оказался мертвым, несмотря на то, что вместо крови по телу его струилась теплая вода.

Что касается внушения при посредстве мышечного чувства, то оно изучалось неоднократно на истеричных в Сальпетриере, причем оказалось, что этим путем в известных случаях внушение может производиться весьма успешно. Достаточно истеричной больной в гипнозе сложить руки, как они складываются при молитве, и тотчас же лицо ее принимает выражение мольбы. Если в другом случае сложить ее правую руку в кулак, то лицо ее принимает выражение угрозы.

Очевидно, следовательно, и яснее! Мышечное чувство, вообще весьма малоприспособленное для общения отдельных лиц, дает возможность передавать внушения.

Надо думать, что не составляют в этом отношении исключения даже и такие органы, как органы обоняния и вкуса.

Вообще надо признать, что передатчиками внушения могут служить все вообще органы чувств, исключая осязания и мышечного чувства, но само собой разумеется, что такие органы, как слух и зрение, как органы, наиболее приспособленные для общения людей друг с другом, являются важнейшими органами, при посредстве которых чаще всего и вернее всего передаются внушения.

В сущности, невольное внушение и взаимовнушение, будучи явлением всеобщим, действует везде и всюду в нашей повседневной жизни. Не замечая того сами, мы приобретаем в известной мере чувства, суеверия, предубеждения, склонности, мысли и даже особенности характера от окружающих нас лиц, с которыми мы чаще всего обращаемся. Подобное прививание психических состояний происходит взаимно между лицами, совместно живущими, иначе говоря, каждая личность в той или другой мере прививает другой особенности своей психической натуры и, наоборот, принимает от нее те или другие психические черты. Происходит, следовательно, в полном смысле слова психический взаимообмен между совместно живущими лицами, который отзывается не на одних только чувствах, мыслях и поступках, но даже и на физической сфере, поскольку на ней вообще может отражаться влияние психической деятельности.

Это влияние особенно сказывается на мимике, придающей лицу определенное выражение и обрисовывающей в известной мере его черты.

Факт этот, между прочим, объясняет вам то обстоятельство, что, как уже давно было замечено, существует в значительном числе случаев большое сходство в чертах мужа и жены, которое, очевидно, более всего зависит от психической ассимиляции путем взаимовнушения обоих лиц, находящихся в сожительстве. В счастливых браках это сходство черт лица встречается, по-видимому, еще чаще, нежели в массе всех вообще браков.

Но нет ничего убедительнее в смысле непосредственной передачи психических состояний от одного лица другому, как передача патологических явлений.

Всякому известно, что истерика, случившаяся в обществе, может повлечь за собой ряд других истерик; с другой стороны, заикание и другие судорожные формы легко передаются предрасположенным субъектам совершенно непосредственно, путем невольного и совершенно незаметного прививания или внушения.

Не менее поучительные случаи мы имеем в массовых самоубийствах и в так называемых случаях наведенного помешательства.

В тех и других случаях дело идет о действии внушения, благодаря которому и происходит зараза самоубийств, с одной стороны, и с другой — передача болезненных психических состояний от одного лица другому.

Известны примеры, что случаи наведенного помешательства наблюдались в целой семье, состоящей из 4, 5 и даже 6 лиц. Эти случаи представляют, таким образом, уже настоящую психическую семейную эпидемию.

С другой стороны, психиатрам давно известен факт, что при совмещении душевнобольных в известных случаях происходит заимствование бреда одними больными от других, и в таком случае иногда бред больных соответственным образом видоизменяется, в силу чего и случаи эти получают название видоизмененного помешательства (folie transformée).

Известно также, что наилучшим средством устранения такого заимствованного бреда является немедленное обособление больных, влияющих друг на друга.

Можно, конечно, подумать, что в вышеприведенных примерах дело идет о таких патологических случаях, которые отличаются особой восприимчивостью к психическим влияниям со стороны других лиц. Однако не подлежит сомнению, что в некоторых случаях передача психической инфекции представляется крайне облегченной и среди совершенно здоровых лиц.

Особенно благоприятными условиями для такой передачи являются господствующие в сознании многих лиц идеи одного и того же рода и одинаковые по характеру аффекты и настроения. Благодаря этим условиям развиваются, между прочим, иллюзии и галлюцинации тождественного характера у многих лиц одновременно.

Эти коллективные или массовые галлюцинации, случающиеся при известных условиях, представляют собой одно из интереснейших психологических явлений. Почти в каждой семейной хронике можно слышать рассказы о видении умерших родственников целой группой лиц.

Известен рассказ об одном поваре на корабле, который неожиданно скончался, что поразило всех пассажиров корабля. Были произведены обычные в таких случаях морские похороны, т. е. труп был спущен в море, и вечером того же дня многие из пассажиров видели умершего повара, идущего за кораблем и ковыляющего на одну ногу. Нечего и говорить, что всех это повергло в неописанный страх и что многие пассажиры провели тревожную ночь.

Наутро дело разъяснилось. Вместо повара оказался обрубок дерева, привязанный к корме корабля.

Рассказывают, что в прежнее время, когда корабли двигались под парусами и когда под тропиками их заставал штиль и они должны были долгое время оставаться в безбрежном пространстве во время страшного зноя, у пассажиров иногда развивались массовые иллюзии и галлюцинации, причем им нередко казалась вблизи земля с необычайно красивыми видами и живописными очертаниями берегов.

Один из интересных примеров массовых иллюзий и галлюцинаций представляет случай, происшедший с французскими военными судами в 1846 г. Фрегат «Belle-Poule» и корвет «Berceau» были застигнуты страшным ураганом близ островов Соединения. Первый из них вынес ураган благополучно, но потерял из виду корвет «Berceau» и, считая бесполезным разыскивать его в открытом океане, направился к условленному заранее пункту встречи у восточного берега Мадагаскара, к острову Св. Марии. Здесь корвета не оказалось, причем все поиски его вблизи острова были бесплодными. Естественно, что вслед за этим начался для экипажа «Belle-Poule» мучительный период ожидания. Каждый день приносил все более и более беспокойства за судьбу несчастного корвета, экипаж которого состоял из 300 человек. В таком мучительном ожидании прошел целый месяц. Наконец однажды в жаркий солнечный день после полудня сигналистом, сидевшим на мачте, был замечен на западе вблизи берега корабль, лишенный мачт. Весь экипаж устремил свои взоры на указанный пункт и убедился, что сообщение сигналиста было справедливо.

Само собой разумеется, что это событие взволновало всех, причем волнение достигло еще большей степени, когда все увидели перед собой не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый морскими шлюпками, с которых подавали сигналы о гибели. Это видение продолжалось несколько часов, причем с каждой минутой выяснялись все более и более ужасающие подробности этой сцены. На помощь погибавшим по приказу командира был тотчас же отправлен стоявший на рейде крейсер «Archimede». День уже приходил к концу, и начинала спускаться южная ночь, когда «Archimede» подошел к месту своего назначения. Надо заметить, что все это время экипаж крейсера «Archimede» видел погибавших на плоту людей, были даже слышны крики о помощи, заглушаемые плеском весел. Эта поразительная иллюзия рассеялась лишь тогда, когда спущенные с крейсера шлюпки подошли к предмету, принятому за плот с людьми и оказавшемуся массой вырванных с берега

огромных деревьев, принесенных сюда течением. Вместе с этим надежда видеть пассажиров разбитого корабля «Bergeau» окончательно погибла, их судьба покрылась густым мраком неизвестности.

Нечего и говорить, что в развитии этой массовой галлюцинации, так сказать, сквозит влияние внушения. Несомненно, что бедствия, пережитые в море, сильно возбудили нервы пассажиров крейсера «Belle-Poule» и «Archimède». Беспокойство и страх за участь 300 сотоварищей, бывших на «Bergeau», сильно содействовали известному направлению умов.

Естественно, что мысли всех сосредоточивались на предположении возможной гибели своих несчастных сотоварищей. Все разговоры сводились к одной и той же теме. В такое-то время сигналист замечает на горизонте на стороне солнечного заката странный предмет с неясными очертаниями, и под влиянием мысли о крушении корвета в его глазах воссоздается образ последнего. Одних его слов, что вдали виднеется разбитый корабль, было уже достаточно, чтобы внушить всем одну и ту же иллюзию. Далее идет развитие той же самой внушенной идеи. При обмене мыслей о видимом предмете все соглашаются, что это не разбитый корабль, а плот, наполненный людьми и буксируемый шлюпками, с которых раздаются сигналы бедствий. Такая галлюцинация длится много часов до наступления ночи, когда посланные с крейсера «Arhimède» шлюпки врезались в густую листву плавающих деревьев.

Не подлежит сомнению, что подобные же явления возможны и в других случаях и, может быть, даже случаются чаще, чем обыкновенно принимают. Вероятно, многие еще помнят, что при обострившихся отношениях наших с Германией начались странные полеты в Россию прусских воздушных шаров. Целые массы лиц свидетельствовали об одновременном видении этих шаров многими лицами, несмотря на то, что современная аэронавтика не давала основания верить в действительность этих полетов. Ввиду этого не без основания была высказана мысль, что эти полеты прусских шаров относились к области массовых галлюцинаций, обусловленных направлением умов в сторону возможных неприязненных действий против нас со стороны Германии.

Не повторяется ли та же история и с шаром Андре? Сколько уже было получено телеграмм из разных концов северного полушария о видении шара Андре целой массой лиц! Не имеется ли и здесь дела с массовой иллюзией или галлюцинацией подобно тому, как это было, по-видимому, с прусскими воздушными ша́рами? Такое объяснение по крайней мере напрашивается само собой, когда читаешь мельчайшие подробности о видении шара Андре несколькими лицами той или другой местности. Видение это, стереотипно повторявшееся в нескольких местах, было настолько полным, что, как известно, была даже высказана мысль, что оно могло обусловливаться существованием особой, не открытой еще планеты, с чем, однако, совершенно не согласуется относительная быстрота движения видимого шара.

Не менее известны исторические примеры множественных галлюцинаций. К числу таких исторических галлюцинаций относится,

между прочим, известное видение креста на небе с надписью «сим победишь» — видение, испытанное воинами Константина Великого перед началом решительной битвы.

Массовые религиозные видения случались неоднократно и в позднейшее время, особенно в средние века. Они возможны даже и теперь, как показывает случай, описанный Verga.

В период тяжелой холерной эпидемии в 1885 г. жители деревни Корано близ Неаполя начали видеть Мадонну в черном одеянии, молящуюся за спасение людей на одном из ближайших холмов, где стояла часовня.

Слух об этом происшествии быстро распространился по окрестностям, и в Корано начало стекаться множество народа.

Видение это продолжалось до тех пор, пока итальянское правительство не предприняло решительных мер против дальнейшего распространения этой эпидемической галлюцинации. Часовня была перенесена на другое место, холм же был занят отрядом карабинеров, после чего видение прекратилось.

Подобные видения объяснимы только с точки зрения взаимовнушения, совершенно невольного, со стороны одних лиц на других.

Когда господствует в населении или в группе лиц то или другое настроение и когда мысль работает в известном направлении, тогда у того или другого лица с психической неуравновешенностью особенно легко появляются обманы чувств, по содержанию отвечающие настроению и направлению его мысли, которые тотчас же путем невольного внушения, словесного или иного, сообщаются и другим лицам, находящимся в одинаковых психических условиях.

С той же точки зрения следует объяснить и стереотипные обманы чувств, свойственные лишь известным семьям, в которых этим галлюцинациям придают то или другое, большей частью роковое значение.

Известно, что в Габсбургском доме, например, такой галлюцинацией, которой придают роковое значение предвестника смерти, является видение черной женщины. Появление этой женщины уже издавна считается верным вестником приближения кончины и передается из уст в уста в виде семейной или родовой внушенной идеи, которая и олицетворяется при соответствующих случаях в форме стереотипной галлюцинации.

Изредка в тех или других семьях можно встретиться и с другого рода внушенными идеями, которые также играют немаловажную роль в жизни членов данной семьи. Я имел сведения, например, об одной семье, в которой из рода в род передавалась боязнь к огню из-за возможности погибнуть от него, и действительно, многие из членов семьи погибли от неосторожного обращения с огнем или даже от самоубийства путем самосожжения. В другом роду удерживалось представление, что смерть его членов происходит от огнестрельного оружия путем ли самоубийства или той или другой случайности, и оказалось действительно, что даже последние потомки этого рода, несмотря на страшную боязнь, проявляемую ими к огнестрельному оружию, погибали совершенно случайно или намеренно от выстрелов из ружья или револьвера.

Следует иметь в виду, что в подобного рода случаях на помощь внушению идет нередко и *самовнушение*, под которым мы понимаем прививание психических состояний, обусловленное, однако, не посторонними влияниями, а внутренними поводами, источник которых находится в личности самого лица, подвергающегося самовнушению.

Всякий знает, что человек может настроить себя на грустный или веселый лад, что он может при известных случаях развить воображение до появления иллюзий и галлюцинаций, что он может даже вселить в себя то или другое убеждение. Это и есть самовнушение, которое, подобно внушению и взаимовнушению, не нуждается в логике, а, напротив того, нередко действует даже вопреки всякой логике.

Кому неизвестно, что достаточно дать волю своему воображению и оно готово рисовать всевозможные страшные образы в темноте ночи, несмотря на то, что мы можем быть твердо убеждены, что ничего страшного на самом деле не существует.

Но это только один из слабых примеров действия самовнушения, которое в известных случаях может приводить к настоящим обманам чувств.

Надо думать, что и стереотипное видение черной женщины перед смертью в Доме Габсбургов получает объяснение не в одном только взаимовнушении, но, быть может, и в самовнушении, невольно настраивающем воображение в определенном направлении. Путем невольного самовнушения, по-видимому, могут быть объяснены и некоторые другие темные психические явления, как, например, предчувствие.

Известно также, что самовнушение в некоторых случаях, подобно гипнотическому внушению, может обнаруживать резкое влияние на сосудодвигательную и растительную сферу организма. Этим путем, между прочим, объясняются различные стигматы и даже периодические кровоизлияния из тех областей тела, из которых сочилась кровь у распятого Христа, как показывает известный в медицинской литературе и тщательно проверенный видными научными авторитетами пример Луизы Лато.

Но мы бы отвлеклись далеко в сторону от главного предмета нашей беседы, если бы задались целью подробнее разъяснить только указанные явления нашей психической жизни.

Путем невольного внушения, взаимовнушения и самовнушения без труда объясняются и многие своеобразные стороны нашего сектантства, выражающиеся в крайне грубых формах.

Кто не помнит еще так недавно проявившегося изуверства тираспольских беспоповцев погребением и замуравливанием живьем в подземельях 25 человек по их собственному желанию. Читая описание этого потрясающего события, перед которым бледнеет всем известный аскетизм буддистов, невольно приходишь к выводу, что так спокойно шли эти сектанты на верную смерть лишь в силу укоренившейся путем внушения и самовнушения идеи о переселении вместе с этим погребением в лоно праведников.

Ковалев, выполнивший этот обряд погребения в Терновских хуторах над 25 сектантами, в числе которых были его мать, дочь

и жена, сам, очевидно, также находился под внушением со стороны монахини скитницы Виталии, которая отдавала ему свои повеления даже в то время, когда уже находилась в числе 6 человек в подземной нише и была забрасываема землей.

Бесспорно, что убеждения раскольников, признающих народную перепись за антихристову запись, за отчуждение от Христа и от истинной христианской веры, создают почву для самоистребительных стремлений, но отсюда до массового самосожжения, как это случалось уже не однажды с нашими раскольниками, до закапывания в землю или до так называемого запощения или до уморения себя голодом еще далеко. Не подлежит, однако, сомнению, что раскольничья среда в скитах, в некотором отчуждении от внешнего мира, при постоянном посте и молитвах представляет крайне благоприятные условия для поддержания и развития религиозного фанатизма. При этих-то условиях самоистребительная проповедь и находит себе благодатную почву. Эта проповедь действует в этих случаях не столько путем убеждения, сколько силой внушения и взаимовнушения, что и приводит к окончательному решению «соблюсти благочестие без отступления», согласно выражению самих раскольников.

Не подлежит никакому сомнению, что в Терновских происшествиях роль главного вожака играла Виталия, которая, действуя первоначально по убеждению, в значительной мере укрепляла себя в проповеднической роли благодаря самовнушению. Общая атмосфера скита во время бывшей переписи, постоянные толки и обсуждения последней в ските, общая тревога и страх за последствия переписи поддерживали и укрепляли между членами путем взаимовнушения мысль о необходимости закопаться или запоститься. Исполнитель же закапываний Ковалев, как человек недалекий, находился под внушением как Виталии, так и других лиц, поддерживавших общее настроение раскольничьего скита.

Время не позволяет далее останавливаться на этом животрепещущем вопросе; но вся картина самоистребительных происшествий в Терновских хуторах решительно не поддается иному объяснению, если не принять в этом деле влияния внушения и взаимовнушения на почве уже укоренившихся суеверий, сыгравших здесь, бесспорно, крупную роль.[1]

Не менее ярко сила внушения сказывается в так называемых психопатических эпидемиях.

На этих психопатических эпидемиях отражаются, бесспорно, прежде всего господствующие воззрения народных масс данной эпохи, данного слоя общества или данной местности. Но не может подлежать никакому сомнению, что эти эпидемии развиваются главным образом путем взаимовнушения и самовнушения.

---

[1] Подробное описание Терновских событий кроме газет можно найти в статье профессора И. А. Сикорского (Вопросы нервно-психической медицины за 1897 г.)

Господствующие воззрения являются только более или менее благоприятной почвой для распространения путем невольной передачи одного лица другому тех или других психопатических состояний. Эпидемическое распространение так называемой бесоодержимости в средние века, бесспорно, носит на себе все следы установившихся в то время народных воззрений на необычайную силу дьявола над человеком; но тем не менее также бесспорно, что развитие и распространение этих эпидемий обязано главным образом, если не исключительно, силе внушения. Вот, например, средневековый пастор во время церковного богослужения говорит о власти демона над человеком, увещевая народ быть ближе к Богу, и во время этой речи в одном из патетических мест к ужасу слушателей воображаемый демон проявляет свою власть над одним из присутствующих, повергая его в страшные корчи. За этим следует другая и третья жертвы. То же повторяется и при других богослужениях.

Можно ли сомневаться в том, что здесь дело идет о прямом внушении бесоодержимости, переходящем затем и в жизнь народа и выхватывающем из последнего свои жертвы даже и вне богослужебных церемоний.

Когда укоренились известные воззрения о возможности воплощения дьявола в человеке, то это верование само по себе уже действует путем взаимовнушения и самовнушения на многих психопатических личностей и приводит таким образом к развитию демонопатических эпидемий, которыми так богата история средних веков.

Особенно большими эпидемиями бесноватых, как известно, славится XVII в. Бесноватость, встречавшаяся во все времена, была в полном смысле слова недугом этого века, подобно тому как колдовство было недугом XVI в., а мания величия и мания преследования являются болезнями нашего столетия.

Благодаря самовнушению те или другие мистические идеи, вытекающие из мировоззрения средних веков, нередко являлись вместе с тем источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые благодаря господствовавшим верованиям также получали наклонность к эпидемическому распространению.

Таково, очевидно, происхождение судорожных и иных средневековых эпидемий, известных под названием пляски св. Витта и св. Иоанна, народного танца, носящего название тарантеллы и, наконец, так называемый квиетизм. Даже знакомясь с описанием этих эпидемий современниками, нетрудно убедиться, что в их распространении играло роль взаимовнушение.

Вот, например, небольшая выдержка о средневековых конвульсионерках из Луи-Дебоннера. «Представьте себе девушек, которые в определенные дни, а иногда после нескольких предчувствий, внезапно впадают в трепет, дрожь, судороги и зевоту; они падают на землю и им подкладывают при этом заранее приготовленные тюфяки и подушки. Тогда с ними начинаются большие волнения: они катаются по полу, терзают и бьют себя; их голова вращается с крайней быстротой, их глаза то закатываются, то закрываются,

их язык то выходит наружу, то втягивается внутрь, заполняя глотку. Желудок и нижняя часть живота вздуваются, они лают, как собаки, или поют, как петухи; страдая от удушья, эти несчастные стонут, кричат и свистят; по всем членам у них пробегают судороги; они вдруг устремляются в одну сторону, затем бросаются в другую; начинают кувыркаться и производят движения, оскорбляющие скромность, принимают циничные позы, растягиваются, деревенеют и остаются в таком положении по часам и даже целым дням; они на время становятся слепыми, немыми, параличными и ничего не чувствуют. Есть между ними и такие, у которых конвульсии носят характер свободных действий, а не бессознательных движений». Прочитав это описание современника, кто из невропатологов станет сомневаться в том, что здесь дело идет о припадках большой истерии, развивающейся, как мы знаем, нередко и ныне эпидемически.

Еще более поучительная картина представляется нам в описании судорожных эпидемий, развивавшихся в Париже в прошлом столетии, объединяющим объектом которых явилось Сен-Медарское кладбище с могилой дьякона Пари, некогда прославившегося своим аскетическим образом жизни. Это описание принадлежит известному Луи-Фигье.

«Конвульсии Жанны, излечившейся на могиле Пари от истерической контрактуры в припадке судорог, послужили сигналом для новой пляски св. Витта, возродившейся вновь в центре Парижа в XVIII в. с бесконечными вариациями, одна мрачнее или смешнее другой.

Со всех частей города сбегались на Сен-Медарское кладбище, чтобы принять участие в кривляниях и подергиваниях. Здоровые и больные, все уверяли, что конвульсионируют, и конвульсионировали по-своему. Это был всемирный танец, настоящая тарантелла.

Вся площадь Сен-Медарского кладбища и соседних улиц была занята массой девушек, женщин, больных всех возрастов, конвульсионирующих как бы вперегонку друг с другом. Здесь мужчины бьются о землю как настоящие эпилептики, в то время как другие немного дальше глотают камешки, кусочки стекла и даже горящие угли; там женщины ходят на голове с той степенью странности или цинизма, которая вообще совместима с такого рода упражнениями. В другом месте женщины, растянувшись во весь рост, приглашают зрителей ударять их по животу и бывают довольны только тогда, когда 10 или 12 мужчин обрушиваются на них зараз всей своей тяжестью.

Люди корчатся, кривляются и двигаются на тысячу различных ладов. Есть, впрочем, и более заученные конвульсии, напоминающие пантомимы и позы, в которых изображаются какие-нибудь религиозные мистерии, особенно же часто сцены из страданий Спасителя.

Среди всего этого нестройного шабаша слышатся только стон, пение, рев, свист, декламация, пророчество и мяуканье.

Но преобладающую роль в этой эпидемии конвульсионеров играют танцы. Хором управляет духовное лицо, аббат Беншерон, который, чтоб быть на виду у всех, стоит на могиле.

Здесь он совершает ежедневно с искусством, не выдерживающим соперничества, свое любимое „па“, знаменитый скачок карпа (sante de Carpe), постоянно приводящий зрителей в восторг.

Такие вакханалии погубили все дело. Король, получая ежедневно от духовенства самые дурные отзывы о происходившем в Сен-Медаре, приказал полицейскому лейтенанту Геро закрыть кладбище.

Однако эта мера не остановила безумных конвульсионеров. Так как было запрещено конвульсионировать публично, то припадки янсенистов стали происходить в частных домах, и зло от того еще более усилилось. Сен-Медарское кладбище концентрировало в себе заразу; закрытие же его послужило для рассеивания ее.

Всюду на дворах, под воротами можно было слышать или видеть, как терзается какой-нибудь несчастный; его вид действовал заразительно на присутствующих и побуждал их к подражанию.

Зло приняло такие значительные размеры, что королем был издан такой указ, по которому всякий конвульсионирующий предавался суду, специально учрежденному при арсенале, и приговаривался к тюремному заключению. После этого конвульсионеры стали только искуснее скрываться, но не вывелись».[1]

Прочитав эти строки, можно ли сомневаться в том, что эти эпидемии конвульсионирующих развивались благодаря взаимовнушению на почве религиозного мистицизма и тяжелых суеверий.

Очевидно, подобным же образом объясняется и происхождение колдовства, этой страшной болезни, из-за которой погибло на костре и эшафотах, наверное, много более народа, нежели во всех вместе взятых войнах нынешнего столетия.

Не допустив взаимовнушения и самовнушения, мы не могли бы понять ни столь значительного распространения эпидемий колдовства, проявлявшихся в самых различных частях Европы, особенно в XVI в., ни почти стереотипного описания видений, которым подвергались несчастные колдуны и колдуньи средних веков.

По описанию Реньяра к женщине, которая обыкновенно подвержена конвульсивным приступам, в один прекрасный вечер является изящный и грациозный кавалер; он нередко входил через открытую дверь, но чаще появлялся внезапно, вырастая как бы из земли.

Вот как описывают его колдуньи на суде: «Он одет в белое платье, а на голове у него черная бархатная шапочка с красным пером или же на нем роскошный кафтан, осыпанный драгоценными каменьями, вроде тех, что носят вельможи. Незнакомец является или по собственной инициативе, или на зов, или же на заклинание своей будущей жертвы.

Он предлагает ведьме обогатить ее и сделать ее могущественной; показывает ей свою шляпу, полную денег; но чтоб удостоиться всех этих благ, ей придется отречься от Св. крещения, от Бога и отдаться сатане душой и телом».[2]

---

[1] Реньяр. Психические эпидемии.

[2] Idem.

Вот стереотипные описания демонических галлюцинаций, которым подвергались истерические женщины средних веков или так называемые колдуньи по тогдашним понятиям.

Не ясно ли, что здесь дело идет о галлюцинациях такого рода, которые выливаются в определенную форму, благодаря представлениям, упрочившимся в сознании путем самовнушения или внушения, быть может, еще с детства, благодаря рассказам и передаче из уст в уста о возможности появления дьявола в роли соблазнителя.

Другое, не менее распространенное убеждение в народе, которое получило особенную силу благодаря религиозному мистицизму в эпоху средних веков и последующий за ними период времени, есть так называемая бесоодержимость, т. е. обладание дьяволом человеческого тела. Благодаря самовнушению эта идея нередко является источником целого ряда конвульсивных и иных проявлений большой истерии, которые также способны к эпидемическому распространению.

«Первая большая эпидемия этого рода, по словам Реньяра, произошла в мадридском монастыре.

Почти всегда в монастырях и главным образом в женских обителях религиозные обряды и постоянное сосредоточение на чудесном влекли за собой различные нервные расстройства, составляющие в своей совокупности то, что называлось бесноватостью. Мадридская эпидемия началась в монастыре бенедиктинок, игуменье которого, донне Терезе, всего исполнилось в то время 26 лет.

С одной монахиней вдруг стали случаться страшные конвульсии. У нее делались внезапные судороги, мертвели и скорчивались руки, выходила пена изо рта, изгибалось все тело в дугу наподобие арки, опиравшейся на затылок и пятки. По ночам больная издавала страшные вопли, и под конец ею овладевал настоящий бред.

Несчастная объявила, что в нее вселился демон Перегрино, который не дает ей покоя. Вскоре демоны овладели всеми монахинями, за исключением пяти женщин, причем сама донна Тереза уже сделалась жертвой этого недуга.

Тогда начались в обители неописуемые сцены: монахини по целым ночам выли, мяукали и лаяли, объявляя, что они одержимы одним из друзей Перегрино. Монастырский духовник, Франсуа Гарсиа, прибег к заклинанию бесноватых, но неуспешно, после чего это дело перешло в руки инквизиции, которая распорядилась изолировать монахинь. С этой целью они были сосланы в различные монастыри.

Гарсиа, обнаруживший в этом деле известное благоразумие, редко встречаемое в людях его класса, был осужден за то, что будто бы вступил в сношение с демонами, прежде чем напасть на них».

Бесноватость бенедиктинок наделала много шуму, но ее известность ничтожна по сравнению с эпидемией луденских урсулинок, беснования которых относятся к следующему, 1631 г. «В Лудене существовала община урсулинок, посвятивших себя делу образования. Она состояла из дочерей знатных лиц».

«Приором монастыря был аббат Муссо, вскоре, впрочем, умерший. Спустя непродолжительное время после его кончины он однажды явился к г-же де Бельсьель ночью в виде мертвеца и приблизился к ее постели. Она своими криками разбудила всю обитель. Но после этого привидение стало возвращаться каждую ночь. Монахиня рассказала о своем несчастье товаркам. Результат получился как раз обратный — вместо одной привидение стало посещать всех монахинь. В дортуаре то и дело раздавались крики ужаса, и монахини пускались в бегство. Слово „одержимость“ было пущено в ход и принято всеми. Монах Миньон, сопутствуемый двумя товарищами, явился в обитель для изгнания злого духа.

Игуменья, мадам де Бельсьель, объявила, что она одержима Астарогом, и как только начались заклинания, стала издавать вопли и конвульсивно биться; в бреду она говорила, что ее околдовал священник Грандье, преподнося ей розы.

Игуменья кроме того утверждала, что Грандье являлся в обитель каждую ночь в течение последних четырех месяцев и что он входил и уходил, проникая сквозь стены.

На других одержимых, между прочим на мадам де Сазильи, находили конвульсии, повторявшиеся ежедневно, особенно во время заклинаний.

Одни из них ложились на живот и перегибали голову так, что она соединялась с пятками, другие катались по земле в то время, как священники со Св. Дарами в руках гнались за ними; изо рта у них высовывался язык, совсем черный и распухший. Когда галлюцинации присоединялись к судорогам, то одержимые видели смущавшего их демона. У мадам де Бельсьель их было 7, у мадам де Сазильи — 8, особенно же часто встречались Асмодей, Астарот, Левиафан, Исаакорум, Уриэль, Бегемот, Дагон, Магон и тому подобные.

В монастырях злой дух носит названия, присвоенные ему в богословских сочинениях.

В некоторых случаях монахини впадали в каталептическое состояние, в других они переходили в сомнамбулизм и бред или в состояние полного автоматизма.

Они всегда чувствовали в себе присутствие злого духа и, катаясь по земле, произнося бессвязные речи, проклиная Бога, кощунствуя и совершая возмутительные вещи, утверждали, что исполняют его волю».

А вот, между прочим, сцены, которые разыгрывались в том же монастыре под влиянием заклинаний, заимствованные из книги отца Иосифа.

Однажды начальница пригласила отца отслужить молебен св. Иосифу и просить его защиты от демонов во время говения.

Заклинатель немедленно выразил свое согласие, не сомневаясь в успешности чрезвычайного молитвословия, и обещал заказать мессы с той же целью в других церквах.

Вследствие этого демоны пришли в такое бешенство, что в день поклонения волхвов стали терзать игуменью. Лицо ее посинело, а глаза уставились в изображение лика Богородицы. Был уже поздний час, но

отец Сюрен решился прибегнуть к усиленным заклинаниям, чтобы заставить демона пасть в страхе перед Тем, Кому поклонялись волхвы.

С этой целью он взял одержимую в часовню, где она произнесла массу богохульств, пытаясь бить присутствующих и во что бы то ни стало оскорбить самого отца, которому, наконец, удалось тихо подвести ее к алтарю.

Затем он приказал привязать одержимую к скамье и после нескольких воззваний повелел демону Исаакоруму пасть ниц и поклониться Младенцу Иисусу; демон отказался исполнить это требование, изрыгая страшные проклятия.

Тогда заклинатель пропел Magnificat, и во время пения слов gloria patri и т. д. эта нечестивая монахиня, сердце которой было действительно переполнено злым духом, воскликнула: «Да будет проклят Бог Отец, Сын, Святой Дух и все Небесное Царство!» Демон еще усугубил свои богохульства, направленные против Св. Девы во время пения Ave Maria Stella, причем сказал, что не боится ни Бога, ни Св. Девы, и похвалился, что его не удастся изгнать из тела, в которое он вселился.

Его спросили, зачем он вызывает на борьбу всемогущего Бога.

«Я делаю это от бешенства, — ответил он, — и с этих пор с товарищами не буду заниматься ничем другим!»

Тогда он возобновил свои богохульства в еще более усиленной форме.

Отец Сюрен вновь приказал Исаакоруму поклониться Иисусу и воздать должное как Св. Младенцу, так и пресвятой Деве за богохульственные речи, произнесенные против них... Исаакорум не покорился.

Последовавшее затем пение «Gloria» послужило ему только поводом к новым проклятиям на Св. Деву.

Были еще делаемы новые попытки, чтобы заставить демона Бегемота покаяться и принести повинную Иисусу, а Исаакорума повиниться перед Божьей Матерью, во время которых у игумены появилась такая сильная конвульсия, что пришлось отвязать ее от скамьи.

Присутствующие ожидали, что демон покорится, но Исаакорум, повергая ее на землю, воскликнул: «Да будет проклята Мария и Плод, который Она носила!»

Заклинатель потребовал, чтобы он немедленно покаялся перед Богородицей в своих богохульствах, извиваясь по земле, как змей, и облизывая пол часовни в трех местах. Но он все отказывался, пока не возобновили пение гимнов. Тогда демон стал извиваться ползать и крутиться; он приблизился (т. е. довел тело г-жи де Бельсьель) к самому выходу из часовни и здесь, высунув громадный черный язык, принялся лизать каменный пол с отвратительными ужимками, воем и ужасными конвульсиями. Он повторил то же самое у алтаря, после чего выпрямился и, оставаясь все еще на коленях, гордо посматривал, как бы показывая вид, что не хочет сойти с места; но заклинатель, держа в руках Св. Дары, приказал ему отвечать. Тогда выражение лица его исказилось и стало ужасным, голова откинулась совершенно назад и послышался силь-

ный голос, произнесенный как бы из глубины груди: «Царица Неба и земли, прости!»

Нетрудно представить себе, что подобные заклинания не только не действовали успокоительно на окружающих лиц, но еще способствовали большему развитию бешенства у несчастных монахинь. В заключение следует заметить, что луденская эпидемия урсулинок кончилась трагически, т. е. несчастный аббат Грандье, обвиненный в чародействе, был подвергнут ужасным пыткам и истязаниям и был в конце концов сожжен на костре. Описание пыток и казни Грандье производят потрясающее впечатление и я, щадя нервы своих высокочтимых слушателей, опускаю их, но всем интересующимся рекомендую прочесть несколько страниц, относящихся к этому предмету у Реньяра (Умственные эпидемии).

Но как ни тяжела была казнь Грандье, сожженного живым на костре с раздробленными ранее ногами, она не успокоила беснующихся урсулинок, пока не было приступлено к их изолированию. «После того демоны стали еще преследовать молодых девушек в гор. Лудене. Назывались эти демоны: Уголь Нечисти, Адский Лев, Ферон и Малон. Эпидемия распространилась даже на окрестности.

Девушки в Шиноне почти все подпали страшному недугу и обвиняли при этом двух священников в чародействе, к счастью, коадьютор Поатьевского епископа благоразумно повел дело и разъединил бесноватых.

Но еще замечательнее тот факт, что Миньон, искони считавшийся страной пап, переполнился около этого времени одержимыми.

Луденская эпидемия заразила умы и охватила собой большое пространство. Страшная Луденская трагедия еще не изгладилась из памяти ее современников; истина относительно мученичества несчастного Грандье едва только успела выясниться, когда разнесся слух, что демоны овладели обителью св. Елизаветы в Лувье.

Здесь также усердие духовника послужило если не причиной, то, по крайней мере, точкой отправления для распространения недуга. Лувьевскими монахинями овладевает желание посоперничать в деле набожности со своим духовным пастырем.

Они стали поститься по неделям, проводили в молитве целые ночи, всячески бичевали себя и катались полунагие по снегу.

В конце 1642 г. священник Пикар (духовник) внезапно скончался. Монахини, уже и без того близкие в помешательству, тогда окончательно помутились.

Их духовный отец стал являться им по ночам, они видели его бродящим в виде привидения, а с ними самими начали делаться конвульсивные припадки, совершенно аналогичные с припадками луденских монахинь: у несчастных являлось страшное отвращение ко всему, что до тех пор наполняло их жизнь и пользовалось их любовью.

Вид Св. Даров усиливал их бешенство; они доходят до того, что даже плюют на них. Затем монахини катаются по церковному полу и, издавая при этом страшный рев, подпрыгивают, как будто под влиянием пружин».

Современный богослов Лабретан, имевший случай видеть лувьевских монахинь, дает нам следующее описание их беснований:

«Эти 15 девушек обнаруживают во время причастия страшное отвращение к Св. Дарам, строят им гримасы, показывают язык, плюют на них и богохульствуют с видом самого ужасного нечестия. Они кощунствуют и отрекаются от Бога более 100 раз в день с поразительной смелостью и бесстыдством.

Но несколько раз в день ими овладевали сильные припадки бешенства и злобы, во время которых они называют себя демонами, никого не оскорбляя при этом и не делая вреда священникам, когда те во время самых сильных приступов кладут им в рот палец.

Во время припадков они описывают своим телом разные конвульсивные движения и перегибаются назад в виде дуги без помощи рук так, что их тело покоится более на темени, чем на ногах, а вся остальная часть находится на воздухе: они долго остаются в этом положении и часто вновь принимают его. После подобных усиленных кривляний, продолжавшихся непрерывно иногда в течение 4 часов, монахини чувствовали себя вполне хорошо, даже во время самых жарких дней; несмотря на припадки, они были здоровы, свежи и пульс их бился так же нормально, как если бы с ними ничего не происходило. Между ними есть и такие, которые падают в обморок во время заклинаний как будто произвольно: обморок начинается с ними в то время, когда их лицо наиболее взволнованно, а пульс становится значительно повышенным. Во время обморока, продолжающегося полчаса и более, у них не заметно ни малейшего признака дыхания.

Затем они чудесным образом возвращаются к жизни, причем у них сначала приходят в движение большие пальцы ноги, потом ступни и сами ноги, а за ними живот, грудь, шея; во все это время лицо бесноватых остается совершенно неподвижным; наконец оно начинает искажаться и вновь появляются страшные корчи и конвульсии».

Это описание не оставляет сомнения в том, что дело идет в данном случае о проявлениях большой истерии, хорошо изученной за последнее время, особенно со времени классических трудов Charcot и его учеников.

Наше современное кликушество в народе не есть ли тоже отражение средневековых демонопатических болезненных форм? И здесь влияние внушенных, ранее привитых идей на проявление болезненных состояний неоспоримо.

Известно, что такого рода больные во время церковной службы при известных возглашениях подвергаются жесточайшим истерическим припадкам.

И здесь повторяется то же, что было и в средние века. Несчастные больные заявляют открыто и всегласно о своей бесоодержимости.

Во время отчитываний, которые производятся над такого рода больными, вероятно, еще и теперь, в отдаленных монастырях глухой провинции, можно видеть те ужасные корчи, которым подвергаются такого рода бесноватые при производстве над ними заклинаний, причем дьявол, вошедший в человека, может быть вызван на

ответы и не скрывает своего имени, горделиво называя себя во всеуслышание «Легион» или «Вельзевул».

Все эти сцены, случайным очевидцем которых мне приходилось быть еще в раннем детстве, без сомнения, являются результатом внушенных идей, заимствованных из Библии и народных верований.

Вряд ли можно сомневаться в том, что если бы наши кликуши, которых встречается немало в наших деревнях, жили в средние века, то они неминуемо подверглись бы сожжению на костре.

Впрочем, кликушество в народе, хотя еще и по сие время заявляет о себе отдельными вспышками в тех или других местах нашей провинции, но во всяком случае в настоящее время оно уже не приводит к развитию грозных эпидемий, какими отличались средние века, когда воззрения на могучую власть дьявола и бесоодержимость были господствующими не только среди простого народа, но и среди интеллигентных классов общества и даже среди самих судей, которые были призваны для выполнения над колдуньями правосудия и удовлетворения общественной совести.

Тем не менее до сих пор еще не лишены важного социального значения древнего рода психопатические эпидемии религиозного характера, которые выражаются развитием некоторых форм сектантства в народе, носящих явные психопатические черты.

Об одной такого рода психопатической эпидемии религиозного характера, известной под названием малеванщины и развившейся у нас за последнее время на юге, я могу сказать несколько подробнее, так как само развитие эпидемии было более или менее близко прослежено врачами, специалистами по душевным болезням.

С самого начала я остановлюсь на виновнике этой эпидемии Кондрате Малеванном, несомненно психически больном субъекте, над которым я читал клиническую лекцию в Казанской окружной лечебнице в течение зимы 1892/93 г. еще до появления прекрасной брошюры профессора И. А. Сикорского [1] и уже тогда подробно разобрал как саму болезнь К. Малеванного, так и возникшую под влиянием его учения психопатическую эпидемию по присланным в лечебницу документам и собранным сведениям. Благодаря этому я имею возможность представить довольно полную историю болезни этой своеобразной и достойной внимания личности.

Кондрат Малеванный, 48 лет, малоросс, из мещан г. Таращи Киевской губ., неграмотный, женат, имеет 7 детей, колесник, принадлежал к секте штундистов, был доставлен 31 марта 1892 г. в Кирилловские богоугодные заведения, около г. Киева, как больной хроническим помешательством, распространявшим среди народа лжеучение, известное под названием секты малеванцев. В брошюре профессора И. А. Сикорского мы находим следующие сведения о Малеванном, почерпнутые на основании данных исследования в Кирилловских богоугодных заведениях:

---

[1] Сикорский И. А. Психопатическая эпидемия 1892 г. в Киевской губ. Киев, 1893.

«Малеванный — человек худощавый, высокого роста, с резкими чертами лица и резкими решительными жестами, говорит плавно, отчетливо, неудержимо увлекаясь потоком собственной речи.

Родители Кондрата Малеванного злоупотребляли спиртными напитками; сам он, начиная с молодых лет, тоже предавался весьма неумеренному употреблению спиртных напитков, что продолжалось до сорокалетнего возраста его жизни.

Малеванный всегда был чувствительным к действию спиртных напитков, издавна страдал бессонницей, частыми приступами тоски, и ему нередко настойчиво приходила в голову мысль о самоубийстве.

С появлением в юго-западном крае штундовства Малеванный, томившись чувством болезненного беспокойства, искал перемены, и казалось ему, желаемый исход находится в этой новой вере. Малеванный оставил православие и с 1884 г. стал штундистом.

Он сделался ревностным последователем секты, перестал злоупотреблять спиртными напитками, усердно предавался штундовским религиозным упражнениям и среди молитвы и пения легко доходил до экстаза.

Состояние возбуждения, к которому его организм издавна привык и которое в течение многих лет достигалось употреблением спиртных напитков, теперь стало заменяться религиозным упражнением, проповедью и экстазом.

После нескольких лет такой жизни, Малеванный стал страдать галлюцинациями обоняния и общего чувства. Это случилось в 1889 или в 1890 г.

Ему часто во время молитвы чувствовались запахи, не сравнимые ни с каким ароматами на земле, и Малеванный объяснял это необычайное явление близостью Св. Духа. Это был, по мнению Малеванного, запах Св. Духа.

Вскоре затем Малеванный стал испытывать во время молитвы необычайную радость и чувство особенной легкости тела; ему казалось, что он отделяется от земли, вследствие чего он стал во время молитвы невольно поднимать руки, как бы с целью содействовать этому необыкновенному подъему. По словам Малеванного, и сам он чувствовал свой подъем, и окружающие видели, что он отделяется от земли вершков на пять.

Вскоре у Малеванного сформировался бред. Он убеждал, что в нем находится Св. Дух и что все, что он делает и говорит, исходит от Св. Духа.

Он также находится в постоянном и непосредственном общении с Отцом (т. е. Богом-Отцом).

Кроме того, Малеванный считает себя Иисусом Христом — Спасителем мира, Евангельский же Христос, по его мнению, не был исторической личностью, и все сказания о Евангельском Христе суть только пророчества о нем — Малеванном. Доказательства своей божественности Малеванный видит в появлении того, что он называет *«свидетельствами»*, а именно, в поднятии его тела на воздух, в появлении божественных запахов и в появлении ярких звезд, которых никогда раньше не было видно, и которые видел как он

сам, так равно видели в 25 государствах, что, по словам Малеванного, и описано в газетах целого света.

Уже в 1890 г. у Малеванного во время молитвы и поднятия рук стали дрожать руки, а затем дрожания и судороги распространились и на другие части тела.

Малеванный объяснял это вхождением в него Св. Духа, так как, по его словам, он был совершенно непричастен этим движениям, происходившим помимо его воли.

Дрожание и трясение Малеванного, которое нередко было ритмическим, производило большое влияние на простодушных окружающих Малеванного его поклонников.

Во время общих молитв, в ту пору когда Малеванный начинал дрожать (*«трястись»* по местному выражению), у некоторых присутствующих, особенно женщин, являлись также вздрагивания и судороги.

С этого времени вздрагивания сделались почти неизбежной принадлежностью молитвенных собраний, имевших место в присутствии Малеванного, отчасти и без него.

Уже с 1890 г. Малеванный стал заменять молитву, которой прежде предавался, проповедью, в которой он утверждал, что он Спаситель мира, что скоро наступит Страшный суд, в котором он будет судить людей, и потому он приглашал всех к покаянию.

В 1891 г. Малеванный был по распоряжению властей освидетельствован относительно умственных способностей и помещен в психиатрическое отделение при Кирилловских богоугодных заведениях в Киеве.

По тщательному исследованию он оказался страдающим *паранойей*, уже перешедшей в хроническое состояние.

В течение своего более нежели годичного пребывания в больнице Малеванный постоянно обнаруживал описанные выше идеи бреда, по временам был подвержен галлюцинациям и, приходя в возбужденное состояние, импровизировал или чаще цитировал отрывки из того, что когда-либо было им читано и усвоено заучиванием.

Речь его носит характер автоматического потока фраз, сопровождаемых одними и теми же движениями, жестами и интонацией.

Течение его мыслей лишено последовательности. Такой же характер носит и так называемое евангелие Малеванного — это записанная его поклонниками с его слов импровизация, не лишенная лирического оттенка, но лишенная последовательности, логического и грамматического смысла.

При исследовании физического состояния Малеванного обращает на себя особенное внимание извилистость черепных сосудов и налитие их кровью, что особенно резко выражается, как только Малеванный начинает говорить или проповедовать, хотя он при этом и не бывает возбужден. Очевидно, что это налитие кровью не есть следствие эмоционального возбуждения, а должно быть отнесено к другим причинам (вероятно, к алкоголизму, которым страдал сам Малеванный и его родители)».

Так как последователи не оставляли Малеванного в покое и во время пребывания его в Кирилловских богоугодных заведениях

приходили слушать его проповедь к окнам и заборам больницы, то К. Малеванный по распоряжению начальника края был выслан из г. Киева этапным порядком в г. Казань для помещения в Окружную лечебницу, где он и был всесторонне исследован как врачами лечебницы, так и мной.

Здесь мы дополним вышеприведенные данные лишь сведениями из скорбного листа психиатрической клиники при Казанской окружной лечебнице, могущими служить пополнением характеристики болезненного состояния Малеванного, упуская все то, о чем было уже упомянуто нами ранее.

Речь Малеванного и здесь сохранила вышеописанный характер, она была несколько ускорена, не всегда последовательна, пересыпалась иногда извращенными текстами из Священного Писания и вообще носила на себе характер проповеди или поучения. С врачами Малеванный всегда охотно беседовал.

О себе он передал, что с детства был внимательным и задумчивым. Когда он вырос и стал понимать отношения людей друг к другу, то они казались ему странными, повсюду он видел ложь и обман, и это обстоятельство его нередко волновало, и в его уме явились вопросы: почему люди живут так безнравственно, где же Бог, могущий устранить все это и заставить людей жить в мире и согласии.

Недовольный христианской религией, он 10 лет тому назад перешел в секту штундистов и стал еще более задумываться о безнравственной жизни окружающих.

Многих из них он старался помирить: стал восставать против дурных людских отношений и проповедовал всеобщий мир и любовь.

Окружающие стали над ним подсмеиваться и мало-помалу начали его преследовать. Так, например, когда он шел по улице, он замечал, что над ним насмехаются, издеваются, хулят его, клевещут на него и вообще его преследуют.

Это преследование распространилось не только на него, но и на его жену и детей, когда, например, они отправлялись за водой, их бранили и били.

По словам больного, он чувствовал призвание к своей проповеднической деятельности уже 6 лет назад, но в то время не мог еще хорошенько понять, что он будет иметь такое великое назначение и обладать такой божественной силой, какая в нем теперь имеется.

В 1887—88 гг. к нему часто являлись различные лица, по его выражению, философы и миссионеры, то под видом священников, то чиновников из Петербурга и вели с ним беседы.

Во время этих бесед его душа испытывала особенно радостные ощущения, а у беседовавших часто капали слезы от жалости к нему за перенесенные и испытываемые им страдания.

На расспросы о своих преследованиях он иногда заявлял, что все будет подробно описано в пророчествах и что дух божий его называет сыном и уговаривает его без боязни идти всюду, куда бы его ни повели. После этого он стал еще усерднее проповедовать свое учение, заявляя, что все, о чем он говорит, принадлежит не ему, а духу, поселившемуся в нем. С этим духом он вел и теперь

еще часто ведет беседы, причем дух говорит ему обыкновенно не прямо, а примерами.

Полагает, что преследования его происходят главным образом со стороны попов, которые неоднократно приходили к нему, уговаривая принять от них благословение. Но так как все эти уговоры оказались напрасными и совратить с истинного пути его не удалось, то им стало досадно, что Христос проявился не в их среде, а в нем, простом человеке.

Он уверяет, что по подстрекательством попов народ стал преследовать не только его, но и его последователей, а полицейские забирали этих последователей и убивали. Они бы убили и его, если бы имели на то силу. Нередко его уводили в участок и там подвергали мукам.

Однажды его в участке били в продолжение 4 часов, до тех пор, пока сами не устали. Били жестоко, дергали его за голову, за зубы и пр. Видя, что это не приводит ни к чему, они стали ему совать в нос табак и другие гадости, и, несмотря на все эти мучения, он лежал недвижим, и тело его было неуязвимо.

После этих мучений четыре гонителя уверовали в него и заявили, что это не простой человек. Об этом факте, как и о многих других, было предсказано в пророчествах.

Сущность учения Малеванного, как она выясняется по его заявлениям во время пребывания в Казанской окружной лечебнице, заключается в следующем.

Дух Божий от сотворения мира носился над Вселенной, отыскивая безгрешного человека. Этот дух Божий нередко спускался на некоторых людей и отчасти соединялся с ними, вследствие чего они приобретали дар пророчества и писали пророческие изречения, но это соединение было временное, и дух Божий опять витал над Вселенной.

Теперь этот дух Божий сошел и поместился в нем, Кондрате Малеванном, почему он и есть истинный спаситель мира Иисус Христос.

Вследствие этого соединения он получил особенную божественную силу: он, Малеванный, может, например, говорить и проповедовать на всех языках, он обладает способностью угадывать мысли и желания всех окружающих людей и т. п. Все, что бы он теперь ни говорил или делал, принадлежит не ему, а поместившемуся в его теле высшему духу.

Находясь под непосредственным покровительством этого духа, он решил обратить в истинную веру всех неверующих-раскольников.

Раскол, уже приведший к различным религиям на земле, произошел следующим образом.

Было Священное Писание и пророчества, но уже в эти пророчества вкрались ошибки, и одна из самых главных ошибок заключается в том, что везде поставлено слово «было» вместо «будет». Сказано: «был Христос, страдал и умер», а надо читать: «будет Христос, будет страдать и т. д.».

Это Священное Писание всем простым и неопытным людям читать не следует, так как в нем они, как в море или в пустыне,

могут заблудиться или утонуть, а потому люди должны слушать только то истинное толкование, которое дает им он.

Вследствие упомянутой неясности и извращенности пророчества произошло то, что нашлись люди, которые из этого писания начали выбирать только те «штрихи», которые им нравились и были полезны, все же другое, не подходящее, они отбрасывали в сторону.

Таких людей нашлось много, и каждый из них образовал новую, конечно, извращенную религию и стал зазывать к себе в последователи доверчивых людей.

Таким образом сложились магометанская, еврейская, польская, немецкая, православная и многие другие религии, а их хитрые руководители назывались: мулла, раввин, ксендз, поп и т. д.

Люди, как овцы, шли, гонимые каким-нибудь одним заблудившимся пастухом, или как целое стало овец, манимое маленьким кусочком хлеба, не зная куда и зачем, быть может, на бойню, где «толстошейный» поп или ксендз высосет из них кровь в свою пользу.

Далее Малеванный осуждает поступки и действия этих пастырей и ставит вопрос: «Какие же они руководители? Каждый начальник прежде всего должен быть строг и справедлив. Посмотрите, каждый полицейский за какой-нибудь безнравственный поступок тащит человека в часть и там возлагает на него наказание. А поп что делает? Какие грехи ему не говори — он все произносит: „Прощаю и разрешаю — Бог простит“. Что же из этого выходит? Выходит только то, что он потворствует злу».

Малеванный проповедует, что скоро наступит кончина мира, вся жизнь каждого человека, его поступки и грехи будут ясны для всех, как солнечный свет, и они понесут должное наказание; желая спасти этих несчастных, он и обращается к нам с проповедью. Все умершие не воскреснут, а последователи его будут жить вечно.

Он уговаривает всех жить в мире и согласии, ввиду скорой кончины не заботиться о материальном благосостоянии: все лишнее продать, иметь общую братскую кассу, из которой каждый неимущий мог бы брать, сколько ему нужно; оставить полевые и другие работы и все время посвящать молитве и слушанию его божественного слова. Такие последователи нашлись и, собираясь в его доме, подолгу молились. 15 ноября 1889 г. во время такой усердной молитвы со своей братией (человек 18) на нем проявилось чудо-наитие святого Духа. Малеванный поясняет, что это было в присутствии полицейских и других посторонних лиц, причем исполнилось все в точности, как сказано в пророчестве.

Вдруг его голова стала отделяться от тела и невидимой, как бы электрической силой подниматься кверху, тело же оставалось на месте, и руки продолжали быть сложенными на молитву. В сердце ощущалось какое-то особенное радостное трепетание, а в глазах разливался темный цвет; затем голова опустилась снова на свое место, и он продолжал молиться.

На дворе в это время был туман и, несмотря на то, ясно были видны звезды и особенно одна, о которой говорится в Священном Писании, что ее видели волхвы (по Малеванному, неверно: надо

читать «увидят»). Эта звезда была видна во всех 25 государствах, и действительно волхвы-астрономы ее не просмотрели: вскоре из Африки и Америки были получены телеграммы, что появилась новая звезда, доказывающая появление Христа, и мы-де веруем. Эта Вифлеемская звезда стояла над его городом 3 месяца. Эта звезда, как особая благодать Божия, переселилась потом в его тело. Затем впоследствии, когда он был арестован, в киевских газетах было пропечатано, что мы приняли Христа, называемого Кондрат Малеванный.

Далее Малеванный рассказывает, что за 40 дней до этого чудесного над ним проявления он молился и постился. С этого времени он окончательно бросил все свое домашнее хозяйство, потому что при всяком физическом труде у него появлялась сильная слабость и дух, поселившийся в нем, не позволял сосредоточиваться над работой.

Через неделю после первого проявления божественной благодати над ним совершилось второе: его тело начало распинаться: руки были как бы прибиты, а само туловище как бы поднималось в воздухе и слегка покачивалось. В сердце в это время ощущались вопросы и ответы, например, вопрос: какая будет кончина мира? Ответ: будет новый завет, и новая жизнь бесконечная и радостная... В прошлом году, когда он особенно сильно страдал, 17 мая померкла луна, а 25 мая — солнце, это продолжалось недолго и сменилось видением столба, одна половина его была совершенно черного, как смола, цвета, а другая — темно-огненная («как будто огонь был смешан с сажей»). При этом видении в него уверовали некоторые полицейские и сказали: «Действительно он святой человек».

В последнее время появились 4 новые звезды, расположенные на небе крестообразно. Все эти чудеса и знамения предвещают скорую кончину мира. Об этом Малеванный рассуждает так: сейчас по божеству ночь, люди ходят и живут, не зная своего пути — как ночью, но скоро придет время, когда поступки людей так же ясно будут видны, как днем мы видим дорогу, тогда они все познают Бога и будут испытывать духовную борьбу, т. е. муку о своих грехах.

Люди грешные и строптивые будут испытывать эту борьбу в течение 6 лет, а люди, уверовавшие в него, только в течение одного года, потому что их страдания искупил он — Христос, который в течение 40 лет за них проливал в молитве пот и слезы.

По истечении 6 лет, проведенных в посте и молитве, все получат обновление, узнают, что душа их бессмертна, и пойдут в божий мир. Тогда явится божественная сила, не описанная ни в какой книге, бренное тело исчезнет, души не будут переселяться в новые бренные тела, а будут только видимы друг для друга как звезды небесные в бесконечные времена и на бесконечном пространстве.

Все, живущее на земле, умрет и останутся только тела нетленные (камни, деревья и травы). Видимые ныне звезды — это души небесные. В прошедшие времена они иногда испускали свои лучи на избранных людей — пророков и, вследствие вхождения этих

лучей во внутренность таких избранников, они получали дар предсказания.

После вышеуказанных видений и наития на Малеванного Св. Духа число его последователей еще более увеличилось, они шли напролом, не обращая внимание на приставленную к его дому стражу. В силу этого по распоряжению киевского генерал-губернатора он был взят и посажен в Кирилловское богоугодное заведение.

Малеванный сообщил далее, что он имеет жену и 7 детей в возрасте от 7—20 лет. Все его дети обладают пророческим духом и, несмотря на то, что они учились только в простой школе, они обладают большей премудростью, чем все прочие люди, обучавшиеся в высших учебных заведениях. Далее он заявляет, что ежедневно он испытывает на себе проявление благодати Божией. На вопрос, в чем эта благодать выражается, он ответил, что ежедневно он в сердце и внутренностях испытывает до 1000 изменений: то скорбь, то радость безграничную, то муки. Ежедневно он по нескольку раз как бы умирает и воскресает, когда у него является тоска, то это состояние он отождествляет со смертью, наоборот, радость — с воскресением.

Его душа ежедневно невидимо обновляется, и из его тела расходится особенный, наподобие электричества, свет, видимый только истинно верующим на несколько тысяч верст; этот свет напоминает им о тех муках, какие он за них испытывает.

Среди окружающих он не имеет ни одного последователя, их сердца настолько загрубели, что они не в состоянии понять его божественные слова, это его еще более мучает, и жить среди этих чудовищ, как он выражается, крайне тяжело. Он успокаивает себя только мыслью, что скоро наступит Страшный суд и будет представлена книга, в которой с замечательной точностью будут описаны все его мытарства.

Окружающие суть не люди, а чудовища, надевшие только маску человека. Если бы эти чудовища были дикие животные, без речи, он жил бы с ними дружно, как с овцами, но так как они ежечасно произносят яд своими языками (ругаются), то он не может с ними жить в дружбе.

Но еще хуже «этого яда языка» их помыслы и желания, которые ему так же ясны, как и их дерзкие слова. Хотя он и находится здесь, в Казанской лечебнице, тем не менее его дух постоянно раздает приказания во все концы мира, и все они исполняются, летом он слышит исполнение своих приказаний в громах и молнии, теперь же, когда этих явлений природы нет, ему сообщает об этих исполнениях тот же дух, который в нем поселился. С этим духом он ведет постоянную беседу и получает ответы, ощущаемые, однако, не органом слуха, а умом.

Малеванный заявляет, что если бы он запел в присутствии своей братии, то врач и вся Вселенная затрепетали бы, но без его последователей ему запретил петь Тот, Кто в нем находится — Бог-отец, Сын и Дух Святой.

Врачу он это сообщил под некоторым секретом, будто бы из нежелания самого себя прославлять; об этом засвидетельствуют и скажут другие.

Далее Малеванный сообщил, что еще в 1891 г. в мае месяце он видел, как его руки поднимались высоко в воздухе, они касались даже туч, воздух при этом был темно-красного цвета. Вначале была полная тишина, потом послышался голос: «Готовься к смерти!» — при этих словах его рубашка моментально была с него снята воздухом. Потом снова голос: «Приготовь и семью твою — пусть наденут белые рубашки, хотя и тяжело мне, но я погублю весь мир, а тебя с твоим семейством восхищу в неприступный свет, и ты будешь жить, как свет солнца, луны и звезд».

Это говорил какой-то дух, который то входил, то исходил из его тела.

При этом духи моря, молнии, громов, ветра и других говорили ему, Малеванному, что им приказано не спасать живущих на земле людей, а губить.

Когда он услышал эти слова, у него явилось сильное сожаление, и он в течение 40 дней и ночей постился и молился и вот, вследствие этой молитвы, сначала выхлопотал спасение только своим последователям, а в 40-й день — спасение и всей России.

Надо заметить, что какую бы тему ни взять для разговора, Малеванный непременно постарается перевести ее на духовное содержание и тогда, переходя от одного вопроса к другому, готов беседовать по целым часам.

Будучи спрошен, например, об окружающих больных, он ответил, что смотрит на них как на отступников Божиих; по его рассуждению в каждом человеке должна присутствовать искра Божия, и вот от некоторых людей эта искра отступилась вследствие их греховности, от других вследствие греховности их родителей. Такие люди без этой искры не могут рассуждать по закону и вследствие этого размещаются по сумасшедшим домам, тюрьмам и острогам. Это «клятвопреступники, одержимые бесом». Когда его спросили, зачем же он помещается здесь, Малеванный с улыбкой ответил, что он помещается совсем по другому поводу: во-первых, потому что он должен испытать все муки и гонения, а во-вторых, так сказано в пророчествах, что он должен помещаться в Казанской лечебнице.

Это он выводит следующим образом: «Были пророчества и *предсказания*, в этом-то последнем слове и есть уже намек на его помещение в Казанской лечебнице: *предсказание, сказание, казание, Казань*».

Когда зашел разговор о других физических заболеваниях, то Малеванный объяснил их следующим образом: «Когда человек живет в грехе, он редко страдает телесно, но вот у него начинается внутренняя борьба, наступает раскаяние в грехах, он колеблется, ему хочется жить духовно, но его преодолевает телесная немощь, вследствие этой борьбы он теряет сон, аппетит, его здоровье вследствие этого расстраивается, кровь волнуется, появляется воспаление костей и крови, а вследствие всего этого уже какое-нибудь физическое заболевание — тиф, горячки, лихорадки, нарывы и т. п.».

Видя припадок эпилепсии, Малеванный заявляет, что душа этого человека, почувствовав близость его, т. е. Малеванного, желает избавиться от своей темницы, т. е. грешного тела, «это она трепещет и радуется, желая снова обращаться в звезду той или другой ясности».

Нужно заметить, что звезды более ясные, по Малеванному, это души более добродетельных людей, менее ясные — менее добродетельных.

Появление холеры Малеванный объясняет наказанием Божиим, она поражает только клятвопреступников и вообще людей грешных, она будет продолжаться до тех пор, пока он — Христос — не погубит ее. На вопрос, скоро ли это случится, уверенно отвечает, что скоро.

Холере дана власть царствовать на земле, пока Христос не прославится в славе Божией. Он скоро будет исцелять не только холерных, но и одержимых всеми другими заболеваниями, хромых, слепых и увечных.

Говорит, что откровений у него и в настоящее время имеется много, но заявлять он может только о прошедших, о настоящих же и будущих ему пока еще запрещено говорить. Беседуя с врачом, он полагает, что это дух врача желает обновиться его божественным словом, и желает, как всякий беседующий с ним, избавиться на Страшном суде от мук.

У Малеванного имеется много и других бредовых идей; например, о переселении душ; о том, почему все государства названы женскими именами: Россия, Англия, Америка, Азия и пр. Его дух может назваться премудрым плавальщиком, он носился над всеми государствами и везде тем или иным способом проявлял себя в различных мудрых лицах, теперь же, как предсказано в пророчествах, вселился в него, по телу простого человека, Кондрата Малеванного. Это дух Сына Божия, дух Христа вселенской церкви, как называет его вся община истинной веры.

Кроме того, Малеванный рассказывает, что 6 лет тому назад к нему приходил Иоанн Креститель под видом кронштадтского солдата. Этот солдат показывал ему свой билет и просился переночевать. Что это Иоанн Креститель, ему тогда сказал его дух.

Слыша церковное пение в лечебнице, Малеванный осуждает обрядовую его сторону, говорит, что это делается с целью, чтобы представить ему больше муки, и вообще многие факты окружающей его жизни он старается связать со своим религиозным бредом. Он держит себя крайне однообразно — работой не занимается, только с некоторыми из больных, которых он признавал за здоровых, вел беседы духовного содержания, советуя вести себя скромно, помогать друг другу. На счет духовенства говорит, что они извратили религию, что не нужно креститься, так как это противно Евангелию. О себе заявляет, что он не грамотен, но что вследствие божественного наития он обладает такой премудростью, что если бы в числе его последователей нашлись лица, не знающие русского языка, то Дух вразумил бы его и он заговорил бы на неизвестных ему языках. С врачом охотно беседует, выдавая себя за проповедника. Ждет

скорой кончины мира; тогда, по его мнению, для всех будет ясно, что он Христос — Спаситель мира.

Будучи приглашен в конце января на обычное совещание врачей, где производится разбор больных лечебницы, Малеванный с чувством рассказывал о своей проповеднической деятельности.

Из предварительных сведений, присланных в Казанскую окружную лечебницу, отметим следующее: «Ранее Малеванный помещался в киевском Кирилловском богоугодном заведении, куда был доставлен 31-го марта 1892 г. за лжеучение так называемой секты малеванцев.

Вследствие его учения его последователи оставили все свои полевые работы, распродавали имущества, проводили время только в еде и молитве и ожидали скоро кончины мира.

Одна женщина в припадке фанатизма задушила свою шестилетнюю дочь. Последователей Малеванного было более тысячи, и они считали Кондрата за Христа.

В скорбном листе Киевской лечебницы отмечено, что *проповедовать он начал после внушения этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особой силы.*

Вскоре после наития на нем проявилось знамение его божественного избрания, выразившееся, по его словам, в том, что он незримой силой был поднят от земли вершков на 5, что будто бы видели и окружающие.

Во время самого знамения и два дня спустя он испытывал особенное радостное ощущение в своем сердце, в последующие же дни появилась тоска. После этого знамения число его последователей заметно увеличилось».

Нужно заметить, что изложенный выше бред представляет собой несколько скомбинированный результат многократных бесед с Малеванным, так как речь его часто не имеет строгой логической связи и он не в состоянии в течение продолжительного времени поддерживать один связный разговор.

В приведенных выдержках из истории болезни Малеванного яркими красками обрисовывается его религиозный бред, который с течением времени под влиянием тех или других окружающих условий, понимаемых Малеванным как знамение свыше, еще более укрепился и развился в разных направлениях, сохранив, однако, все свои основные черты.

Мы не будем касаться здесь вопроса о происхождении и развитии бреда и галлюцинаций у Малеванного, страдавшего так называемым первичным сумасшествием или паранойей, так как вопрос этот может интересовать более всего специалистов, но отметим здесь приведенное выше указание, что «проповедовать начал Малеванный после *внушения* этой мысли свыше, когда он почувствовал в себе присутствие какой-то особенной силы».

Очевидно, что мы имеем здесь дело с внушающим влиянием обманов чувств, которое наблюдается и в других случаях и на которое я обратил внимание в одной из недавних своих работ.[1]

---

[1] См.: Бехтерев В. М. О внушающем влиянии слуховых обманов чувств // Обозрение психиатрии. 1896. № 11.

Нельзя сомневаться в том, что обманы чувств, возникая из бессознательной сферы, нередко действуют на психическую сферу, подобно всякому постороннему внушению, и вызывают влечения и побуждения, против которых человек не в состоянии бороться, как и против действительных внушений.

Очевидно, что в этом отношении и галлюцинации Малеванного, действуя на его психическую сферу подобно внушению и подчиняя его сознание, привели его к тому проповедничеству, последствия которого мы знаем.

Если бы мы ближе вошли в развитие бреда Малеванного, то мы заметили бы, что эти галлюцинации в свою очередь до известной степени обязаны *самовнушению.*

Будучи субъектом, предрасположенным уже с раннего возраста, он ослабил свою нервную систему злоупотреблением спиртными напитками, после чего, перешедши в штундизм, начал усиленно предаваться молитве и религиозным упражнениям, причем здесь во время молитвы и религиозного экстаза начали у него впервые появляться обманы чувств в виде запахов, не сравнимых ни с какими ароматами на земле.

Таким образом, долго работавшая в религиозном направлении мысль во время подъема душевной деятельности, обусловленного религиозным экстазом, вылилась в форме, соответствующей религиозному чувству галлюцинации, которая, таким образом, является обязанной самовнушению, обусловленному господством в сознании религиозных идей. Последующие затем галлюцинации об отделении тела от земли, очевидно, также обязаны в значительной мере самовнушению, поддерживаемому чувством особой легкости тела, сопровождающем религиозный экстаз и умиление.

Таким образом, здесь, как и в других подобных случаях, обманы чувств обязаны своим происхождением в значительной мере самовнушению, и нужно иметь в виду, что этот род происхождения обманов чувств в той форме болезни, которой страдает Малеванный, представляется далеко не редким, на что, однако, до сих пор недостаточно обращалось внимания.

Появление такого рода обманов чувств в свою очередь действует на сознание подобно внушению и, укрепляя бред, вызывает побуждения, которым больной вполне подчиняется.

Таким образом, явление, в известной мере обусловленное самовнушением, само действует подобно внушению. Но таков уже закон взаимодействия явлений в нашем организме, благодаря которому развивается столь губительно действующий circulus vitiosus.

Как бы мы вообще ни смотрели на основной характер болезни Малеванного, нельзя не признать, что в отдельных ее проявлениях играло известную роль самовнушение или внушение и, между прочим, наклонность к проповеднической деятельности обязана внушающему влиянию обманов чувств, которым он был подвержен.

Для всякого непосвященного наблюдателя может, конечно, показаться странным, что заведомо душевнобольной, каким является Малеванный, мог найти себе поклонников, хотя бы и из простого народа.

Как бы ни был не развит наш народ, но он чуток к основным религиозным догматам и логическим путем всегда с негодованием отвергнет мысль, что какой-то безграмотный мещанин является Христом, Богом-Отцом, Духом Святым, а евангельский Христос есть только миф.

Но внушение делает другое и вопреки здравой логике укрепляет в окружающих Малеванного лицах, склонных к религиозным возбуждениям, те самые мысли, которые проповедует Малеванный как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающим. В результате развивается психопатическая эпидемия, принявшая грозные размеры и потребовавшая вмешательства властей.

По описанию профессора И. А. Сикорского, эта эпидемия, охватившая население до 1000 человек, проявилась в ненормальном настроении духа, выражавшемся необычайным благодушием, нередко переходившем в экзальтированное радостное состояние, не обусловленное какими-либо внешними мотивами, вообще жизнерадостным настроением и особенной чувствительностью.

Точнее выражаясь, малеванцы чувствовали себя, как беззаботные дети, находящиеся в радостном или праздничном настроении духа.

Их идеи, а равно и поступки и действия вполне соответствуют их жизнерадостному настроению. Считая Малеванного за Спасителя и веря его проповеди, они живут в ожидании кончины мира, которую признают благоприятной переменой своего существования. Человек тогда не будет умирать, не будет ни заботиться, ни трудиться, так как все за него будет устроено Богом.

Они признают себя избранниками ввиду того, что они первые приняли новую веру и поэтому получат лучшую часть в будущем; тогда как все те, кто не хотел уверовать, будут осуждены на Страшном суде.

В силу этих ожиданий Страшного суда они отказываются от труда и заботы, предоставляя и то и другое неверующим; они продали или раздарили свое имущество, дабы не иметь в этом отношении никаких забот.

Свои поля они оставили необсемененными под влиянием той же идеи предстоящего Страшного суда. Дело дошло до того, что многие даже продали молочный скот и стали покупать молоко для своих детей у православных.

На вопрос о причине безделья со стороны малеванцев можно было получить иногда следующий характерный ответ:

«Если в мое сердце Отец или Дух (т. е. Отец небесный или Дух Святой) вложит желание, я исполню это желание».

Точно так же в объяснение своих нелепых или бессмысленных поступков нередко можно было слышать не менее характерное заявление:

«Я чувствую, что Отец внушил мне, я чувствую, что Он побуждает меня так поступить» и т. п.

Дальнейшей особенностью малеванцев является состояние психической усталости, пассивности или задержки воли с преобладанием над ней чувства. В силу этого малеванцы отличаются уступчивостью, слабостью, бездеятельностью, недостатком сдерживающей воли и неспособностью подавлять слезы. Душевнобольной Малеванный, по

мнению малеванцев, есть истинный Бог и Спаситель мира, который установит новый порядок устройства Вселенной, в силу чего Малеванный сделался предметом богопочитания. Вместе с тем резкую болезненную особенность малеванцев представляют обманы чувств и судорожные движения.

По словам профессора И. А. Сикорского, «размеры, в которых малеванцы подвержены галлюцинациям, можно назвать исключительными. Галлюцинации относятся главным образом к сфере обонятельной. Таких лиц среди малеванцев, которые не имели бы галлюцинаций, немного; большая часть имеет галлюцинации по временам».

Нередко галлюцинации обоняния будят спящего человека, и он просыпается, чувствуя дивные запахи и испытывая необыкновенную радость.

Обыкновенно появившееся таким образом радостное состояние уже не покидает человека.

У многих галлюцинации повторялись часто.

В общем «до 80% исследованных лиц имели галлюцинации обоняния, из которых многие описывают свои галлюцинации весьма подробно». «Случалось, что в присутствии комиссии, посещавшей малеванцев, особенно среди религиозного или молитвенного настроения, многие из них одни за другими начинали жадно обнюхивать свои руки, свое платье, окружающий воздух и прочие предметы, ища источник приятных запахов, которыми, как им казалось, наполнено было помещение. По рассказам всех, имевших обонятельные галлюцинации, запахи были приятными. Одни называли эти запахи сладкими, другие ароматическими, иные неземными, божественными, иные, наконец, заявляли, что „пахнет Св. Духом“».

«Второе место после обонятельных галлюцинаций у малеванцев занимали галлюцинации общего чувства, например, чувство легкости, воздушности своего тела, или его бестелесности, чувство как бы отделения от земли и поднятия на воздух.

У некоторых малеванцев случались галлюцинации слуха и зрения (слышание повелений Бога, шепот Св. Духа, видение отверстого неба и его небожителей, появление звезд разнообразных цветов, необыкновенной величины и ярких или необычное озарение и прыгание звезд и т. п.).

У большей части малеванцев галлюцинации являлись эпидемически, один-два раза, и затем исчезали, а у некоторых галлюцинации возобновлялись время от времени; у немногих, наконец, галлюцинации оставались в виде постоянного симптома».

Наблюдаемые у малеванцев «судорожные движения проявляются в трех видах. Наименее частый вид судорог это — крик, хохот, всхлипывание, судорожные слезы, икота, отрыжка и иные судорожные формы, свойственные малой истерии.

Но самой частой формой судорог являются также свойственные большой истерии разнообразные ритмические и подражательные движения, соответствующие различным профессиональным и привычным движениям и жестам, большей частью однообразным у одного и того же лица.

Хотя истерические судороги весьма различны по своему внешнему виду, но наиболее часто наблюдается следующая общая картина.

Среди общего шума, крика и беспорядка одни падают, как сраженные молнией, другие настороженно или жалобно кричат, плачут, прыгают, хлопают в ладоши, бьют себя по лицу, дергают себя за волосы, стучат в грудь, топают ногами, пляшут, издают всевозможные звуки и возгласы, отвечающие разнообразным эмоциональным состояниям радости, счастью, отчаянию, страху, ужасу, удивлению, мольбе, выражению физической боли, обнюхиванию, смакованию и т. д., то, наконец, подражают собачьему лаю, конскому ржанью и другим диким звукам». «Судорожные движения нередко длятся до изнеможения субъекта».

Нетрудно видеть, что как настроение духа, так и ряд бредовых идей, а также обман чувств и, наконец, судорожные проявления в общем носят такое сходство как между собой, так и с явлениями, обнаруживаемыми распространителем секты, Малеванным, что не подлежит сомнению, что мы имеем здесь дело с явлением прививным, т. е. обусловленным преимущественно взаимовнушением и самовнушением.

Профессор И. А. Сикорский, бывший на самих радениях, или молитвенных собраниях малеванцев, сам высказывается в том смысле, что, вероятно, у некоторых субъектов, особенно среди общих молитвенных собраний, обонятельные галлюцинации возникают путем внушений. Но, прибавляет он, «несомненно, что у весьма многих малеванцев галлюцинации совершенно самостоятельны и непосредственны и обусловливаются лишь состоянием организма и нервных центров, а не внешними воздействиями».

С этим последним объяснением, однако, вряд ли можно согласиться безусловно. Не подлежит сомнению, что состояние организма и нервных центров составляет благоприятную почву для развития психопатологических явлений, но характер последних, т. е. настроения, бредовых идей и галлюцинаций, в данном случае представляет в такой степени стереотипное сходство даже в мелочах, что признать их самостоятельными, а не обусловленными, по крайней мере в значительной мере, взаимовнушением или самовнушением представляется невозможным. Равным образом и проявление судорог носит несомненные признаки зависимости их от взаимовнушения и самовнушения, как видно из самого развития их на молитвенных собраниях.

По заявлению профессора И. А. Сикорского, «сами малеванцы придают значение судорожным проявлениям, считая их несомненным действием божественного начала в человеке.

Находясь на молитвенных собраниях, они ждут наступления судорог у кого-либо из присутствующих, радуются виду судорог, оживляются и восторгаются картиной судорог и при первом появлении судорог во всем собрании начинается общий подъем возбуждения и ликования.

Обыкновенно судороги появляются у малеванцев, когда они становятся на молитву, реже при других условиях.

Но особенно часты и сильны бывают судороги в собраниях; всего же резче они проявляются в общих молитвенных собраниях», когда условия для взаимного внушения становятся наиболее благоприятными.

О значении самовнушения и внушения в развитии судорог свидетельствует, между прочим, тот факт, что, несмотря на заразительность истерических припадков для взрослых, особенно мужчин, на детях они отражаются весьма мало, в особенности в возрасте от 3 до 8 лет. Это обстоятельство легко уяснить себе, если принять в соображение, что дети в вышеуказанном возрасте не могут проникнуться тем же религиозным возбуждением, как и взрослые, и, само собой разумеется, не могут также усвоить себе идею, что судороги являются свидетельством сошествия Св. Духа на человека.

Равным образом, следя за развитием отдельных случаев помешательства во время этой психопатической эпидемии, нетрудно убедиться, что, благодаря необычайной психической восприимчивости, и здесь большое значение имеет как внушение, так и самовнушение. Прежде всего, читая описание этих случаев, нетрудно убедиться в большом сходстве психопатических явлений, особенно бредовых идей и обманов чувств, наблюдаемых у различных лиц, с теми явлениями, с которыми мы познакомились у душевнобольного Кондрата Малеванного. С малыми различиями здесь дело идет также о повышенном настроении духа, об ощущении радости в сердце, о превращении своей личности в святого или пророка, о слышании приятных неземных запахов, об отделении тела от земли, о тех или других видениях на небе, о слышании небесного голоса, о просветлении ума и об уразумении евангельских и библейских истин, о призвании к покаянию, о повелении проповедовать и пр. и пр. Благодаря восприимчивости такого рода психических натур, нетрудно проследить и в отдельных случаях, какую огромную роль играет внушение или самовнушение в развитии их болезненных проявлений.

Вот, например, образчик внушающей силы галлюцинаций, которым был подвержен один из малеванцев, крестьянин Ефим К. В течение около 5 лет, подвергаясь волнениям и колебаниям по вопросу о переходе в штундизм, из которого затем в апреле 1892 г. он перешел в малеванство, в мае 1892 г., вскоре после перенесенного им сочленовного ревматизма, он начал подвергаться зрительным галлюцинациям. Однажды ему показалась на небе синяя книга с большими буквами, в другой раз он видел, как звезды сблизились и сгруппировались в одну корону. Со времени перехода его в малеванство, т. е. с апреля 1892 г., его часто начали тревожить сновидения, происходившие в состояниях неглубокого сна, во время которых он видел Спасителя, т. е. Малеванного.

Во время одного из таких сновидений он услышал голос: «Пойди, зажги свою избу и гумно, и тогда все уверуют, что эта вера (т. е. малеванщина) есть вера истинная». Это повеление начало тревожить его сердце в такой степени, что он среди дня произвел поджог, от которого сгорела его усадьба вместе с избой соседа.

Очевидно, что галлюцинация здесь подействовала совершенно подобно внушению, и трудно было бы найти какое-либо различие

между искусственно произведенным внушением и тем внушением, которое производят галлюцинации. Можно разве допустить, что галлюцинации, благодаря совершенно скрытому от субъекта их происхождению, еще сильнее подчиняют сознание, нежели посторонние внушения.

Вообще надо заметить, что как в отдельных случаях, так и в целой массе развитие психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, в значительной мере обязано внушению, взаимовнушению и самовнушению. При этом мы ничуть не отрицаем важности и влияния целого ряда указываемых профессором И. Сикорским нравственных и физических факторов (развитие штундизма, алкоголизм населения и пр.), составляющих благоприятную почву для развития эпидемии в населении; но несомненно, что непосредственным и главным толчком к развитию последней на подготовленной уже почве служило внушение в той или другой форме. Только этим путем и можно объяснить себе тот с первого взгляда непонятный факт, что родоначальником малеванщины и ее распространителями явились лица помешанные. Как справедливо замечает профессор И. А. Сикорский, «население, увлеченное брожением, усвоило себе парадоксальное параноическое мышление и логику помешанных и в силу этой болезненной логики стало разрешать основные вопросы жизни и религии при помощи сравнений и пустой игры слов».

Бред и болезненная логика помешанных явились образцом мудрости и подражания для населения, которое раньше обнаруживало здравую логику и здравое мышление.

Это объединение здоровых с помешанными на почве болезненной логики является в истории человеческой мысли фактом глубоко интересным и в некоторых отношениях загадочным. То, что случилось на наших глазах, случалось и раньше, и чтобы не приводить многих примеров, сошлемся на факт, что некоторые действия Парижской коммуны 1871 г. были плодом распоряжения помешанных, которым толпа повиновалась слепо (Laborde).

Мы не без цели остановились несколько дольше на этой своеобразной, так недавно пережитой нами психопатической эпидемии, известной под названием малеванщины, так как и сам Малеванный, основатель секты малеванцев, был подробно мной изучен как душевнобольной при чтении клинического курса в Казанской окружной лечебнице и, с другой стороны, развитие всей эпидемии на месте было так подробно и обстоятельно изучено профессором психиатрии И. А. Сикорским.

Таким образом, эпидемии этой, в смысле ее изучения, посчастливилось наверное более, чем какой-либо другой. А между тем составляет ли она что-нибудь исключительное, не повторявшееся в другие времена и при других условиях? Ничуть не бывало. В этом отношении я вполне разделяю мнение профессора И. А. Сикорского, по которому нечто вполне аналогичное мы встречаем у некоторых наших сектантов, особенно хлыстов, духоборцев и скопцов. Знакомясь ближе с так называемыми радениями у хлыстов, нетрудно усмотреть в них сходственные и даже в известном отношении тождественные

явления с тем, что представляет проявление большой истерии на радениях малеванцев. Следя за описанием радений и плясок хлыстов, мы встречаемся здесь с тем же повышением душевного настроения, с развитием психического экстаза и судорог такого же рода, какие мы встречаем и у малеванцев.[1] У хлыстов мы встречаем даже радения и пророчества, вполне напоминающие нам вышеописанные радения малеванцев. Равным образом и описание радений и кружения с прорицаниями, судорожными и обморочными припадками у скопцов совершенно напоминают нам явления, наблюдавшиеся у малеванцев.[2]

Существует даже тождество в основных верованиях малеванцев и хлыстов, а именно в возможности непосредственного общения человека с Богом в форме вхождения Св. Духа в человека во время истерических конвульсий. По словам П. А. Сикорского, «этого входящего духа чувствуют одинаково и хлысты, и малеванцы. По мнению тех и других, дух обозначается судорогами и трепетанием. Весьма интересно, что даже возгласы, употребляемые в экстазе малеванцами: „Ой дух, ой дух!» — тождественны с хлыстовскими». По мнению этого автора, как у малеванцев, так и у хлыстов радения и религиозные упражнения стоят в тесном соотношении с истерией, которая, как мы знаем, благоприятствует развитию галлюцинаций, судорог и иных нервных припадков, признаваемых теми и другими за наитие Св. Духа, и которая дает столь благоприятную почву для внушения. Радения же этих сект составляют весьма благоприятную почву для развития как путем внушения, так и путем самовнушения истерических болезненных проявлений, признаваемых божественными.

Нам кажется, что в этом взаимовнушении заключается не несущественная доля той притягательной силы, какую имеют радения для малеванцев, хлыстов и скопцов — этих представителей сект, имеющих несомненно патологическую основу.

Обыкновенно принимают, что страсть к этим радениям объясняется преспективой ожидаемого экстаза радости.

Это объяснение, бесспорно, имеет свою реальную основу, но вряд ли только одной перспективой ожидаемого экстаза радости, обусловливаемого, как думают некоторые, движением, может быть объяснено неудержимое влечение этих сектантов к своим радениям.

По крайней мере не меньшую роль играет в этом отношении, на мой взгляд, то взаимовнушение, которое на таких радениях производится отдельными членами друг на друга и которое поднимает чувство восторга и упоения в них до необычайного напряжения, недостигаемого при иных условиях отдельными членами. Это же взаимовнушение сплачивает отдельных членов сект на радениях в одно целое, в одну личность, живущую одной мыслью, произносящей одни и те же возгласы, исполняющей одинаковые по существу жесты и телодвижения.

Естественно, что это целое, являющееся источником недосягаемых наслаждений, столь притягательно для отдельных членов, что за-

---

[1] См.: Кутепов. Секта хлыстов и скопцов. Казань, 1882.

[1] См.: Кельсиев. Сборн. Прав. распоряжений о расколе. 1862. Т. 3—4.

ставляет их, несмотря на строгий запрет закона, под тем или другим предлогом устраивать свои радения и являться на них даже за десятки верст.

С другой стороны, в этой притягательной силе радений и молитвенных собраний вышеуказанных сектантов заключается, между прочим, в значительной мере и необычайное упорство этих грубых сект, с которыми оказывается бессильной борьба правительства и духовенства.

Быть может, найдутся лица, которые в развитии вышеуказанных эпидемий будут обвинять прежде всего невежество грубых масс народа, нашу культурную отсталость. Несомненно, что эти условия имеют неоспоримое влияние на развитие психопатических эпидемий, подобных вышеуказанным. Но они отражаются лишь на внешней форме и на внутреннем содержании таких явлений, но не более.

При большем умственном развитии, при большей культурности населения подобного рода психопатические явления с таким, если можно так выразиться, грубым содержанием, без сомнения, невозможны. Но в другой форме психопатические эпидемии являются вполне возможными и в интеллигентной части общества.

Всякий, вероятно, помнит, с какой чудовищной силой еще так недавно начал развиваться мистицизм в интеллигентной части нашего общества и как быстро вместе с тем начала развиваться настоящая спиритическая эпидемия. А между тем, что такое спиритизм и его позднейшее видоизменение, известное под названием теософизма? Не есть ли это также своеобразное общественное явление, которое если не по внутреннему содержанию, то во внешности родственно сектам хлыстов, духоборцев и малеванцев, допускающим реальное общение с духом. В этом отношении нельзя не согласиться с метким сравнением, которое сделано профессором И. А. Сикорским:

«Вера спиритов в духов, в возможное общение с ними и в существование способов узнать через посредство духов прошедшее, будущее и недоступное настоящее, — вся эта спиритическая догматика чрезвычайно сходна с догматикой скопцов, хлыстов и малеванцев.

Вера спиритов в духов основывается, как и у сектантов, на факте экстатических состояний, в которых медиумы могут писать, произносить слова или делать что-либо недоступное им в обыкновенных состояниях, и это недоступное спириты приписывают манипуляциям постороннего духа, действующего через организм медиума или иным путем.

Подобно тому как хлысты или малеванцы, прорицая, произнося известные слова и делая телодвижения, не сознают их или по крайней мере не признают как собственные, а напротив, признают их чужими себе, совершающимися волей вошедшего извне духа, так же точно и пишущий или вертящий столом спирит не признает этих действий за свои, а относит их к действию постороннего духа, который управляет им как простым орудием».

«Относя к одной общей категории малеванцев, хлыстов и спиритов, мы не можем не закончить этого сравнения сопоставлением скопческих и хлыстовских *прорицаний* с *откровениями* спиритов.

Если первые большей частью лишены смысла или по крайней мере не возвышаются над уровнем заурядного человеческого разума, то и все то, что успели сообщить спиритам их духи, совершенно посредственно или ничтожно и по справедливому замечанию английского мыслителя „не может быть поставлено выше самой пошлой болтовни (Карпентер)“».

Итак, возникновение психопатических эпидемий, подобных вышеописанным, возможно и в интеллигентном классе общества, в котором одним из стимулов к их развитию и распространению служит также внушение, производимое устно и печатно. Надо, однако, иметь в виду, что психическая зараза проявляется не только распространением психопатических эпидемий, но и распространением психических эпидемий, которые не могут считаться патологическими в узком смысле слова и которые, несомненно, играли большую роль в истории народов. Такого рода психические эпидемии происходят и в современном нам обществе и притом не особенно редко. Один из ярких примеров психических эпидемий, правда, кратковременного свойства, представляет то, что называется паникой. Эта психическая эпидемия развивается в народных собраниях, когда вследствие тех или других условий к сознанию массы прививается идея о неминуемой смертельной опасности.

Кто переживал вместе с другими панику, тот знает, что это не есть простая трусость, которую можно побороть в себе сознанием долга и с которой можно бороться убеждением. Нет, это есть нечто такое, что охватывает, подобно острейшей заразе, почти внезапно целую массу лиц чувством неминуемой опасности, против которой совершенно бессильно убеждение и которое получает объяснение только во внушении этой идеи, путем ли неожиданных зрительных впечатлений (внезапное появление пожара, неприятельских войск и пр.) или путем слова, злонамеренно или случайно брошенного в толпу. Из лиц, бывших на театре последней русско-турецкой войны, многие, вероятно, вспомнят при этом случае о тех паниках, которые неоднократно охватывали население Систова во время нашего Плевненского сидения.

Так как паника касается чувства самосохранения, свойственного всем и каждому, то она развивается одинаково как среди интеллигентных лиц, так и среди простолюдинов. Условиями же ее развития должна быть неожиданность в появлении всеми сознаваемой опасности, на каковой почве достаточно малейшего толчка, действующего подобно внушению, чтобы развилась паника. Так как чувство самосохранения свойственно и животным, то понятно, что паника возможна и среди животного царства. В этом случае могут быть приведены поразительные примеры развития таких паник при известных условиях среди домашних животных, которые называются стампедами и которые приводят к не менее печальным последствиям, нежели людская паника. Известны примеры, что целые стада домашних животных под влиянием таких стампед погибали в море. Но возвратимся к паникам, развивающимся при известных условиях среди людей.

Однажды мне самому, во время моего студенчества, пришлось вместе с другими товарищами пережить панику, и я думаю, что хотя бы краткое описание того случая не лишено известного интереса в связи с рассматриваемыми нами явлениями.

Дело было в течение зимы 1875/76 г., когда произошел взрыв от случайного воспламенения 45 тысяч пудов пороха на пороховом заводе близ Петербурга. Все, жившие в то время в Петербурге, вероятно, помнят тот страшный звук, который произошел от этого взрыва и от которого полопались стекла в значительном числе домов набережной Большой Невы. Мы сидели в то время на лекции покойного профессора Бессера в аудитории одного из деревянных бараков, занятых его клиникой.

Вдруг во время полного внимания всей аудитории раздался оглушительный звук, потрясший все здание барака до его основания. В эту минуту никто не мог понять, что такое случилось. Мне показалось, что должен рушиться потолок здания и я, сидевший впереди всех у окна, невольно поднял на мгновение голову к потолку; тотчас же после этого я услышал непонятный для меня шум в аудитории и, обернувшись, я увидел, что все сидевшие в аудитории оставили скамьи и ринулись к дверям, давя друг друга и перепрыгивая по скамьям. Увидев всех бегущими, я сам направился к дверям, хотя проникнуть через них, вследствие большого стеснения товарищей в дверях, не представлялось уже возможным. Впрочем, паника прекратилась тотчас же, как только аудитория почти вполовину очистилась. Тогда, очнувшись, никто не знал в чем дело и никто не мог себе отдать ясного отчета, почему он бежал вместе с другими. Все сознавали, что, однако, произошло что-то такое, что, казалось, могло угрожать разрушением всего здания. К счастью, все обошлось благополучно, и лишь некоторые пострадали при давке, отделавшись ушибами, вывихами рук и другими несерьезными повреждениями.

В этом случае причиной паники явились два момента: внезапный и сильнейший стук, потрясший все здание и вселивший ужас в массу слушателей, а с другой стороны, невольный взгляд одного из слушателей к потолку, внушивший или укрепивший идею о разрушении здания.

Подобные паники случаются вообще нередко при всевозможных случаях, внушающих мысль о неминуемой опасности и, как известно, нередко являются причиной огромных бедствий. Всякий знает, что в театрах, церквах и в других многолюдных собраниях достаточно произнести слово «пожар!», чтобы вызвать целую эпидемию страха или панику, быстро охватывающую все собрание и почти неминуемо приводящую к тяжелым жертвам. Случившаяся недавно катастрофа на благотворительном базаре в Париже дает наглядное представление о тех ужасных последствиях, к которым приводит паника.

Так как паника является следствием внушенной или внезапно привитой мысли о неминуемой опасности, то очевидно, что никакие рассуждения и убеждения не могут устранить паники до тех пор, пока сама очевидность не рассеет внушенной идеи. Вот почему

военачальники более всего опасаются развития паники в войсках, обычно ведущей к печальным последствиям.

В зависимости от условий, содействующих устранению внушенного представления о неминуемой опасности, стоит и продолжительность паники; иногда она является лишь кратковременной, в других случаях более продолжительной и, следовательно, более губительной.

Но кроме такой астенической эпидемии, выражающейся в панике, мы знаем психические эпидемии другого рода, выражающиеся активными явлениями и сопровождающиеся более или менее очевидным психическим возбуждением. Такие эпидемии под влиянием соответствующих условий иногда охватывают значительную часть населения и нередко приводят к событиям, чреватым огромными последствиями.

Одушевление народных масс в годину тяжелых испытаний и фанатизм, охватывающий народные массы в тот или в другой период истории, представляют собой также своего рода психические эпидемии, развивающиеся благодаря внушению словом или иными путями.

Одним из ярких исторических примеров таких психических эпидемий мы видим в крестовых походах, явившихся последствием несомненно привитой или внушенной идеи о необходимости освобождения Святого Гроба. Вспомните несчастный крестовый поход детей, предводительствуемых галлюцинатом, и вы легко уясните, какую силу приобретало в то время внушение и взаимовнушение, находившее себе благоприятную почву в господствовавших в то время религиозных заблуждениях, и почему оно было в состоянии подвинуть народные массы того времени на отдаленные и разорительные походы.

В чем же кроется причина развития подобных явлений и чем обусловливается столь могущественное действие психической инфекции — этого психического микроба, лежащего в основе психических эпидемий?

Мы уже упоминали выше, что распространению психической инфекции, как и развитию обыкновенной физической заразы, способствует более всего известная подготовленность психической почвы в населении или в известном круге лиц. Другим важным фактором в этом случае являются скопления народных масс или народные сборища во имя одной общей идеи, которые сами по себе часто представляют уже результат психической инфекции.

В этом случае должно строго отличать простое собрание лиц от сборища лиц, воодушевленных одной и той же идеей, волнующихся одними и теми же чувствами.

Такого рода сборища сами собой превращаются как бы в одну огромную личность, чувствующую и действующую как одно целое. Что в самом деле в этом случае связывает воедино массу лиц не знакомых друг другу, что заставляют биться их сердца в унисон одно другому, почему они действуют по одному и тому же плану и заявляют одни и те же требования? Ответ можно найти только в одной и той же идее, связавшей этих лиц в одно целое, в один

сложный и большой организм. Эта идея, быть может, вселена в умы некоторых лиц путем убеждения, но она для многих лиц в таких сборищах, без сомнения, является внушенной идеей. И когда подобное сборище уже сформировалось, когда оно объединилось под влиянием одного общего психического импульса, тогда в дальнейших его действиях главнейшая руководящая роль уже выпадает на долю внушения и взаимовнушения.

Почему толпа движется, не зная препятствий, по одному мановению руки своего вожака, почему она издает одни и те же клики, почему действует в одном направлении, как по команде?

Этот вопрос занимал умы многих авторов, вызывая довольно разноречивые ответы. Но было бы излишне входить здесь в какие-либо подробности по этому поводу; достаточно заметить, что нет никакого основания придерживаться заявленного в литературе мнения об особых «психических волнах», распространяющихся на массу лиц одновременно и способных при известных условиях даже к обратному отражению.

Такие «волны» никем и нигде не были доказаны; но не может подлежать никакому сомнению могущественное действие в толпе взаимного внушения, которое возбуждает у отдельных членов толпы одни и те же чувства, поддерживает одно и то же настроение, укрепляет объединяющую их мысль и поднимает активность отдельных членов до необычайной степени.

Благодаря этому взаимовнушению отдельные члены как бы наэлектризовываются, и те чувства, которые испытывают отдельные лица, нарастают до необычайной степени напряжения, делая толпу существом могучим, сила которого растет вместе с возвышением чувств отдельных ее членов. Только этим путем, путем взаимовнушения, и можно себе объяснить успех тех знаменательных исторических событий, когда нестройные толпы народа, воодушевленные одной общей идеей, заставляли уступать хорошо вооруженные и дисциплинированные войска, действовавшие без достаточного воодушевления.

Одним из примеров таких исторических подвигов народных масс, воодушевленных одной общей идеей, может служить взятие Бастилии и отпор на границах Франции европейских войск, окруживших последнюю в период Великой революции.

Без сомнения, та же самая сила внушения действует и в войсках, ведя их к блестящим победам.

Нельзя, конечно, оспаривать того, что дисциплина и сознание долга создают из войск одно могучее, колоссальное тело, но последнее для того, чтобы проявить свою мощь, нуждается еще в одухотворяющей силе, и эта сила заключается во внушении той идеи, которая находит живой отклик в сердцах воюющих. Вот почему уменье поддержать дух войск в решительную минуту составляет одну из величайших забот знаменитых полководцев.

Этой же силой внушения объясняются геройские подвиги и самоотвержение войск под влиянием одного возбуждающего слова своего любимого военачальника, когда, казалось, не было уже никакой надежды на успех.

Очевидно, что сила внушения в этих случаях берет верх над убеждением и сознанием невозможности достигнуть цели и ведет к результатам, которых еще за минуту нельзя было ни предвидеть, ни ожидать. Таким образом, сила внушения берет перевес над убеждением и волей и приводит к событиям, свершить которые воля и сознание долга были бы не в состоянии.

Но в отличие от последних внушение есть сила слепая, лишенная тех нравственных начал, которыми руководятся воля и сознание долга. Вот почему путем внушения народные массы могут быть направляемы как к великим историческим подвигам, так и к самым жестоким и даже безнравственным поступкам. Поэтому-то и организованные толпы, как известно, нередко проявляют свою деятельность далеко не соответственно тем целям, во имя которых они сформировались. Достаточно, чтобы кто-нибудь возбудил в толпе низменные инстинкты, и толпа, объединившаяся благодаря возвышенным целям, становится в полном смысле слова зверем, жестокость которого может превзойти всякое вероятие.

Иногда достаточно одного брошенного слова, одной мысли или даже одного мановения руки, чтобы толпа разразилась рефлективно жесточайшим злодеянием, перед которым бледнеют все ужасы грабителей.

Вспомните сцену из «Войны и мира» на дворе князя Ростопчина, предавшего толпе для спасения себя одного из заключенных, вспомните печальную смерть воспитанника Военно-медицинской академии врача Молчанова во время возмущений в последнюю холерную эпидемию!

Вот почему благородство и возвышенность религиозных, политических и патриотических целей, преследуемых людьми, собравшимися в толпу или организовавшимися в тайное общество, по справедливому замечанию Тарда, нисколько не препятствует быстрому упадку их нравственности и крайней жестокости их поведения, лишь только они начинают действовать сообща.[1] В этом случае все зависит от направляющих толпу элементов.

До какой степени быстро, можно сказать мгновенно, часто по внушению толпа изменяет свои чувства, показывает рассказ Ph. de Ségur[2] об одной толпе 1791 г., которая в окрестностях Парижа преследовала одного богатого фермера, будто бы нажившегося на счет общества. В ту минуту, когда фермеру грозила уже смерть, кто-то из толпы горячо вступился за него, и толпа внезапно перешла от крайней ярости к не менее крайнему расположению к этому лицу. Она заставила его петь и плясать вместе с собой вокруг дерева свободы, тогда как за минуту перед тем собиралась его повесить на ветвях того же самого дерева.

Таким образом, в зависимости от характера внушения толпа способна проявлять возвышенные и благородные стремления или, наоборот, низменные и грубые инстинкты. В этом именно и проявляются характеристические особенности в действиях толпы.

---

[1] Тард. Преступления толпы // Невр. вестник. Т. 1. Вып. 1.

[2] Taine H. Revol. II. P. 146.

Не подлежит вообще никому сомнению, что объединенные известной мыслью народные массы ничуть не являются только суммой составляющих их элементов, как иногда принимают, так как здесь дело не идет об одном только социальном объединении, но о психическом объединении, поддерживаемом и укрепляемом главнейшим образом благодаря взаимовнушению.

Но то же самое, что мы имеем в отдельных сформировавшихся толпах, мы находим в известной мере и в каждой вообще социальной среде, а равно и в больших обществах.

Отдельные члены этой среды почти ежеминутно инфицируют друг друга и в зависимости от качества получаемой ими инфекции волнуются возвышенными и благородными стремлениями или, наоборот, низменными и животными. Можно сказать более. Вряд ли вообще случается какое-либо деяние, выходящее из ряда обыкновенных, вряд ли совершается какое-либо преступление без прямого или косвенного влияния посторонних лиц, которое чаще всего действует подобно внушению. Многие думают, что человек производит то или другое преступление исключительно по строго взвешенным логическим соображениям; а между тем ближайший анализ действий и поступков преступника нередко открывает нам, что, несмотря на многочисленные колебания с его стороны, достаточно было одного подбодряющего слова кого-либо из окружающих или примера, действующего подобно внушению, чтобы все колебания были сразу устранены и преступление не явилось неизбежным.

Вообще надо иметь в виду, что идеи, стремления и поступки отдельных лиц не могут считаться чем-то вполне обособленным, принадлежащим только им одним, так как в характере этих идей, стремлений и поступков всегда сказывается в большей или меньшей мере и влияние окружающей среды.

Отсюда так называемое затягивающее влияние среды на отдельных лиц, которые не в состоянии подняться выше этой среды, выделиться из массы. В обществе этот психический микроб, понимаемый под словом «внушение», является в значительной мере нивелирующим элементом и, смотря по тому, представляется ли отдельное лицо выше или ниже окружающей среды, оно от влияния последней делается хуже или лучше, т. е. выигрывает или проигрывает.

В этом нельзя не видеть важного значения внушения как условия, содействующего объединению отдельных лиц в большие общества.

Но кроме этой объединяющей силы внушение и взаимовнушение, как мы видели, усиливает чувства и стремления, поднимая до необычайной степени активность народных масс.

И в этом другое важное значение внушения в социальной жизни народов. Не подлежит никакому сомнению, что этот психический микроб в известных случаях оказывается не менее губительным, нежели физический микроб, побуждая народы время от времени к опустошительным войнам и взаимоистреблению, возбуждая религиозные эпидемии и вызывая, с другой стороны, жесточайшие гонения против новых эпидемически распространяющихся учений.

И если бы можно было сосчитать те жертвы, которые прямо или косвенно обязаны влиянию этого психического микроба, то вряд ли число их оказалось бы меньшим, нежели число жертв, уносимых физическим микробом во время народных эпидемий.

Тем не менее нельзя не признать, что внушение в других случаях является тем могущественным фактором, который способен увлечь народы как одно целое к величайшим подвигам, оставляющим в высшей степени яркий и величественный след в истории народов.

В этом отношении, как уже ранее упомянуто, все зависит от направляющей силы, и дело руководителей народных масс заключается в искусстве направлять их чувства и мысли к возвышенным целям и благородным стремлениям.

Отсюда очевидно, что внушение является важным социальным фактором, который играет видную роль не только в жизни каждого отдельного лица и в его воспитании, но и в жизни целых народов.

Как в биологической жизни отдельных лиц и целых обществ играет большую роль микроб физический, будучи иногда фактором полезным, в других же случаях — вредным и смертельным, уносящим тысячи жертв, так и «психический микроб» в известных случаях может быть фактором в высшей степени полезным, в других случаях — вредным и губительным.

Можно сказать, что вряд ли вообще совершалось в мире какое-либо из великих исторических событий, в котором более или менее видная роль не выпадала бы на долю внушения или самовнушения.

Уже многие крупные исторические личности, как Жанна д'Арк, Магомет, Петр Великий, Наполеон Первый и пр., окружались благодаря народной вере в силу их гения таким ореолом, который нередко действовал на окружающих лиц подобно внушению, невольно увлекая за ними массы народов, чем без сомнения в значительной мере облегчалось и осуществление принадлежащей им исторической миссии. Известно далее, что даже одного ободряющего слова любимого полководца достаточно, чтобы люди пошли на верную смерть, нередко не отдавая в том даже ясного отчета.

Не менее видная роль на долю внушения выпадает, как мы видели, и при всяком движении умов и в особенности в тех исторических событиях, в которых активной силой являлись народные сборища.

Ввиду этого я полагаю, что внушение как фактор заслуживает самого внимательного изучения для историка и социолога, иначе целый ряд исторических и социальных явлений получает неполное, недостаточное и, быть может, даже несоответствующее объяснение.

В заключение я должен сказать, что избранная мной тема не могла быть исчерпана в короткой беседе, так как она всеобъемлюща, но те несколько штрихов, которые вы, быть может, уловили в моей речи, дают по крайней мере канву для размышления о том значении, которое имеет внушение в социальной жизни народов, и о той роли, какую оно должно было играть в моменты важнейших исторических событий древних и новых времен. Между прочим, время не позволило мне остановиться на одном в высшей степени

важном вопросе, о котором так много было споров еще в самое последнее время. Я говорю о роли отдельных личностей в истории.

Как известно, многие были склонны отрицать совершенно роль личности в ходе исторических событий. По ним личность является лишь выразителем взглядов массы, как бы высшим олицетворением данной эпохи и потому она сама по себе и не может иметь активного влияния на ход исторических событий. Последние силой вещей выдвигают ту или другую личность поверх толпы, сами же события идут своей чередой вне всякой зависимости от влияния на них отдельных личностей.

При этом, однако, забывают о внушении, этой важной силе, которая служит особенно могучим орудием в руках счастливо одаренных от природы натур, как бы созданных быть руководителями народных масс. Нельзя, конечно, отрицать, что личность сама по себе является отражением данной среды и эпохи, нельзя также отрицать и того, что ни одно историческое событие не может осуществиться, коль скоро не имеется для того достаточно подготовленной почвы и благоприятствующих условий, но также несомненно и то, что в руках блестящих ораторов, в руках известных демагогов и любимцев народа, в руках знаменитых полководцев и великих правителей, наконец, в руках известных публицистов имеется та могучая сила, которая может объединять народные массы для одной общей цели и которая способна увлечь их на подвиг и повести к событиям, последствия которых отражаются на ряде грядущих поколений.

1898 г.

О СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВОМ ВОСПИТАНИИ [1]

Мировая война, разразившаяся в начале XX в., представляет собой настоящий кризис современной цивилизации. Что значат ныне столь недавно проповедовавшиеся идеалы единения и братства народов? С другой стороны, какое значение могут иметь в глазах человечества принципы равенства и свободы? Кто будет верить этим словам после того кровавого ужаса, который мы ныне переживаем? Правда, и ранее эти принципы попирались, да и теперь еще попираются в нашем домашнем обиходе, в течение нашей будничной жизни при нашей еще не окрепшей общественности. Однако многим казалось до начала войны, что если мы живем сами в нравственном разброде и пока еще в классовых противоречиях, то общественная мысль все же окрылялась уверенностью, что мы постепенно, хотя и медленно, движемся к идеалу единения, братства, равенства и свободы. Но вместе с мировой войной, я думаю, у многих пошатнулась вера в лучшее будущее человечества.

Правда, мартовская революция в России способна вселить новую надежду на социальный прогресс и не у нас только, но и вообще в среде человечества. Однако нельзя забывать, что мы только еще перестраиваемся в социально-правовом отношении, что мы, сбросив тяжелый гнет царского режима, пока еще должны создавать новые устои общественности, а для этого мы должны очень и очень много поработать и прежде всего перевоспитать самих себя.

Всякому должно быть ясно, что недостаточно еще называть себя гражданами-демократами, нужно еще и быть таковыми, недостаточно устранить путем приказа национальные и классовые перегородки, нужно, чтоб они и действительно стерлись. Недостаточно, наконец, чувствовать себя в свободном государстве, нужно еще, чтобы свобода действительно осуществлялась и сознательно поддерживалась в стране наряду с порядком и дисциплиной. Наконец, недостаточно говорить о демократических принципах, о братстве и единении людей, нужно, чтобы это вошло в плоть и кровь человека, сроднилось с его душой. А все это дается не иначе, как путем воспитания, и притом воспитания, начало которому нужно давать в возможно раннем детском возрасте. Ибо современный человек

---

[1] Доклад на съезде по Экспериментальной педагогике 23 мая 1917 г.

уже со дня рождения впитывает в себя яд воздействия ненормальных условий жизни, в основе своей имеющий не любовь и взаимопомощь, а себялюбие, эгоизм, рознь и взаимную борьбу.

Все вообще условия современной жизни с очевидностью говорят о том, как еще мало усвоены человечеством социальные инстинкты. Доказательством может служить, например, факт, что, несмотря на проповедь мира в течение целого ряда веков лучшими представителями человечества и моление о «мире всего мира», ежедневно происходящее в церквах в течение многих сотен лет, усвоение и в особенности осуществление этой идеи людьми вообще и целыми народами в частности не подвинулось, по-видимому, ни на йоту со времени начала этой проповеди.

Да и помимо войн, в период мирной жизни народов, мы ведем, в сущности, беспрерывную и ожесточенную классовую и экономическую борьбу одних против других, и на этой почве, несмотря на проповедь братства и единения людей, ежедневно совершается бесконечное число аморальных действий и поступков, частью даже признаваемых неизбежными в практической жизни.

В чем же причина неуспешности этой проповеди? Ответ заключается в том, что надо не столько проповедовать, сколько воспитывать, ибо только с воспитанием прочно вкореняются определенные навыки, являющиеся как бы второй натурой человеческого существа, ибо поступать согласно им делается естественной и неизбежной для человека потребностью.

Всякий знает, что человек, с детства привыкший к определенному обиходу, держится его и во всей последующей жизни. Все вообще привычки, приобретенные в раннем возрасте, обычно лишь с большим трудом искореняются последующими условиями жизни и притом не иначе как путем долгой и последовательной внутренней работы.

Вот почему будет бессильной проповедь гражданской свободы, единения, любви и мира до тех пор, пока человек не воспримет эти истины с молоком матери, пока они не войдут в плоть и кровь его путем воспитания с малолетства, пока поступать согласно им не сделается естественной потребностью его натуры. В конечном итоге человек есть продукт воспитания, и в этом отношении то, что не дано ему от природы, может быть дополнено воспитанием, создающим новые для него навыки, новые потребности и социальные инстинкты.

Мы, например, отворачиваемся от всего нам противного, ибо благодаря воспитанию привилось к человеку отвращение к известным вещам. Как известно, исторически произошла моральная перемена в человеке, но лишь в отношении таких явлений, которые оказываются не противоречащими современному общественному строю. Так, например, из человеческих обществ цивилизованного мира исчез каннибализм, хотя наши отдаленные предки даже охотились за человеческим мясом.

Точно так же мы возмущаемся системой инквизиции и пыток, хотя не так давно и то и другое составляло нормальную принадлежность мероприятий, лежащих в основе государственного строя. Мы отворачиваемся ныне от телесного наказания, признавая его несовместимым с человеческим достоинством, и т. п.

Мы не миримся ни с убийством, ни с воровством, хотя и то и другое суть явления, не наказуемые у дикарей, каковыми были некогда и наши предки, наконец, мы стыдимся своей наготы, хотя наши предки ходили обнаженными.

Так же и в индивидуальной жизни культурного человека избегается всякая вообще нечистота только потому, что стремление к опрятности приобретено нами с детства путем воспитания. Мы не миримся и с грубым произволом опять-таки потому, что проявления этого произвола в нас самих подавлялись с самого детства.

В конце концов нравы и даже определенный уклад взаимоотношений между людьми — все это дается только воспитанием. Более того, даже правильно смотреть, владеть руками и ходить человек учится в детском возрасте, а не рождается с этим на свет. Как известно, и речь для человека не является тем природным даром, который возникает сам собой, как цвет из семени, а развивается благодаря воспитанию, вследствие чего младенец одной национальности, воспитанный в семье другой национальности, приобретает язык последней.

Тем же путем воспитания в детстве и в дальнейшем возрасте достигается совершенствование всех вообще человеческих действий, к какой бы сфере они ни относились. Наконец, путем воспитания достигается и усвоение так называемых социальных инстинктов и даже исправление в той или иной мере природных недостатков.

Здесь уместно заметить, что роль физической наследственности долгое время преувеличивалась и еще недавно общим признанием было то, что даже порок является результатом наследственности, тогда как в действительности наследственностью определяется главным образом темперамент, проявляющийся в той или иной реактивной способности человека на внешние воздействия, а также степень возможного умственного развития и, наконец, расположение к тем или иным болезненным уклонениям, обусловленным ненормально сложившейся конституцией, но не более. Развитие же высших, или так называемых сочетательных рефлексов, иначе говоря, все соотношение человеческой личности с окружающим миром уже всецело приобретается человеком с его воспитанием.

К сожалению, однако, воспитание в наших школах либо отсутствует вовсе, либо заражено всеми недостатками бывшего государственного строя и потому не служит и не может служить двигателем современных общественных идеалов. Семейное же воспитание не может не идти в духе старых традиций, ибо мать может дать ребенку то, что она сама восприняла в детстве и в жизни и что она усвоила, вращаясь в кругу своих знакомых. К тому же дети если и выслушивают по временам те или иные нравоучения, обычно ни к чему не ведущие, то они в то же время убеждаются на деле, в какой мере эти нравоучения являются лицемерными и по самой своей сути противоречащими всему укладу жизни и, в частности, поступкам и действиям самих родителей.

Сверх всего этого дети во многих семьях являются постоянными зрителями семейных несогласий и даже распрей между ними и людьми вообще и в то же время слушателями рассказов о граби-

тельстве, разбоях, воровстве, убийствах и войнах. Нечего говорить, что дети, не усвоившие себе никаких взглядов по поводу отношений между людьми, не приобретшие еще никаких общественных навыков, из этих рассказов учатся всему, что привлекает их внимание, и осуществляют даже в своих играх и разбои, и грабительство, и воровство, и убийства, и войны, и все, что хотите, из того класса явлений, который поддерживается культурой людской злобы и ненавистничества, иначе говоря, всего того, что является отрицанием общечеловеческих идеалов.

В конце концов огромное большинство пороков и всего того, чем проявляется несовершенство человеческой личности, зависит не от чего иного, как от недостатков воспитания. Именно благодаря последнему человек нравственно калечится, начиная с первых дней своего детства. Поэтому-то он нередко вырастает в наших условиях антисоциальным существом, своего рода нравственным уродом, мнящим только о себе, о своей наживе, о личных интересах, живущим всегда лишь в атмосфере эгоизма, совершенно игнорируя общечеловеческие идеалы, являющиеся для него чем-то чуждым.

Еще одно зло надвинулось на нас. Это увеличение детской преступности. Уже преступность взрослого населения есть тяжкое социальное зло, с которым общество обязано всемерно бороться, устраняя по возможности причины, способствующие развитию преступности, и в то же время стремясь возвратить к нормальной социальной жизни совратившихся с ее пути. Но детская преступность ведь это зло гораздо более тяжкое, чем преступность взрослых, ибо дети — это наше будущее, это то, для чего мы живем, что нам представляется светлым, что нас окрыляет на борьбу с жизненными невзгодами, что влечет к подвигам, ибо, если будущее представлялось бы мрачным, стоило ли бы нам жить и бороться за блага жизни.

Если нет светлых надежд на будущее, если впереди предвидится только один мрак, только одно зло, кого это не привело бы в отчаяние, у кого не опустились бы руки. А ведь увеличение детской преступности, это и значит, что надвигается мрак, затемняющий наше будущее. Если с детства зарождается порок, он быстро въедается в молодую душу и вскоре становится столь привычным, что борьба с ним представляется уже крайне трудной, почти невозможной.

Таким образом, вместе с увеличением детской преступности возрастает и количество закоренелых преступников, которые, достигши зрелого возраста, научат своему ремеслу и своих детей; последние же опять-таки с детства будут совращены в преступление и порок.

В числе мер, противодействующих этому злу, говорю я далее, нельзя не придать особого значения в условиях настоящего времени вопросам, связанным с попечением о беспризорных детях и с дошкольным воспитанием. Ведь ребенок, остающийся без призора родителей, быстро развращается на улицах и становится верным кандидатом в преступники. Поэтому он является в будущем опасным для всего общества и, следовательно, необходимо повести самую

энергичную борьбу с беспризорностью детей, как уже и делается на Западе, путем устройства возможно большего числа детских приютов, детских клубов, детских площадок и т. п.

Но само собой разумеется, недостаточно еще убрать детей с улицы, поместив их в приюты. Необходимо еще дать им и соответствующее воспитание. В этом отношении нет более пагубного заблуждения, к глубокому сожалению, крайне распространенного в нашем обществе, что ребенок до 7—8-летнего возраста спокойно может себе бездельничать, проводить время на дворе или на улицах. Только с 7—8 лет он будто бы должен быть впервые привлечен к обучению грамоте и затем наукам.

Этот взгляд научно не проверен, и надо думать, что при соответствующих способах обучения дети могут начинать свое образование без всякого излишнего переутомления много раньше. Ведь учится же ребенок управлять своими воспринимающими органами, владеть ручками, говорить и ходить почти со дня рождения. Чем же наглядное обучение грамоте и наглядное же обучение природоведению, например, труднее науки говорить или ходить? Ведь и теперь известно, что обучение иностранным языкам может происходить со дня рождения. Все дело в системе обучения, а не в объекте обучения, т. е. ребенке, от природы способном к совершенствованию. Во всяком случае в деле воспитания на Западе пошли много дальше установившегося у нас шаблона, и созданием детских садов по Фребелевской системе воспитание там передвинулось до 3—5-летнего возраста ребенка.[1]

Мы полагаем, однако, что и этим не закончена реформа детского воспитания, которое, по нашему мнению, должно начинаться обязательно с первых дней жизни.

В целях осуществления этого положения несколько лет тому назад при Психоневрологическом институте был основан мной вместе с покойным В. Т. Зиминым, увлеченным той же идеей, особый Педологический институт.[2] К сожалению, учреждение этого рода пока у нас является единственным в своем роде, тогда как, в сущности, все детские приюты и ясли должны бы превратиться в целях воспитания в Педологические институты.

Но не в одних приютах должно вестись дошкольное воспитание с первых дней детства. Его необходимо вести и в каждой вообще семье — все равно: бедной или богатой. Спрашивается, что этому мешает? Ответ простой — отсутствие здравых понятий в семье об охране детства. Ведь мы не имеем еще мало-мальски опытных в воспитании нянь, кадры которых, как известно, составляются из кормилиц, чаще всего обязанных своим физиологическим состоянием соблазну или разврату, или же из девушек, приезжающих в большой город за заработком непосредственно из глухой деревни со всеми

---

[1] Бехтерев В. М. Задачи Психоневрол. института // Вестн. знания. 1908 и отд. изд. СПб.

[2] См. Бехтерев В. М. Вопросы воспитания в возрасте первого детства. Образование № 2. 1909 и отд. изд. СПб. Он же. О воспитании в младенческом возрасте // Вестн. психологии. 1913 и отд. изд. СПб.

ее условиями жизни примитивного человека. Каких же результатов можно ожидать от таких нянь в отношении ребенка, кроме прививки ему уже с раннего детства дурных склонностей того или иного рода?

Итак, в целях устранения увеличения детской преступности дальнейшая мера должна состоять в учреждении школ для образования нянь, но нянь таких, которые довольствовались бы скромным заработком. Можно определенно сказать, что хорошая няня — это лучшая охрана детства и залог правильного воспитания с первых дней детства; пока же всего этого нет, приходится с сожалением сказать, что современное воспитание дитяти есть не воспитание, а порча.

Не лучше обстоит дело и там, где, в сущности, никакого воспитания нет.

Жизнь родителей, являющихся рабами профессионального труда и экономически зависимых от этого труда, приводит к тому, что их дети предоставляются на произвол судьбы, в худшем же случае проводят время на улице, где они окончательно и развращаются.

С того же времени, как ребенок начинает подрастать, для него уже готовится ежедневный яд из событий окружающей жизни.

Ясно, что с этим злом нужна систематическая борьба, борьба путем правильного воспитания. Но это воспитание во многих случаях не может осуществляться в семье по вышеизложенным основаниям. Оно должно быть по возможности общественным и может происходить лишь в соответствующей обстановке, под руководством опытных лиц и по строго выполняемой программе. Участие семьи, конечно, не должно быть исключаемо и из общественного воспитания прежде всего в целях сохранения моральной связи детей со своими родителями и в целях соответственного направления мыслей и взглядов самих родителей на цели, характер и значение детского воспитания.

Для этой цели, однако, достаточно образования родительских комитетов, участвующих в обсуждении всех вообще вопросов, касающихся мер и условий воспитания, участия выборных родителей в педагогических советах школ, а также организации соответствующих курсов для матерей и нянь, дабы привить и тем и другим соответствующие взгляды на воспитание. Само же воспитание должно быть предоставляемо опытным педагогам, хорошо понимающим детскую душу и хорошо усвоившим себе основные цели воспитания.

Вот этот-то вопрос о цели воспитания и есть самый основной и наиболее существенный из всего в этом деле, ибо прежде чем воспитывать, нужно определенно уяснить себе цель воспитания, от чего в значительной мере зависят и сами способы его осуществления.

В настоящее время нет недостатка в различных системах воспитания, но почти все современные системы воспитания умственного, нравственного и физического преследуют индивидуальные цели в воспитании, причем одни воспитательные системы центр тяжести педагогических усилий полагают в предоставлении ребенку возможно большего развития познавательных способностей, другие развивают волю, третьи — моральную сторону воспитанников. Но как бы ни были прекрасны все эти цели воспитания, они недостаточно обращают

внимания на развитие социальных чувств и не могут отвечать цели развития в будущем социальной личности человека.

Только с недавнего времени мы имеем попытки устройства в целях воспитания самоуправляющихся детских домов на началах так называемого свободного воспитания. Но «свободное» воспитание имеет свои слабые стороны по другим основаниям и пока еще не встречает всеобщего сочувствия. Гораздо большего внимания заслуживают опыты социального воспитания доктора Шацкого (Москва) и г-жи Вукотич (Петроград).

Другим примером социального воспитания является скаутизм, но в нем социальное воспитание представляется слишком односторонним, преследующим специальные цели.

Как бы то ни было, современное воспитание должно ставить своей целью дать обществу человека, который, с одной стороны, должен преодолевать жизненные препятствия, с другой — должен быть существом не только гуманным, но и социальным в истинном смысле этого слова, дабы он явился гражданином свободного государства не по названию только, но и на деле.

Но преодоление препятствий в жизни достигается только развитием энергии, инициативы и в особенности трудом, а гуманность и социальное развитие человека обусловливаются установлением с детства правильных взаимоотношений между воспитанниками и развитием между ними стремлений к сотрудничеству, воспитанием в них гражданского долга, уважения к личности другого и любви к гражданской свободе.

Вполне естественно, что воспитание человека должно преследовать вышеуказанные цели и достигать этого не отвлеченными поучениями, а конкретным осуществлением их в детской жизни, иначе говоря, воспитание должно быть социально-трудовым и должно стремиться путем соответствующей подготовки к осуществлению этой цели в жизни детей путем ознакомления их с правом и общественной моралью с раннего возраста, образованием между ними детских социально-трудовых общин и сотовариществ, а с определенного возраста — образованием таких же общин со свободным гражданским строем управления.

Нынешний человек есть индивидуалист по своему воспитанию и самое большее, что он может быть до некоторой степени социальной личностью по убеждениям, но при столкновении с действительностью эти социалистические убеждения обыкновенно отставляются в сторону, как это мы и видим на примере современной германской социал-демократии.

Новые типы школ, имеющихся за границей,[1] также мало заботятся о выработке путем воспитания социальной личности.

Тем не менее для блага человечества необходимо, чтобы социальные отношения, имеющие в основе лозунги свободы, равенства, братства и справедливости, вошли в плоть и кровь новых поколений, сделались бы второй их натурой и приобрели характер инстинкта.

---

[1] Джунковская Е. Средняя школа нового типа в среднеевропейских государствах.

Для этого необходимо, чтобы в основу человеческого воспитания был положен не один только антропологический принцип, как было до сих пор, но уже с раннего детского возраста необходимо ставить человека в условия правильных социально-правовых взаимоотношений, поддерживать стремление к сотрудничеству и взаимопомощи во всех вообще видах. Нечего говорить, что путем воспитания надо достичь того, чтобы каждый человек, независимо от общественного положения и состояния его родителей, был не только пропитан уважением к человеческой личности, но и признанием за ней прав на вполне одинаковое положение по сравнению со всеми другими.

Вместе с воспитанием должны быть усвоены не только существенные основы общественной морали,[1] но и привычки к деятельности и труду на социальных началах,[2] к неукоснительному исполнению гражданского долга, равно как и особое уважение ко всем вообще общественным установлениям.

Социальность и связанные с ней действия должны путем воспитания сделаться своего рода потребностью, второй натурой человека, тогда как антисоциальные действия, подавляемые в корне, должны неизбежно возбуждать чувство протеста и отвращения.

Словом, нужно, чтобы не индивидуальные, а социальные стремления в человеке были центром особого внимания при воспитании. Нужно, чтобы воспитывался общественный человек в лучшем значении этого слова, иначе говоря, человек, впитавший в кровь и плоть общественные стремления и идеалы с первых дней своей жизни, чувствующий и понимающий себя не иначе как членом общества и ни на минуту этого не забывающий. Нечего говорить, что индивидуальные особенности личности при этом ничуть не должны быть игнорируемы, а напротив того, и эти индивидуальные особенности должны быть всемерно развиваемы, но в то же время их развитие должно быть направлено на общественную пользу, иначе говоря, они должны быть «социализированы».

Вообще необходимо всемерно развивать в детях наряду с инициативой стремление к деятельности на общую пользу в форме совместного труда, тогда как все, что приводит к розни между людьми, должно быть совершенно и отовсюду изгоняемо. В виде основного условия такого воспитания необходимо образование среди детей общинного начала. Необходимо, чтобы вместе с этим социальность и право, а равно и чувство гражданского долга, вкоренилось в будущего человека наподобие инстинкта, чтобы блага общественные всегда ставились им выше своих личных выгод, чтобы он сделался всегдашним ревнителем общественных интересов и защитником их везде и всюду, чтобы его всегдашним идеалом была возможная помощь общественному делу, клонящемуся к общему благу.

---

[1] См. Бехтерев В. М. Вопросы общественного воспитания. Вестник воспитания. 1910 и отд. изд.

[2] См. Бехтерев В. М. О демократизации школы. Биржевые ведомости. 1917.

И не одна только помощь «ближнему» как основа гуманности должна быть лозунгом социально-трудового воспитания, но, главным образом, помощь социальному целому, причем общечеловеческие идеалы должны быть признаваемы высшим достижением морали.

Иными словами, нужно заботиться о таком социально-трудовом воспитании, которое создавало бы из человека истинного гражданина-демократа и в то же время закаляло бы его энергию для общественной деятельности, уравнивало бы всех необходимостью трудиться на общую пользу в меру их сил и способностей и которое развивало бы в человеке социальные инстинкты, вкореняя их с самого детства.

Социально-трудовое воспитание должно подготовить в будущем новый тип «социальной» личности с полным сознанием гражданских прав и обязанностей, который понесет впереди себя знамя единства, свободы и равенства между всеми вообще людьми и явится хранителем лучших основ гражданственности, свободы и братства.

Воспитанный на этих началах новый тип человека будет призывать всех на подвиг, но не для спасения самих себя в будущей жизни, а для блага общества, для блага всего человечества. Он должен был апостолом общественно-демократических начал, которые должны служить в его глазах исключительной целью его существования. Подвиг на общую пользу должен быть признан для человека высшим моральным достижением.

Сама школа должна всем своим содержанием олицетворять собой эту идею служения общественным идеалам. Она должна быть настоящей социально-трудовой общиной, в которой дети весь уход за собой и за школой вели бы своими собственными силами, причем старшие из них помогали бы младшим там, где последние по своей натуре не могут справиться с делом. По этой же причине должны быть соответственным образом подобраны для детей сказки, песни, рассказы и повести и точно таким же образом должны быть организованы их игры и занятия.

Служение обществу должно сделаться своего рода религией школьного воспитания. Оно должно чувствоваться детьми даже не как должное, а как необходимое и неизбежное, как внутренняя потребность, как оправдание своего бытия.

Словом, путем воспитания в школе необходимо образовать социально-трудовую личность, которая, проведя детство и юность в беспрерывных занятиях на социальных началах, будет приводить и в дальнейшей жизни свои индивидуальные стремления в согласование с общественными интересами и общечеловеческими идеалами. Этим путем и в жизни создается та социальная среда, благодаря которой современные государства будут все более и более развиваться в демократическо-социальном направлении.

Мы, люди индивидуалистического воспитания, в сущности не представляем соответственных объектов для социалистического государства. Поэтому проповедь социализма в современном обществе не может дать быстрых результатов до тех пор, пока человек не будет соответственным образом воспитан.

Естественным последствием социально-трудового воспитания должно явиться и создание истинного социального права, которое послужит своего рода социальной педагогикой для всех вообще граждан. Дело в том, что нельзя создать социальное право лишь на бумаге, т. е. одними предписаниями, оно может быть достигнуто лишь социально-трудовым воспитанием, проводимым систематически и в семье, и в школе начиная с самого раннего детства.

Ввиду всего вышесказанного я мог бы остановиться на следующих положениях, вытекающих из доклада.[1]

1. Новые условия государственной жизни в России вынуждают озаботиться коренным преобразованием системы воспитания, либо совершенно отсутствующего в наших школах, либо несоответственно направленного и поддерживающего классовую рознь, как это имеет место в большинстве наших закрытых учебных заведений.

2. Существующие системы воспитания, основанные на антропологическом принципе, преследуют главным образом индивидуальные цели в воспитании, поддерживая нередко классовые интересы, и не развивают в человеке в достаточной мере социальной личности и начал гражданственности.

3. Необходимо выдвигать в системе современного воспитания наряду с развитием личности вообще установление правильных взаимоотношений между воспитанниками и поддерживать развитие между ними основанного на демократическом начале сотрудничества, уважения к личности другого, усвоения воспитанниками основ истинной гражданской свободы, общественных обязанностей и гражданского долга.

4. Для достижения вышеуказанной цели необходимо основательное ознакомление воспитанников во всех вообще школах, начиная с низших, с правилами общественной морали и права и образование между ними детских сотовариществ и детских социально-трудовых общин.

В. Бехтерев.

---

[1] Положения эти были приняты съездом и вошли в его резолюцию.

ЛИЧНОСТЬ И УСЛОВИЯ ЕЕ РАЗВИТИЯ И ЗДОРОВЬЯ

Мм. Г-ни и Мм. Г-ри!

Для врачей-психиатров представляется совершенно избитой истиной, что психические болезни и состояния вырождения суть болезни личности. Ввиду этого естественно, что охрана здоровья личности и правильного ее развития составляет ту непосредственную цель, к которой прежде всего должен стремиться каждый из врачей, посвящающих себя изучению душевных расстройств. Руководствуясь этим, я полагаю, что собравшиеся здесь не посетуют на меня, если я займу их внимание вопросами, связанными с личностью и охраной ее здоровья и правильного развития с точки зрения врача-психиатра.

Прежде всего мы должны выяснить для себя, что следует понимать под названием личности?

Должно иметь в виду, что в отношении психологического определения личности мы встречаемся еще с большими противоречиями в науке. Действительно, по поводу понятия личности высказывались различные взгляды и мнения в зависимости от того направления в своих основных воззрениях, которого держались различные психологические школы.

Так, некоторые из английских ассоционистов, как J. St. Mill, понимают личность как ряд представлений, из которых все от первого до последнего ассоциативно сцеплены друг с другом и могут воспроизводиться памятью, образуя собой как бы один сознательный ряд. Благодаря этому память и личность рассматриваются как различные явления одного и того же порядка.

По James'у, дело сводится к тому, что каждая мысль знает обо всем, что ей предшествовало в сознании, причем каждая мысль, потухая, передает следующей в наследство знание о своем психическом содержании.

Очевидно, что и по James'у личность является также функцией памяти, но сущность личности, по James'у, сводится к тому, что каждая мысль является обладательницей содержания всех предшествовавших мыслей, причем, не зная самое себя, она в свою очередь будет узнана после своего отживания последующей мыслью.

По B. Sidis'у,[1] чистое «я» или личность не представляет собой ряда мыслей, потому что «несвязанный ряд не может образовать

---

[1] Sidis B. Психология внушения. P. II.

единства личности; также личность не простой синтез проходящих мыслей, потому что в каждой пробегающей волне сознания может существовать синтез или память, а личности все-таки не быть».

«Центральный пункт „я“ или личности заключается в том факте, что мысль знает и критически контролирует в самом процессе мышления, в самый момент своего существования». «Одним словом, только момент самосознания делает сознание личностью».

Если предыдущие авторы стараются ограничить понятие личности, отождествляя ее или с памятью, как делает D. St. Mill, или с потоком преемственно передающихся мыслей, как допускает James, или с самосознанием, как признает B. Sidis, то имеются авторы, которые чрезмерно расширяют понятие личности, отождествляя с этим понятием все вообще процессы психической деятельности.

Так, профессор Анфимов, говоря о личности или «я», замечает, что к характеристике личности относятся все психические процессы, составляющие в целом наши умственные способности. Наше «я» не представляет собой отдельной сущности в психической жизни человека: это, вероятно, только особая функция сознания, формирующая сложную картину нашего душевного мира. Оно со строго психологической точки зрения есть частное явление в жизни сознания, которое может быть, может и не быть.

Итак, психология личности, по профессору Анфимову, «обнимает собой в практическом смысле все, что составляет ум человека, а в научном — все те сложнейшие процессы, которые рассматриваются в школьной психологии в отделе познания, чувства и воли».[1]

Другие авторы в личности видели нечто объединяющее и синтезирующее в психической жизни. По Janet'у [2], личность есть не что иное, как соединение в психической жизни индивида всего прошедшего, настоящего и предвидимого будущего. Такой вывод им сделан из анализа дезагрегации или расчленения психических процессов при болезнях личности. По Ribot'у,[3] ввиду фактов удвоения и утроения личности следует признать отличительной особенностью последней координацию психических процессов. Единство координации и отсутствие координации — вот две крайности, среди которых вращается личность.

Некоторые авторы, развивающие тот же взгляд, отличительными признаками личности признают наиболее полную гармонию, наивысший синтез и объединение и рассматривают саму личность как выражение гармонии и единства психических отправлений.

Эти определения в общем довольно близко подходят к сути дела, но и они еще не могут быть признаны полными.

Мы полагаем, что, кроме объединяющего начала, под личностью следует понимать и направляющее начало, которое руководит мыслями, действиями и поступками человека.

---

[1] Анфимов. Личность и сознание. Актовая речь. Томск.

[2] Janot. Etat mentale des hysteriques.

[3] Ribot. Des maladies de la personalite.

Таким образом, кроме внутреннего объединения и координации, личность, как понятие, содержит в себе и активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий.

В этом определении наряду с субъективной стороной выдвигается, как легко видеть, и объективная сторона личности. Мы думаем, что в вопросах психологических мы не должны ныне пользоваться одними субъективными определениями. Психическая жизнь есть не только ряд субъективных переживаний, но она вместе с тем выражается всегда и определенным рядом объективных явлений.

В этих объективных явлениях, собственно, и содержится то обогащение, которое вносит личность в окружающий ее внешний мир. Мы скажем более! Только объективные проявления личности доступны внешнему наблюдению, и только они одни составляют объективную ценность.

По Ribot'y, «реальная личность — это организм и его высший представитель мозг, заключающий в себе остатки всего, чем мы были, и задатки всего, чем мы будем. В нем начертан индивидуальный характер со всеми своими деятельными и пассивными способностями и антипатиями, своим гением, талантом и глупостью, добродетелями и пороками, неподвижностью и деятельностью».

Мы не погрешим против истины, если скажем короче: личность с объективной точки зрения есть психический индивид со всеми его самобытными особенностями — индивид, представляющийся самодеятельным существом по отношению к окружающим внешним условиям.

Должно иметь в виду, что ни оригинальность ума, ни творческие способности, ни то, что известно под названием воли, в отдельности ничто не составляет личности, но общая совокупность психических явлений со всеми их особенностями, выделяющая данное лицо от других и обусловливающая ее самодеятельность, характеризует личность с объективной ее стороны.

Умственный кругозор представляется неодинаковым между лицами различно образованными, но ни один из них не теряет права на признание в нем личности, если только он проявляет в той или другой мере свое индивидуальное отношение к окружающим условиям, представляясь самодеятельным существом. Только утрата этой самодеятельности делает человека вполне безличным; при слабом же проявлении самодеятельности мы можем говорить о слаборазвитой или пассивной личности.

Итак, личность, с объективной точки зрения, есть не что иное, как самодеятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру.

Если мы, пользуясь сделанным нами определением личности, обратимся к выяснению ее роли в общественной жизни, то должны будем признать, что личность представляет собой ту основу, на которой зиждется современная общественная жизнь.

Народы нашего времени не представляют собой бессловесные стада, как было в старое доброе время, а собрание более или менее деятельных личностей, связанных во имя общих интересов,

отчасти общим племенным родством и некоторым сходством основных психических черт. Это есть как бы собирательная личность с ее особыми племенными и психологическими чертами, объединенная общими интересами и стремлениями, как политическими, так и правовыми. Поэтому вполне естественно, что прогресс народов, их цивилизация и культура зависят от степени развития личностей, его составляющих.

С тех пор как человечество вышло из периода рабства, жизнь народов, распадающихся на отдельные сообщества, обеспечивается деятельным участием каждого члена сообщества в создании общего блага, в преследовании общей цели. Здесь-то и выдвигается значение личности как самодеятельной психической особи, которая в общем ходе исторических событий выступает с тем большей силой, чем дальше народ стоит от рабства, являющегося отрицанием всяких прав личности.

Какую бы отрасль труда мы ни взяли, развитая деятельная личность выдвигает в ней новые планы и новые горизонты, тогда как пассивные лица, выросшие в условиях рабства, способны лишь к повторению и подражанию.

Да и само существование современных государств зависит, как известно, не столько от внешней силы, олицетворяемой органами власти, сколько от нравственного сплочения личностей, их составляющих.

«С тех пор как стоит мир, — читаем мы в статье С. Глинки „Попранные истины“ (Н. В.), — одни лишь нравственные начала прочно сплачивают людей. Если сила и могла поддерживать тот или иной государственной строй, то разве временно, и то государство, которое пренебрегало нравственными силами и предполагало возможным опираться только на оружие, носило в себе зародыш разложения... Никакие многочисленные армии не могут спасти того государства, в котором расшатаны нравственные устои, ибо и сила самих армий зиждется исключительно на нравственных началах».

Значение личности в исторической жизни народов ярче всего выступает в те периоды, когда силой вещей их социальная деятельность идет повышенным темпом. Как всякая другая сила, так и сила личности обнаруживается резче всего при сопротивлении, т. е. в соперничестве и в борьбе, а потому значение личности выступает особенно ярко как в мирном соперничестве народов на почве труда и культуры, так и в те периоды, когда для народа является необходимость борьбы со стихийными бедствиями или с внешними врагами.

Так как личность вносит в общую сокровищницу человеческой культуры плоды своего самобытного развития, то вполне понятно, что сообщества и народы, имеющие в своей среде более развитые и более деятельные личности, при прочих равных условиях будут обогащать человеческую культуру большим количеством предметов своего труда и лучшим их качеством.

Кажется, нет надобности доказывать, что мирное соперничество народов и его успехи покоятся на развитии личностей, входящих в их состав. Народ, слабый развитием составляющих его отдельных

личностей как общественных единиц, не может защитить себя от эксплуатации народов с высшим развитием образующих его личностей. А между тем можно ли сомневаться в том, что этой истиной до сих пор еще пренебрегаем мы, русские, в большей мере, нежели какие-либо другие народы Европы?

Было время, когда полагали, да и теперь еще многие полагают, что мы удерживаемся в семье европейских народов нашей военной силой. Какое жалкое заблуждение! Право сильного без сомнения обеспечивает известное место на материке Европы, но оно не дает еще права на уважение со стороны других народов, на признание его в своей семье и во всяком случае ничуть не обеспечивает от их эксплуатации.

Мирная борьба народов — это есть испытание общественной самодеятельности личностей, их составляющих. И можно быть уверенным, что в этой борьбе при прочих равных условиях побеждает всегда тот народ, который силен развитием входящих в его состав личностей. Народ же, у которого совершенно не развита общественная жизнь, у которого личность подавлена, обречен на разложение и утрату своей самостоятельности.

Не менее ярко выступает значение личности в борьбе со стихийными бедствиями, как голод и др., а равно и в борьбе с внешними врагами. Народ с высшей культурой, где личность достигла большего совершенства, не знает голода, так как возможные его бедствия в зависимости от условий природы он давно предвидел и предусмотрел, а то, что не могло быть предвидено, предотвращается общими усилиями деятельных личностей, всегда готовых стать в ряды передовых бойцов за общественное дело.

Столкновение народов или войны — это есть социальный кризис, в котором значение личности должно выясняться наиболее выпуклым образом. Нужно ли искать тому примеров? Ведь только что окончилась русско-японская война, в которой противопоставлены были два народа — со 130 миллионами жителей, с одной стороны, и 50 миллионами, с другой. Один народ является представителем испытанной в культуре белой расы, другой принадлежит к желтой расе, о культуре которой до сих пор говорили лишь с различными оговорками. Казалось бы, может ли быть какое-либо сомнение в результатах борьбы? А между тем более $1^1/_2$ лет велась нами бесславная война, в которой победа за победой доставалась врагу.

Что может это значить? Как можно объяснить себе смысл столь тяжелых событий, но ответ, я полагаю, у всех на устах: «И битвы народов выигрываются теми, кто дышит свободой, как родным воздухом», — читаем мы в одной из многочисленных газетных статей, посвященных вопросам, связанным с бывшей войной.

Да и могло ли быть иначе, если, с одной стороны, «терпение» — этот лозунг пассивных личностей, было возведено с самого начала в принцип борьбы, тогда как в другой стране была объявлена борьба за жизнь, за право, за свободу!

Было бы неимоверно тяжело для нашего национального самолюбия представить здесь картину более светлого характера, которая создается для личности условиями общественной жизни в Японии.

И мы отклоним от себя эту неприятную задачу. Заметим лишь, что личность в Японии не задавлена формализмом. Там не торжествует буква над смыслом, там наука не служит предметом странной иронии, там различные ведомства не торопятся изгонять ее отовсюду. Напротив того, знания и опытность ценятся там очень высоко и всякое научное открытие применяется тотчас же к делу, как мы видим это по многочисленным примерам из бывшей войны.

С другой стороны, не знаем мы примера, когда духовно возрожденная Франция во времена Великой революции остановила полчища врагов, ее окружавших? А все войны за освобождение, не доказывают ли они воочию, как возвышается дух народа, его мощь и сила с освобождением тех пут, которыми ранее оцеплялась личность.

Можно ли вообще сомневаться в том, что внешняя сила народа питается из источника той духовной силы, которую образуют личности, его составляющие? Если личность опутана бесправием, как тиной, если таким образом сам источник духовной силы народа засоряется, то можно ли говорить о силе народа, о его мощи?

Известно, что современные войны требуют от участника борьбы некоторой доли самостоятельности, находчивости в трудных случаях и ясного понимания как цели борьбы, так и тех действий, в которых он участвует. Все это возможно только при соответственном развитии личности, при известной степени ее образования, при сознании прав, за которые идет борьба, и при поддержке в ней того духа инициативы и самодеятельности, без которого немыслимо вообще осуществление какого бы то ни было социального дела.

Между тем что же мы видим у нас? К сожалению, необходимо признать, что дело идет здесь не об одном только недоразвитии личности, но и о прямом ее подавлении. Личность задавливается еще при самом зачатке своего развития в школе, дающей ей неподходящую духовную пищу вместе с тяжелым нравственным гнетом, уничтожающим в ней всякую самодеятельность; она задавливается в семье, где господствуют и пользуются покровительством закона патриархальные нравы и обычаи; она систематически задавливается даже там, где государство непосредственно опирается на ее силу и мощь, т. е. в войсках; она задавливается в общественной жизни при проявлении лучших ее стремлений.

В статье «Одна из причин наших поражений», помещенной в «Слове» за инициалами Н. Р. П., мы читаем: «Жизнь солдата сказочно невероятна; ум, природная русская смекалка систематически убивается; не скажем, что это делается намеренно, а просто вследствие дисциплины „не сметь рассуждать“, и так изо дня в день в течение 4—5 лет (лучших лет в жизни человека, прибавим от себя). Он ходит на маршировку, делает чисто ружейные приемы, изучает в первый год службы словесность: кто командир роты, батальона, полка, долг часового на посту и многое, что не относится к боевой жизни, ни к жизни вообще, причем живет чисто животной жизнью без всяких интересов. Спросите любого солдата что-нибудь из общественной жизни, он ничего не знает...»

Правильная законность в стране везде и всюду считается гарантией личности. Но возможна ли законность при существовании

так называемой политической полиции, когда, как было еще недавно, одного подозрения в разномыслии с представителями полицейского режима по основным вопросам нашей государственности достаточно, чтобы дело грозило лишением свободы без всякого суда, одним лишь административным распоряжением.

Совместима ли вообще полная сила закона в стране, где представители политической полиции являются вершителями судьбы людей, не остающихся равнодушными при виде всюду царящего беззакония и заявляющих о необходимости признания новых начал общественного правопорядка?

Не переполнены ли наши тюрьмы лицами, которые повинны разве лишь в том, что, желая блага родине, они были провозвестниками новых идей и иных порядков в нашей стране. С новым укладом нашей общественной жизни, когда то, за что ратовали эти лица и за что они так тяжко пострадали, уже получает реальное бытие, можем ли мы оставаться равнодушными к их горькой участи и не вправе ли мы искать путей к тому, чтобы вопиющее зло не торжествовало впредь над ними и чтобы вместо смрадной тюрьмы они пользовались широким простором родных полей, где дышалось бы легко и свободно?

А участившееся за последнее время применение смертной казни, этого позорного и возмутительного произвола сильной власти над личностью человека, не доказывает ли, что в отношении основных прав человеческой личности мы подвинулись за последнее время не вперед, а назад?

«В смертной казни правосудие обагряет себя человеческой кровью, и как бы тонко ни была придумана апология казни — убийство всегда остается убийством. Для взора чистой совести смертная казнь всегда будет являться не в ореоле юридического акта, но под мрачной маской самого банального убийства, к которому кощунственно прикреплено знамя правосудия. Для ока совести на плахе и на эшафоте правосудие подвергается позору и бесславию».[1]

Какая глубокая ирония сокрыта в самом слове «правосудие», когда речь идет о смертной казни! Имеет ли вообще право человек отнимать от другого то, что не может быть даруемо человеческой властью? Но если лучшие умы времени не находят оправдания для применения смертной казни в делах уголовных, то, кажется, нет достаточно слов, чтобы выразить то глубокое возмущение и негодование, которое подымается в душе человека при одной мысли о том, что люди, облеченные властью, считают себя вправе уничтожать жизнь себе подобных только потому, что их чувства, взгляды, поступки и убеждения не отвечают желаниям первых.

Человеконенавистничество, достигающее столь крайних пределов, является для современного общества делом величайшего позора, от которого с негодованием отворачивается человек, не погрязший в тине юридической диалектики. Для нас, русских, тяжесть этого позора должна быть еще более ощутительна, так как благодаря

---

[1] Сикорский И. А. Чувства, испытываемые зрителем при виде смертной казни. Киев, 1906.

смертной казни мы едва не лишились гениального Достоевского и известного писателя Мельшина.

Не будем следить далее за мрачной картиной нашей действительности. Последствия ее общеизвестны, и мы переживаем их ныне вместе с позором и горем всей России.

Для нас, психиатров, не лишено значения то обстоятельство, что если недоразвитие личности приводит к ее пассивности, дряблости, недеятельности и последовательно к отсталости всего общества, то подавление личности, в особенности при ее природной или приобретенной неустойчивости, если, конечно, это подавление не может быть отпарировано соответствующим противодействием, приводит нередко к развитию астенической реакции, заканчивающейся весьма нередко самоуничтожением в виде той или другой формы самоубийства или же болезненным состоянием в виде тяжелых форм неврастении и других общих неврозов и даже психических расстройств; в слабых же натурах приводит к развитию лести, приниженности и к более или менее полному обезличению.

Самоубийство у душевно здоровых лиц, как и все другие акты самообороны человеческой личности, имеет в различных случаях неодинаковые мотивы, но все же в общем за малыми исключениями оно является страшным укором обществу „в смысле протеста против того порядка вещей, который сделал это непреодолимое стремление к смерти, этот неестественный импульс к самоуничтожению фатальным“».[1]

Полагаю, что нет надобности доказывать, сколько самоубийств, этой острой реакции в виде последнего акта безуспешной борьбы личности с неблагоприятными условиями, обязано именно резкому подавлению личности, где бы оно ни проявлялось — в школе, в семье или на поприще общественной деятельности.

Подробный анализ случаев самоубийств среди здорового населения не оставляет сомнения в том, что самоубийством кончают большей частью неустойчивые или так называемые психические личности. Но кто может отрицать, что эти, хотя бы и неустойчивые личности при иных условиях не совершили бы на земле всего, чему обязывал их долг перед человечеством, если бы на своем пути они не встретились с теми подавляющими влияниями и условиями, при которых самоуничтожение является единственной формой реакции.

Ведь мы дошли уже до того, что самоубийство в нашей средней школе среди юных подростков становится делом почти обычным, мало кого поражающим. Да что говорить об отдельных самоубийствах, хотя бы и уносящих ежегодно множество жертв, когда под общим гнетом время от времени происходят у нас массовые самоистребления, приводящие в ужас цивилизованный мир. Достаточно указать здесь на столь еще недавно случавшиеся массовые самоистребления наших сектантов, например в Архангельской губернии, где, как говорят, до сих пор можно видеть места самосожжения людей, предпочитавших лютую смерть отдаче себя в руки властей.

---

[1] Райхер. К вопросу о самоубийстве. Изд. Виленской окружной лечебницы. 1905.

При чтении подробностей этих самоистреблений леденеет в жилах кровь, а между тем эти ужасы, являющиеся яркой реакцией на общий гнет, случаются у нас и поныне, как в более старые времена. Еще всем памятны недавние Терновские события в Бессарабской губернии, где люди закапывали себя живьем в могилы, чтобы отстоять права своей совести.

Более мягкую, но все же печальную форму реакции мы видим в массовых выселениях в другие страны наших сектантов, да и одних ли сектантов. Сюда относятся: выселение некрасовцев за Дунай, белокриницких переселенцев в Австрию, духоборов и менонитов в Северную Америку и тому подобное.

Эти формы реакции, конечно, не кровавые, так сказать, более разумные и более спокойные, но они в основе своей имеют те же самые мотивы, как и самоистребительные акты, а по своим последствиям для жизни государства они немногим менее тягостны, нежели предыдущие.

В других случаях при долговременном действии массы подавляющих условий, как нравственных, так и физических, реакция личности, как мы уже говорили ранее, выражается в форме ее болезни, т. е. неврастении и других общих неврозов и даже психических расстройств.

Попрание прав человеческой личности всегда отражается тягостным образом на нервно-психическом состоянии человека. Но когда это попрание достигает такой степени, что личность не гарантирована от внезапного обыска и ареста по одному лишь подозрению в политической неблагонадежности, когда человек из-за своих убеждений может быть направляем в ссылку или ввергаем в тюрьмы с одиночным заключением, в которых калечатся его духовные силы, когда возможны даже телесные наказания вопреки Высочайшему манифесту 1904 г. и когда происходят на глазах всех массовые убийства на улицах с ни в чем неповинными жертвами, то нервно-психическое здоровье населения подвергается тяжкому испытанию, приводящему к увеличению числа нервных и душевных заболеваний в стране.[1]

Нужно ли говорить, как много условий, подтачивающих душевное здоровье личности, могло бы быть устранено из нашего обихода при иных условиях общественной жизни, при иных условиях общегосударственного режима и при иных экономических условиях. Вопросу этому нельзя не придавать значения, так как правильное развитие и здоровье личности является основой государственного благосостояния страны.

Ввиду вышесказанного, естественно, возникает вопрос, какие же причины пагубно влияют на развитие личности, приводят к ее упадку и какие причины содействуют ее развитию?

Обращаясь к разрешению первого вопроса, мы не будем здесь останавливаться на том, в какой мере на развитии личности

[1] Эта часть речи вошла в одно из постановлений второго съезда отечественных психиатров.

отражается окружающая ее природа. Вопрос этот хотя и не лишен значения, чтобы его обойти молчанием, но и настолько широк, что не позволяет на нем остановиться подробнее. Здесь можно лишь указать как на не подлежащий сомнению факт, что умеренный климат для развития личности является более благоприятным, нежели суровый климат севера и жаркий климат тропиков.

Вряд ли также кто-нибудь станет оспаривать наряду с климатом важное значение иных метеорологических, а равно и географических условий. Великие пустыни, малопригодные для человеческого житья, и все те местности, где человеку приходится затрачивать много сил и энергии на борьбу с окружающей природой, не благоприятствуют развитию личности.

Равным образом неблагоприятные почвенные и метеорологические условия, характеризующиеся эндемическим развитием тех или других общих болезней, не могут не отражаться пагубно на развитии личности, подтачивая в корень физическое здоровье организма.

Не останавливаясь долее на этих внешних малоподвижных и малоизменяемых влияниях, действующих на развитие личности, мы перейдем к рассмотрению иных факторов, отражающихся резким образом на состоянии и развитии личности.

Первым и основным условием правильного развития личности является природа организма, наследие его отцов или те антропологические особенности, которые составляют почву для развития личности.

Вряд ли кто может сомневаться в значении расы в указанном отношении. Наилучшим примером может служить тот факт, что из трех человеческих рас черная, несмотря на свою многочисленность, далеко не достигла того культурного развития, как две другие расы.

При всей своей многочисленности представители этой расы никогда не играли выдающейся роли в истории. Этот важный факт нельзя не сопоставить с тем антропологическим фактом, что вместимость черепа и вес мозга этой расы меньше, чем у двух других рас, в особенности белой.

Другим примером влияния антропологических особенностей на развитие личности являются народы Древней Эллады, достигшие удивительной культуры и не менее удивительного развития личности и затем погибшие вследствие особых исторических условий.

Когда возникла борьба за освобождение греков от турецкого ига, многие представляли себе, что дело идет о восстановлении того же свободолюбивого народа, который оставил после себя замечательные памятники мысли и культуры, хранящиеся в различных музеях. Эта мысль увлекала многих, она возбудила симпатии к грекам со стороны лучших умов того времени, и война за их освобождение сделалась сразу популярной в Европе.

Но когда час освобождения наступил, что же оказалось?

Древнего грека с его живым умом и чувством и с сильной волей уже нельзя было признать в греках новейшей формации, обладающих иными качествами. И это потому, что древние греки переродились в другую нацию, характеризующуюся другими антро-

пологическими чертами, они переродились частью вследствие выселения и рабства, главным же образом вследствие смешения их с другими племенами.[1]

Итак, несмотря на то, что остались те же географические условия, какие были в Греции и в минувшие века, несмотря на то, что центр цивилизации до сих пор остается, как и ранее, на материке Европа, современные нам греки вследствие приобретенных ими новых антропологических особенностей в период долгого рабства, по-видимому, не обещают сделаться великим народом, каким они, несомненно, были в древности.

Приведенные примеры показывают, что уже в антропологических особенностях расы кроются те основы, которые определяют развитие личности. Вот почему должно быть ясно для всех, в какой мере судьба племени находится в связи с принадлежащими ему расовыми отличиями и в какой мере последние отражаются на проявлении и чертах народного гения.

Не меньшего внимания заслуживает другой фактор, влияющий на развитие личности. Это — фактор биологический, связанный с условиями зачатия и развития человеческого организма.

Здесь мы не можем не отметить важного значения в развитии личности тех элементов, которые известны под названием вырождения и которые коренятся в условиях неблагоприятного зачатия и развития плода. От каких бы причин эти условия ни зависели — от неблагоприятной психо- или невропатической наследственности, физических недостатков, болезней матери во время зачатия и беременности, алкоголизма родителей, тяжелых физических и психических моментов в течение беременности, — последствием их, как мы знаем, являются дегенеративные особенности потомства, которые в конце концов сводятся к разложению личности и к ее упадку.

Вначале понятно, что развитие личности как высшего проявления психики находится в зависимости от физических условий. Это положение не может возбуждать и тени сомнения, коль скоро мы примем во внимание тесное соотношение между физическим и психическим, между «телом и душой», как принято выражаться. «Mens sana in corpore sano» — гласит древняя философская мудрость, и это положение остается незыблемым и поныне.

Во всяком случае, нельзя не принять во внимание того факта, что только гармоническое развитие тела и духа обеспечивает правильное совершенствование личности. Если физическое развитие от природы слабо, если человек с раннего возраста подвергается физическим невзгодам и целому ряду общих инфекционных болезней, особенно с затяжным течением, если вместе с тем у него развиваются общие болезненные поражения, коренящиеся в недостаточном и неправильном питании организма, как анемия, золотуха, рахитизм и проч., то уже полный расцвет личности будет в той или иной мере задержан. Если затем и в более возмужалом возрасте продолжаются физические невзгоды, то упадок личности обнаруживается уже вполне ясно.

---

[1] Сикорский И. А. Вопросы нервно-психической медицины. 1904.

Нет надобности говорить, как пагубно на развитие личности влияют общие неврозы, в особенности истерия и эпилепсия, развивающиеся главным образом на почве неблагоприятных физических и психических моментов.

Некоторые авторы не без основания рассматривают истерию как явление, суживающее сферу сознания (Janet), или как выражение упадка личности (доктор Радин). Что же касается эпилепсии, то влияние этого невроза на развитие личности представляется очевидным уже из того, что более тяжелые формы эпилепсии обязательно сопутствуются так называемым дегенеративным эпилептическим характером и более или менее очевидным ослаблением умственных сил и даже состоянием ясно выраженного слабоумия, приводящего к постепенному угасанию и перерождению личности.

Вряд ли затем есть надобность говорить о такого рода болезненных состояниях, которые, поражая сам мозг патологическим процессом, тем самым действуют губительно на умственные силы и разрушают личность. Вообще я не вижу надобности подробно распространяться о значении физических болезней на развитие умственных сил вообще и на целостность личности в частности, так как этот факт ясен до очевидности.

Но нельзя здесь не упомянуть о том, что на развитие личности оказывают существенное влияние неблагоприятные экономические условия, приводящие последовательно к физическому ослаблению организма, на каковой почве развивается ряд истощающих физических болезней, подрывающих в корне питание организма и нарушающих правильное развитие мозга, а следовательно, и личности. Да и помимо этих болезней недостаточное питание населения, подрывающее его физические силы и приводящее к развитию физического истощения и малокровия, — разве это не условия, содействующие ослаблению питания мозга, быстрой истощаемости умственных сил и вместе с тем препятствующие полному расцвету личности?

При этом случае нельзя не вспомнить с болью в сердце, в сколь тяжелых условия находится наш простой народ, которого неудачная экономическая политика страны сделала в буквальном смысле слова полуголодным нищим.

Как известно, новейшие исследования показывают, что наш крестьянин-землепашец имеет намного меньше хлеба на душу, нежели простолюдин Западной Европы, причем и пища его, рассчитанная по калориям, оказывается много ниже действительной потребности здорового человека. Да и может ли быть иначе, если мы до сих пор остаемся с первобытной трехпольной системой обработки земли, производимой притом же допотопными орудиями?

Говорят, что положение нашего сельского хозяйства ничем не лучше того, как оно велось в Средней Европе во времена Карла Великого или в дореформенной Франции. А между тем, принимая во внимание почвенные условия, какие перспективы открываются при лучшей организации дела и при лучшей постановке специального сельскохозяйственного образования, которое еще так недавно систематически изгонялось даже из ведения земств.

О поразительной отсталости нашей в различных отделах индустрии и говорить нечего. Этим как бы довершается то безотрадное положение, в котором очутилась огромная масса населения страны, истощающая свои последние силы в борьбе за существование и право жизни. Почти постоянное недоедание нашего крестьянства в центральных губерниях и даже в черноземной полосе России, как известно, представляет собой уже вполне избитый факт в нашей литературе.

Можно ли сомневаться в том, как много ослабляющих условий вносит в организм это хроническое голодание, которое своим последствием должно иметь как общее увеличение смертности, так и понижение личной самодеятельности. В хилом теле может ли быть сильный и бодрый дух? Нужно ли вообще доказывать, что вместе с ослаблением питания организма слабеет и его нервно-психическая энергия, результатом чего развивается общая приниженность личности, ее пассивность, более или менее значительное ослабление умственной работоспособности, психическая вялось, апатия и недостаток воли.

Само собой разумеется, что хроническое недоедание должно еще в большей мере сказываться на детском растущем организме, когда впервые складывается личность. Этим недоеданием наряду с нашей общей некультурностью, незнакомством с гигиеной и антисанитарными условиями объясняется и физическая хилость детей у нас в России, приводящая к страшной их смертности. Вместе с этим те же самые условия вполне понятным образом приводят и к психической немощи развивающегося организма, вносящей вместе с влиянием векового рабства особенные черты характера и в наш национальный облик, обозначающийся беспечностью, равнодушием к делам личным и общественным, невыдержанностью характера, недостатком инициативы, пассивностью, некоторой приниженностью, нерешительностью и т. п. чертами.

Крайне негигиенические условия труда на многих фабриках, переутомление рабочих и нашей домашней прислуги, лишенной часто всякого отдыха, также не может не отражаться пагубно на развитии личности, особенно если это переутомление начинается с раннего юношеского возраста.

Другим важным фактором, влияющим на развитие личности, являются все хронические отравления, в особенности те из них, которые поражают в первую очередь мозг и которые известны под названием интеллектуальных ядов.

Алкоголизм, достигший такого гигантского развития в современном обществе, есть, без сомнения, то зло, которое несет в себе зародыш упадка личности.

Алкоголик — это человек с притупленным восприятием, с пониженной нравственностью и с ослабленной волей, т. е. отличается именно теми особенностями, которые характеризуют упадок личности.

Нет надобности доказывать, что алкоголь, парализуя сферу чувства, интеллекта и воли, подрывает в корне основные устои личности и является в то же время одной из важнейших причин, приводящих к развитию душевных болезней, вырождения и пре-

ступности. В этом отношении имеется уже столько трудов, что нет никакой необходимости делать на них ссылки.

У нас в России также немало поработали над влиянием того зла, которое вносит алкоголь в развитие и здоровье личности. Не говоря о ряде отдельных трудов, как, например, Кроля, Григорьева и многих других, нельзя не указать здесь на богатые содержанием труды алкогольной комиссии при Общ. охран. народн. здравия в Петербурге, которые освещают весь вред, причиняемый пагубным распространением алкоголя на развитие личности с такой полнотой, какая может быть только желательна.

Менее значительное по распространению, но не менее пагубное влияние на личность представляют собой хронические отравления другими интеллектуальными ядами, как, например, опием, морфием, эфиром, хлорал-гидратом и тому подобное.

Помимо всех вышеуказанных условий немаловажную роль в развитии личности играют и иные моменты. Здесь прежде всего должно иметь в виду воспитание и образование.

На воспитание вообще, по-видимому, мало обращают внимания в смысле развития личности, а между тем можно ли сомневаться в том, что с воспитанием впервые устанавливаются основные особенности будущей личности? Между прочим, здесь в воспитании, играющем столь видную роль в дошкольном возрасте, закладываются основы большей или меньшей самодеятельности будущей личности, что имеет существенное значение для ее дальнейшей судьбы.

Что касается образования, то и в этом отношении, по-видимому, более заботятся о загромождении головы знаниями, подчас совершенно ненужными, при более или менее пассивном отношении к этим знаниям, нежели о развитии критики и самостоятельного мышления, которые составляют истинный залог самостоятельности будущей личности.

Вот что говорит, между прочим, профессор Rossbach в Вюрцбурге о школьном вопросе: «Наши гимназисты сильно напрягают зрение, а на развитие тела не обращают никакого внимания. Под предлогом посвятить ученика в образ мыслей и поступки древних они заставляют изучать сухую грамматику и являются односторонними филологическими заведениями. Любознательных и способных по природе к труду детей запирают в зловонные и пыльные помещения. Им задают работы на дом, отнимающие все так называемое свободное время. Зимой их держат до тех пор, пока не стемнеет, а в темноте настрого запрещают гулять. Если, возвращаясь с занятий, они бегают и борются, удовлетворяя таким образом бессознательно требованиям природы, то их строго наказывают. Уроки гимнастики должны служить как бы противовесом этой нелепой системе. В Англии детям после умственных трудов дают играть на свободе в зелени. Сердце надрывается при сравнении наших жалких детей с этими счастливцами».

Но если немцы так отзываются о своих школах, которые ими давно уже реформированы, то что же мы можем сказать про наши школы, представляющие собой жалкую и бессодержательную пародию описанных выше немецких школ.

О неудовлетворительной постановке нашей низшей школы — этой основы народного образования — здесь нет надобности распространяться. Бесправие народных учителей и учительниц, кажется, превзошло все возможные границы. Между тем культурно-политическое значение низшей школы должно быть громадно, особенно благодаря ее всеобщности, благодаря тому, что через нее должны проходить если не все, то большая часть будущих граждан.

А вот что мы читаем в современной печати по поводу нашей низшей школы: «Быть может, нигде недостатки школьного строя не шли так параллельно с недостатками режима вообще, нигде отрицательные стороны режима не обозначались так ярко, как в народной школе. Школ недостаточно, они обставлены неудовлетворительно вследствие общего обеднения страны, программы сокращены, не заключают много существенно необходимого и, наоборот, отягчены тем, что не имеют прямого отношения к умственному развитию учащихся. С другой стороны, положение учащего персонала самое безотрадное: вопиющая недостаточность вознаграждения за труд, совершенно излишняя регламентация, самый мелочный и придирчивый надзор, наконец, полное бесправие по отношению к той „тьме власти“ в нашей деревне, которая создала в ней поистине ужасающую „власть тьмы“.

Наша средняя школа, особенно гимназии с их ложным классицизмом, — это специальное создание охранительной политики покойного графа Д. Толстого, разве это не пример того, как путем загромождения головы бесцельными знаниями мертвых языков педагогическая система, преследующая свои особые цели, стремится подавить всякий проблеск инициативы и самостоятельности в учениках и стремится создать вместо самодеятельных, хорошо подготовленных к жизни личностей — покорных, приниженных слуг общего режима, лишенных всякой духовной самодеятельности. „Средние школы, — читаем мы в известной записке ученых «Нужды просвещения“, — ни числом, ни постановкой учебного дела не удовлетворяют образовательным потребностям населения. Своим строем они подавляют личность как ученика, так и учителя и убивают такие качества человеческой души, развитие которых составляло бы их прямое назначение — любовь к знанию и уменье самостоятельно мыслить“».[1]

Вряд ли эта оценка не представляется еще очень бледной по сравнению с печальной действительностью. По крайней мере, в ней вовсе не упоминается о той системе укоренившейся лжи и обмана во взаимных отношениях учеников и учителей, которая не может не действовать развращающим образом на молодые умы.

Равным образом в упомянутой оценке не упомянуто ни одним словом и о том, как много наши средние школы поставляют телесно убогих и нравственно неустойчивых и притом с громоздким, малопригодным к жизни багажом знаний, который для многих является совершенно непосильной ношей, задавливающей под своей тяжестью самую личность. Известно, как много эта школа под

---

[1] Сын Отечества. 1905. 6 июля.

названием «неудачников» выбрасывает в наше общество недоразвитых лиц, не приспособленных к современным условиям общественной жизни; эти последние в большинстве случаев постепенно гибнут затем в жизненной борьбе, являясь большей частью тяжелым бременем для семьи и общества.

А кризис нашей высшей школы, разве это тоже не пример того, как путем изгнания академической автономии известная педагогическая система полагала достичь внешнего порядка в высших учебных заведениях и кончила тем, что привела к общему расстройству в стране высшего образования и вместе с тем подорвала доверие в обществе к точному знанию и науке?

Печальные условия, в которых находится наша высшая школа, между прочим, вызвали правильную оценку ее положения в известной записке ученых: «По самому характеру своего призвания высшая школа должна подготовлять деятелей, сознательно и правдиво относящихся к окружающей действительности, между тем необходимая для этой ответственной роли свобода исследования и преподавания настолько отсутствует, что даже чисто ученая и преподавательская деятельность не гарантированы от административных воздействий. Целым рядом распоряжений и мероприятий преподаватели высших школ низводятся на степень чиновников, долженствующих слепо исполнять приказания начальства. При таких условиях неизбежно понижение научного и нравственного уровня профессорской коллегии, неизбежна и та потеря уважения и доверия к учителям, которая является роковой для современной жизни наших высших учебных заведений».

Но вряд ли не хуже всего сказанного по отношению к нашим школам это еще недавно столь распространенная тенденция, уже принесшая столько зла в России, — тенденция, сводящаяся к отрицанию всякого образования. Полагали, что просвещение масс может быть излишним и даже вредным с общегосударственной точки зрения. Вследствие такой умопомрачительной политики огромные массы люда остались и остаются до сего времени безграмотными, благодаря чему человеческая речь, этот истинный дар Божий, ограничивается для них узкими рамками личных объяснений при взаимных встречах.

Чтобы дать реальное представление о нашей поразительной отсталости в деле образования, достаточно сказать, что, например, в такой стране, как Япония, имеется в общей массе населения всего лишь 10% неграмотных, тогда как в России их насчитывается до 73%. Всем известно, как много безграмотных оказалось в числе пленных русских в нашей бывшей войне с Японией, и можно ли было нам, русским, без краски стыда в лице читать, что наши пленные в Японии впервые начали изучать грамоту под руководством желтолицых учителей.

Не вспоминается ли здесь всем набившая оскомину фраза о школьном учителе, одержавшем победу? А между тем какое жестокое наказание мы понесли, пренебрегая этой избитой истиной и оставаясь вполне глухими в этом вопросе к голосу здравого смысла.

Безграмотные массы естественным образом лишаются того могучего орудия, с помощью которого накопленные веками умственные богатства народов становятся достоянием потомства и благодаря которому личность в каждом новом поколении в общем преуспевает над личностями старого поколения. Словом, дело идет здесь о лишении человека того прогресса знаний, который служит важнейшим условием развития личности и который делает ее образ подобием Божества.

Можно ли вообще допустить, чтобы в то время как в верхних слоях общества был яркий солнечный свет и приветливая природа, в низших его слоях стоял густой мрак и царствовал непробудный сон, при котором нормальное развитие личности является делом невозможным?

Безграмотность — это есть умственная слепота, и потому естественно, что личность темного народа мало возвышается над проявлением животной жизни. Загляните в наши захолустья и вы поразитесь, до какой степени могут быть сужены потребности человека, до какой неприхотливости в своем обиходе доходит наш крестьянин, носящий все задатки богатого умственного развития. Вы убедитесь в то же время, до какой степени притуплены его нервы долгим подневольным существованием, как ограничен его кругозор и как мало в нем самостоятельности.

Можно ли после этого удивляться той поразительной легковерности, которая свойственна темным массам народа и благодаря которой легко прививаются в его среде самые уродливые взгляды и учения религиозного и социального характера. Развиваясь благодаря сужению умственного кругозора и известному легковерию, свойственному всякой недоразвитой личности, эти учения распространяются иногда даже в форме своего рода психических эпидемий, приводя к развитию странных и грубых по своему характеру понятий и к не менее грубым и опасным антисоциальным действиям ввиду аграрных беспорядков и т. п.

Далее, важным фактором, приводящим к недостаточному развитию личности, является отсутствие общественной деятельности. Где нет общественной деятельности, там нет и полного развития личности. Без общественной деятельности личность останавливается на известной ступени своего развития, представляясь более или менее равнодушной к общественным потребностям; она является пассивным членом общества, лишенным той самостоятельности, которая служит залогом нормального развития общественной жизни и прочного развития государственности.

Народы, у которых общественная деятельность отсутствует или слабо развита, подготовляют в своей среде по сравнению с другими в общем менее развитые и более пассивные личности, что в конце концов отражается на всех отраслях культуры.

К этому надо добавить, что естественным последствием отсутствия правильно организованной общественной деятельности в форме самоуправления является праздность и бездеятельность, которая находит в этом случае особенно благоприятные условия преимущественно в более обеспеченных классах общества. Между тем праздность,

чем бы она ни обусловливалась, приводит естественным образом к понижению умственной работоспособности, к невозвратимой утрате умственного материала за время бездеятельности, к недостаточному усовершенствованию нервно-психических механизмов, что доказывается, между прочим, также и психометрическими исследованиями, и вообще к умственному и телесному обессилению, а последовательно — к нравственному и физическому вырождению, особенно если к праздности присоединяются ее естественные спутники — алкоголизм и другие излишества.

Прозябание народов Востока служит лучшим примером того, как отсутствие общественного самоуправления и деспотизм правителей губят и самую личность как деятельную общественную единицу.

Если мы теперь обратимся к вопросу о том, что обеспечивает нормальное развитие личности и что гарантирует ее от пассивности, упадка и болезни, то мы прежде всего должны иметь в виду устранение тех физических невзгод, которые ослабляют питание и деятельность организма. В этом отношении особенно выдвигается значение общественной санитарии. В самом деле, оздоровление местностей устранило бы целый ряд тяжелых недугов, подрывающих в корне физическое здоровье населения и нормальное развитие личности.

Равным образом и профилактика болезней должна получить в наших глазах не менее важное значение. Предупреждение болезней — разве это не гарантирует организм от его ослабления и немощи?

Соответствующие санитарные мероприятия, устраняющие антигигиенические условия народного труда, а равно и законоположения, ограждающие возможность крайнего физического и умственного переутомления, а также мероприятия, клонящиеся к возможному уменьшению развития повальных и других болезней — вот те условия, которые являются прежде всего необходимыми как меры, предупреждающие развитие болезней личности.

Борьба с биологическими факторами вырождения, очевидно, также должна способствовать более правильному и более здоровому развитию личности. Эта борьба может вестись в двух направлениях: в виде установления законов, воспрещающих вступление в брак не с одними только душевнобольными и эпилептиками, но и с тяжелыми истериками, невропатами и хроническими алкоголиками. Брак во всяком случае должен быть регламентирован согласно взглядам науки на возможное развитие и состояние будущего потомства.

Для здорового развития личности необходимо также устранение губительного распространения спиртных и иных опьяняющих напитков.

Меры борьбы с пьянством, как известно, широко намечались и намечаются в целом ряде исследований, посвященных действию алкоголя на организм и искоренению пьянства в народе. Между теми мероприятиями, которые здесь имеются в виду, мы отметим применение Готенбургской системы, устранение сивушного масла из спиртных напитков, употребляющихся в народе, увеличение пошлины и налога на крепкие вина, понижение пошлины и налога

на напитки, содержащие малое количество алкоголя, распространение в народе чайных вместо трактиров и водочных лавок, строгий контроль над пьяницами, устройство особых алкогольных здравниц, лечебниц и амбулаторий, образование обществ трезвости, нравственное перевоспитание народа и пр., и пр.

Нет надобности доказывать, что все эти меры рациональны и хороши, но их значение совершенно парализуется, если государство смотрит на потребление спиртных напитков как на важнейший источник дохода. Вот почему борьба с пьянством в народе будет бессильной до тех пор, пока наш государственный бюджет будет искать свою опору в тех сотнях миллионов, которые извлекаются из народного обращения в счет потребления им спиртных напитков.

Как известно, в этом смысле уже было сделано постановление одним из наших Пироговских съездов, но результатов этого постановления до сих пор мы, к сожалению, не видим. Вообще должно иметь в виду, что устройством убежищ, амбулаторий и лечебниц для алкоголиков ничуть не разрешается основной вопрос в борьбе с алкоголизмом. Лишь отказ правительства от пользования вином в фискальных целях, а равно и поднятие благосостояния народных масс путем широких освободительных реформ являются мерами, обещающими наибольший успех с этим народным бедствием.

Помимо вышеупомянутых мер должно заботиться также всеми возможными способами об улучшении экономического положения населения. Здесь не место входить в разъяснение тех мероприятий, которые должны быть выдвинуты для благоприятного изменения экономических условий, особенно в среде сильно бедствующего коренного населения страны. Это дело сложной и правильно поставленной внутренней политики, осуществление которой возможно лишь при свете гласности и критики со стороны самого общества.

При этом естественно возникают вопросы о наделах и национализации земли, о правильной организации переселений, о широкой организации общественных работ, об облегчении приобретения земли крестьянами, о широко и правильно поставленной организации кредита, о лучшей культуре земельных угодий и о поднятии всеми зависящими мерами народного хозяйства, этого истинного показателя экономического положения страны, об улучшении путей сообщения, об облегчении торговых сношений и пр., и пр. От более или менее удачного разрешения этих вопросов, собственно, и зависит экономическое благосостояние народных масс.

Наряду с этим вопиет о себе улучшение положения и экономического благосостояния фабричного люда. Здесь нужно иметь в виду и рациональную гигиеническую обстановку труда, и строгое и правильное регулирование числа рабочих часов сообразно возрасту и полу, и урегулирование денежных отношений между рабочими и работодателями и, наконец, правильно организованные условия самого быта рабочих. Вместе с тем особо важным принципом в этом вопросе мы признаем участие самого рабочего люда в доходности фабрик и заводов, а также широкое развитие в стране труда на артельных началах. Мы убеждены, что это участие рабочего люда в доходности предприятий и артельное производство сыграло

бы свою роль и в вопросе о стачках, получившем столь важное значение в жизни современных государств и, в частности, у нас в России.

При этом нельзя упускать из виду, что наиважнейшим экономическим фактором везде и всюду является самодеятельность населения, предполагающая правоспособную активную личность, живущую в условиях прочного правопорядка.

Не меньшего внимания в смысле развития личности заслуживают и воспитание и обучение.

Как для правильного развития тела необходимо правильное физическое питание, так для умственного развития, приводящего к развитию личности, необходимо правильное доставление пищи духовной. Ясно, что для цельного развития личности правильное воспитание и обучение составляют существенную сторону дела.

Но вопросы воспитания и обучения чрезвычайно деликатны и требуют большой осмотрительности в своем применении. Прежде всего здесь нужно иметь в виду при соблюдении физической и умственной гигиены постепенное приучение к систематическому труду, развитие самостоятельного мышления с широким миросозерцанием и критическим взглядом и стойкость характера. «Рациональным воспитанием, — говорит Krafft-Ebing, — должно развить в ребенке тот бодрый дух, который столь необходим в борьбе с житейскими невзгодами. Эта бодрость духа всего лучше приобретается высшим философским пониманием человека в мироздании — пониманием, которое, возвышаясь над всем преходящим, направляет наш взор на все возвышенное и непреходящее и среди житейских треволнений находит якорь спасения в этике и религии». (См.: Наш нервный век. С. 35).

Особенно следует подчеркнуть то обстоятельство, что основы будущей личности коренятся еще в дошкольном возрасте и, следовательно, правильное и рациональное воспитание должно начинаться с первых дней жизни человека. Существуют неоспоримые факты, из которых выясняется с несомненностью, что уклонения характера начинаются еще в раннем возрасте благодаря тем или иным условиям, которые своевременно могли быть легко устранены.

Не меньшего внимания заслуживает также и правильное направление умственного развития. Так как невежество и недостаток образования есть главное условие недоразвития личности, то очевидно, что эта сторона в вопросе о развитии личности должна быть выдвинута на первый план. И мы знаем действительно, что культурные страны соперничают между собой в правильной постановке и развитии школьного дела.

К сожалению, совершенно иное отношение к образованию мы видим у нас. Мы не будем здесь входить в рассмотрение вопроса, как и в каком направлении должны быть преобразованы нами школы, — тем более что по этому вопросу давным-давно уже разработано все, что существенно необходимо для правильной постановки дела, но мы не можем не выразить глубокого сожаления по поводу того, что осуществление этой важной и всеми ожидаемой реформы все еще заявляет себя ждать.

Как известно, народные учителя в сознании исторической ответственности за положение низшей школы еще в 1903 г. на бывшем Московском съезде изложили с полной ясностью и определенностью все, что необходимо для подъема низшей школы до желательного ее уровня. Равным образом и по отношению к средней и высшей школе еще несколько лет назад был собран огромный материал, необходимый для осуществления реформы. Наконец, настойчивая необходимость реформы высшей школы была намечена, между прочим, в известной записке ученых, клеймящей всю систему нашего образования. А между тем всем известно, что «воз и ныне там», хотя для нынешней средней школы минула уже 13-летняя давность, для современной же нам высшей школы мы имеем уже в начале 3-й десяток лет, сопровождавшийся почти ежегодными беспорядками и протестами нашей молодежи.

Справедливость требует, однако, заметить, что последним указом от 27 августа сделан важный, долгожданный и многообещающий шаг в деле введения автономии в наши университеты и некоторые из высших учебных заведений.

Не входя в подробности необходимых реформ нашего низшего и среднего образования, здесь мы можем только наметить самые общие и основные условия, на которые должно опираться рациональное воспитание и обучение: 1) оно должно быть всеобщим и бесплатным; 2) оно должно сообразоваться как с возрастом, так и с физическим состоянием и с развитием организма; 3) оно должно иметь в виду особенности психического состояния и в этом отношении должно быть строго индивидуализировано; 4) мы полагаем далее, что в вопросах воспитания и образования школа должна заботиться не столько о шаблонном заучивании готовых форм, заимствованных большей частью из классиков, сколько о развитии самодеятельной личности с критическим умом и самостоятельным отношением к окружающей действительности; 5) школа вместе с этим должна заботиться об устранении того порабощения духа, которое так легко прививается к человеку с молоком матери. Воспитание и общее образование должно преследовать задачи общественности и должно иметь своей прямой целью выработать личность как самостоятельную социальную единицу. В этих видах все низшие и профессиональные средние школы должны быть переданы в ведение органов самоуправления, которые лучше могут определять, что соответствует задачам общественности и что им не соответствует.

Что касается высших школ, имеющих своей целью исключительно научное или научно-практическое образование, то здесь первым и основным условием должно быть устранение служебного положения науки. Наука должна открывать и говорить только истины, а никакая истина не может быть настоящей истиной, если она искусственно подтягивается под какую-либо систему, под какой-либо раз данный шаблон или если она заранее имеет определенное предназначение.

В силу этого наука, как и религия, должна служить исключительно духовным нуждам народа, а не должна являться служебным органом правительств. Вот почему основным девизом высшего

образования во всяком культурном государстве признается положение, что наука и все ее учреждения должны быть свободны.

Обязанностью правительств, однако, является поддерживать и расширять научные учреждения и зорко следить за правильным развитием науки и за всеми научными открытиями, дабы иметь возможность использовать их в целях государственного благоустройства. Само собой разумеется, что высшая школа не должна сводить свои задачи к выдаче дипломов на служебные права, как это практикуется у нас ныне, а должна быть лишь истинным светочем научного образования и просвещения, центром движения науки и местом подготовки научных деятелей.

Как необходимый вывод из этого положения является автономия высших школ, свобода преподавания и правильно понятая свобода учения.

Нельзя допустить, чтобы высшее университетское образование было привилегией только учеников гимназий, а не всех вообще лиц, успешно закончивших среднее образование, которые желают продолжать это образование в высшей школе. Трудно помириться также и с тем, чтобы высшие школы вместо желательного расширения своих стен, сообразно растущим потребностям в образовании, ограничивали свой прием определенным штатом и чтобы воспитанники гимназий были ограничены в своем стремлении достигнуть высшего образования возможностью поступить лишь в ближайший университет, как это имеет место в России.

Но даже с высшим образованием еще не завершается развитие и совершенствование личности. Окончательное завершение этого развития создается, как уже было ранее сказано, социальными условиями окружающей среды.

Здесь мы сталкиваемся с весьма крупным и важным вопросом о взаимоотношении личности и той социальной среды, в которой проявляет себя личность.

Нет надобности говорить, что первобытные общественные группы не допускают никакого индивидуализирования отдельных членов общества; иначе говоря, они построены на отрицании самостоятельного проявления личности, которая вполне поглощается обществом. Так как жизнь в таких первобытных обществах, какую бы форму они не принимали, сосредоточивается на целом, то личность в них вполне подавлена общим строем, который строго регламентирует по тем или другим обыкновенно чисто внешним особенностям ее положение в государстве, подчиняя контролю все ее проявления, не исключая даже убеждений, образа мыслей и пр.

Вернее сказать, личность в общественном смысле здесь не существует, она признается самое большее в семейном очаге, хотя и здесь ее роль вводится в определенные рамки, освященные обычаем. Рабство и гнет, с одной стороны, и деспотия власти — с другой, являлись той естественной формой, в которую выливались все взаимоотношения личности и общества в таких первобытных культурах. Основанные на отрицании личности, эти культуры признавали вполне умственным и законным применение пыток и казней и даже совмещали с общественными интересами все ужасы инквизиции.

Это порабощение личности проявлялось не в одних только отношениях ее к обществу, но и в религиозных верованиях и даже в науке.

С течением времени, однако, выяснилось, что отрицание личности носит в себе и зародыш разложения общества. Несмотря на утонченную регламентацию всякого внешнего проявления личности и кажущийся внешний порядок, внутренняя сила общества стала иссякать вместе с тем, как оказалось, что она состоит из рабов, с одной стороны, и властителей — с другой.

Благодаря этому даже такие государственные колоссы, как древняя Римская империя, распадались от сравнительно незначительного внешнего толчка. Да и могло ли быть иначе, когда верхние слои общества развращались богатством и упоением власти, а низшие слои представляли из себя нищих и рабов со всеми присущими им нравственными качествами и пороками. К сожалению, внутренний смысл таких событий, как разложение древней Римской империи не послужил добрым примером для государств Европы, и та же история повторяется с ними и в позднейшее время.

Но мало-помалу путем долгой и упорной борьбы в культурных государствах начинается заявление прав человеческой личности. В истории европейских народов оно сказалось первоначально освобождением личности в наиболее высших проявлениях человеческого духа — в науке и искусстве, ознаменовавшись известной эпохой Возрождения, затем освобождение коснулось религии в период Реформации и, наконец, позднее всего оно проявилось в общественных отношениях во времена Великой революции.

Хотя эти три этапа в борьбе личности за свои права обнаружились в разных частях европейского материка, но, благодаря взаимоотношению народов, их влияние распространилось на все вообще государства Европы или, точнее говоря, на все народы, считающие себя в среде европейской цивилизации.

Мало-помалу то раньше, то позже и в других странах Европы стали исчезать принудительные формы, стеснявшие личность в исканиях научной истины и в творчестве, в религиозных верованиях и в проявлениях общественных отношений.

В России освобождение личности началось с 60-х гг. с уничтожением крепостного права; но это был лишь первый шаг, за которым последовали новые и новые тормозы в деле освобождения личности, и тиски, из которых начала было высвобождаться личность, снова стали надавливать сильнее. Напрасно общественные силы истощались в борьбе с последующим тяжелым режимом, напрасно приносились многочисленные жертвы на алтарь общественной жизни, напрасно лучшие умы времени возвышали свой голос за права общества и народа!

Тиски сжимались с неумолимой силой, уже боль от их давления начинала замирать, еще немного и, казалось, общественная жизнь могла погаснуть навеки. Но внезапный тяжелый удар грома со зловещей молнией в виде русско-японской войны, отразившись мучительной болью в сердцах русских людей, оглушил в то же

время и бездарных угнетателей; тиски подались... и едва дышавший организм встрепенулся в предвидении своего близкого освобождения.

Нужно ли повторять, что всякая государственно-общественная организация, нивелирующая все индивидуальные особенности своих сочленов и в корне подавляющая все самостоятельные проявления личности, тем самым обрекает последнюю на пассивную и жалкую роль послушного автомата, лишенного всякой самостоятельности и инициативы. Вытравливание духа оппозиции, с которого обычно начинается правительственный гнет над личностью, приводит к тому порабощению духа, в котором уже нельзя открыть следов здравой критики, свободного полета мысли и стойкости убеждений.

Вместе с тем утрачиваются и столь существенно важные нравственные особенности характера, как чувство чести и личного достоинства, обеспечивающие человека от нравственной гибели.

На место этих качеств выступают лесть, низкопоклонство и жалкое лицемерие, приводящие к созданию молчалинских типов с их мелким эгоизмом, приниженностью и вечным страхом перед власть имущими.

Вот почему правильно организованная общественная деятельность на началах самоуправления и свободно избранного представительства есть лучшая школа для окончательного развития и воспитания личности и создания народного характера. Здесь в практическом общении с себе подобными на почве общественных интересов завершается воспитание личности и развертывается та ее мощь, которая является результатом долгого и упорного подготовительного труда.

Широкая общественная деятельность является той школой жизни, которая, умеряя порывы, способствует развитию самообладания и сдержанности, которая заставляет с уважением относиться к чужому мнению и которая закаляет характеры.

В этой общественной деятельности правильное воспитание личности возможно, однако, лишь при условиях свободного соревнования ее во всех отраслях деятельности и при свободном обмене мнений. Только это свободное соревнование при свете гласной критики и общественного контроля обеспечивает полный расцвет личности и гарантирует ее от той пассивности, которая приводит к немощи духа и его порабощению.

Вообще условия общественной жизни должны быть благоприятными для развития личности и не должны содержать тех бесчисленных пут, которыми обычно оцепляют правительства свои народы, признавая преступным даже само слово «свобода». Нужно вообще иметь в виду, что свободное развитие общественной деятельности представляет лучшую гарантию правильного и здорового развития личности.

Опека нужна лишь для малолетних и недоразвитых, но с тех пор как человек сделался взрослым и личность его достигла известного развития, опека становится тем ярмом, под тяжестью которого задыхается личность. Поэтому свобода слова, печати, союзов, собраний и совести при неприкосновенности личности и жилища являются вполне понятным лозунгом самоопределяющейся

личности, ищущей выхода из-под тяжелого гнета, пока еще сохранилась в ней жажда правды и пока пламень надежды на лучшее будущее еще теплится в сдавленной груди.

В самоуправляющемся обществе может быть только одна опека — это общественная критика и общественный же контроль над различными отраслями управления, которые именно и вводят личность в здоровые условия социальной деятельности. Общественное самоуправление и правильно организованное представительство с правами законодательной власти, избранное всем населением страны путем всеобщего и равного голосования, являются поэтому той жизненной ареной, где личность совершенствуется в своем окончательном развитии и где это развитие достигает своей наибольшей высоты.

Нужно ли говорить, что при условиях самоуправления на началах представительства имеется широкий простор для деятельности наиболее талантливых и способных личностей, которых выдвигает вперед сама жизнь. Еще D. St. Mill имел в виду эту мысль, заявив, что «гений может свободно дышать только в атмосфере свободы».

Независимо от всего прочего нельзя забывать, что как ни велика сила в отдельности взятой активной личности, способной увлечь за собой массы, но великие события оказываются возможными лишь при общей солидарности масс. Последние в этом случае являются такой силой, перед которой меркнет и стушевывается сила отдельных личностей. Вот почему объединение народной мысли путем печати, союзов и собраний при свободном обмене мнений является тем могущественным рычагом, который обеспечивает успех дела там, где он казался недостижимым для отдельных лиц, лишенных общественной связи и солидарности.

Далее, если мы примем во внимание, что каждый народ представляет собой лишь собирательную личность, живущую в семье других народов, близких с ним по культуре и взаимному общению, то очевидно, что исторический опыт народов, ранее вошедших на арену свободной общественной жизни, не остается без влияния на судьбу народов младших по своей культуре и образованию. В силу этого последние, благодаря обмену идей и преемственности культур, переживают в значительно более короткий срок то, что составляло долгий период в истории более старших по культуре народов. Поэтому нечего удивляться, что младшие по культуре народы стремятся идти в деле общественного устройства шаг в шаг с народами более старой культуры.

Могут, однако, сказать, что опека над личностью необходима в целях сплочения государства. Вопрос этот существенно важен лишь для государств, состоящих из разных народностей, имеющих свои национальные особенности. Но прочное сплочение разноплеменных государств никогда не может быть достигнуто путем насильственного подавления личности и национальных стремлений. Сила оружия имеет значение лишь до тех пор, пока отточен клинок, готовый поразить всякого ослушника. Но так как государство не может находиться в постоянном напряжении из-за внутренних

взаимоотношений, то и сплочение его, основанное на силе оружия и подавлении личности, является лишь функцией, которая временно приводит к порядку и успокаивает власти, закрывая действительное положение вещей.

Если в старое доброе время, когда личность была вообще не развита, сила оружия могла сплачивать государства лишь на тот или другой период истории, то можем ли мы на этой шаткой основе ожидать в настоящее время прочного государственного сплочения.

По нашему глубокому убеждению, здесь, как и во всех вообще социальных группах, прочное сплочение, кроме начал племенного родства и биологического смешения народностей, можно ожидать лишь на основах нравственной и умственной связи и общих экономических, политических и правовых интересов. Чем теснее развиваются эти нормальные естественные связи между отдельными особями и народностями, входящими в данный социальный союз, тем прочнее они сливаются в одно социальное целое, которому не будут страшны ни внутренние неурядицы, ни внешние толчки и которое может спокойно развиваться на условиях самого широкого самоуправления.

Само собой разумеется, что личная свобода и местная автономия должны быть строго согласованы с интересами общего социального тела; при этом никогда не должно упускать из виду, что от преуспевания отдельных частей на началах свободного развития всегда выигрывает и целое.

К сожалению, условия общественной жизни не везде слагаются благоприятно для народов и некоторые из них гибнут ранее, чем возникнут первые ростки свободной общественной жизни. Да и там, где народ достигает самоуправления на началах представительства, оно приобретается лишь путем долгой и упорной борьбы личностей, отстаивающих права народа.

Лишь мало-помалу из-под тяжелого гнета деспотического строя, несмотря на удушливую атмосферу и отсутствие света, пробиваются молодые, зеленые побеги общественного самосознания и живой мысли; они-то и служат первым вестником новой зари, приводящей к единению общественных сил и к жажде общественного правопорядка. Мало-помалу сумрак ночи просветляется, долго стоявший туман рассеивается, и чувствуется дыхание жизни там, где царствовал глубокий безмятежный сон. Быстро и верно вместе с утренней зарей врывается свежая струя в удушливую атмосферу, и начинает слышаться дыхание чистого оживляющего воздуха, предвестника общего пробуждения и жизни.

Вот почему борьба за свободу личности является в то же время и борьбой за правильное и здоровое ее развитие, а права личности есть показатель ее развития как социальной единицы.

Уважение личности человека, какого бы происхождения он ни был, признание ее прав выше всяких иных и общее уравнение этих прав является первым и основным условием всякой гражданственности. Всякие ограничения, как, например, сословные, вероисповедные и прочие искусственные насаждения, оставшиеся до

наших дней в виде жалкого пережитка от времен давнего рабства, должны быть отброшены как естественные тормозы прогрессивного развития личности.

Свобода личности, обеспечивающая развитие новой духовной жизни народа, предлагает и достижение того этического идеала, который засветился над человечеством еще 19 с лишком веков тому назад, но который меркнет и тускнеет на наших глазах под ударами постоянно гнетущего человечество бесправия. Недаром девиз свободы неразрывно соединяется с девизом равенства и братства.

Вот что, между прочим, читаем мы у G. Tarde'а: «Там далеко, очень далеко в предрассветных сумерках грядущих веков, видите ли вы маленькую светлую точку, восходящую на горизонте звездочку. Она уже когда-то светила над землей... Эта звездочка — не блуждающий огонек — это свет, который спасет нас. Это заря нового христианства совершенно спиритуального, некой новой религии, высшей и нежной. Во имя ее снова когда-нибудь соберутся все люди, снова раздастся слово спасения, самое простое, самое глубокое и самое непонятное, которое когда-либо слышало человечество: „Люди, любите друг друга, вы все братья, ибо... рабство — это злоба и зависть, которые заковывают нас в кандалы и замуровывают нашу мысль, а свобода, верьте мне, это — братство, свобода — это любовь“».[1]

Гражданская и политическая свобода личности — это есть в то же время краеугольный камень и основное условие жизнеспособности современного государства. Права личности и законность, гарантирующие свободное пользование этим правами, — вот те устои современной гражданственности, которые одни дают правильные основы для нормального роста личности и для свободного развития всех присущих ей качеств.

Мы вполне присоединяемся к словам Леруа Болье, сказанным им на лекции о Франции и южных славянах: «Главное условие для культурной жизни народа — это его свобода умственная, экономическая и политическая: только при этих условиях народ может развить свои силы и свой национальный гений!»

Что же после всего этого нам остается сказать по отношению к личности русского народа, — личности, которая систематически угнетается в семье и в школе, которая опутывается повсюду рутиной и которая задыхается в тисках формализма и бесправия, как в душной тюремной келье, лишенная света и воздуха?

Да! Мы должны сказать слово за личность русского народа.

Мы не будем при этом вспоминать тяжелое прошлое русского народа, сделавшееся уже достоянием истории: не будем останавливаться и на его безотрадном настоящем, наводящем на грустные размышления, но, радостно приветствуя эпоху политического возрождения русского народа и надеясь на более светлое будущее,

---

[1] Баженов. Г. Тард. Личность, идея и творчество // Вопросы философии и психологии. Май и июнь. 1905.

мы скажем здесь за личность нашего народа словами его великого поэта:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня...

1905 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ БЕХТЕРЕВ И ЧЕЛОВЕКОЗНАНИЕ

Проф., д. психол. наук Е. И. Степанова

Определяя место психологии в системе наук о человеке, сорок лет спустя после смерти В. М. Бехтерева Б. Г. Ананьев напишет: «...именно психология становится орудием связи между всеми областями познания человека, средством объединения различных разделов естествознания и общественных наук в новом синтетическом человекознании» (Человек как предмет познания. 1968. С. 13). Интеграция наук о человеке требует целостного изучения его как сложной многоуровневой системы, что В. М. Бехтерев считал в свое время возможным при соответствующей организации комплексных исследований с применением сравнительного метода, позволяющего производить широкие сопоставления получаемых в разных науках результатов.

Эта идея стала воплощаться в период организации им в 1885 г. психофизиологической лаборатории при Казанском университете, являющейся первым экспериментальным учреждением в России и вторым после Вундтовской экспериментальной психологической лаборатории, созданной в 1879 г. в Лейпциге. Направление исследований в отечественной лаборатории нельзя рассматривать вне хода развития мировой науки того времени, как и всю научную деятельность В. М. Бехтерева вне связи с последующими направлениями работ ленинградской школы психологов, в чем можно усмотреть связь времен.

В. М. Бехтерев в течение 1884 г. после окончания Медико-хирургической академии в Петербурге, так называлась тогда существующая ныне Военно-медицинская академия, и защиты докторской диссертации находился в плодотворной научной командировке. В Берлине он посещал лекции Вестфаля, ознакомился с состоянием исследовательской работы в физиологическом институте Дюбуа—Реймона. В Лейпциге побывал в клинике Флексига, где главным образом его интересовала лаборатория Гука. Был прослушан курс лекций по экспериментальной психологии Вундта. В Мюнхене он встречался с психиатром Гудденом, в Париже — с Шарко. В Вене был проявлен интерес к исследованиям, проводимым в лаборатории Мейнерта. Все это не могло не сказаться в дальнейшем на формировании научных интересов

и определении направления исследований молодого ученого, отличающегося пытливостью ума. Однако было бы несправедливо умалять роль отечественной науки, оказавшей влияние на Бехтерева. Прежде всего это клинико-патопсихологическое направление отечественной психиатрии с естественно-научными основами (И. М. Балинский, И. П. Мержеевский), нервно-психическое опосредование реакции организма на воздействия среды и использование экспериментальных физиологических методов в целях диагностики заболеваний (С. П. Боткин).

До заграничной командировки Бехтерева в России появились в печати: «Антропологический принцип в философии» Н. Г. Чернышевского (1861), «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова (1863), «Человек как предмет воспитания. Опыт педагогической антропологии» К. Д. Ушинского (второе издание в 1971), что не могло не повлиять на становление Бехтерева как ученого.

Вслед за революционными демократами Сеченов отстаивал детерминистическое понимание психики на всех уровнях ее организации от самых простых ее форм до самых сложных, подчеркивая рефлекторную природу психического. Отсюда и вывод — если психический процесс протекает по типу рефлекса, то и методы изучения его должны быть объективными, естественно-научными. О влиянии Сеченова на научное направление Бехтерева свидетельствуют многие факты, среди которых и то, что изданные в разные годы книги Сеченова («О животном электричестве», «Очерк рабочих движений человека», «Физиология нервной системы, «Физиология нервных центров», «Физиология органов чувств. Зрение»), принадлежащие личной библиотеке Бехтерева и в последующем переданные в библиотеку Института мозга и психической деятельности, созданному в 1918 г. в Петрограде, содержат на полях сделанные Бехтеревым пометки.

Все вышеизложенное несомненно повлияло на научное направление Бехтерева в целостном подходе к изучению человека с организацией широкого фронта исследований анатомических, гистологических, нейросоматических, физиологических, невропатологических, психиатрических, психологических, педагогических и др.

В психофизиологической лаборатории велись исследования по различным видам чувствительности (зрительной, слуховой, тактильной и др.) с конструированием соответствующих приборов. Отличительной особенностью «казанского периода», охватывающего 1885—1893 гг., было применение сравнительного метода в норме и патологии. Экспериментальные данные, полученные на здоровых испытуемых, использовались при объяснении заболеваний в клинических наблюдениях. Норма психики служила своего рода «метром» в патологических случаях. Нормы психических проявлений и их развитие были необходимы для более глубокого понимания не только патологии, но и самой нормы, изменяющейся под влиянием жизненных обстоятельств.

Уже в этот период складывались такие направления в деятельности Бехтерева, которые получат обоснование в дальнейших исследованиях и их организации, как научно-исследовательская,

научно-практическая и научно-учебная. Первое направление реализовывалось в экспериментальных и теоретических исследованиях, второе — в изучении нормы и патологии психики с практическим выходом на невропатологическую и психиатрическую клинику (студенты проходили практику в окружной лечебнице), третье — подготовка научных и лечебных кадров в университете.

Сравнительный анализ данных, полученных на человеке в экспериментальных условиях и в процессе наблюдений в клинике над больными, изучение гистологических срезов мозга и патологоанатомических препаратов мозга больных после летального исхода — все это позволило изучать закономерности психики человека, превращая тем самым психологию из описательной в объяснительную, что было важно для того времени. Эти исследования легли в основу опубликованной в 1893 г. работы под названием «Проводящие пути мозга» (Казань), второе издание которой появилось под названием «Проводящие пути спинного и головного мозга» в Петербурге в 1896—1998 гг. и состояло из двух частей. Позднее появляется фундаментальный труд «Основы учения о функциях мозга», первый выпуск которого относится к 1903 г., а в последующем имели место издания с 1906 по 1910 г.

Экспериментальные исследования и клинические наблюдения позволили обнаружить связь между психическими процессами (состояниями) и соматическими заболеваниями человека. Было выявлено влияние питания мозга на психические процессы и состояние, осуществляемое механизмом кровоснабжения. Отмечалась и обратная зависимость — влияние психического на соматическое.

Генетический подход в изучении мозга позволил Бехтереву сделать вывод о том, что структурное совершенствование мозга как материального субстрата психического взаимосвязано с физиологическими процессами, с функционированием мозга и всего организма. На основе многочисленных исследований по данной проблеме, что было подтверждено и в дальнейшем, сделано два чрезвычайно важных вывода. Во-первых, развитие морфологической структуры мозга происходит в процессе жизни организма, т. е. прижизненно. Во-вторых, проявление и развитие физиологических и психических функций, связанных с морфологическим строением мозга, находится в зависимости от требований жизни.

Исследования этого направления продолжались в последующие годы, в период работы Бехтерева с 1893 г. в Военно-медицинской академии, где он возглавил кафедру нервных и душевных болезней после своего учителя И. П. Мержеевского.

И здесь продолжаются исследования мозга и психической деятельности. Изучались механизмы и пороги ощущений, мышечное чувство в пространственном восприятии, кожная чувствительность (тактильная, температурная, болевая, волосковая) и др.

Мышечное чувство, как полагал Бехтерев, представляет собой ощущение положения тела в пространстве и связано с кожными ощущениями. В восприятии пространства большая роль отводилась центральным органам равновесия, обеспечивающим положение тела в пространстве. В нормальном состоянии органы равновесия функ-

ционируют, образуя системы зрения, слуха, кожной чувствительности. Мышечные движения, в частности движения глаза, обеспечивают более точную ориентировку в пространстве. Впервые было указано на то, что слуховые ощущения, так же, как и кожные, могут быть «отнесены» во внешнее пространство.

Еще в Казани была опубликована работа «Сознание и его границы» (1888), в которой рассматриваются особенности ассоциирования представлений и переходы их из бессознательной сферы в осознанную. Сферы «ясного сознания» достигают далеко не все представления, многие остаются в сфере бессознательного, иначе говоря, составляют резерв памяти. Так, изучая динамику представлений и закономерности их ассоциирования по сходству, причине, последовательности, сосуществованию, части и целому, Бехтерев приходит к сходству и различию между ощущениями и представлениями, подчеркивая их отражательную природу.

В 1907 г. был открыт Психоневрологический институт, представлявший собой научный и учебный центр. Перед институтом стояла задача всестороннего изучения человека. Были организованы исследования по анатомии и физиологии нервной системы, морфологии мозга, нейрохирургии, невропатологии, психиатрии, психологии и педагогики. После Октябрьской революции Психоневрологический институт был реорганизован. Из него выделялись самостоятельные учебные и научные учреждения. Ныне существующий Психоневрологический институт, носящий имя В. М. Бехтерева, представляет собой научный и лечебный центр, который после его создателя многие годы возглавлял профессор В. Н. Мясищев, создатель теории отношений.

На основе многочисленных исследований, выполненных с помощью сочетательно-двигательной методики на животных и на человеке, в этот период происходит обоснование объективной психологии, представляющее собой определенный этап творческой научной деятельности Бехтерева и его учеников. Объективная психология противопоставлялась распространенной тогда субъективной психологии. «Объективная психология» появилась в печати в трех выпусках, первый из которых вышел в 1907 г., а последний — в 1910 г. В полном объеме она переиздана лишь в 1991 г.

В отличие от субъективной психологии Бехтерев определяет предмет объективной психологии как «изучение соотношения внешних воздействий с внешними же проявлениями нервнопсихики». При таком определении предмета отпадает изучение сознания, которое, как говорил Бехтерев, изучает субъективная психология с помощью интроспекции. Все психические процессы и состояния должны подвергаться объективной регистрации и контролю. Термины субъективной психологии — «внимание», «память», «мышление», «воля», «эмоции», — исходя из определения объективной психологии, были заменены терминами «репродуктивные рефлексы», «рефлекс сосредоточения», «мимико-соматические рефлексы», «личные рефлексы» и др. К символическим рефлексам Бехтерев относил выразительные движения, жесты, речь. Речь как особый вид сочетательных рефлексов была отнесена к рефлексам высшего порядка.

Продолжение идей, изложенных в «Объективной психологии», имеет место в следующем капитальном труде Бехтерева «Общие основы рефлексологии человека», первое издание которого относится к 1917 г., второе к 1923 г. и третье — к 1928 г. Все проявления психической деятельности здесь рассматриваются с позиций объективной биосоциальной теории, ограничиваясь внешними проявлениями в виде жестов, мимики, речи и др. Вместо психологических понятий введены в оборот рефлексологические: низшие и высшие рефлексы, сосредоточения, репродуктивные и др. Умственный труд характеризуется с рефлектологической точки зрения как проявление набора низших и высших рефлексов.

Дорефлексологический период научного творчества Бехтерева привлекал психологов последующих поколений — публиковались статьи, защищались диссертации. Камнем преткновения в анализе всех этапов деятельности Бехтерева оставался период объективной психологии и особенно рефлексологии, что можно объяснить противоречивостью его позиций и зачастую трудностью в синтезировании отдельных областей научных знаний. Вот один пример. Бехтерев выделяет «рефлекс сосредоточения» и говорит о нем в рефлексологии наряду с такими, как «мимико-соматический», «личные рефлексы» и др. Рефлекс сосредоточения находится на пересечении таких областей наук, как физиология высшей нервной деятельности и психология. Сосредоточение — это когда возбуждаемый центр не только сопровождается торможением других участков, но и стимулируется «сторонним раздражением». Вспомним учение Сеченова о рефлекторной природе психического, его идею относительно того, что мысль его «рефлекс без конца», иначе говоря, заторможенный рефлекс, что и было названо Бехтеревым «актом сосредоточения», как особого рефлекса, проявляющегося в виде ориентировочных движений — смотрение, прислушивание, прикосновение, принюхивание и т. д. Идея Бехтерева о рефлексе сосредоточения сродни явлению доминанты А. А. Ухтомского.

Противоречия в научном творчестве Бехтерева могут быть поняты лишь при обращении к состоянию развития наук того времени. То, что объективная психология и рефлексология возникли как науки в противовес субъективной психологии, официально признанной в России того времени, остается фактом бесспорным. В 1917 г. вышло третье издание книги А. И. Введенского «Психология без всякой метафизики», цель которой состояла в защите субъективной психологии. Рефлекс в понимании А. И. Введенского не служит механизмом, обеспечивающим связь организма со средой, а представляет собой механизм, устраняющий всякое воздействие окружающего мира на организм. На таком понимании рефлекса А. И. Введенский строит так называемую патематическую теорию воли, согласно которой человек ограничен в проявлении активности. Опасность извращений в понимании рефлекса А. И. Введенским была понята не только Бехтеревым, но и А. А. Ухтомским, который в статье «К определению рефлекса» (1921) разоблачил попытку А. И. Введенского обосновать «патематическую теорию воли». Неправильное понимание сущности рефлекса, как говорил А. А. Ух-

томский, является характерным и для некоторой части физиологов того времени. Причину этого он видел в организации экспериментов, в которых пользовались болевыми раздражителями, вызывавшими отрыв организма от него, а не сближение. Тем самым частный вывод был распространен на большинство случаев.

В разнообразных рефлексах, как отмечали Бехтерев и Ухтомский, отчетливо проявляется зависимость ответной реакции организма от особенностей действующего раздражителя. Качество раздражителя сказывается на ответной реакции. Раздражения, возникающие при соприкосновении организма с предметами, не исчезают бесследно. Для лучшего восприятия предмета, для выделения его из среды необходим в коре головного мозга акт сосредоточения, обеспечивающийся «приводно-отводным» механизмом, по Бехтереву, и повышенным очагом возбуждения или доминантой, по Ухтомскому. Сложившаяся под влиянием действующих на организм раздражителей доминанта продолжает удерживаться в мозгу довольно продолжительное время. Доминанта позволяет объяснить механизмы сосредоточения и реакции выбора. В этом отношении Бехтерев не видел различия в явлениях «акта сосредоточения» и доминанты.

Для психологии интерес представляет учение Бехтерева о рефлексах сосредоточения как механизма взаимодействия внешнего и внутреннего в процессе познания человеком мира. Рефлексы сосредоточения как внешние, так и внутренние являются подготовительными механизмами для проявления реакции. Под реакцией сосредоточения Бехтерев понимает «...тот комплекс мышечных сокращений, который ставит соответствующий воспринимающий орган в наиболее благоприятные условия для осуществления впечатления, устранив в то же время все, что могло бы в той или иной мере воспрепятствовать последнему» (Объективная психология. 1991. С. 298—299). Внешнее сосредоточение — зрительное, слуховое, осязательное. Что же касается внутреннего сосредоточения, то оно проявляется «по отношению к воспроизводимым следам этих впечатлений» (С. 300). Во внутреннем сосредоточении большая роль принадлежит внутренней речи, под влиянием которой происходит проявление внутреннего сосредоточения и его видоизменение. Сосредоточение как подготовительная реакция, утверждает Бехтерев, имеет значение в трудовой деятельности и особенно в умственном труде. Среди методов исследования сосредоточения выделяется метод корректурных таблиц, применяемый на здоровых и больных испытуемых. Активное и пассивное сосредоточение, колебание сосредоточения, влияние его на другие психические процессы, значение упражнений, влияние на мышечную работу — далеко не полный перечень вопросов, который рассматривается Бехтеревым с анализом огромного экспериментального материала, полученного в исследованиях, выполненных под его руководством. Эти исследования пока еще остаются неоцененными с позиций современной психологической науки.

Итак, на первом этапе исследований Бехтерев главным образом сосредоточил внимание на изучении структуры и функций мозга, организуя при этом и исследования психологические, поскольку

изначально ставилась задача целостного изучения человека, включая сложные явления психической деятельности. Психологические исследования казанского периода являлись органической частью комплексных исследований морфологии, гистологии, физиологии, невропатологии и психиатрии. Такого типа комплексные исследования были им организованы в созданных в дальнейшем научных учреждениях, на кафедрах и в лабораториях. Из Военно-медицинской академии вышли крупные специалисты, которые в дальнейшем возглавили самостоятельные научные направления. К ним следует отнести В. П. Осипова, М. И. Аствацатурова, М. Н. Жуковского, К. И. Поварнина, а также А. Ф. Лазурского, известного ученого в области экспериментальной психологии и характерологии.

Идеи целостного изучения человека в дальнейшем получили воплощение в организации исследований в Психоневрологическом институте, в выступлении по поводу открытия которого Бехтерев сказал: «Познать человека — девиз, который может наполнить сердца любовью там, где стыла кровь, может оживить человеческую мысль, где она глохла, может зажечь огонь в груди и увлечь на подвиги там, где была одна пассивность и равнодушие, познать человека в его высших стремлениях, в идеалах истины, добра и красоты... познать и изучить нервного и душевнобольного, чтобы облегчить его страдания. Познать все это — не значит ли разрешить самые больные и жгучие вопросы общественной жизни». Эти слова в одинаковой степени относятся и к открытию другого научного учреждения, Института мозга и психической деятельности.

Институт по изучению мозга и психической деятельности был открыт в 1918 г. в Петрограде. Главной особенностью его в отличие от существовавших в то время учреждений подобного типа в Москве и за рубежом являлось всестороннее целостное изучение человека в норме и патологии. Деятельность института была определена в трех направлениях: научно-исследовательском, научно-практическом и научно-учебном.

В первом направлении — организация системы научных исследований, исходя из единых подходов и методов целостного изучения человека. Во-втором — установление органической связи науки с практикой: научное обоснование воспитания и образования, изучение школьников, воспитание нормальной и дефективной личности. Сюда входила связь с системой здравоохранения: научное обоснование лечебных и профилактических мер по охране здоровья ребенка. Связь с производством — организация работы по профотбору, профконсультации для школ и предприятий, изучение эффективности труда, установление различных форм научной организации физического и умственного труда.

В третьем направлении — подготовка научных кадров через аспирантуру для вузов, техникумов, культпросветительной работы.

В институте было образовано шесть отделов: морфологии, физиологии, нервных процессов, рефлексологии, дефектологии, развития, труда.

Отдел морфологии (зав. Л. Я. Пинес) состоял из отделений анатомии и гистологии нервной системы и экспериментальной

невропатологии. В отделе ставились задачи всестороннего изучения как вегетативной нервной системы, так и центральной. Особое внимание уделялось коре головного мозга и проводящим путям центральной нервной системы. В целях изучения использовались методы: нормально-анатомический, патолого-анатомический, экспериментально-патологический.

Отдел физиологии нервных процессов (зав. проф. Л. Л. Васильев) состоял из отделений нейрофизиологии, нейрофизики и нейрохимии. В отделе изучали основные нервные процессы, раздражение токами действия, электрокинез, химическую статику и динамику нервной клетки и нервного волокна, утомление и парабиоз и др.

Отдел рефлексологии (зав. проф. В. Н. Мясищев) состоял из четырех лабораторий: общей рефлексологии (зав. А. Л. Шнирман), индивидуальной рефлексологии (зав. В. Н. Мясищев), возрастной рефлексологии (зав. В. Н. Осипова), коллективной рефлексологии (зав. В. М. Ланге).

В лаборатории общей рефлексологии изучали общие механизмы сочетательно-рефлекторной деятельности человека, возникновение сочетательного рефлекса, его угасание и дифференцировку, взаимодействие эффекторных аппаратов в дифференцирующей деятельности центральной нервной системы, эффекторные функции в элементарном трудовом процессе и др.

В лаборатории индивидуальной рефлексологии изучали индивидуальные проявления сочетательно-рефлекторной деятельности в их связи с конституционными особенностями и особенностями поведения, что явилось основанием для разработки рефлексологических типов.

В лаборатории возрастной рефлексологии изучали выработку сочетательных рефлексов у детей разного возраста в зависимости от различных раздражителей, процесс дифференцировки в зависимости от преобладания возбуждения или торможения, процесс сосредоточения, следовые рефлексы, механизмы и формы речевых рефлексов у детей с установлением моторных профилей по возрастам (В. Н. Осипова, А. В. Ярмоленко).

В лаборатории коллективной рефлексологии изучались поведение личности в коллективе, различие между индивидуальной и совместной работой, влияние коллектива на личность и личности на коллектив.

Отдел дефектологии (зав. проф. А. С. Грибоедов), основной задачей которого было всестороннее изучение ребенка с отклонениями и выработка методов лечения, обучения и воспитания, состоял из двенадцати подразделений или секций: рефлексологическая, сколометрии и ментиметрии, умственной отсталости, трудновоспитуемости, социогении, тифлопедологии, сурдопедологии, клиническая, биохимическая, терапевтическая, конституциональная, профпригодности и профориентации.

Отдел развития (генетическая рефлексология) (зав. Н. М. Щелованов) занимался изучением физического и умственного развития ребенка, этапов развития детей от рождения до года, выработкой сочетательных рефлексов, дифференциации цветов и форм, возрастных и индивидуальных особенностей голосовых реакций и др.

Отдел труда (зав. проф. В. П. Осипов) состоял из двух лабораторий: гигиены труда, профориентации и профотбора.

В лаборатории гигиены труда (зав. проф. В. П. Кашкадамов) изучали утомление, вызванное физическим и умственным трудом. С этой целью разрабатывались программы, позволяющие обнаружить наступление утомления. Изучались внешние факторы, влияющие на утомление, а также режим труда в сочетании с отдыхом. Учитывались антропометрические и физиологические показатели индивида.

Лаборатория профориентации и профотбора (зав. А. Ф. Кларк) занималась разработкой рациональных схем изучения профнаправленности, выявлением зависимости профнаправленности от социально-экономических условий. Изучались проблемы рационализации методов профобразования, психотехнического обследования и профессиографической работы.

Как видно из структуры института, исследования велись в направлении всестороннего изучения человека с широким сопоставлением данных, получаемых в разных отделах и лабораториях от морфологии и гистологии мозга до личности и коллектива.

В первом издании книги «Объективная психология» (1907) содержится примечательная мысль Бехтерева относительно экспериментальной психологии, по поводу которой он говорил: «...названием экспериментальной психологии отмечается в сущности собрание тех психологических знаний, которые исследуются путем эксперимента. Здесь, следовательно, нет специального предмета исследования, а имеется лишь особый метод» (С. 8). Употребление названия «экспериментальная психология», как полагает Бехтерев, равнозначно названию «наблюдательная или эмпирическая психология». Несмотря на это замечание, можно считать Бехтерева ученым, который внес большой вклад в развитие генетической психологии и педагогики, что можно проиллюстрировать на примере организации исследований, проводимых на детях как в Психоневрологическом институте, так и в Институте мозга и психической деятельности. Основания для этих исследований были подготовлены ранее проводившимися исследованиями по общей психологии в области видов чувствительности и личности в норме и патологии.

После реорганизации Психоневрологического института выделился Педологический институт, а в Институте мозга и психической деятельности успешно велись исследования в отделе развития. Эти учреждения и явились центрами, в которых продолжалось развитие генетической психологии и педагогики. Большой вклад в это направление исследований внес ученик А. Ф. Лазурского М. Я. Басов. В исследованиях, которые проводились в отделе развития над детьми от рождения, психика изучалась в зависимости от состояния нервной системы, изучались взаимосвязь познавательных и двигательных функций, речь, эмоции. Исследованиями Н. М. Щелованова, М. П. Денисовой, Н. Л. Фигурина установлено, что развитие движений и действий ребенка происходит под влиянием зрительных и слуховых раздражений. Зрительный и слуховой анализаторы развиваются раньше двигательного. Контакт раздражителя с кожной

поверхностью ладони у новорожденного вызывает стереотипные хватательные движения. С развитием чувствующей сферы ребенка начинают наблюдаться изменения в проявлении хватательного рефлекса. Длительный контакт с предметом осуществляется прежде всего под контролем зрения. На основе тактильного подкрепления возникает стремление ребенка к предметам, находящимся на расстоянии. Значительные изменения в хватательном рефлексе происходят в возрасте от 2,5 до 4 месяцев. Эти изменения связаны с развитием зрения. На основе тактильного подкрепления возникает стремление ребенка к предметам, находящимся на расстоянии.

У новорожденных отсутствуют обособленные движения, появляются они позднее. Физиологический механизм ранней специализации в работе пальцев руки представляется в виде дифференцировочного торможения, возникающего в виде мышечных подкреплений в действиях, приводящих к нужному результату. В дальнейшем развитие двигательных дифференцировок происходит в процессе подражания ребенка действиям взрослых или при их прямом обучающем воздействии. Оценка движения, как правильного со стороны взрослых, служит подкреплением вырабатываемых двигательных связей.

Изучая процесс дифференцировки у детей 7 месяцев, М. П. Денисова и Н. Л. Фигурин установили, что возможность зрительного выбора связана с процессом сосредоточения. При показе ребенку двух объектов возникает сосредоточение сначала на одном из них, а затем на другом. Быстрее возникает сосредоточение на знакомом объекте, чем на незнакомом. В сосредоточении можно усмотреть проявление любознательности и потребности во внешних впечатлениях. Выделение предметов из среды начинается при ненамеренном прикосновении к предмету, что наблюдается в 2 месяца. В результате такого прикосновения устанавливается связь между зрительным, слуховым, кожным и двигательным анализаторами. Появление целенаправленных действий связано с усложнением связей между указанными анализаторами. Действующий раздражитель, вызывающий сосредоточение, должен быть умеренной силы (Р. Я. Лехтман-Абрамович), что должно быть отнесено, как нам кажется, не только к дистантным видам чувствительности, но и к контактным.

Рассматривая вопрос о распаде безусловного хватательного рефлекса, исследователи отмечали, что в афферентную часть рефлекса с его контактной рецепцией вклинивается гораздо более высокий уровень «предупредительной» рецепции — работа зрительного и слухового анализаторов. Тактильная чувствительность в единстве с движением проявляется как осязание, формирующееся под влиянием зрения. Еще Сеченов в свое время указывал на связь зрения с осязанием.

Тактильные ощущения в первые недели жизни ребенка выступают в качестве безусловных сигналов недифференцированных хватательных движений. Однако не только зрительные восприятия, но и зрительные представления способствуют расчленению глобального тактильного ощущения. Первоначальное врожденное отношение между тактильным ощущением и движением, выражающееся по типу «стимул—реакция», развивается по пути образования тактильно-

двигательного единства двух анализаторов в осязании. Связь тактильных ощущений с двигательными обеспечивает сохранение в памяти предметных движений, составляющих основу действий. Дополнительный зрительный контроль за движениями создает предпосылки для перевода зрительно воспринимаемых ребенком предметных движений взрослых в самостоятельную репродуктивную деятельность. Кроме того, зрение делает возможным предварительную подготовку мышечного аппарата к будущему действию с воспринимаемым на расстоянии предметом. На основе полученных данных о генезисе познания и действий ребенка Н. М. Щелованов делает вывод о том, что взаимосвязанное функционирование зрительного и слухового анализаторов является необходимым условием для проявления обособленных движений ребенка. При отсутствии внешних раздражителей (зрительных, слуховых), действующих на эти анализаторы, развитие движений и действий ребенка задерживается. Действие может возникнуть только тогда, когда появляется внешняя причина, побуждающая к действию (Некоторые отличительные особенности в развитии нервной деятельности человека, по данным сравнительного изучения ранних стадий онтогенеза. 1926). Этот факт был отмечен П. Ф. Лесгафтом еще в 1910 г. («Семейное воспитание ребенка и его значение»). Отсутствие внешнего стимула ведет к невозможности действовать.

Эти исследования были подтверждены Н. И. Красногорским на основе выработки сочетательно-двигательных, а позднее — условных рефлексов у ребенка. По результатам этих исследований не все анализаторы коры головного мозга ребенка начинают функционировать одновременно и в одинаковой степени. В течение первого года жизни ребенка двигательный анализатор функционирует неточно, потому что нет еще достаточного анализа двигательных импульсов. Во второй половине первого года удается образовать условные рефлексы со всех анализаторов. Однако устойчивая функциональная связь между анализаторами появляется значительно позднее.

Н. И. Красногорский придавал исключительную роль речи в развитии произвольных действий ребенка, что замечено уже во второй половине первого года жизни ребенка. Движения начинают совершаться на основе следовых рефлексов, что свидетельствует о сохранении представлений. Этот уровень мотивации удерживается у ребенка до начала овладения активной речью.

Формирование активной речи вносит новый принцип в регуляцию действий. Самостоятельная речь, связанная с обобщенными знаниями о предметах, свидетельствует о наличии соотнесения слова с наглядными образами предметов, которые этим словом обозначаются. Если в пассивной речи слово выступает в основном как слуховой раздражитель, то теперь ребенок становится хозяином желаемой цели. Эти исследования были обобщены Бехтеревым и опубликованы в 1925 г. (В. М. Бехтерев, Н. М. Щелованов. К обоснованию генетической рефлексологии). На одних и тех же детях изучались не только психические процессы и движения, но и эмоции, произвольные действия, речь. Эмоциональная сфера ребенка рассмат-

ривалась как система сложных мимико-соматических рефлексов. Изучались мимические движения, дыхание, сердечно-сосудистая система организма ребенка, физиологическое состояние ребенка в условиях бодрствования и сна.

Итак, исследования по раннему детству, проводимые по программе Бехтерева, имеют большое значение для развития не только детской психологии, которая в дальнейшем будет развиваться как отрасль психологической науки, но и как основа генезиса сознания человека, прежде всего единства познания и действия. Кроме того, эти исследования проливают свет в методологию комплексных исследований целостного изучения человека, в процессе онтогенеза и жизненного пути. О значении этих исследований, оценивая их как величайшее достижение науки, Б. Г. Ананьев пишет: «В отечественной психологии систематические генетико-психологические исследования начаты В. М. Бехтеревым и Н. М. Щеловановым в клинике-лаборатории раннего детства, где впервые был разработан метод длительного изучения одних и тех же детей, охватывающий весь период детства. Этим фактически было положено начало методу, носящему в настоящее время название лонгитюдинального». (Человек как предмет познания. С. 128).

В 1921 г. появилась в печати содержательная по объему «Коллективная рефлексология», переизданная в 1994 г. в серии избранных работ по социальной психологии. Несмотря на рефлексологический подход к рассмотрению социальных влияний на человека и подведения законов развития природы к условиям общественной жизни, Бехтерева можно рассматривать как одного из основоположников отечественной социальной психологии. В книге содержится обобщение ранее опубликованных работ, сообщений и докладов по вопросам взаимовнушения, взаимоподражания, коллективном творчестве, коллективных действиях, жизнеспособности человека, проявляемой под влиянием социальных условий. Интерес представляют взаимоотношение личности и общества, роль общества в развитии личности, что также проливает свет в целостное изучение человека.

После преждевременной смерти В. М. Бехтерева, последовавшей в 1927 г., возглавлял Институт мозга заслуженный деятель науки, профессор В. П. Осипов, сторонник идеи целостного изучения человека и организатор исследований этого направления вплоть до закрытия института в 1948 г.

В 30-е гг. успешно велись исследования в секторе психологии, возглавляемом Б. Г. Ананьевым. Соответственно задаче комплексного изучения человека в институте функционировали секторы: морфологии нервной системы, физиологии нервной системы, физиологии центральной нервной системы, психологии, психопатологии. С изменением структуры исследовательских подразделений отделение развития прекратило существование.

В секторе психологии было четыре лаборатории: по изучению чувствительности (зав. Н. К. Гусев), по психофизиологии цветоощущения (зав. Б. Н. Компанейский), зрительного восприятия (зав. В. Н. Осипова), представлений (зав. А. В. Веденов).

В секторе психологии выполнялись экспериментальные исследования по изучению зрительных ощущений и восприятий, в частности восприятии ахроматических цветов (В. Н. Осипова), изменение восприятия цвета на расстоянии (Б. Н. Компанейский, Р. А. Каничева), зависимости восприятия величины предмета от его формы (Р. А. Каничева, А. И. Зотов), роли представлений в динамике тактильной и болевой чувствительности (З. М. Беркенблит, А. Н. Давыдова). Изучались процессы памяти (Н. М. Карпенко, П. Г. Сапрыкин, М. Я. Полякова), переход единичных представлений к общим (А. В. Веденов), роль представлений в зрительно-моторной координации (Л. А. Шифман), звуковысотная чувствительность (В. И. Кауфман, С. Е. Драпкина).

В секторе психопатологии, с которым в тесном контакте велись исследования сектора психологии под руководством В. Н. Мясищева, изучались явления психосоматических переключений, электрокожных характеристик человека, аффективно-волевые расстройства и их влияние на память, мышление, работоспособность, связь воли с темпераментом, формирование и воспитание характера. Вопросы сравнительной психологии изучались учеником зоопсихолога В. А. Вагнера — Г. С. Рогинским, который заведовал музеем эволюции мозга и психической деятельности при институте.

Результаты исследований нашли отражение в публикациях, главным образом в сборниках «Труды Института мозга». Итоги исследования по истории психологии были завершены подготовкой и защитой докторской диссертации Б. Г. Ананьева «Развитие русской психологической науки в XVIII и XIX вв.».

Традиции целостного изучения человека сохранились в последующие годы развития психологии в ленинградской школе психологов, возглавляемой Б. Г. Ананьевым, но это уже другая история.

ВОЕННО-МЕДИЦИНСКАЯ АКАДЕМИЯ КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ В. М. БЕХТЕРЕВА

Проф., д. мед. наук Г. М. Яковлев,
проф., д. мед. наук В. И. Шостак

Более 30 лет, причем наиболее активных, жизни и деятельности Владимира Михайловича Бехтерева связаны с Императорской Военно-медицинской (до 1881 г. — медико-хирургической) академией. Сюда он пришел в неполные семнадцать лет, здесь он стал врачом, сделал первые шаги в науке, стал всемирно известным ученым, поражающим широтой своих интересов и исследований. Это функциональная морфология нервной системы, невропатология, психиатрия, нейрохирургия, психология, работы философской и публицистической направленности.

Императорская Медико-хирургическая академия, студентом которой в 1873 г. стал юный В. Бехтерев, представляла собой в то время самый крупный в России центр по подготовке врачебных кадров. По данным 1878 г., в академии обучалось около 35% общего числа медиков страны.

МХА ведет свое начало по существу от госпитальных школ, созданных в 1733 г. при Адмиралтейском и Военно-сухопутных госпиталях, развернутых по берегам Невы на Выборгской стороне по указу Петра I, являясь, таким образом, старейшей высшей медицинской школой нашей страны. Реформы, начатые в конце 50-х гг. прошлого века президентом академии Петром Александровичем Дубовицким, подняли академию на уровень передовых учебных заведений Запада с рядом оригинальных направлений в учебной, научной и лечебной работе. Его ближайшими соратниками были известные профессора вице-президент И. Т. Глебов и ученый секретарь конференции Н. Н. Зинин. В 60—70-е гг. в академию пришли И. М. Балинский, А. П. Бородин, С. П. Боткин, А. П. Доброславин, В. А. Манассейн, И. П. Павлов, М. М. Руднев, И. М. Сеченов. К концу XIX в. число кафедр и клиник достигло 33. В 1872 г. был открыт «Особый женский курс для образования ученых акушерок». Развивалась и совершенствовалась материально-техническая база. При академии были созданы естественно-исторический (1863), анатомо-физиологический (1871) и клинический (1874) институты.

В то время Медико-хирургическая академия подчинялась Военному министерству и предназначалась «для образования врачей, ветеринаров и фармацевтов военного и морского ведомств». Однако из полутора тысяч студентов только 200, самые лучшие и по их желанию, с 3-го курса получали стипендию Военного министерства, связывая тем самым свое будущее с военной службой. Так называемые «своекоштные студенты» обучались полностью за свой счет. Плата за обучение составляла 25 рублей за семестр.

Лица, «заявившие соглашение» проработать после окончания академии 2 года в военном ведомстве, от оплаты освобождались в течение всего периода обучения. Таким был и В. М. Бехтерев.

Академия того периода, лишенная всяких сословных ограничений, была одним из самых либеральных и демократичных учебных заведений России, что особенно привлекало талантливую молодежь, не имеющую возможности в силу социальных и материальных ограничений поступить в университеты, особенно столичные.

Поступление В. М. Бехтерева в академию было в известной степени случайным и некоторым образом результатом счастливого стечения обстоятельств. Согласно реформе образования 1872 г. вводился дополнительный (восьмой) год обучения в гимназиях и аттестат зрелости. Это полностью разрушало планы юного Бехтерева. В 1873 г. он оканчивает только 7-й класс, и мечты о естественном факультете Казанского университета откладывались на год. Случайно Владимир узнает, что Медико-хирургическая академия в этом году принимает и без аттестата зрелости. На размышления и сборы остается только один день. И вот, 30 августа, в последний день приема документов Бехтерев появляется перед секретарем и с ужасом узнает, что по действующему положению в академию принимают лиц не моложе 17 лет. Его судьба счастливо разрешается начальником академии, крупным ученым в области гигиены и судебной медицины, выдающимся историком медицины, профессором Яковом Алексеевичем Чистовичем. Выслушав просьбу юноши дать ему возможность стать вольнослушателем (а это означало, что через год он вообще теряет право поступать в академию), «суровый» Я. А. Чистович «прощает» Бехтереву недостающие пять с небольшим месяцев и разрешает сдавать вступительные экзамены. Так случилось, что его внук, профессор Андрей Сергеевич Чистович, был в известной степени учеником В. М. Бехтерева и возглавлял в 50-х гг. (конечно, нашего столетия) кафедры психиатрии Военно-морской медицинской и Военно-медицинской академий.

И вот вступительные экзамены позади! В неполных семнадцать — студент всемирно известного учебного заведения. Да, это не университет, но изучение естествознания и здесь поставлено очень серьезно. Первые два года этому посвящены практически полностью. Но чрезвычайное напряжение не прошло бесследно. Бехтерев попадает в клинику нервных и психических болезней, где его осматривает директор и основатель этой клиники профессор Иван Михайлович Балинский. Так состоялось знакомство психиатра отечественной психиатрии и его ближайшего преемника.

И еще одна счастливая случайность. Его лечащим врачом оказывается недавний выпускник академии, врач-практикант из Киева — Иван Алексеевич Сикорский. Тесная дружба свяжет будущих профессоров, конец которой положит драматическая ситуация по делу Бейлиса. А пока интереснейшие беседы пациента с диагнозом Hallucinationes Exaltati maniaca и его лечащего врача. Значительно позднее в своей автобиографии В. М. Бехтерев это заболевание обозначил как неврастения. На всю жизнь запомнились слова И. А. Сикорского о том, что без должных знаний о строении и функциях мозга невозможно достигнуть должных результатов в клинике. Textura obscura, functiones obscurissimae — строение темно, функции наитемнейшие.

Учеба в академии захватила В. М. Бехтерева. Его исключительные способности в сочетании с очень благоприятной атмосферой, в которой находились и профессура, и студенчество, позволили не только получить громадный объем сведений по естествознанию и медицине, но и творчески осмыслить его. Однако решение, какой именно областью врачебной деятельности стоит заняться, пришло не сразу. Только на 4 курсе проявился особый интерес к изучению нервных и психических болезней. В своей автобиографии он писал: «Эта специальность мне казалась из всей медицинской науки того времени наиболее тесно связанной с общественностью и, кроме того, увлекала вопросами познания личности, связанными с глубокими философскими и политическими проблемами, и это решило мой выбор».

Психиатрическая кафедра при академии была создана в 1857 г. по инициативе президента академии П. А. Дубовицкого. Для организации кафедры был приглашен молодой энергичный военный врач И. М. Балинский. Лечебная база была представлена отделением 2-го Военно-сухопутного госпиталя, располагавшегося в двух деревянных бараках на Ломанском переулке (ныне ул. Комиссара Смирнова). По словам И. П. Мержеевского — непосредственного преемника И. М. Балинского, это была «...трущоба, в которой сплелись человеческие несчастья и жестокость и в которой свило себе гнездо медицинское невежество».

И Россия в этом отношении была не исключением. Психиатрия только завоевывала себе место в медицине. Первая психолечебница «Bedlam Hospital», открытая в 1700 г. в Лондоне, не случайно стала основанием для нарицательного смысла ее названия. Только лишь в конце XVIII в., как следствие Великой французской революции, главный врач приюта для умалишенных в Бисетре Ж. Пинель добился запрещения негуманных способов обращения с душевнобольными.

И. М. Балинский добился организации и открытия первой в России Клиники душевных болезней, которая теперь размещалась в первом крыле главного здания академии на Нижегородской ул., д. 6 (ныне ул. Лебедева, 6), на 100 коек. Возглавивший после него кафедру и клинику И. П. Мержеевский стал главным учителем В. М. Бехтерева.

Молодой, с развитым чувством чести и справедливости Бехтерев становится одним из организаторов протеста студентов академии в 1874 г. против профессора кафедры физиологии И. Ф. Циона, у которого в то время работал молодой И. П. Павлов и к которому он относился с глубоким почтением. Пожалуй, это был первый инцидент, который положил начало личной неприязни между двумя гигантами русской науки, которую прервала только смерть младшего из них. Бехтерев становится активным участником студенческих демонстраций в декабре 1876 г.

В мае 1877 г. В. М. Бехтерев в составе немногочисленного медицинского отряда, организованного братьями Рыжковыми, отправляется на русско-турецкую войну, прерывая учебу до осени. Участие в боевых действиях оказало очень сильное влияние на его гражданское и врачебное становление. По возвращении он с приступом трехдневной лихорадки попадает в клинику знаменитого С. П. Боткина, одного из наиболее активных в России проводников принципов нервизма в медицине.

Получив в 21 год лекарский диплом, В. М. Бехтерев оказался среди трех выпускников, окончивших курс с лучшими оценками, что давало право участвовать в конкурсе для зачисления в «профессорский институт», готовивший научно-педагогические кадры (аналог современной аспирантуры). Экзамен (написание сочинения на заданную тему — «Лечение чахотки») успешно выдержан. Зачисление в институт сопровождалось прикомандированием к Клиническому военному госпиталю. Складывались самые благополучные условия и для практического усовершенствования, и для научной работы.

Результатом этих трех лет явилась защита 4 апреля 1881 г. диссертации на степень доктора медицины на тему: «Опыт клинического исследования температуры тела при некоторых формах душевных заболеваний». Даже и теперь эта работа представляет большой интерес. Она, по существу, явилась вступлением в его весьма многоплановые исследования по изучению функции коры головного мозга, в частности, представительства в ней вегетативных функций. И уже в ней отчетливо просматривается одно из основных направлений его деятельности в психологии — объективного изучения психики.

По завершении института и после успешной защиты докторской диссертации В. М. Бехтерев получает право на соискание звания приват-доцента. Как соискатель на заседании Конференции академии он прочитал две пробные лекции и в результате получил искомое звание. После этого ему было разрешено чтение лекций по диагностике нервных болезней студентам пятого курса, а с марта 1881 г. — он на должности младшего врача психиатрической клиники.

Выпускники профессорского института после защиты диссертации имели право участвовать в конкурсе на заграничную командировку для дальнейшего совершенствования знаний. Это была очень добрая традиция в России того времени, благодаря которой талантливые молодые ученые могли без всяких ограничений, за казенный счет

посетить в лучшие лаборатории Европы и поработать там, а по возвращении организовывать педагогику и науку на мировом уровне. Единственной «обременительной» обязанностью было один раз в полгода сообщать адрес, по которому можно было выслать причитающиеся деньги. Бехтерев этой возможностью воспользовался в полной мере. Правда, не без небольшого инцидента. Среди претендентов в том году был и И. П. Павлов, но выбор пал не на него...

Только в 1893 г. В. М. Бехтерев вернулся в академию, имея за плечами знакомство с лучшими европейскими лабораториями и клиниками, профессорство в Казанском университете. Несмотря на для его положения молодой возраст, уже накоплен большой клинический и экспериментальный опыт, опубликовано более 150 работ, реализованы смелые замыслы. Но планы были еще более дерзновенные.

Однако и в самой академии произошли существенные изменения. В соответствии с реформой 1881 г. Императорская Военно-медицинская академия (с этого года таково ее название) полностью подчиняется военному укладу жизни и деятельности. К этому трудно было приспособиться вольнолюбивому студенчеству и профессуре. Однако интересы дела обусловливали неизбежность компромиссов. Статский советник (но в полковничьем мундире) В. М. Бехтерев возглавил кафедру психиатрии и клинику нервных и душевных болезней, сменив на этой должности своего учителя И. П. Мержеевского. Клиника к этому времени получила вновь специально построенное здание (ныне Боткинская ул., 17). Одновременно Бехтерев с 1897 г. возглавляет кафедру нервных и душевных болезней во вновь открытом Женском медицинском институте. Проявив большую настойчивость и энергию, он добивается строительства здания для клиники нервных болезней на Нюстадской ул., 2 (ныне Лесной пр., 2), где, по существу, впервые в мире открывается нейрохирургическое отделение. Таким образом, на базе академии к 1897 г. В. М. Бехтеревым создается уникальная клиническая база — психиатрия, невропатология и нейрохирургия, а также великолепная экспериментальная база — анатомическая лаборатория для изучения строения центральной нервной системы, физиологическая лаборатория, изучающая функции нервной системы, лаборатория экспериментальной психологии. Везде кипит работа, и везде непременно непосредственно участвует сам В. М. Бехтерев. Поистине поразительны целеустремленность, работоспособность, гигантский интеллект.

Как несомненное признание его научных заслуг было предложение прочитать актовую речь 18 декабря 1897 г. «Роль внушения в общественной жизни», которая вышла отдельным дополненным изданием в 1903 г. Это было признание и науки, которую он представлял, ведь психиатрия как область клинической медицины отмечала свое 100-летие. В 1899 г. В. М. Бехтереву было присвоено звание академика Военно-медицинской академии.

В. М. Бехтерев и по своим гражданским убеждениям, и в связи с проблемой психического здоровья населения страны всегда проявлял повышенный интерес к событиям общественной жизни.

И его позиция не всегда совпадала с официальной точкой зрения, что порождало и житейские, и служебные сложности, но он всегда оставался честным и принципиальным. Именно поэтому в тревожные дни 1905 г., когда внезапно умер начальник академии, конференция избрала его на эту должность исполняющим обязанности, но занять которую постоянно Бехтерев категорически отказался.

Осенью 1913 г. он был приглашен в качестве эксперта по делу Бейлиса, которое имело явную национал-шовинистическую подоплеку. Заключение В. М. Бехтерева расходилось с официальной версией, и, как выяснилось значительно позже, он оказался прав.

Академия — самый значительный и по продолжительности, и по эффективности этап в жизни и деятельности В. М. Бехтерева. За этот период им опубликовано около 400 научных работ (из общего числа 650), под его руководством выполнено более 90 диссертационных исследований. Более 1000 врачей прошли усовершенствование в его клинике.

В это же время (1907) он создает уникальное лечебное, учебное и научное учреждение — Психоневрологический институт (носящий теперь его имя), где В. М. Бехтерев сконцентрировал свою деятельность после увольнения из академии (по выслуге лет) в 1913 г. с оставлением за ним всех прочих должностей и чина тайного советника.

В академии сформировались и основные направления научной деятельности Владимира Михайловича, которые поражают своей широтой и результативностью. Большинство работ не утратило своей научной и фактологической актуальности и в настоящее время.

К числу фундаментальных за академический период * можно отнести его работы по анатомии и физиологии центральной нервной системы: «К физиологии равновесия тела» (1883); «Физиология двигательной области мозговой коры» (1887); «О локализации сознательной деятельности у животных и человека» (1896); «Проводящие пути спинного и головного мозга» (1896—1898); «Теория образования наших представлений о пространстве» (1898), фундаментальное руководство в семи томах «Основы учения о функциях мозга» (1903—1907). Вполне обоснованно в то время говорили: «Кто знает мозг? Бог и Бехтерев».

Громаден его вклад в невропатологию и психиатрию. Тем более что он развивал их на единой методологической основе. За этот период были опубликованы: «Нервные болезни в отдельных наблюдениях» в двух томах (1894—1899); «Невропатологические и психиатрические наблюдения» (1900); «Лечебное значение гипноза» (1900); «Сифилис центральной нервной системы» (1902); «Гипноз, внушение и психотерапия и их лечебное значение» (1911); «Охрана детского здоровья» (1911); «Общая диагностика болезней нервной системы» (1911—1915); «Основные задачи психиатрии как объективной науки» (1912).

---

* С некоторым ущербом в научной логике нижеперечисленные работы приведены в хронологической последовательности.

Еще подлежат осознанию его исследования по психологии: «Психика и жизнь» (1902); «Внушение и его роль в общественной жизни» (1903); «Личность и условия ее развития и здоровья» (1905); «Объективная психология» (1907—1910); «Объективное исследование нервно-психической деятельности» (1908); «Задачи и методы объективной психологии» (1909); «Вопросы воспитания в возрасте первого детства» (1909); «Вопросы общественного воспитания» (1909); «Первоначальная эволюция детского рисунка в объективном изучении» (1910); «Предмет и задачи общественной психологии как объективной науки» (1911); «Объективно-психологический метод в применении к изучению преступности» (1912); «Внушение и воспитание» (1912); «О развитии нервно-психической деятельности в течение первого полугода жизни ребенка» (1912).

Нам приходится только сожалеть, что бóльшая часть его работ — библиографическая редкость...

На протяжении академического (имея в виду Военно-медицинскую академию) периода жизни и деятельности В. М. Бехтерева его взгляды относительно природы психики претерпели существенные изменения. Это естественное следствие стечения обстоятельств, случайных и вполне закономерных, которые повлияли на этот процесс. На фоне юношеской увлеченности естествознанием обучение в академии оказало решающее влияние на формирование его материалистического мировоззрения. Именно с таких позиций он стремился понять патологию нервной системы и психики. Это неизбежно приводит к необходимости поиска морфофункционального субстрата душевных явлений. Влияние В. Вундта проявилось в осознании экспериментального подхода как единственного принципа в познании природы психики. Для этого у В. М. Бехтерева были блестящие возможности. В его распоряжении не только анатомическая, физическая и психологическая лаборатории, но и богатейший клинический материал — его пациенты во всем многообразии неврологической и психической патологии, а также нейрохирургическая операционная. Все это в целом и обусловило принцип комплексности исследования, который так уникально присущ Бехтереву. Однако несмотря на громадные разрешающие возможности комплексного подхода, по крайней мере в то время, раскрыть природу в необходимой степени всего разнообразия психической деятельности не удается. Это и обусловливает переход к рефлексологическому принципу в психологии, который характерен для заключительного этапа деятельности Владимира Михайловича, и вместе с этим — поведенческое направление в психологии. И хотя это часто рассматривается как внутренняя противоречивость, представляется, что эти два направления не только не взаимоисключающие, а напротив — взаимообогащающие.

И в студенческие годы, и в годы профессорства В. М. Бехтереву была присуща особая острота социального восприятия. Это наложило отпечаток не только на его гражданскую позицию, но и на понимание психических феноменов, генез психопатологии. Преодолев биосоциальный дуализм, В. М. Бехтерев четко формулирует тесную взаимосвязь биологического и социального, взаимосвязь, переходя-

щую в их единство при формировании психики. В этом отношении Бехтерев опередил время, в которое он жил.

Бехтерев и как врач, и как ученый при жизни имел чрезвычайную, легендарную популярность. В сочетании с его демократизмом и либерализмом он был открыт всем. Очень отчетливо понимая в психике единство биологического и социального, он был уверен в бессмертии человеческой личности, социальном бессмертии. Личность Владимира Михайловича Бехтерева, человека и гражданина, ученого и учителя, врача и мыслителя тому очевидное свидетельство.

Жизнь и деятельность двух гигантов науки В. М. Бехтерева и И. П. Павлова прошла в тесном соприкосновении. Есть основания полагать, что между этими двумя честными, прямыми, принципиальными, темпераментными людьми была и личная неприязнь, и разногласия по научным вопросам. Спустя 70 лет после смерти младшего из них — Владимира Михайловича (И. П. Павлов был почти на 8 лет старше и умер на 9 лет позже), теперь это представляется как творческая дискуссия, заставлявшая многократно перепроверять экспериментальные данные, оттачивать теоретические построения. Кому принадлежит приоритет в открытии одного из важнейших проявлений психики — научения? Как правильнее — сочетательный рефлекс или условный рефлекс? Может ли двигательный рефлекс быть использован для изучения психики человека, как слюноотделительный рефлекс при исследовании высшей нервной деятельности собаки? В итоге — крупнейшее достижение мировой науки, несомненный приоритет отечественной психологии и физиологии в открытии способов объективного изучения психики.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Директор издательства:
О. Л. Абышко

Главный редактор:
И. А. Савкин

Ответственные редакторы:
Г. С. Никифоров
Л. А. Коростылева

Художественный редактор:
О. А. Грызлова

Редакторы:
Н. П. Дралова
Н. М. Баталова

Корректор:
Л. Ю. Румянцева

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927)
Избранные труды по психологии личности. Том второй.
Объективное изучение личности.

ИЛ № 064366 от 26. 12. 1995 г.

Издательство «Алетейя»:
193019, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской обороны, д. 13
Телефон издательства: (812) 567–2239
Факс: (812) 567–2253

Сдано в набор 18. 12. 1997 г. Подписано в печать 20. 01. 1999 г.
Бумага офсетная. Формат 60×88 1/16. Печать офсетная. Объем 18 п. л.
Тираж 2000 экз. Заказ № 3024.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Printed in Russia